

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 4(30)

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА
ПОЛИТИКА
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
ТЕМА НОМЕРА
СНГ
РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЙ СЕМИНАР
ПУБЛИКАЦИИ
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

EDITOR'S PAGE
POLITICS
FOREIGN AFFAIRS
NATIONAL SECURITY
IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION
THE ISSUE' MAIN TOPIC
CIS
THE RUSSIAN-GERMAN SEMINAR
PUBLICATIONS
NOTES ON A BOOK'S MARGINS

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

Журнал аналитических материалов

Учрежден Институтом стратегических оценок и анализа

Издается при поддержке ЗАО «Северстальтранс»

и Бюро социально-экономической информации

Выходит один раз в квартал

Главный редактор,

Председатель Совета – **Вагиф Гусейнов**, директор Института стратегических оценок и анализа

Первый заместитель

главного редактора – **Юрий Поройков**, к. филос. н.

Редакционный совет: **Михаил Делягин**, д.экон.н., академик РАЕН, председатель президиума, научный руководитель Института проблем глобализации

Владимир Егоров, д.филос.н., президент-ректор Российской академии госслужбы при Президенте РФ

Сергей Караганов, д.ист.н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, зам. директора Института Европы РАН

Андрей Кокошин, д.ист.н., член-корреспондент РАН, председатель К-та Госдумы РФ

Николай Михайлов, д.экон.н.

Александр Назарчук, д. филос. н., проф. филос. ф-та МГУ

Алексей Пушкин, к.ист.н., профессор МГИМО, автор и ведущий программы «Постскриптум»

Александр Рар, директор программ России и стран СНГ Германского совета по внешней политике

Владимир Рыжков, к.ист.н., депутат Госдумы РФ

Леонид Слуцкий, д.экон.н., первый зам. председателя Комитета по международным делам Госдумы РФ

Андрей Федоров, директор Фонда «Центр политических исследований и консалтинга»

Александр Ципко, д. филос. н., гл. науч. сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН

Ответственный
за выпуск:

Константин Радовицкий, к.соц.н.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Вагиф Гусейнов 5

ПОЛИТИКА

Валерий Сидоров. Суверенная демократии, суверенная экономика,
суверенная цивилизация 7

«500 слов»

Олег Никитин. Коротко о рубрике 25

Зарубежные корреспонденты о своей жизни и работе в России 26

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Валерий Буянов. Международный имидж России: прошлое и настоящее . . .34

Вагиф Гусейнов. Россия–Великобритания: трудный путь сотрудничества . .51

Владимир Ахмедов. Армия и этнорелигиозные конфликты
на Ближнем Востоке 63

Фолькер Пертес (Германия). Повышать готовность к диалогу:
ограниченные шансы мирового сообщества повлиять на взаимоотношения
сторон в четырехугольнике Израиль – Палестина – Ливан – Сирия 72

Франческо Калоджеро (Италия). Угроза ядерного терроризма 77

Выборы за рубежом

Эрнест Султанов. Парламентские выборы в Турции:
референдум исламской модели 85

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Василий Лата. Геополитические аспекты строительства
Стратегических ядерных сил России 96

В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Александр Назарчук. Социальные сети и трансформация
политического порядка 108

ТЕМА НОМЕРА: Метаморфозы власти

Кристина Матутите. Мифы наших дней 129

Ирина Егорова. Архетип вождя и героя 132

Анна Филатова. Политическая патопсихология 138

Павел Гуревич. Дегустация власти 142

СНГ

Владимир Дергачев (Украина). Кризис украинской государственности . . .148

Александр Ципко. Независимая Украина как русская проблема 168

РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЙ СЕМИНАР

Угроза безопасности для Европы?
Сокращенная стенограмма основных докладов 182

ПУБЛИКАЦИИ

Невыученные уроки

Афранд Дашдамиров. Карабахский конфликт в контексте перестройки.
Третья сторона конфликта (Продолжение) 204

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Эльвира Спирина. Новые приключения «Левифана».
О книге Фрэнсиса Фукуямы «Сильное государство».
Управление и мировой порядок в XXI веке 226

Новые книги, которые могут вас заинтересовать 231

Тезисы статей на английском 235

Об авторах 245

Статьи, опубликованные в 2007 году (по разделам) 252

CONTENTS

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov	5
----------------------	---

POLITICS

Valery Sidorov. The sovereign democracy, the sovereign economy, the sovereign civilization	7
«500 words»	
Oleg Nikitin. About rubric in brief	25
<i>Foreign correspondents speak about Russia</i>	26

FOREIGN AFFAIRS

Valery Buyanov. Russia's international image: the past and the present	34
Vagif Guseynov. Russian Federation – United Kingdom: the hard route of cooperation	51
Vladimir Akhmedov. The army and ethno-religious conflicts in the Middle East	63
Volker Perthes (Germany). Enhancing readiness for dialogue: the world community has limited chances to affect the inter-relations within the Israel Palestine-Lebanon-Syria quadrangle	72
Francesco Calogero (Italy). The threat of nuclear terrorism	77

Elections abroad

Ernest Sultanov. Elections in Turkey: the referendum on the islamic model ..	85
--	----

NATIONAL SECURITY

Vasily Lata. Geopolitical aspects of building-up Russia's strategic nuclear forces	96
---	----

IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Alexander Nazarchuk. The social networks and transformation of political system	108
--	-----

THE ISSUE MAIN TOPIC: Metamorphoses of authority

Christina Matoutyte. The myths of our days	129
Irina Yegorova. Archetype of the leader and hero	132
Anna Filatova. Political pathopsychology	138
Pavel Gurevich. The authorities-tasting	142

CIS

Vladimir Dergachev (Ukraine). Crisis of the Ukrainian statehood	148
Alexander Tsipko. The independent Ukraine as a Russian problem	168

THE RUSSIAN-GERMAN SEMINAR

Threat of safety for the Europe? <i>The reduced stenogram of the basic reports</i>	182
---	-----

PUBLICATIONS

Unlearned lessons

Afrand Dashdamirov. The Karabakh conflict in the context of perestroika. <i>The third party in the conflict (continuation)</i>	204
---	-----

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

Elvira Spirova. The leviathan's new adventures. <i>On Fukuyama, Francis. The Strong State. Management and the World Order In the 21st</i>	226
---	-----

Books that Might Be of Interest	231
---------------------------------------	-----

SUMMARY	235
---------------	-----

OUR AUTHORS	248
-------------------	-----

Published in 2006	252
-------------------------	-----

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Этот номер – последний в текущем году, и попадет он к читателю, скорее всего, уже после парламентских выборов.

Самое же интересное, конечно, еще впереди. Хотя я, как и многие другие эксперты, полагаю, что ничего особо неожиданного не произойдет. Во всяком случае, не должно произойти, если, конечно, не образуется некая масштабная внештатная коллизия в стране или в мире.

Горячие угольки возможных конфликтов тлеют во многих регионах планеты, а факторов, как и мотивов прибегать в политике к силовым решениям, к сожалению, предостаточно. Мировой порядок заметно накренился в сторону нестабильности – столько разного и противоречивого накопилось за последние годы в межгосударственных отношениях.

В вышедшем номере значительная часть публикаций в той или иной мере – об этом.

Здесь же – о состоявшемся в Берлине 5 октября российско-германском семинаре «Угрозы безопасности для Европы?», организованном Российским Домом науки и культуры при поддержке Института стратегических оценок и анализа и редакции нашего журнала, посольства России в Берлине и Семинара политических наук Гёттингенского университета. В нем приняли участие видные германские политики и политологи, в том числе бывший федеральный министр Эгон Бар, депутаты бундестага, эксперты по России, послы, военные атташе и политологи из Польши, Чехии, Словакии, Болгарии, представители российских и германских информационных агентств и СМИ.

В журнале представлены основные доклады (в сокращении) российских и германских участников, полностью же с материалами семинара можно ознакомиться на сайте издания.

Несколько самых общих суждений об этой важной акции.

На трех сессиях обсуждались такие актуальные проблемы, как состояние отношений между Россией и Германией, ЕС и Россией, вопросы глобальной и региональной безопасности.

В весьма откровенной и содержательной дискуссии, развернувшейся на семинаре вокруг острейших проблем международных отношений, выявилась довольно заметная разница в подходах и оценках сторон. Это касается, в частности, проблем построения нового мирового порядка и роли в этом процессе США как главного претендента на глобальное лидерство, Евросоюза, России, видения причин ухудшения отношений России с Евросоюзом и других вопросов.

Многие западные участники встречи, хотя и в разной степени, но разделили опасения в отношении планов Вашингтона по развертыва-

нию системы национальной ПРО в ряде европейских стран и их негативных последствий как для безопасности, так и для единства Европы.

Это, несомненно, принципиальный вопрос не только для нашей безопасности, но и для выстраивания всей политики отношений России как с европейскими странами, так и с Соединенными штатами Америки.

В частности, ветеран германской политической элиты Эгон Бар особую опасность для будущего Европы, ее стабильности видит в нарастающих угрозах нового витка гонки вооружений. Рост этой угрозы инициируется, по его мнению, прежде всего военными планами Вашингтона, его недальновидной политикой, игнорирующей мнение ООН и европейских стран. Бар считает глубоко ошибочным и вредным «порционный», только для избранной группы государств, подход к безопасности.

Безопасность в Европе может быть только общей – такова его точка зрения, которую поддержало большинство участников семинара.

Полезность подобного рода встреч представителей политических и научных кругов двух стран не вызывает сомнения. В дефиците доверия между Россией и ЕС, Россией и Германией и кроется, очевидно, одна из причин того, что наши отношения в этих форматах складываются пока еще далеко не лучшим образом.

Но важно, что участники семинара проявили искреннее стремление сблизить позиции, найти приемлемые компромиссы. Вряд ли возможно без непредвзятого уяснения позиций сторон, особенно не совпадающих, начать движение навстречу друг другу.

И в том, несомненно, главный итог состоявшегося разговора.

В. Гусев.

ПОЛИТИКА

Валерий СИДОРОВ

СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ, СУВЕРЕННАЯ ЭКОНОМИКА, СУВЕРЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Антикризисный президент

После саммита «большой восьмерки» в Германии в июне 2007 года немецкий журнал «Шпигель» писал: «Благодаря Путину Россия вернулась в мировую политику с четким осознанием своих общенациональных интересов и умением их отстаивать. В предшествовавшее десятилетие такой прерогативой обладали только США».

В одной из предыдущих статей мне уже довелось привести воспоминания Киссинджера о том, как во время визита Козырева в Вашингтон тот смиренно просил Никсона «помочь России выработать ее национальную политику, наиболее полно отвечающую интересам западного сообщества». Подобная лакейская беспринципность, равнодушие к собственной стране поразили даже не слишком щепетильного в политике президента США.

Возрождение национального сознания – может быть, главная заслуга Путина. И это касается не только термина «суверенная демократия», но и таких, как «суверенная экономика», «суверенная идеология», «суверенная цивилизация». Причем, если говорить, не лукавя, то термин «суверенная» означает «не американская», «не англо-саксонская» и никакая другая, не соответствующая глобальным интересам России, «России, остающейся не просто страной, а частью света» (Петр I).

И произошло это не за счет воинственных речей российских лидеров. Фундамент более прочный: реанимация российской экономики, быстрый рост ВВП и зарубежных инвестиций, восстановление позиций отечественных наукоемких производств (особенно в «оборонке»), восстановление военного потенциала, успешное продвижение в «замирении» Чечни, поворот к социальным проблемам, образованию и культуре – слагаемые путинского успеха. Добавим к этому отстранение олигархов от политической власти, повышение толерантности общества к

различным политическим течениям, укрепление отношений внутри СНГ – право, немало для короткого президентства (короткого, потому что первые четыре года руки у Путина были еще во многом «связаны»).

В одном из публичных выступлений В.Сурков назвал Путина «вдохновленным Рузвельтом». В этом же ключе, на мой взгляд, одну из лучших характеристик эпохи Путина дал А.Солженицын в интервью журналу «Шпигель»: «Путину досталась в наследство страна, разграбленная и сшибленная с ног, с деморализованным и обвинявшим большинство народа. И он принялся за возможное – заметим, постепенное, медленное – восстановление ее. Эти усилия не сразу были замечены и тем более оценены. А можете ли вы указать пример в истории, когда меры по восстановлению крепости государственного управления встречались благожелательно извне?» (Известия, 24.07.2007).

Внимательный анализ «путинского задела», его ближайшие планы и шаги, его напутствия своему преемнику имеют сейчас в России особую цену.

Одна из русских пословиц гласит: «О мертвых – или хорошо, или ничего». К сожалению, по дурной отечественной традиции мы точно так же относимся и к своим действующим лидерам: густой слой елеса обволакивает, опутывает по рукам и ногам, искажает самооценку даже не падких на лесть руководителей.

Честно говоря, было горестно и стыдно смотреть на процедуру выдвижения В.Путина кандидатом от «Единой России». Сейчас пока уйдём от принципиальной оценки самого факта. Но, боже, каким же знакомым душком съездов КПСС потянуло: весь идеологический набор – от проникновенных слов знатной ткачихи до единомышленных оценок «незаменимый», «безальтернативный» и т.д. Не было только пионерских и комсомольских «зажигалок» – по причине отсутствия оных организаций.

Уверен, что Путин не заслуживает такого подобострастия. И мы должны, обязаны выходить на стадию спокойного, уравновешенного, достойного «разбора полетов».

Какой Путин оставляет Россию?

Мировая практика знает разнообразные методы оценки процветания страны, благосостояния и благополучия наций.

По данным специального обследования ЮНЕСКО, самыми счастливыми (по критериям материального достатка, безопасности, образования, отдыха и культуры) признали себя датчане. Китай оказался на 78-м месте, Индия – на 147-м, Россия – на 168-м!!! (Программа «Сегодня», 26 апреля 2007 г.).

Что такое хорошая жизнь для современного россиянина и чем этот образ отличается от представлений постсоветского человека? Задав-

шись этим вопросом, специалисты ВЦИОМ организовали новое исследование, результаты которого были недавно опубликованы.

Так, оказалось, что если в 1991 году 27% жителей России одним из атрибутов хорошей жизни называли красивую одежду, то в 2007 году о ней вспомнили лишь 3% опрошенных. Еще 29% советских людей тогда упоминали о возможности ездить за границу, сегодня же – лишь 13%. В приоритетах людей в 1991 году были и весьма интересные по нынешним временам вещи. Например, тогда 19% опрошенных назвали одним из показателей благополучия цветной телевизор, о котором сегодня не упомянул никто.

О даче или садовом участке 16 лет назад мечтали 18 и 27% опрошенных, сейчас лишь 6 и 9% соответственно. Не сильно, но все-таки сдал позиции автомобиль – с 38 тогда до 34% сейчас. Зато резко вырос в цене собственный дом: 69 против 46% в 1991 году.

Выяснилось также, что современный россиянин вспоминает о семейных ценностях чаще постсоветского человека. Если раньше счастливый брак ценили 45% опрошенных, то сегодня таких уже 65%. Возросло и число тех, кто считает, что счастье могут принести два или три ребенка – 27 и 11% соответственно, 16 лет назад таких было 19 и 5%.

И еще одно весьма любопытное исследование наших дней. «Левада-центр» провел ранжирование проблем, больше всего волнующих москвичей (ответы даны в процентах к опрошенным в сравнительном интервале 2003–2007 гг.).

Тот факт, что больше всего москвичей в 2007 году беспокоит не безработица, не задержка зарплаты, не стоимость жизни даже, а автомобильные пробки на дорогах, вселяет, конечно, неудержимый оптимизм по поводу растущего благосостояния сограждан. Если бы не одно совпадение: на соседней странице этого же номера «Аргументов и фактов» – рассказ о жизни провинциальной пенсионерки, которая в состоянии купить на свою пенсию 1 куриное яйцо в неделю, 200 г сосисок, 1 л молока, 1 кг картошки и 0,5 кг костей супового набора. Вот уж, как точно подмечает еженедельник, «у кого-то суп жидкий, а у кого-то – жемчуг мелкий»...

Сошлемся и на оценку деятельности Путина на посту президента рядовыми гражданами. Рейтинг – высокий, уважение – бесспорное, симпатии – искренние. При всем этом только три показателя (стабилизация обстановки в стране, оживление экономики, рост международного престижа) получили 60% положительных оценок, остальные – от 20 до 40%. Зато 60% отмечают как не достигшие цели: борьбу с коррупцией и реформирование аппарата, борьбу с олигархией, борьбу с протупностью.

Рассмотрим некоторые причины социального недовольства.

Административный ералаш

Реформа аппарата – такая же извечная для России тема, как дураки и дороги. Сколько было попыток его реконструировать – и при царизме, и большевиками, и в годы перестройки, и позднее. Но чудище все то же – «обло, огромно, стозевно и лая».

Серьезного анализа причин такой живучести административного монстра я в литературе не встречал. Ряд причин лежит на поверхности. «Нельзя лягушкам поручать осушать болото», – учит русская половица. А вот мнение известного сподвижника Ленина Христиана Раковского: «Нигде и никогда реформа аппарата, проводимая силами самого аппарата, не давала положительных результатов».

Сколько прекрасных идей, способных дать мощный толчок России, предлагали российские реформаторы многих поколений. Ведь с теми же проектами отмены крепостного права выступал еще и князь Голицын при Софье Алексеевне, не раз подступалась к этой теме Екатерина II, собиравшая начать с нее свое царствование Александр I. И все тщетно. Неужели не хватало настойчивости, смелости? Не зря же Э.Радзинский как-то бросил выстраданную им фразу: «В России опасно начинать реформы, но еще опаснее – останавливаться на полпути!» Последний исторический тому пример – Михаил Горбачев и перестройка.

В чем же опасность? Мне представляется, что при глубоком, нацеленном на перевоплощение страны преобразовании наступает такой момент, когда реформы уже не могут «улучшать, рационализировать». Они обязаны идти на слом старого костяка общества, посягают на интересы правящей до сей поры касты – а значит, и на интересы рекрутированного ею госаппарата. Он-то и становится «песком в буксах» локомотива истории.

Мог Горбачев даже в 1991 году спасти свою власть? Мог, если бы выбрал один из двух путей: жесткого, сталинского администрирования или допустив к реформам широкие демократические силы, реально передав им полномочия КПСС. Он не смог ни стать диктатором, ни подрубить ветвь, на которой сидела партия и советско-партийный аппарат.

Есть ли в этих заметках какие-то параллели с путинской административной реформой? Есть ли опасность рецидива ее провала? Увы, есть...

Под вполне объяснимой идеей «укрепления вертикали власти» произошло всего лишь обуздание своеволия местных губернаторов и расширение полномочий администрации президента. «Удельщина» упрощена, но всеилие аппарата даже возросло. Из процесса управления страной, регионами, районами и т.д. еще в большей степени отстранено население. Иллюзорными остаются права профсоюзов. Наивно считать, что система Счетных палат обеспечивает широкий общественный конт-

роль. Третья сила в стране – основа самоуправления, причем не только в социал-демократических обществах, – в России не существует.

Представляется, что под влиянием больше идеологических, чем деловых причин, в безудержном стремлении побыстрее выкорчевать все советское, социалистическое были необоснованно ликвидированы такие формы общественного надзора, как комитеты народного контроля, «рабочие корпункты», общественные инспекции и многие другие, вносящие пусть небольшой, но все же вклад в борьбу с лихоимством и произволом бюрократии. Лишь 3% граждан считают, что они имеют какое-то влияние на власть.

Опять-таки весьма поспешно, без серьезного обсуждения, управление в отраслях было переведено на трехзвенную систему. Ни в одной отрасли это не дало положительного эффекта, зато породило массу столкновений чиновничьих амбиций.

Кстати, о государственном механизме. Всегда было, есть и будет еще долго скрытое соперничество, конкуренция, противоборство, даже интриганство между аппаратами администрации президента и правительства. Так было и на Старой площади, в Белом доме, Кремле.

Высокие руководители могут строить самые радужные планы насчет друг друга и сплоченности их аппаратов – жизнь опровергает эту идиллию.

Даже сегодня, при бесспорном лидерстве администрации президента, аппараты пронизаны лоббирующими группировками. Причем если раньше во главе кланов стояли олигархические лидеры, то сейчас открыто ведется экономическое соперничество между «силовиками», «юристами», «либералами»...

В этой атмосфере невиданными в России темпами нарастает новый вид финансового бандитизма – рейдерство. В 2006 году в производстве находилось 354 уголовных дела – вдвое больше, чем в 2004 году. По оценкам экспертов, даже в Москве в «разработке» рейдеров находится не менее 1% успешно работающих предприятий. Отработаны схемы и преysкуранты захватов, включающие изменения в реестре, замену документов в Регистрационной палате и в Налоговой инспекции, принятие нужного судебного решения и т.д.

Многих проблем в работе властвующих структур можно было бы избежать, если бы не какое-то патологическое неприятие оппозиции в нашей стране. Мы так и не ушли и здесь от советского менталитета.

Под оппозицией, в которой остро нуждается Россия, я вижу не те упертые думские фракции или политические группы, которые отвергают все идущее из Кремля просто потому, что это – из Кремля. Нам нужна оппозиция, сотрудничающая с властью, но имеющая и свой ракурс видения событий.

Путин, как мне кажется, понимает это. Именно поэтому, «подрубив» неформальные объединения (многие из которых действительно

только расшатывали лодку), он постарался найти такого лояльного оппонента сначала в Госсовете, потом – в Общественной палате. Увы, пока не получилось. «Вдохновившись Рузвельтом», Путин не вдохновился его ненавистью к монополизму, к его тлетворному влиянию на аппарат госуправления. Понимает ли Путин, что оффшорная олигархия утупила место монополистической, что, разделив новых олигархов на «своих» и «чужих» и заставив «своих» играть по правилам Кремля, власть не изменила ее антигосударственную сущность? Создается впечатление, что не до конца, что упор делается на способность силовиков поставить олигархов под свой контроль.

Увы, как ни измеряй – по структуре расходов, по уровню коррумпированности, по степени социального неравенства, по утечке умов, по показателям экономической и политической свободы, по вывозу капитала, по степени монополизации или криминализации экономики, – мы имеем типичное олигархическое, бюрократическое, полицейское государство с криминализованной и монополизированной экономикой.

Наглость и безнаказанность рейдерских кампаний привели к тому, что, начав с захвата мелких производств, точек торговли и обслуживания, объектов культуры, рейдеры начали серьезно угрожать безопасности государства: более 200 оборонных предприятий – в разработке рейдеров. В результате их действий были сорваны производство и поставки в армию многих новых видов техники.

Только в этом году Госдума приняла в первом чтении ряд поправок в законодательство, но до успешной борьбы с современным экономическим пиратством еще далеко. Показательно, что эта тема – весьма непопулярна в правительстве и Госдуме, в программных заявлениях партий.

Вопрос рейдерства сегодня – это не только и не столько экономический вопрос, сколько пробел во все той же экономической реформе, сращивание госаппарата, силовиков с криминальным элементом.

Россия еще на распутье

Как известно, для процветания государства нужны как минимум три слагаемых устойчивого развития общества: правильная стратегия развития, доверие общества к власти, преобладание оптимизма в народе и обществе. Ни по одному из этих показателей Россия даже не приближается к удовлетворительному статусу. И хотя в обществе сегодня нет реально значимых сил для организации широких выступлений населения против власти, уровень недовольства народа своим положением продолжает расти, что потенциально ослабляет стабильность общества, а значит, и уровень его национальной безопасности. Чрезвычайно низок авторитет правительства, Федерального Собрания, серьезно

колеблется рейтинг президента в зависимости от «инноваций» правительства в социальной сфере.

Все это побуждает и дальше мобилизовать научную мысль, общественное мнение в поисках более здравомыслящего курса реформ, ответов на некоторые спорные или вообще замалчиваемые вопросы.

Среди таких злободневных проблем можно выделить следующие.

Какое общество строит Россия? Бурные восклицания о светлом капиталистическом будущем начала 1990-х годов не нашли широкой поддержки ни в одном слое населения, кроме экзальтированных либералов. Как гласит современная народная поговорка, «все, что нам твердили о социализме, оказалось неправдой, зато все, что нам твердили о капитализме, оказалось правдой». Не только для России, но и для большинства стран европейской цивилизации термин «капитализм» стал архаичен. Показательно, кстати, что все набирающее силу движение антиглобалистов на всех своих социальных форумах заявляет о том, что их главная цель – альтернатива глобально-капиталистической системе.

В стратегии рыночной экономики остро стоит вопрос о степени влияния государства. Г.Греф предложение о возвращении государства в производство назвал «мышлением неандертальца». Через пару дней вице-премьер Христенко отрицание роли государства назвал «бредом сумасшедшего». Таков был уровень единства правительства Фрадкова.

Я пишу «был», потому что с уходом Грефа и ряда других фигур появилась надежда на подвижки в разумную сторону. В свое время премница Г.Грефа Э.Набиуллина работала в Экспертном институте Российского Союза промышленников и предпринимателей. В середине 1990-х годов она была в командировке в Казахстане, и по ее итогам сделала правлению РСПП блестящий доклад о ходе казахских реформ и сравнительный анализ их с российскими. К сожалению, обстановка тогда не позволила ни правлению РСПП, ни А.Вольскому дать широкую огласку этому материалу. Но умение Набиуллиной анализировать ситуацию и делать прагматические выводы мне хорошо запомнилось. Надеюсь, сейчас это умение раскроется в полную силу.

Команду Гайдара и его последователей часто называли «чикагскими мальчиками». Это не совсем точно. Все принимаемые программные документы Минэкономразвития лежат в русле так называемого Вашингтонского консенсуса – программы, разработанной экспертами международных институтов как стандартной, стабилизационной и трансформационной для развивающихся стран с переходной экономикой. Она потерпела полное международное фиаско. Как отметил нобелевский лауреат Дж. Стиглиц, у этой религии вся паства – только ее духовенство.

Вопрос о степени участия государства в управлении экономикой и в производстве, возможность и целесообразность патернализации положительно решен в большинстве высокотехнологических стран.

К сожалению, в управлении экономикой остается немало острых проблем, в решении которых власть присвоила себе монополию на истину. Многие интересные предложения, идущие от экономистов Академии наук, профильных институтов, из кругов оппозиции, попросту игнорируются. К их числу, например, относятся методы борьбы с инфляцией, реальная опасность роста монополистического капитала, анализ действующих причин роста ВВП, пути наиболее рационального использования Стабфонда. Замалчиваются предостережения многих экономистов о том, что значительная часть прироста ВВП в последние годы происходит в России за счет насыщения «отверточного» производства, что весьма чревато для национальной безопасности.

К счастью, жизнь постепенно ставит все на свои места. Достаточно посмотреть на умелое и динамичное развитие нацпроектов под руководством С.Иванова. Мощное воздействие государства помогло совершить, казалось бы, невозможное: возродить отечественную «оборонку», выйти на многообещающие перспективы в судо- и авиастроении, реально приступить к развитию нанотехнологий. Заметим, что под воздействием государства нет и тени намека на административный прессинг, на командные методы управления. Роль государства – это роль заказчика идеологии развития отрасли, гаранта инвестиций, объединяющего инициативного центра.

Национальные проекты: декларации и реальность

Выступив с идеей разработки Концепции национальной безопасности страны, В.Путин в 2004 году в качестве главных, составляющих ее назвал уровень жизни в стране, здоровье и образование, личную безопасность граждан. При этом он отмечал, что настало время сконцентрироваться на задачах, затрагивающих практически каждого гражданина, каждую семью.

Предложенные президентом в сентябре 2005 года национальные проекты означали вступление страны в новую политическую реальность.

Несомненно, что национальные проекты повернули к важнейшим социальным проблемам все регионы. Постоянное внимание к ним президента, постоянное воздействие Д.Медведева дают ощутимые результаты. Дело даже не в овеществленных рублях. Худо-бедно, но главное – в росте социального оптимизма. Сейчас доля безнадежных пессимистов («ничего в жизни к лучшему не изменилось») снизилась до 12%, а оптимистов – выросла до 30%. Общество, точнее, государство, развивается к человеку.

Могли ли быть результаты лучше? Несомненно. И издержки кроются не только в лености, косности, ретроградстве аппарата. Главная причина, на мой взгляд, в другом: национальные проекты были «сверстаны» по подобию пятилетних планов: выделим столько-то ре-

сурсов, дадим под них столько-то компьютеров и автобусов школам, на столько-то поднимем зарплату, на столько-то расширим ипотеку и т.д. Все это архиважно, особенно при бедности нашей социальной сферы. Ведь уровень социальных расходов государства в России – один из самых низких в мире, он не соответствует ни запросам социального государства, ни потребностям развития человеческого потенциала. Чтобы достичь среднемирового уровня социальных расходов, российскому государству надо увеличить их на 4,9% ВВП. Эта величина соответствует профициту федерального бюджета, который планируется на будущий год в размере 1,5 трлн. руб., или 4,8% ВВП. Таким образом, профицит российского федерального бюджета равен объему недофинансирования социальных расходов. Именно вследствие недофинансирования этой сферы получается тот профицит госбюджета, которым столь необоснованно гордится финансовый блок правительства и «ЕР».

Но главный недостаток в другом: не до конца проработаны существенные вопросы, методы и технологии решения поставленных социальных задач. Особенно это касается здравоохранения и образования.

«Больная отрасль»

Наиболее острой критике общества с самого начала подверглись реформы в здравоохранении. Причина не только в грубых ошибках М.Зурабова в период монетизации льгот, нерациональном расходовании средств на строительство новых дорогостоящих центров в ущерб переоснащению сотен недостроенных объектов, распылении ресурсов. Например, число участковых врачей увеличилось всего на 35 тыс. человек – по одному лишнему врачу на 2 района. Какое уж там улучшение обслуживания!

Неполно оценены все факторы демократической политики. Наряду с позитивными мерами по стимулированию рождаемости явно недостаточное внимание уделено сохранению здоровья и работоспособности людей среднего возраста – 50–55-летних. Между тем даже ощутимый рост рождаемости в ближайшие 20 лет не обеспечит России стабильную численность населения. Чтобы удержаться на сегодняшнем уровне, надо не менее чем вдвое сократить смертность населения и увеличивать миграцию.

На смертность же работоспособных сильно влияет отсутствие профилактических мер, стремительный рост цен и дефицит отечественных лекарств, грубейшие нарушения охраны труда.

При жутком дефиците участковых врачей здравоохранение, как раковой опухолью, поражено бюрократизмом. Не менее половины рабочего времени врача районной поликлиники уходит на заполнение разных справок и отчетов.

Такого издевательства над льготниками, как в Минздраве, трудно представить, и с каждым месяцем бюрократические предписания становятся все шире. Ежемесячно меняются списки лекарств, правила оформления рецептов (из-за малейшей описки врача пациента отправляют обратно в долгую очередь районной поликлиники, где вдобавок теперь еще нужно собрать несколько виз и печатей руководителей поликлиники). Вот уж действительно, если можно хоть в чем-то осложнить жизнь людей, это будет реализовано непременно!

Постоянно сокращается перечень отечественных медицинских препаратов, фармация стала логовом оптовых спекулянтов, причем одного из самых монополизированных рынков в этой сфере.

Добавим к этому кризисное положение Пенсионного фонда, похороненную идею земских врачей, по-прежнему убогое питание и оснащение в больницах и сопоставим с театрализованными посещениями Д.Медведевым новых современных клиник, где успешно «обкатаны» и «откатаны» миллионы долларов, но от которых не стало легче широким слоям населения.

Земля тревоги нашей

Не принес ощутимых результатов и нацпроект по сельскому хозяйству.

Беда российского сельского хозяйства прежде всего в том, что сбыт и переработка сельскохозяйственной продукции – в руках перекупщиков, спекулянтов и монополистов. В 2006 году в Тамбовской области, например, был рекордный урожай сахарной свеклы. Две трети его закопали в землю, потому что сахарозаводчики Воронежской и Липецкой областей отказались принимать тамбовскую свеклу, чтобы не сбить цены на сахар!

В Калмыкии в текущем году небывалый урожай зерновых – и, по словам президента Илюмжинова, небывалые взятки на элеваторах за прием зерна.

Данные сельхозпереписи дали неожиданно отрадную картину. Несмотря на все чинимые препятствия, фермерские и частные хозяйства занимают все более значимое место в продовольственном обеспечении страны, особенно в мясном животноводстве.

Но ведь и здесь мы сами роем могилу отечественным предпринимателям. Не знаю, чью «вражью» голову (иначе не назовешь) осенила идея (и реализуется в жизнь) перестройки отечественных мясокомбинатов на переработку замороженного мяса? Опять лоббирование мясопереработчиков, везущих второсортное сырье из Австралии, Южной Америки, взвинчивающих на продукцию цены, подрывающие российское крестьянство. Я не говорю уже о том, что только Россия так

стремится к производству из замороженного мяса сосисок, сарделек, колбас. Свежее, парное мясо москвичи сегодня могут купить только на мини-рынках вдоль загородных дорог.

Россия закупает 41,7% сливочного масла, 40,8% сыров, 40% мяса, и это при том, что отечественные фермеры уже сегодня готовы поставлять на российский рынок почти всю данную номенклатуру.

За последние два года «продовольственные» конфликты у России были с 20 странами. Индия, Таиланд, Китай, Вьетнам пытались поставлять нам зараженный рис, Норвегия, Нидерланды, Латвия – рыбу, содержащую кадмий, Колумбия, Чили, Испания, Греция – фрукты и овощи с превышением допустимых норм содержания пестицидов и т.п.

В «ножках Буша» количество антибиотиков, стимуляторов роста и прочих «присадок» в 250 раз превышает отечественные стандарты.

Слабо проработанные позиции России по условиям вступления в ВТО, по оценке экспертов, приведут к тому, что сельское хозяйство потеряет около 4 млрд. долл. доходов. Оно рухнет, и уже окончательно. Ведь и сейчас уровень господдержки сельского хозяйства в РФ в 5 раз ниже, чем в ЕС и США.

Куда же ты смотришь, национальный проект?

На подъездах к Москве стоят пикеты перекупщиков, поддерживаемые купленными гаишниками. Простой крестьянин, кооператив не сумеют довести свой дешевый товар до рынка – их туда не пустят! Здесь все вернулось на круги своя.

Где ты опять, национальный проект?

А как согласовывается со статусом национального проекта аграрная и таможенная практика? Один пример: в Москве и Санкт-Петербурге большое количество кондитерских производств. Но таможенные пошлины поощряют не ввоз какао-бобов для этих фабрик, а готовую продукцию. Опять итог лоббирования монополизированной отрасли.

Серьезные перекосы и в жилищно-коммунальной сфере. Очень образно охарактеризовал ситуацию здесь еженедельник «Аргументы и факты»: «Вокруг жилья – одно жулье!» В целом в строительстве жилья заметны ощутимые сдвиги: многие регионы привлекли серьезные инвестиции, остановили гонку цен на жилье, медленно, в муках, но развивается ипотечное кредитование, офицерские жилищные сертификаты. Однако «шакалы» своего не упускают. Подлинное государственное мародерство наблюдается в стоимости жилищно-коммунальных услуг. Вот пример: у моей родственницы – двухкомнатная квартира в Выборге Ленинградской области. При пенсии в 1200 руб. в месяц ей за оплату этих услуг выставили счет в 1100 руб.

В средствах массовой информации постоянно обсуждается тема о том, что предстоящий налог на недвижимость будет непосилен для пенсионеров, надо готовиться к деприватизации квартир.

Благое дело поставлено перед Газпромом по газификации деревень, но ведь подключение крестьянского дома в некоторых регионах достигает 400 тысяч руб.!

Во многом эти факты объясняются тем, что управляющие компании выбираются и назначаются районными властями по взаимному материальному интересу – естественно, за счет интересов квартиросъемщиков.

Порадовала реакция Д.Медведева на опыт тех областей, где интенсивно ведется строительство малоэтажного индивидуального жилья. Вице-премьер очень точно ухватил крупнейший ресурс этого направления для России. Таковы примеры строительства малых городов-спутников под Москвой, Екатеринбург, Санкт-Петербургом, Белгородом.

Мне довелось проехать по многим штатам США и Канады. Мощные, индустриальные страны – и небольшие, чистые, уютные одно-, двух-этажные дома на семью. Со всей, естественно, инфраструктурой, обеспечивающей доступность к работе, больнице, школе и т.д.

«Холмогорских просят не беспокоиться...»

Особого внимания заслуживает ситуация в образовании.

В начале 1970-х годов прошлого века, когда СССР приступил к новой технической реконструкции, вопрос о соотношении личного (качество рабочей силы) и вещественного (фондовооруженности) факторов производства обозначился особенно выпукло. Вопреки распространенным заблуждениям, в СССР доля нового оборудования (до 10 лет) была даже выше, чем в США, а выработка продолжала отставать. Причина крылась как раз в недостаточной квалификации рабочих кадров.

Проведенные тогда специальные исследования, в том числе и автором этих строк, показали явное недофинансирование сферы образования и подготовки кадров. Для СССР того времени эти объемы оценивались в 8–9% ВВП, на деле были вдвое меньше. Для сравнения: в США расходы на образование и обучение втрое превышали материально-технические, а расходы на здравоохранение – в 9 раз!

С тех пор ситуация в России только ухудшилась. И, выдвигая честолюбивые планы в области национальной конкурентоспособности, инновационных технологий, надо прежде всего оценить, насколько наша средняя школа (которая понесла наиболее тяжелые потери в годы либеральных реформ) в состоянии подготовить кадры для решения новых задач.

По роду работы и своих научных интересов я внимательно отслеживаю происходящие в мире процессы в сфере образования. Восхищен, например, созданной Израильским союзом промышленников и предпринимателей системой профориентации школьников страны – именно

ориентацией в мире профессий и технологий. Преклоняюсь перед дальновидностью правительства Греции, оснастившего 5 тысяч школ компьютерными классами «Промышленные технологии» фирмы «Дегем Системс», где школьники в режиме реального диалога с компьютером знакомятся с основами нужных стране профессий. Завидую школьникам Венгрии, где ведущие ученые всех университетов страны читают в школах внепрограммные лекции. Отдаю дань уважения правительству Эстонии, выделяющему на нужды образования самый высокий в мире процент бюджета – почти 8%. Наконец, внимательно слежу за сложнейшим, но образцовым по замыслу, экспериментом финских школ, реализующих идею индивидуальной программы образования каждой школы.

Безусловно, насыщение российских школ компьютерами – благо. Хотя на компьютере можно зайти в любой информационно-научный сайт, а можно и в «порно» или «комиксы». Но, главное, что компьютеры в школе дают эффект только тогда, когда действуют в «связке», когда они ведут тематическую работу, когда школы имеют не только мониторы, но и обучающие программы.

Мне представляется, что идеологи нацпроекта «Образование» не учли уроков истории, не сумели увидеть за частными бедами современной школы более глубокие проблемы.

Разговоры о развитии российской школы ведутся с позиций ее обслуживания, технического прогресса страны, а концептуальные беды сводятся к ветхим зданиям, низким окладам учителей, нехватке компьютеров и т.д. За лидеров в выполнении данного нацпроекта выдают регионы, напичкавшие школы техникой.

Несколько в лучшем положении находится высшая школа. Участники «круглого стола» «Человеческий капитал в стратегии национального развития страны» были достаточно единодушны в том, что главное здесь – создание мощных учебно-научных комплексов, с высокой концентрацией ученых высшей квалификации, с собственными научными школами. Мне чрезвычайно импонирует и высказанная на встрече мысль о том, что только бездумная власть может тратить на закупку балбесов-легионеров по 10 млн. долл. – и бесплатно выталкивать за рубеж молодых гениев, становящихся украшением науки новой родины. Неужели специальные гранты на «закупку» руководителей научных школ, создание лабораторий под молодые творческие коллективы не могут принести более весомую помощь России?

Однако в национальном проекте «Образование» есть и еще один изъян, может быть, даже более значимый для нынешнего этапа. Глубокая рана России – психологический надлом в сознании населения. И здесь образование в своем традиционном виде себя не раскрывает. Воспитание – краеугольный камень образования – почти ушло, как «полити-

чески проклятый» элемент из школы. С ликвидацией комсомольских и пионерских организаций оказались загубленными и зачатки ученического самоуправления.

Только недавно авторы нацпроекта сообразили, что не все ладно в таких человекообразующих науках, как история и литература. Вместе с дегероизацией советского периода произошла и девальвация образов молодых патриотов. Я уж не говорю об Александре Матросове, молодоговардейцах, Бонивуре, но думаю, что «Улица младшего сына» или «Сын полка» давали для нравственного формирования школьника более пригодную для его возраста пищу, чем «Колымские рассказы».

Прав В.Путин: надо заканчивать с самоедством в прошлом, тем более, что извне предпринимаются попытки пробудить у россиян необоснованное чувство вины перед другими народами.

Еще один пробел национального проекта – бездумное и безумное разделение образования и культуры. Россия в этом смысле – абсолютно парадоксальная страна. Создав (в том числе и силами народных самородков) величайшую культуру современной цивилизации, Россия в плане бытовой культуры населения справедливо вызывает у европейцев чувство брезгливости. 40 миллионов (!) россиян не имеют в своих квартирах туалетов, ходят «до ветру». Общественных туалетов в Москве в 10 раз меньше, чем в Сеуле. Стремительно падают расходы граждан на приобретение книг, походы в театр или музеи. Из когда-то самой читающей страны мы откатились во второй десяток. Неуклонно растущая наркомания, бытовое и производственное пьянство – типичная картина современного бытия, как и зловеще растущая малолетняя преступность в особо изощренных, садистских формах.

Попробуйте найти отражение этих проблем в национальном проекте «Образование»? Попробуйте найти там задумки о преподавании в школах правил бытового этикета, гражданской благовоспитанности, развития гуманитарных начал...

Еще одна сторона развития образования страны вызывает тревогу в связи с далеко идущими последствиями. Массовая коммерциализация среднего и высшего образования, особо льготные условия для получения высшего образования детьми «богатеньких», престижные колледжи для этой же категории детей привели к тому, что с 1991 года доля детей рабочих и крестьян, детей из провинций сократилась в престижных московских вузах в 5 раз. Идет дикое социальное расслоение уже со школьного возраста. Стоимость обучения в частной московской школе достигает 30–40 тыс. руб. в месяц, пребывания детей в яслях и детских садах – до 20 тыс. руб.

Так что, «холмогорских просят не беспокоиться...»

Главный очаг социальной напряженности

Экономика не бывает вне социального. И если в Конституции России определена как социально ориентированное государство, то не означает ли это приоритет социальных параметров роста над экономическими? В частности, не должна ли ставиться как первоочередная задача «удвоения жизненного уровня населения», а «удвоение ВВП» – как одна из обеспечивающих главную?

Реформы нанесли глубокий психологический удар по сознанию россиян, крайне негативно сказались на мотивации к труду. О числе разочаровавшихся во всем и вся россиян говорит хотя бы факт протестного голосования на выборах.

Основная причина – нищета. За годы реформ реальная зарплата уменьшилась в 1,3 раза, пенсии – в 1,4 раза, реальные доходы – в 2 раза (50% к уровню 1991 года), зато рост потребительских цен вырос в 10 раз.

Опережающими темпами растут нематериальные аспекты бедности – неравенство в получении образования, медицинских услуг, культурных благ, безработица, появление нового класса с обособленными условиями жизни, включая закрытые жилые комплексы в больших городах. Продолжает нарастать расслоение населения: 10% самых бедных россиян владеют 2% ВВП, в то время как 10% самых богатых – 30%. За 2000-е годы число миллионеров в России выросло до 35 тысяч человек – это с ними предлагается «согласие и примирение» искусственно выдуманном праздником?

Бедность населения – ахиллесова пята и СССР, и России. Но таких масштабов бедности Россия еще не знала: у 60% населения доход ниже реального прожиточного минимума. По международным нормам, бедность начинается при уровне доходов ниже 4,3 долл. в день. У нас официально установленный МРОТ – менее 1 долл./день, а у 20 млн. человек – нет и этого. Причина – высочайшая степень эксплуатации наемных работников. Доля зарплаты в стоимости продукции – в 2–3 раза ниже, чем в США и Западной Европе.

Из уст лидеров «Единой России» торжественно звучат обещания серьезно поднять уровень жизни россиян. Насколько? Сейчас за чертой бедности проживают 18,9% граждан. Предполагается поднять прожиточный уровень в 2,5 раза – до суммы 5500 руб. Сейчас на этом уровне находятся 38,8% населения. Но это в среднем по стране, где не менее 20 регионов имеют доходы в 30–40 раз меньше: в «зонах вымирания» – иначе не назовешь – на благополучном уровне (пресловутые 5500 руб.) – не более 2%.

Россия остается единственным государством в СНГ, где минимальная зарплата официально установлена ниже прожиточного уровня. Причем втрое ниже, чем в менее богатых Украине, Беларуси, Казах-

тане. При этом, как уже отмечалось, степень эксплуатации труда в России одна из самых высоких в мире – на единицу производимой продукции российские наемные рабочие получают вчетверо меньшую зарплату, чем в странах ЕС, хотя цены на потребительские товары наши монополисты неуклонно тянут к мировому уровню.

Правовое бесправие граждан

В октябре 2007 г. мэр Москвы Лужков в одной из студий Центрального телевидения отвечал на вопросы юных москвичей. А в конце сам задал вопрос: «Чего больше всего вы опасаетесь в Москве? Что более всего внушает вам чувство тревоги, опасности?» И сразу же получил ответ: «Милиция!» Никто в студии не воспринял ответ как шутку.

По оценке читателей «Известий» (27 апреля 2007 г.), только три направления получили более 30% голосов: укрепление международных позиций России, экономическое развитие страны и повышение уровня жизни граждан. Зато те же 30%, но уже со знаком минус (улучшения не произошло) получили: борьба с преступностью, борьба с коррупцией, укрепление морали и нравственности в стране. Все эти три позиции, так или иначе, связаны с правовой защищенностью граждан, с уровнем законности в стране.

Уровень этот ужасен. По данным Глеба Павловского, 40% граждан заявили, что за 2006 год они подверглись избиению и даже пыткам со стороны правоохранительных органов. Восемьдесят процентов нападения на фуры с ценными товарами осуществляется с участием работников ГИБДД. Все «рейдерские» бригады Москвы «крышуются» силовиками. Восемьсот тысяч детей являются фактически беспризорными. От передозировки наркотиков ежегодно умирает более 100 тысяч человек, от «паленой» водки – вдвое больше.

Своему правосудию и полиции доверяют в Западной Европе и США от 50 до 70% граждан. У нас – не более 30%.

Никогда еще в истории страны в кино, театре, литературе, СМИ не давали такую уничижительную оценку работе прокуратуры, МВД, судов.

Россияне единодушно говорят о полном бесправии рядовых граждан перед даже мелкими чиновниками, перед милиционерами, судами. Нигде в мире не сидит столько в тюрьмах, сколько в России, – большинство за мелкие экономические преступления.

«Аргументы и факты» как-то провели обследование в тюрьмах Московской области. Чудовищная картина: по 5–10 лет сидят люди, укравшие на рынке шерстяной платок, пару обуви, курицу...

Нужны кардинальные меры в этом направлении. Одними обращениями к сотрудникам силовых структур не обойтись. Бесправие россиян – это еще от крепостничества, от сталинских «трех колосков»...

Из области политической фантазии

Хочу еще раз вернуться к вопросу о «капитализме» – «социализме». Последние два-три десятилетия эти термины использовались, скорее, не как характеристика производства или обустройства общества, а для оценки принадлежности той или иной страны к капиталистическому, социалистическому лагерю или «третьему миру». Конвергенция произошла де-факто, и страны сегодня разнятся прежде всего по степени благополучия своих граждан – благополучия не только материального, но и культурного, духовного, экологического.

Прав В.Никонов, когда утверждает, что после многих лет крушения этических ориентиров, общественной и политической морали, разгула коррупции созрел огромный запрос на моральную политику государства. Страна остро нуждается в возрождении таких понятий, как честь, достоинство, совесть, семейные ценности...

Последние мировоззренческие дискуссии привели к достаточно свежей мысли о том, что в ходе неизбежной и разумно развивающейся глобализации меняется понятие многополярного мира. Сейчас многие страны претендуют (или втайне мечтают претендовать в будущем) на мировое первенство. Но ведь авторитет в мире гуманитарной цивилизации не может сводиться к авторитету силы. Своеобразными полюсами мира могут становиться страны, являющиеся для других эталоном в различных сферах жизни: одни – признанные международные арбитры, другие – эталоны содружества с природой, третьи – высокие примеры воспитания детей.

И на этом пути у России особая роль. Россия родилась из утопии и всегда стремилась к утопическим целям: «Святая Русь», «Третий Рим», III Интернационал, «светлый социализм»... Герои русских былин уходили искать не выгоду, а смысл жизни, правду-матку, а справедливость всегда чтилась выше закона.

Кто же поведет в светлую даль?

По масштабам задач и накалу интриг, продолжающих будоражить сегодняшнюю Россию, можно утверждать, что все-таки мы скорее не Третий Рим, а Новая Византия. Сейчас все смешалось в российском доме: и незавершенные задачи последних 15 лет реформ, и все более широкий и свежий взгляд на суверенную цивилизацию новой России, и неясность – кому все же придется взваливать на свои плечи весь этот груз.

Выдвижение Путина в лидеры думского списка «Единой России» ситуацию отнюдь не прояснило. Я думаю, что кроме очень малого числа лиц в окружении самого Путина, никто сегодня внятно не объяснит, зачем это президенту нужно. Хотя «ЕР» везде заявляет, что она

«партия Путина», самому Путину от этого ни холодно, ни жарко. Рейтинг Путина сейчас таков, что, если он решит возглавить список Партии любителей пива, она гарантированно пройдет в Думу.

А впрочем, не будем вновь и вновь уповать на незаменимую личность. Вещие слова на иконе при входе в Новгородском Софийском соборе. Не помню их дословно, но смысл таков:

Человек, не надейся на Бога!

Свою жизнь ты творишь сам!

Есть и другой взгляд, пришедший к нам через века:

Все, что случится с тобой,

Записано в Книге жизни.

И ветер судьбы

Лениво перелистывает ее страницы.

Мне более близок наказ Святой Софии.

Не будем фаталистами, будем сами редактировать Книгу своей жизни и сами перелистывать ее страницы.

КОРОТКО О РУБРИКЕ

Эта рубрика появилась в журнале в 2005 году. Первые публикации наших коллег из аккредитованного в России иностранного журналистского корпуса стали своеобразным замером температуры в котле бушующих в журналистской среде страстей по поводу амбиций российского возрождения.

На протяжении уже двух лет нам привелось рассматривать свою страну сквозь линзы и мозаику их коллективного взгляда. За это время менялись не только наши пристрастные оценки их усилий. Постепенно приводимая ими аргументация становилась понятной, мнения — любопытными, заслуживающими признания и доверия. С удовлетворением замечаю, что и сами иностранные авторы, захваченные водоворотом впечатляющих процессов на пространстве России, стремятся познать их многообразие и объективно отразить в своих материалах.

Прошедший год не стал исключением, и в нашей рубрике продолжился разговор о поиске Россией своего места в раскладе мировых сил, о ее готовности ответственно решать стоящие перед мировым сообществом глобальные задачи мироустройства.

Теперь мало кто разделяет озабоченность США «участием демократии в России», наша страна убедительно подтвердила право оставаться самой собой и защищать свои интересы. Только намечавшийся в мире год назад процесс ухода от монополярности получает явные импульсы со стороны России, которая по принципиальным мировым и региональным проблемам заняла твердые позиции. В средствах массовой информации за рубежом этот факт не вызывает сомнений. Публикации пестрят заголовками «Грандиозные планы Путина», «Наследие Путина», «Россия в поисках себя», «Необходимо договариваться». Сильную Россию не все любят, но привыкают мириться с ее интересами, а значит, снова начинают уважать.

Журналисты раньше других иностранцев могут чувствовать смену настроений в российском обществе. И вот уже в их оценках нашей страны все чаще преобладают эпитеты качества, роста и развития. В основе появления в обществе уверенности, конечно же, стабильный рост доходов населения, укрепление финансово-экономического положения страны, наличие жизненной перспективы, прежде всего для молодежи.

Возрастающая поддержка населением Путина — и это трудно отрицать — совпала с благоприятной и не ухудшающейся конъюнктурой на мировых рынках энергоносителей. Можно много спорить по поводу того, достаточно ли для России быть энергоэкспортером, отставая от развитых стран в разви-

тии высоких технологий. Но ведь появились признаки того, что руководство страны готово ответить и на эти вызовы.

Простой взгляд на карту мира убеждает в том, что наши преимущества в ресурсах – не временное явление. Седьмая часть суши, а в перспективе, возможно, и значительная часть Арктики с несметными при освоении новых технологий добычи природными ресурсами, – вот залог нынешней уверенности и будущего процветания и лидерства России. И к такому пониманию приходят сейчас многие, даже те, кто за пару десятилетий отвык видеть в российском народе достойного партнера в глобальном мире.

Отнюдь не случайно в этом номере авторы рубрики обратились к самой актуальной теме – преемственности политического и экономического курса России. В дни, когда этот номер журнала выйдет из печати, читатель, скорее всего, уже будет знать результаты выборов в Государственную Думу России, однако главная интрига нынешнего выборного периода сохранится до марта 2008 года. Я надеюсь, сегодняшним авторам удастся удержать ваш, читатель, интерес к своим размышлениям на эту тему.

Олег НИКИТИН

ЗАРУБЕЖНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ О СВОЕЙ ЖИЗНИ И РАБОТЕ В РОССИИ

Ян ЧЖЭН, *московский корреспондент китайской газеты «Гуаньмин жибао»*

Моя профессиональная жизнь связана с Россией, где я с перерывами работаю с 1980-х годов. Этим летом я в очередной раз вернулся в Россию после 2-летнего перерыва. Последняя командировка пришлась на начало XXI века и продлилась до 2005 года. В тот период на просторах бывшего Советского Союза продолжались центробежные процессы, готовились условия или происходили «цветные революции». Тогда у меня было убеждение, что Россия не способна защитить свои национальные интересы.

В китайской прессе принято было говорить о стратегическом отступлении России. В этот раз я вижу другую ситуацию: Россия стала уверенной и крепко стоит на ногах. Ярче всего это видно во внешней политике. Позиция России стала жестче, например, по вопросу размещения в Европе американской системы ПРО. Я считаю, что это свидетельствует о возвращении статуса России как великой державы.

Последние четыре-пять лет Россия под руководством Путина добилась огромных результатов в экономике, но самое главное – изменилось настроение как в верхних эшелонах власти, так и у простых россиян. Есть ощущение рывка, который осуществила страна, особенно

если вспомнить программную речь Путина при вступлении в должность президента в 2000 году. Если не ошибаюсь, он намеревался восстановить статус великой России. Это и свершилось за два срока его президентства.

В китайской научной среде бытует мнение, что России повезло с высокими ценами на энергоресурсы. Я не согласен: мощь России заметна во многих отраслях, и не только в производстве нефти и газа, на которые приходится 18% ВВП. Самое главное достижение – Путин постепенно добился восстановления твердой власти, что стало гарантией развития страны и успехов ее экономики. С приходом Путина закончилась эра олигархов, остановлено растаскивание страны, прекратилось обнищание народа. Началась стабилизация жизни, так необходимая для большой страны. Если кто-то скажет, что в избранной Россией политической модели усматривается китайский опыт выстраивания вертикали власти и поддержки рынка, я спорить не буду. Идеология здесь ни причем, в основе – здоровый национальный прагматизм. Не следует серьезно реагировать на заявления тех политиков, особенно западных, которые обвиняют Путина в авторитаризме. Критерием правильной политики могут быть только ее результаты и ожидаемое направление развития.

Сейчас Россия идет, по-моему, в правильном направлении. К ее голосу прислушиваются мировые державы, даже если это кому-то неприятно. Растет уровень жизни населения, простые люди получили возможность жить лучше.

Мы очень хотим, чтобы начатый Путиным курс продолжился. Решение Путина не баллотироваться в президенты на третий срок я принимаю с пониманием, но не я один думаю, что для России лучше, если бы он остался. Думаю, кто бы ни стал новым Президентом России, начатое 8 лет назад дело будет продолжено. В российском обществе появилась уверенность в будущем, рейтинг доверия избирателей Путину достигает 70–80%. Поэтому ныне оппозиционные Путину силы должны будут признать неотвратимость продолжения его курса и согласиться с этим.

Сегодняшний мир разнообразен. Каждый народ выбирает свой путь развития. Ни русские, ни китайцы не должны ориентироваться на чью-либо идеологию, позицию, прежде всего следует отстаивать интересы своего народа, своей страны.

Национальный интерес лежит в основе традиционной китайской философии, кажется, это разделяют политики и в России. Китай, как и Россия, уже не подвергает общество идеологическим экспериментам. Хотя недавний 17-й съезд КПК вновь подтвердил курс на продолжение строительства социализма с китайской спецификой, наши цели прагматичны. Поставлена задача к 2020 году поднять жизненный уровень за счет повышения в 4 раза показателя ВВП на душу населения.

Это продолжение курса Дэн Сяо Пина, сказавшего, что «не надо смотреть на цвет кошки, которая ловит мышей». В этом смысле наше общество уже давно не идеологизировано. Мы испытали горький опыт последствий культурной революции и теперь активно развиваем все формы рыночной экономики.

Часто задают вопрос: за счет чего происходит бурный рост экономики Китая, что можно перенять для России? Крупные инвестиции в китайскую экономику из-за рубежа стали возможными по следующим причинам.

Во-первых, и в этом я соглашусь с мнением многих китаеведов, значительную долю инвестируют хуацяо – выехавшие из Китая соотечественники, которые в силу традиций не теряют связей с родными и своей первой родиной. Они, несмотря на свое новое гражданство, продолжают ощущать себя китайцами. А в Китае им создаются благоприятные условия для вложения капиталов.

Второй фактор – инвестиции тайваньцев, около одного миллиона из них работает в материковом Китае. Они имеют все условия для участия в экономической жизни нашей страны, успешно ведут бизнес и, конечно же, не поддерживают планы сторонников независимости Тайваня.

Третий фактор – привлечение совместного капитала, наличие больших льгот для иностранных инвесторов. Четвертый фактор – низкая стоимость рабочей силы, у вас в России такого нет.

И, наконец, пятый фактор – огромный рынок потребления товаров. Всем произведенным товарам найдется место внутри страны. При этом у нас политическая стабильность.

Каждый из этих факторов мог бы «работать» в России. У вас появилось много бывших соотечественников, разбогатевших за рубежом, их капиталы надо привлекать в страну. У вас есть русскоязычное ближнее зарубежье, этим людям можно найти применение в экономике.

Я знаю, в России активно интересуются китайским опытом развития экономики и общества. Ваши дипломаты, ученые, специалисты внимательно изучают нашу специфику, чему мы откровенно рады. Мы учимся друг у друга. Конечно, и в нашем обществе хватает проблем. Самой острой, вызывающей конфликты, является, например, разрыв между бедными и богатыми. И КПК всерьез настроена решать эту проблему. Другая проблема – коррупция. По сообщениям ваших СМИ я вижу, что вы знакомы с методами борьбы наших государственных органов с этой заразой.

Хотел бы рассеять одно подозрение, почему-то укоренившееся в сознании россиян по отношению к южному соседу. В российских СМИ порой можно слышать о китайской демографической «угрозе», якобы нависшей над Дальним Востоком. Как журналист, могу привести массу доказательств отсутствия подобных «сценариев» у китайцев. Не

только потому, что знаю их философию и жизненные традиции. Сошлюсь на мудрость и накопленный опыт нынешних руководителей Китая, заявивших, что мы «никогда не станем на путь гегемонизма и экспансии».

Дженк БАШЛАМЫШ, *московский корреспондент турецкой газеты «Миллиет»*

Мало кто сейчас знает наверняка, уйдет Путин из большой политики или нет. Одно несомненно, с такой поддержкой, какая есть у него в обществе, можно было бы выбрать любой вариант: внести изменения в Конституцию, провести референдум о доверии, перераспределить функции власти. То, что Путин делает, или, наоборот, не делает в этом направлении, – показательно и очень важно для будущего страны. Например, он не хочет менять Конституцию для продления своих полномочий, хотя в восточной традиции это было бы признано правильным.

Вероятно, Путин принял установленные правила игры, и, какой бы вариант своего участия в политической жизни страны он ни избрал, он будет соблюдать правила. Уже это – важное достижение для российской политической системы. Пусть это кажется смешным; на самом деле, зачем отдавать полномочия, когда все в стране хотят продолжения твоего курса и готовы уговаривать тебя остаться. Импонирует так же то, что лидерам России приходится «играть по демократическим правилам», они понимают – это нужно им и их стране.

Турция на своем опыте знает, что нации, которая «приняла» демократию сверху, требуется время для создания собственных защитных механизмов от авторитарности. Почти всегда такому обществу необходима помощь со стороны приверженных демократии государственных институтов. Такая роль может отводиться военным, как было в целом ряде стран. Может, это звучит парадоксально, но некоторые думают, что такую же роль могут играть и спецслужбы.

Говоря о перспективах российско-турецких отношений, надо признать, что Турция со времен СССР стремилась поддерживать хорошие отношения с Россией, но до сих пор настороженно и с недоверием продолжает относиться к совместным альянсам, инициативам. Ее позицию можно назвать позицией ожидания: мы готовы к развитию сотрудничества, но ждем конкретных предложений со стороны России. Это характерно для стран, где отсутствуют общественные группы лоббирования конкретных интересов.

Если бы в Турции было сильное пророссийское лобби, состоящее из людей с устойчивыми экономическими связями в России, они бы активней добивались от правительства поддержки курса на сближение с вашей страной. Но этого пока нет.

В середине 1990-х годов, особенно во время эскалации чеченского конфликта, российско-турецкие отношения испытали спад, сопровождавшийся предубеждением друг против друга, отсутствием диалога, а отсюда – взаимным недоверием. Симпатии части мусульманского населения Турции к чеченцам кое-кто в России отождествлял с государственной политикой Турции. Однако, начиная с визита Президента Путина в Анкару в 2005 году, все изменилось. Лидера России такого уровня Турция у себя видела впервые. Конечно, многие ожидали большего от проведенных переговоров и принятых решений, но и достигнутый результат впечатляет: намеченный на 2008 год объем годового товарооборота – 25 млрд. долл. – был достигнут уже к сентябрю 2007 года.

Хотелось бы дальнейшего сближения, особенно по внешнеполитическим вопросам.

Может быть, рано говорить о разработке совместных стратегий, но можно поддерживать режим постоянного диалога, консультаций, обмена делегациями. Турция, об этом в России немногие знают, активно участвует в процессе ближневосточного урегулирования. Имея тесные связи с арабскими странами – участницами конфликта, Турция считается в то же время единственным в регионе союзником Израиля. Ее роль посредника похожа на ту, которую стремится играть и играет Россия. Мы по многим вопросам занимаем схожие или совпадающие с Россией позиции. Не раз отмечено, что многие заявления России по проблеме ближневосточного урегулирования готовятся с учетом позиции Турции, заранее согласовываются с ней. Это немаловажно.

Находясь со второй половины XX века в западном альянсе, Турция часто занимает самостоятельную позицию, которая не нравится ее партнерам. Можно вспомнить отказ предоставить свою территорию войскам коалиции (США) для удара по Ираку. Может быть, в отместку за это сейчас Турция оказалась перед опасностью серьезного военного конфликта на границе с северным Ираком. Причиной силового решения стала, как думают в Анкаре, «неспособность» США повлиять на подконтрольные им правительства Иракского Курдистана и Ирака для устранения террористической угрозы со стороны боевиков КРП. Возможно, США не все сделали для того, чтобы снизить для Турции эту угрозу. В то же время в США активизировалось антитурецкое лобби, которое добивается принятия в Конгрессе резолюции «о геноциде против армян». Это весьма чувствительный для турецкого общества вопрос, и создается впечатление, что его используют в какой-то большой политической игре.

Согласен с тем, что никто из-за рубежа не вправе оценивать, а тем более поучать россиян, как им действовать. Это не принято и в обычной жизни среди хороших соседей: на кого потом пенять, когда бездумно принятый совет приведет к беде? Россия достойно переживет предстоящие выборы новых институтов власти и продолжит движение вперед в соответствии со своими национальными интересами.

Димитрис ЛИАТСОС, *московский корреспондент греческого телевидения*

Заканчивается второй президентский срок, и многие задаются вопросом: не обратимы ли те преобразования, которые мы наблюдаем в России последние 7–8 лет. Куда они ведут Россию? Точно не туда, куда вели страну политические лидеры в 1990-е годы. А именно – в обратную сторону от хаоса, разрухи, распада Федерации. По крайней мере, в лучшую для россиян сторону. Обратимы ли эти изменения? Попробуйте в любом из 1980-х годов ответить на вопрос о скором развале СССР! Может, ключ к пониманию вопроса – в представлении о будущем российской экономики?

Благоприятная конъюнктура на мировых рынках позволила стране в короткие сроки преодолеть последствия распада, обрести финансовые ресурсы для продолжения преобразований. Но удачная конъюнктура еще не все, я вижу в России стремление создать экономику современного типа, сбалансированную и саморегулирующуюся. Доля зависимости страны от экспорта энергоресурсов пока высока, однако нельзя не заметить качественных изменений структуры внутреннего потребления, например продуктов питания, где растет доля отечественных производителей. Это залог обеспечения продовольственной безопасности. Контроль за ввозом продовольствия в Россию, будь то запреты правительственных ведомств на ввоз польского мяса, грузинского вина или чего-либо другого, поспешно объявляемые за рубежом политически обусловленными актами, – это показатель зрелости страны, что бы ни говорили конкуренты. Это значительный шаг, удаляющий страну от положения «мировой продовольственной свалки», какой она была в 1990-е годы.

Об отношении общества, населения к власти.

Как никто другой в мире, российский народ воспринимает власть сердцем. В вашей истории, в том числе недавней, есть много примеров, когда это имело отрицательные последствия для страны. Известна русская поговорка: «От любви до ненависти – один шаг». Горбачев и Ельцин испытали на себе и взлеты народной любви, и горечь падения популярности. К удивлению многих наблюдателей и к счастью россиян, рейтинг Президента Путина остается высоким и даже растет к концу разрешенного конституцией срока его полномочий.

Такое положение меня лично настораживает. Как можно сохранить преемственность курса, олицетворяемого с сильным политиком Путиным, в условиях передачи президентской власти другому человеку? Думаю, что механизмы действия государственных институтов в России еще недостаточно надежны, чтобы пройти испытание бесконфликтной передачей власти. С моей точки зрения, может возникнуть проблема отношений будущего лидера России с внешним миром, другими

субъектами мировой политики. Все-таки Путин в высокой политике оказался очень успешным, и его вряд ли кто-нибудь сможет повторить.

Во внутренней политике будут существовать попытки изменения курса под влиянием разных кланов, нельзя сбрасывать со счетов и резкую критику курса Путина со стороны оппозиционных групп. Хотя они немногочисленны, но разные «комитеты» и пр. хотели бы видеть «другую» Россию.

«Курс Путина» находит позитивный отклик в большинстве социальных групп населения страны. Однако я предполагаю, что такое положение сохранится до тех пор, пока точкой отсчета благоприятных изменений для каждого человека будет оставаться кошмар 1990-х годов. По сравнению с ним начало XXI века воспринимается в России как время расцвета. Но когда жизнь большинства людей в вашей стране станет устойчиво стабильной, достигнет по базовым социальным показателям приемлемого уровня, тогда люди станут спрашивать, а почему мы все еще недостаточно хорошо живем. Это неизбежно. Уже виден некоторый дисбаланс между тем, как российские бизнесмены при поддержке государства выстраивают равные отношения с партнерами, скажем, из Германии, Италии, США, и тем, в каком состоянии находится отечественная рабочая сила, довольствующаяся минимумом, не идущим ни в какое сравнение с положением работников в тех же развитых странах.

Курс Путина должен измениться так, чтобы большая часть населения достигла уровня доходов их западных коллег – инженеров, врачей, преподавателей и т.д. и т.п. И доходы эти должны стать законными, без обмана и укрывательства, столь распространенных в сегодняшней экономике. Бизнес-элита России должна своим поведением преодолеть предубеждение, существующее в обществе. Они не преемники бандитов и рэкетиров 1990-х годов, бандит и банкир – это не тождественные понятия. Лишь при соблюдении всеми участниками рыночных отношений правил и законов можно создать условия для нормальной работы бизнеса и обеспечить права работников.

Многие сравнивают Путина с царем, по российской традиции вспоминается хороший царь. Говорят: нам не стыдно за президента – пусть он останется. А что, если станет он нехорошим или, не дай бог, немощным? Да и вообще, такая линия может завершиться культом личности. Другая политическая линия – создание двухпартийной системы. Путин подталкивает страну к такому варианту, почему бы нет?

Явление Путина уникально не только для России, но и для мира. Это политик, который аккумулирует сигналы, знаки, намеки, исходящие из глубины общества, быстро реагирует на них, проявляя глубокую осведомленность в положении дел. Показательны его ежегодные телемосты с населением, ежегодные встречи с журналистами в Крем-

ле, которым в мире трудно найти аналоги. Интеллектуальная подготовка президента видна всем – это во-первых. Простой человек, глядя на него, говорит: «За этого президента не стыдно». Однако Путин не только хорошо говорит – пиар это часть его работы, но он много хорошего делает – это во-вторых. Каждый человек в стране может почувствовать это на себе и оценить. Одновременно эти два момента делают Путина безусловным лидером в своей стране и уникальным политиком среди лидеров мировых держав.

Поэтому проблема преемственности не может не беспокоить. Сильная, мощная, процветающая Россия не только благо для своих граждан, но и для окружающих стран, в том числе моей родной Греции.

Валерий БУЯНОВ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИМИДЖ РОССИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Человек, будучи существом общественным, всегда зависел от мнения окружающих. Престиж, репутация, стремление выглядеть хорошо в глазах других волнует всех – простых обывателей и крупнейших предпринимателей, маленькие фирмы и большие государства. Это то, что обозначается понятием «имидж», что с английского переводится как образ, типаж, вид, изображение и т.п. У имиджа есть что-то от театра. Но ведь жизнь и есть театр, где у каждого своя роль и свое амплуа.

В условиях глобализации и обостряющейся конкурентной борьбы имидж, или, как сейчас модно говорить, бренд, дорогого стоит. На формирование запоминающихся образов, отличительных и узнаваемых марок, качеств и свойств тратятся огромные средства, удельный вес которых постоянно растет.

О своем имидже заботится каждое государство, имея в виду как репутацию среди граждан собственной страны, так и среди зарубежной общественности. Во втором случае мы имеем дело с международным имиджем государства, необходимость формирования которого неоспорима. Положительный имидж страны помогает закрепить ее политические успехи в мире, усиливает конкурентные возможности, облегчает практические действия в отношениях с другими государствами. Равно как и наоборот: негативное восприятие государства значительно затрудняет его интеграцию в мировое сообщество, подогревает предубеждения против страны и ее народа.

В обобщенном виде международный имидж государства характеризуется следующими чертами:

- соответствием (хотя и неполным) реальному состоянию страны;
- подчеркиванием наиболее запоминающихся сторон жизни государства, их уникальности и специфичности;
- постоянством некоторых клише и одновременно подвижностью образа страны;
- сильной эмоционально-психологической составляющей;

- простотой отражения объекта;
- мифологизацией и символизацией различных аспектов жизнедеятельности государства;
- широким разбросом мнений о государстве, когда в одних странах его идеализируют, в других – демонизируют;
- взаимообусловленностью международного имиджа страны и менталитетом народа.

Можно назвать и другие свойства имиджа государства: схематичность и синтетичность, идеализация и ограниченная самостоятельность, неопределенность и конкретность, дифференциация и доверие целевой аудитории, противопоставление образа третьих стран.

Имидж имеет величины неизменные и переменные. В числе первых – константы географического и геополитического положения государства, его демографического состава, конфессиональной принадлежности народа, природных ресурсов, а также значимые исторические события. К переменным величинам относятся характер власти, правительственный курс, текущие события внутри- и внешнеполитической жизни.

В формировании современного имиджа государства особую роль играют средства массовой информации. Но и другие каналы воздействия не уступают им. К примеру, продукция кинокомпаний Голливуда для создания привлекательного образа США в мире сыграла роль не меньшую, чем все СМИ этого государства. И вряд ли случайно, что известные актеры стали политическими деятелями: Д.Мерфи – сенатором, А.Шварценеггер – губернатором, Р.Рейган – президентом США.

Сегодняшний международный образ страны во многом предопределен ее историей. Это в полной мере относится и к России.

Имидж России и менталитет русских: экскурс в минувшее

Можно выделить несколько вех формирования образа России и русского (российского) народа в глазах других государств и национальных сообществ. В Средние века был дан пассионарный толчок тому, что впоследствии определило судьбу России и русский менталитет. Крещение Древней Руси в конце X в. способствовало укреплению государства, развитию культуры, сближению с европейским христианским миром. Но затем в результате раскола в середине XI в. христианства на православие и католицизм началось отдаление России от Европы. Изолированность усугубилась после подчинения на два с половиной века русских княжеств монголо-татарской власти. А.С.Пушкин писал: «...у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу... Христианская цивилизация была спасена... нашим мученичеством,

энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех...»¹

Удельная Русь, а затем и Московское государство испытывали постоянное давление по всем азимутам: с севера и с запада нападали шведы и немцы, поляки и литовцы, с юга – крымчаки и турки, степные и северокавказские племена, с востока – татарские орды. В битвах с иноземцами и иноверцами, в борьбе за выживание в условиях суровой природы складывался русский национальный характер и создавалось централизованное, тоталитарное по своему характеру, мощное государство. Многие на Западе не переставали удивляться быстрому восстановлению Руси после монгольского ига и истощения. К примеру, К.Маркс, который, как известно, не жаловал Россию, тем не менее отмечал: изумленная Европа, едва знавшая о существовании Руси... вдруг увидела у себя под боком огромную империю, и сам султан Баязид слышал надменную речь москвитя.

Кардинальные реформы Петра I, военные победы над шведами, создание военно-морского флота превратили Россию в первоклассную державу, без которой отныне мировая политика стала невозможной. Весь XVIII век прошел под знаком побед русского оружия. Народный характер Отечественной войны 1812 г., освободительный поход русских войск, дошедших до Парижа, доброжелательность россиян развеяли миф о жестоких варварах с Востока. Репутация страны в те времена была чрезвычайно высока, она играла ведущую роль в Концерте стран, определявших миропорядок после наполеоновских войн.

Однако вскоре стало появляться то, что в наши дни назовут «самонадеянностью силы». Показательны в этом отношении слова Николая I: «Россия есть государство военное, и его предназначение – быть грозой света». Когда на парижской сцене поставили спектакль антирусской направленности, этот император потребовал снять его. В ответ на колебания французов он процедил: «Тогда мы пошлем сотню тысяч «зрителей» в шинелях, чтобы они «захлопали» пьесу». Спектакль был снят.

К середине XIX в. становится очевидным техническое отставание России от стран Запада, что отчетливо проявилось в ходе Крымской кампании. За исключением трудной войны с Турцией в 1877–1878 гг., военные победы царской России закончились. Международный имидж государства в те годы был весьма противоречив. Россия оставалась одной из великих держав. Вместе с тем все очевиднее становились архаичность социальной структуры и кризис верховной власти, назревало недовольство во всех слоях общества. Но одновременно – расцвет русской культуры, ее «золотой» век. Именно в российской литературе и публицистике, в научных трудах тогда стала активно дискутиро-

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 19 т. Том 16. – М., 1997. С. 392.

ваться тема «Россия и Запад», развернулась борьба между «западниками и «славянофилами», сторонниками европейского и самобытного путей развития. Одни, как П.Я. Чаадаев, полагали, что Россия отлучена от всемирной истории и не ей посягать в «семье цивилизационных народов на звание народа с высшей против других цивилизаций...»² Другие признавали право русских поучать остальных, как жить.

С разных позиций рассматривался и менталитет русского народа, который вобрал в себя черты Юга (Византии), Востока (татаро-монголов) и Запада (Европы). Плюс государство, расположенное на двух огромных континентах и как бы соединяющее их. В этом уникальном соединении геополитических пространств и геоцивилизаций и следует, по-видимому, искать корни русского (российского) национального характера. Среди его архетипов чаще всего выделяют:

- простор – как доминантная черта русского менталитета, удивительная способность русских осваивать огромные пространства (за 400 лет, начиная с Ивана Грозного, территория страны выросла в 36 раз);
- особый статус России в истории человечества, ее богоизбранность и мессианское предназначение («Москва – третий Рим, четвертому – не бывать»);
- промежуточность российского самостояния между Европой и Азией, цивилизациями Запада и Востока («Хартленд», сердце мира);
- непостижимость российской действительности для других («умом Россию не понять»);
- державность, желание видеть свое государство великим.

Выдающиеся русские мыслители многократно подчеркивали, что русский характер не просто противоречив, как и любой другой, но и в высшей степени поляризован. Он, как писал Н.А.Бердяев, «есть совмещение противоположностей. Им можно очаровываться и разочаровываться, от него всегда можно ждать неожиданностей, он в высшей степени способен внушать к себе сильную любовь и сильную ненависть. Это народ, вызывающий беспокойство у народов Запада»³.

По оценкам зарубежных наблюдателей и соотечественников, русский народ талантлив, но плох в работе, для него характерны «беспечная храбрость» и «забвение всякой мерки во всем», он «генетический империалист» и одновременно толерантен по отношению к другим народам, он «медленно запрягает, но быстро ездит». У русского народа, народа с тенденцией самоотрицания и саморазрушения, не менее сильны импульсы самосохранения и самовосстановления, что так поражает иностранцев. Кажется, У. Черчилль сказал: ни один народ не выдержал бы и десятой части того, что пришлось на долю русских. Все это в

² Чаадаев П. Философические письма // Собр. соч. и Избранные письма. – М., 2001. С. 13.

⁴ Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. – М., 2001. С. 13.

известной мере объясняет крутые повороты русской судьбы и российского государства.

После 1917 г. международный имидж страны менялся не единожды. Невиданный эксперимент по строительству нового общества, осуществляемый в советской России, никого, хотя и по-разному, не оставлял равнодушным. Трудно было отрицать прорыв СССР в индустриализации и в других областях. Впечатляли успехи в социальной сфере: ликвидация безработицы, бесплатное образование и медицина, забота о детях. На престиж государства работали весьма положительные отзывы о нем ряда выдающихся деятелей западной культуры – А.Барбюса, Л.Фейхтвангера и др.

После победы в Великой Отечественной войне авторитет Советского Союза был необычайно высок. По ряду показателей СССР вышел на первое место в мире. Он открыл космическую эру, построил первые атомные электростанции, атомные ледоколы и пр. Овладев ракетно-ядерными технологиями и достигнув стратегического паритета с США, страна превратилась в сверхдержаву, распространяя свое влияние в глобальном масштабе.

Советская власть придавала исключительное значение символам государства. Ежегодные военные парады и демонстрации на Красной площади, Всесоюзная выставка достижений народного хозяйства, скульптура В.Мухиной «Рабочий и колхозница», эпопея челюскинцев, беспосадочный полет экипажа В.Чкалова в Америку, Московский университет на Воробьевых горах, советский цирк, Большой театр – все это являлось важными элементами имиджевой политики СССР, показателями величия державы. Так же, как автомат Калашникова. Или как спорт: если по общему командному зачету наши спортсмены на всемирных Олимпийских играх занимали не первое место, то это считалось чуть ли не поражением.

Власть стремилась позиционировать себя как подлинно народная. Непревзойденным мастером создания собственного имиджа был Сталин, почитание которого у многих граничило с обожествлением. Последующие «вожди» стали мельчать, их образ в глазах населения потерял харизматичность, более того, вызывал насмешку, как это было с наградами «нашего дорогого Леонида Ильича».

Разоблачение культа личности, доказательства массовых репрессий, вооруженное подавление восстаний в Берлине и Будапеште, ввод войск в Чехословакию, вторжение в Афганистан, пропаганда идеологии развитого социализма при пустых полках магазинов – эти и другие факты и явления отрицательно сказывались на имидже СССР за рубежом, особенно в контексте «холодной войны». В общественном мнении западных стран формировалось представление о Советском Союзе как государстве мрачном, закрытом и агрессивном («империя зла»), несущем угрозу ценностям евроатлантической цивилизации.

С началом перестройки международный образ страны опять стал меняться. Риторика М.С.Горбачева о новом мышлении и мире без границ вкупе с политическими уступками Западу сделали тогдашнего советского руководителя весьма популярным за рубежом. Но чем выше он оценивался там, тем ниже его рейтинг был здесь, на родине, пока не опустился ниже критической отметки. Непродуманность реформ, кризисное состояние экономики и снабжения населения, потеря рычагов управления, а в целом – чудовищное сочетание неблагоприятных факторов привели к обрушению еще недавно могущественного государства. Закончилось противостояние двух антагонистических социально-экономических систем и военно-политических блоков, двух образов жизни. Вступив в ново-старую капиталистическую эпоху, Россия вновь круто поменяла вектор своего развития.

Постсоветский имидж России

Потери страны после событий 1991 г. огромны, некоторые невосполнимы. Откололась четвертая часть государства с почти половиной населения. Резко упала экономическая мощь: на 50% к 2000 г., в то время как самый большой спад промышленного производства пришелся на 1942 г. и составил 23%. В коматозном состоянии пребывали военно-промышленный комплекс, армия, флот, органы госбезопасности. Россия оказалась без союзников и в геополитическом одиночестве. В 1990-е годы она вновь, как и в начале XX в., стала страной периферийного капитализма. Де-юре являясь правопреемницей СССР и по-прежнему обладая большим арсеналом ядерного оружия, де-факто Российская Федерация по многим показателям скатилась в разряд стран «третьего мира».

Все это не могло не сказаться на международном имидже постсоветской России. Впечатления о ней за последние 15 лет можно выразить триадой: эйфория – скепсис – неприятие. Вначале за рубежом было упоение от победы в «холодной войне» и уверенность в неотвратимости следования России в русле евро-американской модели развития. Примерно с середины 90-х годов наступает разочарование реформами и скандальным поведением верхушки российского общества, не вписывавшейся в благопристойный имидж западного истеблишмента. С начала нового века все очевиднее становится неприятие современной России.

Уже не раз отмечалось, что даже на пике «холодной войны» образ страны был менее негативным, чем в пореформенные годы. Нас и раньше далеко не все понимали и любили, но, по крайней мере, уважали или боялись. После «капитализации» России – ни того, ни другого, ни третьего. Антисоветизм сменился русофобией. Отсюда вывод: США и Западная Европа боролись не столько с коммунистической идеологией и социалистическим строем, сколько с глобальным конкурентом.

В конце минувшего столетия перед политической элитой западных стран стояла дилемма: что лучше – достаточно сильная Россия с рыночной экономикой, партнер Запада и возможный противовес не-Западу или же Россия слабая, может, даже разрушенная. Складывается впечатление, что верх одержала последняя точка зрения. Евроатлантическая коалиция пытается целенаправленно сформулировать единую политику в отношении России и раскручивает, по словам министра иностранных дел РФ С.Лаврова, информационно-пропагандистскую кампанию, которая призвана создать негативный облик нашего государства⁴.

Очевидно стремление «демонизировать» Россию, особенно в связи с делом Ходорковского, убийством Политковской, отравлением Литвиненко. Обычным делом стала критика России на заседаниях ПАСЕ и других европейских форумах. Ширятся обвинения в авторитаризме и бонапартизме верховной власти. Оппоненты действуют цинично, постоянно используя практику двойных стандартов.

Скажем, Евросоюз в последние годы быстро расширяется. Но одновременно ЕС и США выступают против интеграционных процессов на территории бывшего СССР. Незыблемым постулатом веры западная цивилизация считает рыночный принцип экономических отношений, и одновременно политически враждебными объявляются действия российских властей по установлению рыночных цен на энергоносители для бывших советских республик. Настаивают на соблюдении российской стороной ДОВСЕ, в то же время расширяют НАТО на восток, размещают военные базы в странах бывшего советского блока, в одностороннем порядке принимают решение о базировании третьего позиционного района глобальной ПРО США в Восточной Европе. Суверенитету Косово – да, для Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья – нет. И так почти во всем, включая, казалось бы, общие проблемы борьбы с международным терроризмом, особенно когда речь идет о Чечне. В последнем случае нередко жестоких убийц и работорговцев представляют как борцов за свободу и независимость, а российские войска, наводящих порядок в регионе, как армию насильников и грабителей.

Создание негативного образа современной России ведется по многим направлениям. Если их сгруппировать, то РФ предстает как государство, где:

- нет настоящей демократии, отсутствует гражданское общество, власть сконцентрирована в руках одного человека;
- экономика остается сырьевой, не создано условий для стабильного развития бизнеса, в том числе иностранного;

⁴ См. Лавров С. Настоящее и будущее европейской политики // Известия. 3.07.2007.

- система социальных гарантий ниже критической черты, массовая бедность соседствует с баснословными доходами сверхбогачей;
- коррумпированность поразила все поры государства, уровень безопасности людей крайне низок;
- прежняя могущественная армия ныне недееспособна, в новом облики возрождается КГБ;
- воскресают имперские амбиции, особенно применительно к постсоветским странам;
- в качестве политического оружия используются энергоресурсы;
- внешняя политика все отчетливее обретает антизападную направленность;
- русские в годы реформ демонстрируют свои «варварские инстинкты», они опасны для цивилизованного мира.

Создатели образа России за рубежом особый упор делают на проблемах свободы и прав человека, подчеркивая при этом, что в последние годы происходит откат от демократических «достижений» 1990-х годов. Данную тему с завидной регулярностью поднимают все – от президента и вице-президента США до разнообразных СМИ. Получается, что в лихие годы конца прошлого века демократии в стране было больше, чем сейчас. Назойливо поучая Россию, Запад не желает слышать аргументы о молодости и особенностях российской демократии, о том, что ее нельзя слепо копировать с чьих-то образцов.

Имидж страны за рубежом во многом зависит от авторитета верховной власти. В данной связи удивителен феномен В.В.Путина. Несмотря на восьмилетний срок пребывания на посту Президента РФ, его популярность у россиян остается очень высокой. Это связано прежде всего с его деятельностью по укреплению государства и защите национальных интересов. Именно то обстоятельство, что при В.Путине Россия стала набирать силы и возвращать утраченные позиции на мировой арене, и послужило одной из причин ожесточенных нападок на него лично.

Вещь удивительная, но объяснимая: во время хаоса 1990-х годов в России Запад ей аплодировал, а сегодня, когда страна окрепла и стала более консолидированной, ее всю критикуют и выставляют в дурном свете. Над первым Президентом РФ лишь мило подшучивали, смакуя его «загогулины». Расстрел парламента из танков, бойня в Чечне, грабительская приватизация, обнищание населения, развал экономики, дефолт, недееспособное правительство, разгул криминалитета, пьяные выходы главы государства за рубежом, грязные президентские выборы 1996 г. – прощалось все. Нынешнего же Президента РФ критикуют постоянно, не стесняясь в оценках и выражениях.

Стало модно отождествлять Россию с Путиным. Отождествлять – и тут же очернять. Лишь немногие в западной прессе встают на защиту России, пытаются вскрыть истинную подоплеку вещей. К ним, напри-

мер, относится известный обозреватель The Times Анатолий Калецкий. «Появление Владимира Путина как врага номер один на мировой арене удобно для всех, – пишет он. – Джорджу Бушу это помогает прикрыть геополитические провалы в Ираке и презрение к стремлению европейцев добиться перемен в климатической политике. Ангеле Меркель Путин помогает скрыть провалы атлантической дипломатии, а новичку Николя Саркози дает возможность проявить свой жесткий характер, не становясь при этом на антиамериканские позиции. Руководство ЕС получает возможность продемонстрировать солидарность с вновь принятыми в Союз странами Восточной Европы, не идя при этом на отмену принятых по отношению к ним дискриминационных мер»⁵.

Важная составляющая имиджа государства – состояние его экономики, уровень и качество жизни людей. Заметный экономический рост за последние годы, успешное погашение внешних долгов, увеличение потребительских расходов населения – эти положительные факторы постепенно укрепляют положительную репутацию России в финансово-экономической сфере.

Вместе с тем существует немало негативных обстоятельств, которые мешают интеграции РФ в глобальную экономику и приобщению к числу развитых стран. Низка конкурентоспособность отечественных товаров. Растет технологическое отставание, в том числе от новых развивающихся экономик. Велика инфляция. За границей не очень понимают, как в такой богатой стране так много бедных. Децильный коэффициент (разница в доходах между 10% самых богатых и 10% самых бедных) постоянно растет и только по официальной статистике достиг 15 раз, а в Москве – 41(!). Заметим, что в скандинавских странах «победившего социализма» – Дании, Финляндии, Швеции – разница в доходах между самыми богатыми и самыми бедными составляет 3–4 раза. В Германии, Австрии, Франции этот коэффициент равняется 5–7, и такой уровень экономисты считают оптимальным.

Одна из основных тем, активно обсуждаемых за рубежом, – глобальная энергетическая безопасность и роль России в разрешении этой обостряющейся проблемы. РФ преподносится как государство, которое стремится использовать свои богатейшие запасы углеводородов в качестве политического оружия. Считается, к примеру, что «кризисы поставок энергоносителей, в особенности с Украиной в 2006 г. и с Белоруссией в 2007 г., нанесли имиджу России серьезный ущерб»⁶. Забывается, что наша страна всегда строго соблюдала свои обязательства перед западными партнерами. Не учитывается также, что РФ, как и любое другое государство, вправе устанавливать экономически обоснованные цены на свои энергоресурсы и самостоятельно определять пути их доставки.

⁵ Цит. по: Грач Д. И злые пьяные медведи // Наше время. №49. 2.07.2007.

⁶ Интервью со статс-секретарем МИД ФРГ Эрлером // Московские новости. 26 января – 1 февраля 2007 г.

Важнейшей характеристикой государства всегда выступала его оборонная мощь. После разрушения СССР Российская армия переживала тяжелые времена. Неудачи первой чеченской кампании и позорное хасавюртовское соглашение, гибель атомной подлодки «Курск», неудачные пуски морских баллистических ракет в присутствии Верховного Главнокомандующего, «дедовщина» в армии и потеря престижа военной службы – достаточно убедительные свидетельства неблагополучия в ВС России. Поэтому неудивительно, что в зарубежной прессе проводился тезис о том, что грозной Российской армии больше нет, ее могущество в прошлом⁷.

В последние годы, когда началась реформа Вооруженных Сил России и масштабная модернизация вооружений, в том числе стратегических, тон зарубежных публикаций и высказываний специалистов стал меняться. Одни пытаются по-прежнему пренебрежительно оценивать российские военные усилия. К примеру, комментируя возобновление после 15-летнего перерыва полетов российской стратегической авиации, пресс-секретарь госдепа США Ш.Маккормак поерничал: «Если России захотелось достать часть старых самолетов из нафталина, это ее право». Другие, наоборот, раскручивают тезис о росте военной угрозы со стороны России.

Отсюда предложения, исходящие прежде всего из США, о необходимости вернуться к доктрине сдерживания России. Как соединить малосоединимое – заявления о партнерских отношениях и политику сдерживания времен «холодной войны» – не объясняется. Зато очевидна практическая составляющая данной политики. В первую очередь это наращивание военной силы блока НАТО. Численность его армий, включая США, в 2,7 раза превосходит Вооруженные Силы России. Военный бюджет государств – членов североатлантического альянса в 40 раз больше российского. Блок НАТО в 2002 г. впервые вышел к границам России и рассматривает планы дальнейшего расширения на восток. Складывается впечатление, что по отношению к Российской Федерации пытаются осуществить «принцип анаконды», в том числе с помощью злокозненных и злоязычных соседей, ранее входивших в состав СССР, или бывших его союзниками. Между тем согласно многочисленным опросам населения Европы и других регионов именно США, а не Россия представляют сегодня главную угрозу миру. Только за последние годы Штаты вместе с союзниками вели три большие войны в Югославии, Афганистане, Ираке. В то же время ни один российский солдат за это время не воевал за пределами нашей территории.

Зарубежный образ России советской и России нынешней всегда сопровождался флером из мифов, полуправды и правды о деятельности ее

⁷ См., например: *Жансен С.* Красная армия мертва // *De Morgen* (Бельгия). 25 июня 2004 г.

спецслужб. Шпионские страсти будоражат обывателей и ныне. В раскрывании этой темы первенство, как и раньше, принадлежит Англии, для которой борьба с русскими разведчиками (и дипломатами) стала, кажется, одним из ее брендов. Дело Лугового, обвиняемого в убийстве Литвиненко британцами, потребовавшими не только выдать последнего, но и предложившими изменить Конституцию РФ, обрело характер политико-дипломатической и пропагандистской войны.

Что стоит за действиями властей Соединенного Королевства? Одни видят в этом стремление нового премьера заявить о себе как о решительном политике. Другие полагают, что речь идет об ответе ближайшего союзника США на все более жесткое отстаивание Россией своих национальных интересов. Третьи считают, что виноват бизнес, в частности фирмы «Шелл» и «Бритиш Петролеум», натравившие свое правительство в отместку за пересмотр Москвой газонефтяных соглашений по Сахалину и Ковыкте. Некоторые исходят из того, что больше, чем пресловутый полоний, англичан раздражает нашествие российских богачей. По-видимому, нервность британской элиты обусловлена совокупностью всех этих факторов. Но очевидно, что данная ситуация портит имидж России в Англии, равно как и наоборот.

Россия подвергается уничижительной критике за низкий уровень бытовой культуры, «нецивилизованность». Немало делается для того, чтобы создать общественное мнение о непривлекательности страны для иностранных туристов. К примеру, по данным исследований ряда зарубежных компаний, Москва в мировых рейтингах крупнейших городов и столиц по имиджу занимает 48-е место, по качеству жизни – 171-е, по уровню санитарии и здоровья – 201-е. Зато по количеству долларовых миллиардеров – 2-е место, опередив Лондон и пропустив вперед только Нью-Йорк⁸.

Не утихают дискуссии о менталитете россиян, их «портретологии». Существуют две точки зрения на современную трансформацию русского характера. Одни считают, что постсоветские реформы разрушают российский геном, его базовые элементы. Общественное сознание россиян поражается метастазами исторического беспамятства, поражения и обреченности. Идет упорная работа по «дебилизации» населения, деформируются морально-нравственные основы русского бытия, деньги становятся мерой всех вещей, а их добывание – почти что национальной идеей. «Мы являемся свидетелями открытого глумления, просто издевательства над русским характером и русским человеком», – пишет А.Ципко⁹.

⁸ См. Аргументы и факты. 2007. №29. С. 10.

⁹ Ципко А.С. Размышления о природе и причинах краха постсоветского либерализма / Вестник аналитики. 2004. №3. С. 17.

Другая точка зрения сводится к тому, что ментальная революция, затеянная в 1990-е годы, не состоялась, а национальная идентичность россиян не претерпела существенных изменений. Россия не утратила цивилизационных признаков, позволяющих ей по-прежнему позиционироваться как Запад–Восток. Более того, пропагандистская кампания против России вызвала обратную реакцию у россиян, усилила неприятие Запада и одновременно – осознание своей инаковости. На вопрос социологов: «Считаете ли вы себя европейцами?» – 71% опрошенных в 2007 г. ответили: «Нет». Число людей, утверждающих, что Евросоюз несет для России угрозу, приближается к 50%, и лишь 16% считают европейскую демократию примером для подражания¹⁰. Дальше – больше: все большее число жителей страны испытывает ностальгию по советским временам. Правда, следует учитывать то психологическое обстоятельство, что при неустроенности современной жизни прошлое начинает восприниматься с мифологическим оттенком безупречности. Есть здесь и прагматический элемент: почему, например, «отменили» пионерские летние лагеря, студенческие строительные отряды или другие привлекательные стороны советского прошлого?

Существуют некие общие клише, характеризующие Россию в глазах иностранных обывателей. Это огромная страна со сказочными природными богатствами. Там много нефти, газа, ядерного оружия и водки. Там богатейший по части ругательств язык. Там живут самые красивые женщины и самые пьяные мужики. Женщины сидят дома, а мужики в лютый сибирский мороз катаются по лесу на бурых медведях. В Кремле сидит и всем этим управляет мистер Путин, человек с торсом атлета и холодными глазами, который вооружает армию новыми бомбами и ракетами и угрожает всему миру. Таков гротескный образ нашей страны, рисуемый западной прессой.

Положительных или хотя бы нейтральных представлений меньше, чем отрицательных. Тем более, что к старым негативным типажам прибавились сегодняшние: беспардонные «новые» русские, многочисленные «Наташи», представляющие древнейшую профессию в разных странах Запада и Востока, аморальный и нелегитимный российский бизнес.

Истоки нынешнего имиджа РФ

Можно назвать несколько причин низкого или искаженного имиджа современной России за границей. Назовем основные из них.

Причины объективного характера. Имидж несет в себе немало мифологических символов и черт, но, повторим, основой его являются реальности страны. Вряд ли можно отрицать сырьевой характер эконо-

¹⁰ См.: Аргументы и факты. 2007. №11. С. 8.

мики, невиданные масштабы коррупции, бедность миллионов людей, растущее социальное неравенство. Ослабление совокупной силы государства в сочетании с многочисленными проблемами современной России привели к падению ее авторитета за рубежом.

К объективным причинам следует отнести и невыстроенность стратегии развития страны. Высшее руководство неоднократно заявляло о приверженности европейским ценностям. Но неудачи либеральных реформ, неприятие российским менталитетом ряда базовых установок евроатлантической цивилизации, а также антироссийская политика и риторика вновь обострили дискуссию о западном и не-западном курсе российского государства.

Западники, а к ним сегодня относятся в основном представители либеральных и социал-демократических взглядов, обосновывают безальтернативность поворота страны в сторону евро-американцев. У них достаточно сильные аргументы: успешное развитие западной цивилизации, ее превосходство в уровне и качестве жизни людей, технологическое лидерство, социальная и политическая стабильность. Но представители этого течения не считают с тем, что движение в данном направлении может быть неудачным, не учитывают или вовсе отрицают отечественные традиции, опыт обновления не-западных стран, будь то Китай или мусульманская Малайзия. Они считают российскую цивилизацию надуманной, а любые попытки объективно проанализировать ментальные качества российского народа оборачиваются критикой или обвинениями в его адрес.

У тех, кто выступает с позиций самобытности российского пути, доказательства на сегодняшний день трудно оспоримые: все попытки в прошлом веке идти чужой дорогой (либеральной – в марте-октябре 1917 г., марксистской – в 1917–1991 гг., неолиберальной – в 1991–1999 гг.) заканчиваются катастрофой: сокращается территория, нищает народ, разрушается духовно-нравственный иммунитет, под сомнение ставится само существование российского государства. Ряд исследователей ставит вопрос еще более категорично: чисто западническая линия развития для России полностью исчерпана¹¹.

Это не значит, что надо отгородиться от Запада, с которым России предстоит еще долго сотрудничать. Но это означает, что, перенимая лучшее у стран евроатлантического ареала, необходимо отказаться от тупикового курса на «догоняющее развитие». Важно видеть и то, что Запад находится на пороге системного кризиса, вызванного бесперспективным характером экономоцентрической цивилизации, изменением расово-демографического баланса, истощением природных ресурсов.

¹¹ См.: *Иванова Е.В.* Анализ кризиса политической культуры // *Международная безопасность России в условиях глобализации*. Под общ. ред. В.А.Михайлова, В.С.Буянова. – М., 2007. С.

Что касается России, то нелишне вспомнить, что она не раз и не два возрождалась из «смутного времени», а генетический код ее народа далеко не исчерпан. Свидетельство тому – процесс возрождения страны в последние годы, что больше всего не устраивает Запад. А.И.Солженицын в интервью немецкому журналу «Шпигель» в августе 2007 г. суть нынешней ситуации охарактеризовал следующим образом: «Запад, празднуя конец изнурительной «холодной войны» и наблюдая полтора десятка лет горбачевско-ельцинскую анархию внутри и сдачу всех позиций вовне, очень быстро привык к облегчительной мысли, что Россия теперь – почти страна «третьего мира» и так будет всегда. Когда же Россия вновь начала укрепляться экономически и государственно, это было воспринято Западом... панически».

Причины субъективного характера. Их несколько. Во-первых, некоторые эмоциональные риторические приемы высших должностных лиц РФ пугают Запад, создают почву для разговоров о возврате к «холодной войне». Один успешный американский президент как-то предлагал говорить тихо, но носить с собой большую дубинку. Разумеется, необходимо последовательно и твердо отстаивать национально-государственные интересы России. Не впадая при этом в перманентную перепалку с Западом и не следуя знаменитому принципу «мы вам покажем Кузькину мать», тем более что соотношение сил сегодня не в нашу пользу.

Среди российских политиков в ходу опять разговоры о России как империи, хотя бы «либеральной» (А.Чубайс). Называем себя «энергетической сверхдержавой», в то время как не в состоянии обеспечить в полной мере газом и электричеством собственное население.

Удивляет волна официального оптимизма. Высшие чиновники как будто по команде обещают народу скорое процветание и большие достижения. И то, что через 15–20 лет по зарплате мы догоним Европу. И то, что половина россиян будет принадлежать к среднему классу. И то, что произойдет смена вектора экономического развития в направлении инновационного роста. Подобное мы уже когда-то проходили, и не раз. Заметим попутно, что во всем этом проявляется еще одна исконно русская черта: находясь в настоящем, жить будущим, говорить о предстоящих свершениях при неумении решать вопросы повседневной жизни сограждан. Значимость и «планов наших гормадь», равно как и патриотизм, надо доказывать не на словах, а на деле. Тогда и отношение к России будет иное.

Во-вторых, нельзя не учитывать недавнюю смену власти в таких крупных и влиятельных странах, как Германия, Франция, Италия, прежние лидеры которых (Г.Шредер, Ж.Ширак, С.Берлускони) с официальной Москвой находили общий язык по многим важнейшим мировым проблемам и которые сдерживали русофобские проявления. Сейчас к руководству этими государствами пришли люди, более прох-

ладно, скажем так, относящиеся к нашей стране. Это, не исключено, будет сказываться и на представлениях о России у западной общественности. Хотя, как отмечают наблюдатели, антироссийский фон в Европе не так уж и велик, он составляет всего несколько процентов. Предрассудки характерны прежде всего для либеральной прессы, части интеллигенции и некоторых политиков, особенно в США, по-прежнему живущих в режиме «холодной войны».

В-третьих, заметную роль в деле формирования образа современной России играют наши соотечественники за рубежом. Все более-менее понятно с категорией беглых олигархов, перебежчиков-разведчиков, некоторых деятелей культуры, которые родиной считают то место, где платят больше. Не лучшим образом характеризуют страну и те бывшие крупные политические фигуры, в том числе в ранге экс-премьеров и экс-министров, которые своими высказываниями и демаршами наносят урон авторитету России.

Причины эмоционально-психологического характера. Драма в том, что цивилизационно-ментально нас считают чужими Запад и Восток, Европа и Азия (отсюда обидное – Азиопа). Часто мы не понимаем друг друга, обоюдодоподозрительны. Разницу миров отмечали многие, среди них – остро чувствовавший «русскую ситуацию» О.Шпенглер. Говоря о России и Европе, он писал: «...здесь есть различие не двух народов, но двух миров. Русские вообще не представляют собой народа, как немецкий или английский... Разницу между русским и западным духом необходимо подчеркивать самым решительным образом. Как бы глубоко ни было... противоречие между англичанами, немцами, американцами и французами, но перед русским началом они немедленно смыкаются в один замкнутый мир... Настоящий русский нам внутренне столь же чужд, как римлянин эпохи царей и китаец задолго до Конфуция... Он сам это всегда осознавал, проводя разграничительную линию между матушкой-Россией и Европой¹².

Запад не понимает и не хочет понять русского иномыслия и инобытия. Но и россияне, за исключением узкого слоя, не очень стремятся осмыслить другой мир. И пока не состоится встречное движение, будут взаимные обиды и стремление выставить другого в невыгодном свете.

Причины, обусловленные неравенством информационно-пропагандистских сил. Создание имиджа страны напрямую зависит от информационных ресурсов тех, кто этот имидж формирует. В данном случае не уйти от факта, что РФ существенно отстает от своих оппонентов по мощи и технической оснащенности информационных каналов, уровню кадров, умению преподносить материал. К тому же Запад целенаправленно координирует свои действия. Можно сколь угодно иронизировать по поводу «теории заговора», «заказа», «единой концепции» по

¹² Шпенглер О. Прусская идея и социализм. – М., 2003. С. 247–248.

отношению к России. Но как объяснить одновременные и однотональные информационные всполохи по поводу одних и тех же тем – будь то антипутинская шумиха или массированная поддержка тех, кто не разделяет нынешний российский курс?

Запад ныне активно эксплуатирует несколько образов России: для себя, для нас, для всех остальных.

Образ для внутреннего потребления: Россия и русские погрязли во всех мыслимых и немыслимых пороках, их невозможно исправить, они органически не способны воспринять западные (они же общечеловеческие) ценности и демократию как форму правления.

Образ для самой России: отсталая, вечно «догоняющая» страна, которая на протяжении веков так и не смогла обеспечить своему народу достойную жизнь. Подобное будет и впредь, если не отказаться от бесплодной идеи «идти своим путем».

Образ для всех остальных: современная Россия становится такой же опасной, как в свое время Российская империя или Советский Союз. Ее неоимпериализм становится фактом, что требует объединенного противодействия Запада и Востока.

В свою очередь РФ как бы закрыта в собственном информационном пространстве. СССР обладал мощной пропагандистской машиной, рассчитанной на зарубежную аудиторию. Самопрезентация страны не всегда была эффективной, но в целом успешно создавала образ могучей державы. Сегодня то, что раньше называлось «внешнеполитической пропагандой», во многом утеряно. К сожалению, в отечественных СМИ много поверхностного и малограмотного. Некоторые ведущие аналитических телепрограмм под видом критического анализа прошлого выступают по существу с антироссийских позиций, да и в сегодняшней российской жизни не видят ничего хорошего, мол, «такие времена».

Необходимо корректировать культуру реагирования на тенденциозное освещение политики страны. Должно быть ощущение уместной резкости в ответ на высказывания и действия, порочащие Россию. Вместе с тем не следует нервно реагировать на каждый «чих», особенно со стороны наших задиристых соседей, еще не достигших стадии государственной зрелости. Направляя «ноты протеста», устраивая думские разносы, публикуя резкие заявления, мы только способствуем вбросу новой порции адреналина в кровь, к примеру, «горячих эстонских или грузинских парней». Есть другие, более эффективные способы воздействия, приличествующие великой стране.

Для того чтобы улучшить имидж России за рубежом, предстоит сделать очень многое. Прежде всего разработать концепцию этой работы, четко представлять пути и способы формирования положительного образа страны как в целом, так и по отдельным направлениям и регионам. В связи с этим важно, не ослабляя внимания к Западу, больше обращаться к Востоку. Не исключено, что наша многовекторная внеш-

няя политика будет все больше смещаться именно в этом направлении. Это объективно оправдано по многим основаниям, в том числе потому, что центр развития мировой истории из Средиземноморья и Атлантики перемещается в район Тихого океана, где расположены самые крупные и самые быстроразвивающиеся страны. Интерес России, по-видимому, не в том, чтобы создать геополитическую ось Москва – Пекин – Дели или превратить ШОС в военно-политический блок, противостоящий НАТО, а в том, чтобы устранить диктатуру однополярного мира и на деле реализовать принцип многополярности.

Думается, необходимо создать специальный орган, занимающийся координацией информационных усилий различных ведомств, работающих на зарубежную аудиторию. Важно активно пропагандировать достижения современной России в различных областях, будь то фактор проведения зимних Олимпийских игр в Сочи, уникальная арктическая экспедиция к Северному полюсу, разработка в РФ систем оружия пятого поколения, не имеющих аналогов в мире, и т.д.

И не надо бояться, что нас опять обвинят в империализме. В любом случае обвинят. Найдись сегодня кузнец, который блоху подкует, тут же скажут, что русские изобрели новое бактериологическое оружие. Необходимо также серьезно озадачиться разработкой символов новой России, ибо Рублевка, Москва-Сити или похождения скандальных богачей не могут и не должны выступать этими символами. Но главное – это укрепление экономической, политической, военной и духовной силы российского государства, выстраивание его правильного курса, не допускающего сбоев после марта 2008 года.

Вагиф ГУСЕЙНОВ

РОССИЯ – ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: ТРУДНЫЙ ПУТЬ СОТРУДНИЧЕСТВА

В течение последних четырех-пяти лет автору этой статьи не раз довелось принимать участие совместно с британскими коллегами в работе различных конференций, круглых столов, деловых встреч – как многосторонних, так и двусторонних (в последний раз – на недавнем Валдайском форуме в Казани и Москве). В ходе таких встреч у нас с моим давним знакомым Эндрю Моноганом родилась идея написать о сегодняшних отношениях Великобритании и России. Написать без излишней предвзятости, чем нередко грешат публикации обеих сторон, не умалчивая об их ошибках и перегибах, не скрывая, но и не выпячивая чрезмерно трудностей в этих отношениях. Словом, попытаться максимально объективно осветить всю палитру современных российско-британских отношений – в политике, экономике, военной сфере. Как нам представлялось, этим целям наилучшим образом послужил бы сборник статей британских и российских авторов – экспертов, политологов, специалистов из различных отраслей двустороннего сотрудничества.

Этот сборник выходит в ближайшее время, и данная статья в более расширенном варианте также представлена в нем.

Нужно признать, что реализация идеи пришлась на непростой период в российско-британских отношениях, когда показания политического барометра под влиянием как объективных, так и порождаемых обеими сторонами субъективных факторов довольно резко пошли вниз.

В июне 2007 г. с поста премьер-министра Великобритании ушел Тони Блэр, которого сменил его коллега по партии лейбористов Гордон Браун, сформировавший новое правительство. И едва ли не первыми его шагами во внешней политике стали решительные и жесткие меры на российском направлении, официальным поводом для принятия которых стало уголовное дело в связи с гибелью бывшего российского гражданина А.Литвиненко.

Нельзя сказать, что именно смена кабинета министров и его главы сразу же резко сказалась на ужесточении политического курса, кото-

рый проводила Великобритания в отношении России в последние годы. Начавшись с мажорной ноты, которая была задана визитом Тони Блэра в Россию (Санкт-Петербург) в 2000 г., российско-британские отношения поначалу развивались довольно продуктивно не только в экономической (что в общем-то было ожидаемым), но и в политической области, что вселяло определенные надежды многим представителям российской политической элиты. Заметное охлаждение отношений началось после того, как Россия выступила против войны в Ираке, хотя она была далеко не одинока в неприятии этой непродуманной акции. В последующие годы градус российско-британских отношений, особенно в политической области, все более понижался. На первый план в критическом многоголосье, звучавшем из Лондона в адрес Москвы, помимо ряда острых международных проблем, все больше выдвигалась политика и особенно энергетическая политика Кремля.

Но все же, на мой взгляд, корни ухудшения двусторонних отношений, поставившие их к середине 2007 года на грань кризиса, лежат значительно глубже, чем простое недовольство политического класса Великобритании и ее руководства нарушениями демократических норм в России или якобы агрессивной энергетической политикой Кремля. Можно и нужно критиковать продолжающуюся одностороннюю сырьевую ориентацию экономики страны, медлительность и нерешительность в проведении курса на развитие высокотехнологических отраслей, в борьбе с коррупцией.

И все же, как бы ни критиковали внутреннюю политику, которую проводил Президент В. Путин, ее нельзя сравнивать с политикой первых лет независимости России. Позорнейшая и кровавая страница в новейшей истории России – расстрел законно избранного парламента из танковых орудий осенью 1993 года – был благосклонно встречен политической элитой Великобритании (впрочем, как и других западных стран). Респектабельная британская газета *Financial Times* писала в те дни, что «интересы Запада неизбежно совпадут с интересами Ельцина».

Не намерен защищать ни одну из сторон тогдашнего внутрироссийского противостояния, скажу только, что ни одна из них не была «белой и пушистой». Их совместными действиями страна была поставлена на грань гражданской войны, хотя варианты бескровного разрешения политического кризиса, безусловно, были. Расстрел российского парламента в 1993 году стал возможным только «при поддержке западного общественного мнения и правительств цивилизованных стран», заявил один из лидеров оппозиции Ельцину, профессор Р.Хасбулатов, занимавший в то время пост председателя Верховного Совета РФ, выступая на международной конференции «Американский экономический опыт: его характер, эффективность, применимость» (Варшава, 22–24 октября 2004 г.). И такого мнения придерживается не только он. Ведь танки в Москве в августе 1991 года и танки осенью 1993 года – одни и те же тан-

ки, и их использование в борьбе за власть, для достижения своих политических целей – само по себе преступление. Но вот западные оценки этим преступлениям звучали диаметрально противоположные.

В.Путину, принявшему в 2000 году пост Президента России, досталось, надо признать, незавидное наследство от своего предшественника – война в Чечне, коллапс социальной инфраструктуры, стагнация промышленного производства, повсеместное разорение крестьянских хозяйств, массовое обнищание народа, дикая кадровая чехарда, наконец, дефолт 1998 года и вторжение вооруженных отрядов «независимой»¹ Ичкерии в Дагестан летом 1999 года, положившее начало т.н. второй чеченской кампании. Тем не менее пресса Великобритании, как, впрочем, и других западных стран, довольно лояльно относилась к российским руководителям того времени. А вот политика В.Путина по «собираанию» страны, по существу, находившейся на грани распада, принимаемые им меры по усилению роли государства в управлении страной, по наведению порядка в налоговой сфере, по укреплению практически развалившейся к 2000 году армии, других силовых структур и правоохранительных органов, административная реформа (безусловно, необходимая, но далеко не бесспорная как по своему замыслу, так и особенно по практическому исполнению), причем политика, поддерживаемая подавляющим большинством населения России, вызвала волну острейшей критики в западных, в том числе в британских, СМИ, хотя, надо сказать, довольно нелицеприятно отзывалась о них и российская оппозиционная пресса.

Да, не все меры, предпринимаемые командой второго Президента России, осуществлялись эффективно, многие вызывали нарекания со стороны российской и зарубежной общественности, были на этом пути ошибки и перегибы, о чем, впрочем, говорил сам президент и члены его команды. Но все же нельзя не видеть главного – Россия за исторически короткий промежуток времени далеко продвинулась по пути демократии и экономических преобразований, значительно интегрирована в глобальную и европейскую экономику. Как бы ни критиковали российское руководство за соблюдение прав человека, демократических норм, свободы слова, особенно в отношении электронных СМИ, но и в этом отношении сделаны существенные шаги.

Все эти процессы приобрели необратимый характер именно в последние годы. И это главное, что следовало бы учитывать нашим британским партнерам, строя свою российскую политику.

К сожалению, этого не происходит. К политике, которую сразу же начало выстраивать правительство Гордона Брауна по отношению к

¹ В августе 1996 г. в результате так называемых Хасавюртовских соглашений, подписанных президентом РФ Б.Ельциным и президентом Чечни А.Масхадовым, Чеченская Республика фактически получила независимость.

России, применима российская пословица: «За деревьями не видят леса». Взять хотя бы «дело Литвиненко» и связанные с ним проблемы, последовавший неожиданный резкий перевод этого уголовного дела в политическую плоскость, стремление распространить его на отношения России и Евросоюза, что представляет наиболее серьезную угрозу не только для двусторонних отношений, но и в целом для будущего Европы. Сегодня складывается впечатление, что британская сторона добивается не столько истины в этом запутанном деле (к чему стремится и российская сторона), сколько достижения иных, политических целей.

Разумеется, истинные причины осложнения российско-британских отношений, включая и демарш с высылкой четырех российских дипломатов летом 2007 года, лежат гораздо глубже тех наслоений, которые вызваны «делом Литвиненко – Лугового».

Изложу свое видение основных причин развития негативных и кризисных явлений во взаимоотношениях России с Великобританией. Эти причины достаточно общие, они оказывают влияние на отношения России со всеми европейскими странами, но российско-британские отношения являются, пожалуй, наиболее показательным примером их проявления.

Во-первых, как это ни парадоксально, но обозначившиеся в последние годы сложности в наших отношениях в немалой степени порождены теми успехами, которых добилась Россия. Нельзя не признать, что все эти годы Россия двигалась и движется в целом в правильном направлении и за очень короткое по историческим меркам время достигла заметных успехов на пути рыночных преобразований экономики, перестройки общественного сознания и общественных отношений на демократических принципах, в укреплении государственных институтов. Пусть с ошибками, с определенными перекосами и временными торможениями, но это движение неуклонно осуществлялось все эти годы.

Так, в экономике была разрушена тотальная монополия государства на хозяйственную деятельность и упразднена централизованная система распределения ресурсов, либерализована торговля, в том числе внешняя, полностью перестроен на рыночные рельсы агропромышленный комплекс, основу которого составляли колхозы, осуществлен переход на принцип свободного ценообразования и т.д. Во внешнеполитической сфере Россия полностью отказалась от конфронтации и взяла четкий курс на сотрудничество, на поиск компромиссов по самым трудным вопросам международных и двусторонних отношений, на интеграцию в общемировые и общеевропейские структуры. В военной области Россия внесла самый существенный вклад в демилитаризацию межгосударственных отношений, в том числе зачастую за счет фактически односторонних уступок, сумела преодолеть такое тяжелое наследие «холодной войны», как сверхмилитаризация страны.

Но процесс продвижения России по пути реформ имеет свои нюансы. Где-то до 2000 года в государственной политике России преобладали процессы разрушения старого, что по понятным соображениям с одобрением встречали на Западе, даже закрывая глаза на многие грубые нарушения, допускаемые прежними российскими властями как в проведении экономических реформ, так и в области прав человека. Но в последние годы на первый план в российской политике стали постепенно выходить созидательные процессы. А это напрямую связано с более активной защитой жизненных интересов России, многие из которых пересекаются с интересами других союзов и государств. Тем более что сфера интересов того же ЕС, Североатлантического альянса, ведущих членов этих союзов, в которых Великобритания играет далеко не последнюю роль, стремительно расширялась и в пространственном, и в содержательном отношении, в том числе охватывая географические территории и сферы интересов, традиционно важные для России. Это не могло не вызвать известных трений, которые повлияли на ухудшение взаимоотношений.

Не секрет, например, что выступление президента РФ В.Путина на конференции по безопасности в Мюнхене стало холодным душем для многих на Западе. Очень много публикаций было и в британской прессе, причем в своем большинстве критических, но, возьму на себя смелость заметить, – нередко поверхностных, при почти полном отсутствии серьезного анализа поставленных российским президентом проблем. Предметного разговора не получилось. Вместо него – обвинения России в милитаризме, в антидемократизме, притеснениях и т.д. А причина проста – длительная, почти 20-летняя практика уступок Западу со стороны Кремля, вызванная сильной экономической, финансовой и политической зависимостью от Запады, к которым так привыкли США и страны ЕС, заканчивается. Почти 15 лет, если взять за точку отсчета дуэт Горбачев – Тэтчер, в Кремле со вниманием прислушивались к советам из Лондона и Вашингтона, а после 1991 года – неукоснительно следовали их советам. За это время страна многое утратила как политически, так и экономически, была частично разорена, частично банально разворована. Все это воспринималось на Западе как должное. Но как только Россия стала отстаивать свои национальные приоритеты – тут же стала неуютной и даже опасной. А ведь в Мюнхене российский президент всего-навсего заявил о законных правах и интересах страны, призвал освободиться от практики двойных стандартов в политике и ясно ответить на некоторые важные вопросы, которые поставила жизнь (например, о политике выстраивания однополярного мира, о кризисе системы контроля над вооружениями и др.), но какую бурю отрицательных эмоций и возмущений вызвали его заявления!

Во-вторых, не всем на Западе пришлось по душе то, что Россия стала проявлять больше настойчивости и целеустремленности в отстаива-

нии собственных интересов как на пространстве бывшего СССР, так и в Европе и в мировых делах.

Россия перестает играть ставшую уже привычной и удобную для Запада роль покладистого поставщика энергоресурсов, «бычка на веревочке», следующего, куда укажут, как это было в первые несколько лет после распада СССР. Страна все настойчивее отстаивает свои интересы на международной арене, но не выходя при этом за рамки международного права. В глазах Запада вновь замаячил признак возрождающегося серьезного геополитического и геоэкономического конкурента в лице России. Вполне естественно, что такой поворот не всем по нраву и что находятся силы, стремящиеся затормозить этот процесс.

Чего греха таить, здесь сыграли и продолжают играть свою роль такие факторы, как синдром «победителей» в «холодной войне», инерционность западного мышления, когда на новую Россию механически переносят складывающиеся долгие годы настороженные или даже враждебные отношения к уже не существующему Советскому Союзу. Ведь не секрет, что о России на Западе – и не только в обывательской среде, но и в среде представителей политической элиты – и в наши дни часто судят на уровне фильмов о Джеймсе Бонде. Играют свою роль и амбиции правящего политического руководства, и экономические факторы, и нарастающие в Великобритании опасения в отношении энергетической безопасности. В частности, Тони Блэр накануне своего ухода с поста премьер-министра признал, что «энергетическая политика Великобритании превратилась в вопрос такой же стратегической важности для будущего нашей страны, как национальная оборона». Попутно он обвинил Россию в том, что она «готова использовать свои энергоресурсы в качестве политического инструмента»².

В-третьих, свою лепту в ухудшение российско-британских отношений внесла и продолжает вносить политика обеих сторон.

Новая правительственная команда в Лондоне, что, в общем-то, можно понять, стремится четко обозначить свои приоритеты в области внешней политики и утвердиться в глазах своих союзников как твердый и последовательный защитник интересов Великобритании, евроатлантического единства и корпоративных интересов Евросоюза. «Внешняя политика, – заявил министр иностранных дел Великобритании Д.Милибэнд в одном из своих интервью, – это один из главных элементов курса, который наполнит реальным содержанием такие понятия... как национальные интересы нашей страны и успешность нас как государства»³. А при сложившемся положении вещей Россия как нельзя лучше подходит в качестве одного из объектов для демонстрации такой твердости.

² Тони Блэр. Чтобы свет в домах не гас. The Times, 25 мая 2007. Перевод на сайте ИноСМИ.ру.

³ The Financial Times, 9 июля 2007.

Но дело не столько в кризисе российско-британских отношений, сколько в кризисе британской внешней политики на российском направлении.

Свою лепту вносит и российская сторона, в политике которой энергетическая составляющая приобрела чрезмерный вес – отчасти по объективным причинам, отчасти из-за того, что порою при принятии серьезных государственных решений верх берут сиюминутные и корпоративные интересы. Можно также говорить и о конъюнктурных соображениях политических сил в России, связанных с наступающим очередным избирательным циклом.

И все же, несмотря на наблюдающееся осложнение отношений между Россией и Великобританией и в целом с западным миром, я больше склонен оптимистически оценивать будущее российско-британских отношений, даже несмотря на нынешнее их серьезное обострение. Нет оснований рассматривать их как серьезный политический кризис с непредсказуемыми последствиями. Хотя бы потому, что в России сегодня нет значимых политических сил, способных повернуть страну к прошлому как во внешней, так и во внутренней политике, к конфронтации с Западом. Более того, нет сил, которые искренне хотели бы этого. Слишком большой, необратимый путь прошла Россия по пути преобразований и интеграции в мировое и европейское сообщество, и в нашей стране хорошо понимают, что ее возврат к прошлому был бы губителен для страны. А это позволяет утверждать, что в отношениях России с Великобританией и с ее западными партнерами непреодолимых антагонистических противоречий нет, и нынешние кризисные явления вполне возможно преодолеть при наличии политической воли сторон. Поэтому независимо от того, какая команда будет заседать в Кремле, стратегический курс России не изменится – насколько это будет зависеть от самой России. А от нее, к сожалению, зависит далеко не все.

Многовековая история отношений между Великобританией и Россией далеко неоднозначна. Дипломатические отношения между нашими странами насчитывают уже более 450 лет, в течение которых были и взлеты, и падения. Были периоды мирного сотрудничества, бывали и военные столкновения. И все же нельзя не видеть того, что в самые критические моменты европейской и мировой истории, когда на карту ставилось многое, наши страны стояли вместе. Так было в Первой мировой войне, так было и в годы Второй мировой, когда Великобритания и Россия сумели подняться над всеми хитросплетениями политики, над амбициями собственных политиков и вместе повести решительную борьбу с фашизмом. Так было и в совсем недавние годы, когда наши страны стали тесно сотрудничать в борьбе с одной из наиболее опасных угроз современному миру – международным терроризмом. Деловой мир Великобритании внес немалый вклад в перестройку экономики России и в проведение рыночных реформ, британские инвес-

тиции и политическая поддержка Великобритании способствовали проведению политических и экономических реформ в России.

И как бы ни изощрались некоторые британские авторы, пытаясь преуменьшить значение совместной борьбы России и Великобритании в составе антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне, от этого вряд ли может потускнеть эта славная страница в многолетней истории российско-британских отношений. Хотя, надо признать, авторы некоторых публикаций последнего времени в британских СМИ⁴, всячески пытаются очернить вклад российского народа в победу над фашизмом, принесенные им жертвы ради этой победы, не особенно стесняясь в откровенно тенденциозном и даже лживом толковании общеизвестных исторических фактов. И, конечно, такие пронизанные русофобией публикации вносят свою «ложку дегтя» в двусторонние отношения и способствуют разжиганию взаимной неприязни у наших народов. Вот только с какой целью, стоило бы спросить авторов подобных творений?

К сожалению, до полного взаимопонимания путь долгий и трудный. В Великобритании общественное мнение формируется так, что многие граждане этой страны относятся к России как к вредоносному инородному телу, стремящемуся всеми правдами и неправдами внедриться в Европу. Почему? Не потому ли, что истинные стратегические цели лондонских политиков не в том, чтобы способствовать интеграции России в европейскую и мировую экономику, создавать вместе общеевропейское пространство безопасности, вместе бороться с современными угрозами – намного более серьезными, чем надуманная «российская угроза», а совсем в другом. В том, чтобы держать Россию на дистанции, ограничивать ее влияние в определенных пределах и использовать ее только в собственных интересах.

Вот некий синтезированный (и, по моему убеждению, глубоко ошибочный) образ России, который с упорством, достойным лучшего применения, создается в западных, в том числе в британских СМИ, и который, добавлю, подпитывается реальной политикой британских властей: Россия всеми правдами и неправдами стремится к великодержавию, «стремится стать равной США в политическом, военном и экономическом отношении». Россия сошла с демократического пути развития и становится государством с тоталитарной формой правления. Она «делает энергоносители оружием своей внешнеполитической стратегии», используя их «для реализации политических целей», и вполне готова к «энергетическому шантажу». Россия, воспользовавшись «совершенно безобидными и неопасными для нее» военными мерами Запа-

⁴ См., например: *Макс Гастингс. Апофеоз войны. Советская Россия во Второй мировой войне* / «Таймс» (Великобритания), 24 июля 2007. <http://inosmi.ru/stories/05/04/14/3445/235710.html>. В данной статье рецензируется книга Криса Беллами (Chris Bellamy) «Absolute War: Soviet Russia in the Second World War».

да по расширению собственной «зоны безопасности» (а эти меры – немотивированное расширение НАТО в сторону российских границ, фактическое разрушение ДОВСЕ и других договоров по контролю за вооружениями, развертывание новых военных баз США в Европе и элементов системы ПРО – «совершенно случайно» эти объекты располагаются у границ России и т.п.), инициирует гонку вооружений и вступление мира в новую «холодную войну». Россия всячески противится мерам, принимаемым Западом в отношении стран пресловутой «оси зла» (одна из таких мер – война в Ираке), и поддерживает террористические организации (ХАМАС в Палестине, «Хезбаллу» в Ливане).

Вся эта пропагандистская кампания не только вносит свой вклад в ухудшение российско-британских отношений, но и неизбежно сказывается на бытовом уровне. В результате современное поколение россиян в глазах британцев нередко предстает в положении людей, несущих в себе агрессивное начало.

К сожалению, эта, в основном, неоправданная критика российской политики вызывает порой аналогичную реакцию со стороны российских политиков. Так, в ответ на решение Великобритании о высылке российских дипломатов, в ситуации, когда от лидеров государств требуется сдержанность, последовало излишне эмоциональное заявление президента В.Путина о колониальном мышлении британских властей, пусть и рассчитанное главным образом на внутрироссийскую аудиторию.

Об усилении русофобии в Великобритании, о фактах дискриминации российских граждан на бытовом уровне с горечью говорил посол России в Великобритании Ю.Федотов в одном из своих интервью последнего времени. И хотя восприятие россиян в Великобритании за последние годы изменилось, нельзя сказать, что в лучшую сторону. Если раньше в Британии россиян воспринимали либо как членов криминальных структур, либо как беднейших родственников, пытающихся вкусить британского пирога, то сегодня мы – чуть ли не сплошь нувориши, стремящиеся скупить Великобританию.

В Великобритании сегодня, по разным оценкам, проживает от 300 до 400 тыс. россиян. Ежегодно страну посещают свыше 170 тыс. российских туристов. Более 2000 российских студентов обучаются в Великобритании. Конечно, эта российская община, как и любая другая, неоднородна. Но в любом случае англичане имеют полную возможность непредвзято оценить деловые, интеллектуальные и моральные качества россиян. Предоставлять политическое убежище тем или иным российским просителям – право Великобритании, которое никто не оспаривает. Но не стоит смотреть на Россию глазами этих неудачников, которые не добились в России того, чего они хотели, и тем более строить на этом свою российскую политику.

Россию в Великобритании все еще не воспринимают как равноправного партнера в политической и экономической областях и как

страну, стремящуюся занять достойное место в общеевропейском сообществе государств, последовательно выступающую против военно-силовых методов решения международных проблем, стремящуюся сотрудничать со всеми европейскими странами в борьбе с общими угрозами и вызовами нового времени. Но при этом, разумеется, Россия не готова поступаться собственными жизненно важными интересами или своей безопасностью ради сомнительных комплиментов в адрес ее лидеров, как это зачастую было в первые годы после распада СССР.

Но надо отметить, что и в общественном мнении России относительно сотрудничества с западными странами в последние годы произошли сдвиги не в лучшую сторону. И, как представляется, вызваны они не в последнюю очередь ухудшающимся состоянием российско-британских отношений. Отношения с другими крупными европейскими державами (Германия, Франция, Италия и др.) в политической сфере складывались в эти годы все же более удачно. А российско-британские отношения за последние два десятилетия колебались, в общем-то, вокруг некоторой падающей кривой, крутизна спада которой в последние несколько лет даже увеличилась. Не намерен обвинять в этом только одну сторону, но все же надо признать, что Великобритания внесла в этот спад большую лепту.

Понятно, что последовательно ухудшающиеся отношения в политической области не могли не сказаться отрицательно и на восприятии россиян в отношении Великобритании. Если на первых порах в России доминировало некое идеализированное отношение к Великобритании и другим ведущим странам Западной Европы, надежды на быстрые изменения в стране с их помощью, на сближение с Европой, то сегодня доминирует разочарование, усиливаются сомнения в искренности Запада, который, по мнению многих россиян, стремится изолировать ее. По исследованиям, проведенным одним из ведущих социологических центров страны, сегодня большинство россиян воспринимают Европу и Запад в целом как источник потенциальной угрозы для России. Растут страхи, что страна окажется в экономической зависимости от Запада, что вокруг нее чем дальше, тем больше смыкается кольцо из стран с недружественными режимами. Не стоит списывать эти настроения на идеологическую обработку россиян. В наш век, век Интернета, свободного приема западных теле- и радиопрограмм на бытовые приемники, свободной прессы и практически неограниченного доступа россиян к любым печатным изданиям, в российском информационном поле доминируют западные источники информации. Поэтому растущие фобии в российском общественном мнении подпитываются отнюдь не «кремлевской пропагандой», а в основном теми недружественными нюансами, которые стали выдвигаться на первый план в политике британских властей по отношению к России.

В «Обзоре внешней политики Российской Федерации», опубликованном МИД России в марте 2007 года, британское направление российской внешней политики характеризуется следующим образом: «Великобритания остается для России важным, хотя и непростым партнером. Главный ресурс дальнейшего развития российско-британских связей – торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество, а также совместные наработки в сфере антитеррора, имеющие, однако, ограничители в виде известной позиции Лондона по проблеме так называемых новых политэмигрантов. Несмотря на масштабность нашего сотрудничества, двусторонние отношения и взаимодействие на международной арене сдерживаются откровенно мессианским настроением значительной части британской политической элиты, в том числе в отношении внутривнутриполитических процессов в России».

Действительно, для развития сотрудничества между Россией и Великобританией создана хорошая экономическая основа. Торговый оборот Великобритании с Россией достигает более 7 млрд. фунтов. В Великобритании россиянами куплено с 2000 года на 2,2 млрд. фунтов недвижимости – это больше, чем США и ближневосточные страны вместе взятые. Сумма британских инвестиций в российскую экономику оценивается более чем в 33 млрд. фунтов. По этому показателю Великобритания входит в пятерку стран – крупнейших инвесторов в российскую экономику.

Другое дело, что в условиях бюрократической системы России могут выжить в основном крупные компании, такие как Shell и BP. Компаниям среднего бизнеса намного труднее закрепиться на российском рынке, хотя, судя по данным наших британских коллег, таких компаний, готовых вкладывать средства в России и работать здесь, честно зарабатывать деньги, более чем достаточно. Задача российских государственных органов в том, чтобы обеспечить среднему бизнесу Великобритании и других западных стран приемлемые для них условия работы. Именно средний бизнес способен обеспечить существенный приток капиталов в Россию и самое главное – создать наиболее благоприятную среду для развития сотрудничества между нашими странами в других областях, повысить взаимное доверие и взаимопонимание, дефицит которого сегодня наблюдается очень явно. В этом, как представляется, кроется главная задача российских государственных органов, с которой они пока справляются недостаточно хорошо.

Но даже уже созданная экономическая база сотрудничества дает весомые основания для того, чтобы оптимистически оценивать будущее российско-британских отношений. Позитив в российско-британских отношениях, нарабатанный за прошедшие годы, в том числе за десятилетие премьерства Тони Блэра, не должен быть утерян, наоборот, – он должен наращиваться, какие бы трудности ни стояли на этом пути. Понятно, что ожидать серьезного прорыва в улучшении российско-

британских отношениях от кабинета Гордона Брауна не приходится. Но все же хотелось бы верить, что новый премьер и возглавляемый им кабинет сумеют по-новому взглянуть на Россию, а политический класс Великобритании действительно найдет силы и желание для того, чтобы избавиться от стереотипов в восприятии нашей страны.

Сегодня отношения Великобритании и России переживают непростое время, образно говоря – находятся на перепутье. В каком направлении они будут развиваться? По моему убеждению, больше шансов все же на то, что нынешние политические сложности в двусторонних отношениях будут, в конце концов, преодолены и сотрудничество двух держав вновь пойдет по восходящей. Но нельзя исключать и возможности развития наших отношений по опасному для обеих сторон конфронтационному пути.

Владимир АХМЕДОВ

АРМИЯ И ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЕ КОНФЛИКТЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Традиционное общество на Ближнем Востоке всегда отличалось этническим и религиозным разнообразием. В ближневосточных государствах социальные связи, как правило, базируются на религиозной, этнической, земляческой и племенной общности людей. В определенных обстоятельствах это может порождать конфликты на этнической и религиозной основе. Различные группы общества могут спорить по территориальным вопросам, о выборе государственной религии и языка, распределении политической власти, бюджетных средств, рабочих мест в госсекторе. При этом этноконфессиональные конфликты зачастую обусловлены политическими и экономическими противоречиями между различными слоями населения.

В прошлом в силу неразвитости стран Ближнего Востока социальные конфликты носили преимущественно латентный характер. Несмотря на это, после 1945 г. и до начала 1970-х гг. в странах Ближнего Востока и Северной Африки было отмечено, по крайней мере, 9 острых конфликтов на этноконфессиональной основе¹. В последние годы под влиянием процессов глобализации и модернизации произошла политизация значительных масс населения ближневосточных государств, пробудились их групповые интересы. В условиях традиционного общества эти противоречия наиболее ярко проявляются в форме этноконфессиональных конфликтов, приобретающих все большую интенсивность. А их идеологией нередко становится религия. Последнее обстоятельство во многом обусловлено возросшим в последнее время влиянием исламского фактора на происходящие в регионе процессы.

Прежние конфликты, в основе которых лежала борьба за власть и территории, показали свой разрушительный потенциал. Но столкновения на этнической или религиозной основе могут оказаться куда губительней по своим последствиям. Ничем не ограниченные конфесси-

---

¹ *von der Mehden Fred R. Comparative Political Violence. Eglewood Cliffs: Prentice Hall, 1973, p. 8.*

онализм и национализм порождают этнический сепаратизм и религиозные конфликты и представляют серьезную угрозу сохранению государственной целостности ближневосточных стран. Вероятность частичной или полной государственной дезинтеграции ряда ближневосточных государств по этническим и конфессиональным признакам резко возрастает в результате широких гражданских волнений, спровоцированных применением властью насилия в отношении какой-либо этноконфессиональной группы населения. Поэтому сегодня впервые за всю свою новейшую историю Ближний Восток находится на грани раскола по этническим и конфессиональным признакам.

Многообразие проблем, возникающих на национально-этнической или религиозной почве, предопределяет участие армии в урегулировании такого рода конфликтов. Армия традиционно играла ведущую роль в определении политических процессов в государствах Ближнего Востока. И сегодня военные пользуются достаточно высоким доверием среди всех элементов политической системы ближневосточных государств. В отличие от стран Запада в большинстве ближневосточных государств на практике допускается активное участие армии в процессах общественной жизни вплоть до прихода военных к политической власти.

В условиях, когда действующая в арабских странах политическая система демонстрирует свою неспособность эффективно управлять общественными делами, вооруженные силы являются наиболее стабильным институтом, выполняющим функции обеспечения безопасности, свободы и независимости государства. Эти функции еще более усиливаются сегодня в условиях расширяющегося использования (Алжир, Ирак, Йемен, Сирия, Египет, Турция, Пакистан) вооруженных сил для противостояния террористическим и экстремистским элементам. Эти непростые явления совпадают с периодом, когда многие страны Ближнего Востока стремятся перейти от авторитарной модели государственного управления к более либеральной.

Преодоление неизбежного ослабления государственной власти и социально-экономического кризиса в условиях перехода от авторитаризма и госрегулирования к демократии и рынку, особенно, в условиях чрезмерной милитаризации государства, не может не затронуть позиции военных. Обострение этноконфессиональных противоречий и рост социальной напряженности могут вынудить военных занять неоднозначную позицию. Особую опасность для единства армии представляет этнический национализм и религиозный экстремизм, которые в ряде случаев находят свои организационные формы в воинских формированиях. С целью сохранения единства своих рядов армия может выступить с позиций защитника и носителя национально-исторических и культурно-религиозных традиций и ценностей государства, либо попытаться самоустраниться от решения острых политических проблем. С другой стороны, использование военных политиками во внутриволи-

тических целях в переходный период может оказаться чревато тем, что армия либо ее отдельная часть могут начать претендовать на самостоятельную роль в сложных и неоднозначных по своим последствиям процессах реформ. А имеющийся у военных специфический опыт и тяжелая боевая техника при определенных условиях будут направлены как против собственных властей, так и против соседних народов. Возникновение противоречий между армией и обществом, армией и партийно-бюрократическими структурами государства способны вызвать серьезный внутренний кризис.

Исследование особенностей взаимодействия традиционного общества и военных в переходный период развития стран Ближнего Востока является важной темой. Рассмотрение данной проблемы позволяет понять, действительно ли фактор принадлежности к армейской среде ослабляет связи офицерского корпуса с атрибутами традиционного общества, усиливает светское мировоззрение военных и секуляристский характер армии.

Исследование поведения военных в условиях этноконфессиональных конфликтов помогает определить степень вероятности вмешательства армии в политику в кризисных условиях, а также выявить пределы возможностей военных в зависимости от занимаемой ими позиции в иерархической структуре управления государством по решению такого рода конфликтов. Большинство ученых, исследовавших офицерский корпус в полиэтнических и многоконфессиональных странах, приходит к выводу, что военная подготовка и обучение, чувство коллективизма способствуют постепенному формированию национального, светского мировоззрения среди офицеров. Армия сплавляла выходцев из различных социальных и этноконфессиональных групп населения в особый, сцементированный единой дисциплиной организм. А военная служба объективно придавала им новое политическое и идеологическое качество.

Отмечается также изолированность новобранцев от гражданской жизни, их погружение в обезличенную атмосферу военного быта, которая способствует слому связей с традиционным обществом². В отличие от гражданской политической элиты военные более сплоченны и менее подвержены влиянию политических течений конфессионального и этнического характера. Их приверженность армии как национальному инструменту и самоидентификация с нацией прежде, чем с различными группами общества, снижает вероятность вмешательства армии в политические события, спровоцированные этнорелигиозным

² См. *Janowitz Morris*. The military in the Political Development of New nations. Chicago: University of Chicago Press, 1964; *Мурский Г.И.* Третий мир. – Общество, власть, армия. М., 1976 г; *Barry Rubin*. The Military in Contemporary Middle East Politics. Armed Forces in the Middle East. Politics and Strategy. L., 2002.

фактором, с одной стороны, и служит действенным регулятором этноконфессиональных конфликтов, когда военные «берутся за дело», с другой. Однако подобные обобщения могут не всегда отражать реальное положение дел в каждом конкретном случае и отдельной стране. Необходимо учитывать исторические традиции и обычаи, а также негативные результаты политики колониальных властей. Нельзя не принимать во внимание тот факт, что армия – это слепок общества. В офицерском корпусе представлены все основные социальные группы, и на офицерах так или иначе отражаются общественные различия и антагонизмы. С другой стороны, ряд групп общества могут быть слабо представлены или вообще не представлены в офицерском корпусе. В Судане, например, офицерский корпус в 50–60-х гг. XX в. был представлен преимущественно выходцами из северных районов страны, что послужило причиной длительной гражданской войны. Накануне гражданской войны в Пакистане, результатом которой стало образование независимого государства Бангладеш, 95% офицеров являлись выходцами из западных районов³.

Светский характер и национальная ориентированность офицерского корпуса весьма ограничены в тех странах, где офицеры представлены преимущественно выходцами из одной группы населения. Приверженность традиционным общественным связям в офицерской среде во многом сохраняется. Солидарность военных не отличается особой прочностью также и в тех странах, где офицерский корпус представлен двумя и более этноконфессиональными группами общества. Жизненные ценности офицеров, сформированные в детском и подростковом возрасте, во многом связаны с их этническим, религиозным и земляческим происхождением. Эти ценности частично ослабевают во взрослом возрасте под воздействием новой самоидентификации, но не исчезают и существуют как бы параллельно вновь приобретенным. Когда в стране возникает этнический или религиозный конфликт, офицерский корпус может разделиться по религиозным или этническим принципам. В этом случае прежние связи с традиционным обществом способны перевесить их профессиональную сплоченность и чувство национальной общности.

В Ливане на рубеже 70–80-х гг. XX в. мусульмане стали численно превосходить христианское население. При этом большая часть офицерского корпуса была по-прежнему представлена выходцами из христианских общин. В результате в условиях гражданской войны и практически до последнего времени армия старалась избегать участия в политических событиях, чтобы не оказаться расколотой. Это привело к

³ См. *Beshir, Mohammed Omer*. The Southern Sudan: Background to Conflict. New York: Praeger, 1968; *Jahan Rounaq*. Ten Years of Ayub Khan and the Problem of National Integration. Journal of Comparative Administration, November, 1970.

появлению многочисленных негосударственных военизированных формирований у различных общин. Сегодня в Ливане наиболее крупными и дееспособными в военном отношении являются боевые отряды «Хизбаллы». Во время войны с Израилем летом 2006 г. бойцы «Хизбаллы» фактически в одиночку противостояли на юге страны одной из самых мощных армий мира.

В тех случаях, когда офицерский корпус носит «смешанный» характер, опасность его раскола может определяться рядом факторов особого характера как с точки зрения традиций взаимоотношения различных групп населения, так и специфики армейской службы. В большинстве ближневосточных стран при выдвижении и назначении на должности принцип меритократии зачастую подменяется соображениями политической лояльности и личной преданности. В результате у офицеров из миноритарных общин может появиться зависть к «привилегированным» конфессиям, начать распространяться взаимная подозрительность и, как следствие этого, – фракционность. На военной службе с присущей ей дисциплиной, принципом единоначалия, подобные факторы имеют большую силу воздействия на настроения военных, чем в гражданском секторе. В этой связи было бы некорректным, на наш взгляд, безоговорочно утверждать, что офицерский корпус армий ближневосточных государств, особенно в современных условиях, всегда национально ориентирован и отличается светским образом мыслей.

Действительно, офицерский корпус может быть достаточно сплоченным, но его единство является не только результатом развития секулярных и общенациональных ценностей. Объединение офицеров происходит также на основе чувства принадлежности к особой группе населения, военной корпорации, ее исключительности. Когда такие офицеры приходят к власти, нельзя исключать, что они могут способствовать разжиганию этноконфессиональных конфликтов, проводя политику в интересах определенной группы населения. С этой точки зрения правильнее было бы рассматривать офицерский корпус как относительно сплоченный, особенно в условиях политического кризиса, вызванного этнорелигиозным конфликтом.

Отмеченные выше особенности офицерского корпуса ближневосточных государств формируют поведенческий стереотип военных в кризисных условиях и предопределяют их действия по управлению конфликтами, а также дают представления о реальных возможностях армии в урегулировании и предотвращении этноконфессиональных конфликтов в регионе.

Способность военных к предотвращению и урегулированию подобных конфликтов во многом определяется типом правящего режима, моделью государственного устройства, местом, которое военные занимают в системе государственного управления, характером их взаимо-

отношений с гражданскими властями, а также этноконфессиональным составом населения и влиянием внешнего фактора. В ряде стран Ближнего Востока военные достаточно успешно справлялись с локализацией конфликтов на религиозной и этнической основе (Египет, Сирия, Ирак). Правда, нужно отметить, что в упомянутых странах действовали не столько регулярные армейские части, сколько спецподразделения и силы безопасности. Их успешным действиям во многом способствовали мобилизационная модель общественно-политического устройства либо тип правящего режима в виде военно-гражданской коалиции, либо конфессиональная однородность населения, благоприятный баланс региональных сил и отсутствие прямого вмешательства извне.

В целом же опыт армии, особенно в странах с военными режимами, где гражданские устранены от власти, в предотвращении дезинтеграции государств по этноконфессиональным признакам не очень хорош. Многие военные режимы, установленные в странах с разнообразным этноконфессиональным составом населения, показали, что военные либо не хотят, либо не могут удержать распространение этих конфликтов. Наоборот, нередко они осознанно или нет способствовали их развитию. Это приводило в ряде случаев к дезинтеграции общества и вспышкам насилия. Об этом может свидетельствовать опыт военных в Судане, Пакистане, Индонезии, Бирме⁴. С учетом того, что в основе этих конфликтов лежат интересы групповой солидарности и прочно укоренившиеся в общественном сознании социально-экономические и культурные различия, было бы наивным полагать справиться с ними в течение короткого времени.

Управленческий стиль ближневосточных военных показывает, что они не всегда адекватно воспринимают эти политические реалии. Многие из них недооценивают значимость политических, экономических, социальных и культурных параметров конфликта. Они нередко считают, что острые этнические или религиозные разногласия можно решать методом лобовой атаки, путем силы. К тому же военные особенно весьма болезненно относятся к любому обострению внутренних беспорядков, видя в них неминуемую угрозу единству армии и страны. И поэтому стремятся урегулировать их как можно быстрее, невзирая на методы и средства. Иногда подобное отношение усиливается националистическими настроениями некоторых военных руководителей, которые начинают олицетворять их с более высоким уровнем национального единства. Армия по-разному может действовать в достижении такого единства. В ряде случаев военные власти издают специальные законы, навязывая ценности одной общины другой части населения, или же

⁴ Об опыте военных в странах ЮВА см.: Федоров В.А. Армия и модернизация в странах Востока. – М., 1999.

применяют силу, иногда избыточную. В этой связи любые шаги властей, особенно военных, по достижению «избыточного» единства не только обречены на провал, но и способствуют дальнейшей эскалации конфликта, а в худшем случае могут привести к полной дезинтеграции общества и государства.

Национальное единство не может быть достигнуто «сверху» путем навязывания различным группам общества традиций, обычаев, верований какой-либо одной религиозной или этнической группы. Как правило, властям приходится смириться с тем, что эти конфликты продолжают существовать и время от времени обостряться. Поэтому на каком-то этапе иногда бывает важнее избежать беспорядков и насилия, чем достигнуть «более высокого горизонта» национального единства. Важным условием урегулирования такого рода конфликтов является способность власти найти компромисс, приемлемый для обеих сторон конфликта. Если соглашение между конфликтующими сторонами достигнуто, вероятность насилия значительно понижается. Удастся ли правящей элите добиться такого соглашения, которое представляет приблизительный баланс интересов, частично зависит от поведенческих и мотивационных особенностей самой элиты, наличия или отсутствия внутри нее примиренческих настроений. Взгляды правящих ближневосточных элит сильно разнятся по вопросу, что можно считать достойным компромиссом, до какой степени возможно и необходимо договариваться с оппозицией. В этой связи было бы неоправданным, особенно в современных условиях Ближнего Востока, возлагать исключительно на армию и военных всю ответственность за урегулирование этих конфликтов.

Сегодня под воздействием процессов реформ и политической модернизации меняется и степень вовлеченности армии в политику, и объем власти, находящейся в руках военных. В период 50–70-х гг. XX в. гражданские элиты были отстранены от управления армией, и она сосредотачивала в своих руках всю полноту гражданской и военной власти. Сегодня в большинстве государств Ближнего Востока происходит постепенная эволюция характера военно-гражданских отношений в сторону от режимов абсолютной власти военных к системе военно-гражданских коалиций. Растет влияние гражданских элит на процессы управления государством (Египет, Турция, Иран). Политические амбиции и социально-экономические цели военных становятся более умеренными. Сокращается размер их властных полномочий, а вмешательство военных в политику приобретает более «адресную» функцию. Как правило, они не столько стремятся к захвату политической власти и длительному единоличному управлению государством, сколько к наведению порядка в нем. Их целями обычно являются сохранение баланса сил между соперничающими политическими группировками в стране, укрепление конституционных основ власти, предотвращение серьезных изменений в системе распределения экономических благ.

В ряде случаев военные ставят перед собой цель изменить политический курс предыдущего правительства, повысить эффективность управления государством, перераспределить часть властных полномочий и общественных богатств между различными группами населения, дабы избежать возникновения серьезных политических потрясений в стране. Однако ни те, ни другие не стремятся к коренным преобразованиям экономической и политической системы общества. Более того, в ряде случаев военные предпочитают действовать руками гражданских политиков. Если же таким образом им не удастся достигнуть намеченных целей, то военные берут бразды правления в свои руки, но, как правило, достаточно быстро возвращаются в казармы⁵. Поэтому сегодня достаточно много зависит от гражданских политических элит, от их действий или бездействия. Если они самоустраиваются от решения конфликта, не могут договориться между собой, коррумпированы и национально безответственны, то на политическую авансцену выходит армия. Тут необходимо иметь в виду, что сделки и компромиссы с оппозицией – не очень хорошо знакомая военным техника поведения. Примиренчество рассматривается военными как недостойное поведение, признак слабости. Поскольку военные действуют силой и обучены ее применению, то они с большей вероятностью прибегнут к насилию, чем к переговорам. В лучшем случае они попытаются установить искусственный этноконфессиональный баланс, который, понятно, долго не продержится после передачи полномочий гражданскому правительству. Тем более, что в этом случае действия офицерского корпуса по определению общенационального интереса будут сильно мотивированы собственными корпоративными интересами. Если гражданская власть социально ответственна, пользуется поддержкой большинства общества и не боится призвать армию в союзники, то военные способны действовать как сравнительно беспристрастные арбитры и посредники. И тогда приверженность светской идеологии и национальным идеалам служат сильным мотивационным фактором в отношении умиротворения экстремистских взглядов и настроений и способствуют продвижению равных, общеприемлемых соглашений. Однако в любом случае властям необходимо понимать, что в нынешних условиях Ближнего Востока сложно найти светски ориентированного офицера.

Этнические и религиозные факторы достаточно рельефно проступают в военной среде, что предопределяет достаточно сильную привязанность офицера интересам своей общины. И так называемая социализация военных не может исключить их влияние. Поэтому светское миро-

⁵ Подробнее см.: *Владимир Ахмедов. Армия и власть на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху глобализации и модернизации. Аналитический доклад, выпуск 5(10). НКСМИ. МГИМО (У) МИД России. – М., июнь 2006 г.*

воззрение и чувство общенациональной самоидентификации, с одной стороны, и приверженность традиционным ценностям, с другой, продолжают мирно сосуществовать в военной среде до тех пор, пока этнические и религиозные различия не перерастают в острые конфликты. Тогда вероятность того, что армия может выступить в роли непредвзятого посредника, или арбитра, серьезно снижается.

Таким образом, действия военных по урегулированию острых этно-конфессиональных конфликтов в складывающейся сегодня политической обстановке на Ближнем Востоке ограничены рядом объективных и субъективных факторов. Окончательное решение подобных конфликтов может быть достигнуто исключительно политическими средствами. А использование армии должно носить чисто функциональный характер и быть направлено на защиту государства от внешнего противника и борьбу с угрозой реального, а не мнимого терроризма.

Фолькер ПЕРТЕС (Германия)

**ПОВЫШАТЬ ГОТОВНОСТЬ К ДИАЛОГУ:
ОГРАНИЧЕННЫЕ ШАНСЫ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА ПОВЛИЯТЬ
НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СТОРОН В ЧЕТЫРЕХУГОЛЬНИКЕ
ИЗРАИЛЬ – ПАЛЕСТИНА – ЛИВАН – СИРИЯ**

Сегодня, спустя год после завершения ливано-израильской войны, разразившейся летом 2006 года, Европа должна прежде всего трезво оценить свои возможности влиять на ход событий в регионе. Безусловно, она могла бы повысить свою активность. Вместе с тем с тех пор, как Евросоюз вообще поднимает вопрос о выработке совместных подходов по отношению к Ближнему Востоку, его деятельность уже приобрела небывалые масштабы.

ЕС и его страны-члены являются основными внешними финансовыми спонсорами палестинских территорий, помощь на цели развития ими оказывается в Ливане, Сирии и Иордании. Направив миссию своих наблюдателей на КПП в Рафахе, на границе между сектором Газа и Египтом (правда, их работа в настоящее время приостановлена), ЕС внес свой вклад в обеспечение безопасности на палестинских территориях. По меньшей мере эпизодически Евросоюз открывал жителям сектора доступ к внешнему миру.

Военные из европейских государств составляют большую часть расширенного после войны контингента Временных сил ООН в Ливане (ЮНИФИЛ); впервые в миссии на Ближнем Востоке участвуют военнослужащие из Германии.

В период ее председательства в ЕС оживилась деятельность так называемого ближневосточного «квартета»; различные европейские государства предпринимают неустанные усилия с целью содействовать стабилизации внутривосточной обстановки в Ливане, побудить Сирию занять более конструктивную позицию в отношении Ливана или подержать стремление Сирии и Израиля прозондировать возможность возобновления двусторонних шагов по мирному урегулированию.

В то же время, если взять последние четверть века, то сегодня все надежды на стабильность, разрешение конфликтов или даже мир в регионе представляются самыми призрачными.

Начинает складываться мнение, что динамика событий лишь подтверждает прогнозы, сделанные информированными наблюдателями по окончании прошлогодней войны в Ливане. В частности, они предвещали вспышку новых конфликтов, если за установлением перемирия и принятием правильного решения об увеличении контингента ЮНИФИЛ и расширении их мандата не последует при посредничестве международного сообщества серьезного политического процесса, нацеленного на урегулирование нерешенных проблем в отношениях между Израилем и теми его соседями, с которыми он все еще не заключил мирных договоров – то есть палестинцами, Ливаном и Сирией. Кроме того, хотя это и не имеет большого значения, экспертами отмечалась непредсказуемость возникновения новых конфликтов в рамках израильско-палестинско-ливанско-сирийского четырехугольника: они могут произойти между Израилем и палестинцами, между ФАТХ и ХАМАС, на ливанско-израильской границе, между враждующими группировками в Ливане или между Израилем и Сирией.

Осложнилась обстановка, в условиях которой региональным и международным игрокам приходится размышлять о возможных путях урегулирования конфликтов. Региональные межгосударственные противоборства усугубляются слабостью соответствующих государств или правительств.

Израиль является сильным государством со стабильными демократическими институтами, но у него слабое правительство, над которым нависла угроза судебных разбирательств и расследования со стороны специальной комиссии. Рейтинг премьер-министра снизился до уровня, который находится, скорее, в пределах статистической погрешности. В результате его способность и готовность принимать мужественные решения по вопросам проведения политики мира, ради чего он и был избран, близки к нулю.

На палестинских территориях действует сразу два правительства, ни одно из которых не является репрезентативным и ни одно из которых не может реализовать монополию на насилие, принадлежащую палестинскому квазигосударству. Хотя правительство Ливана и опирается на парламентское большинство, из-за бойкота оппозиции оно не в состоянии принять ни одного закона.

Последние кровавые столкновения на севере страны между ливанской армией и несколькими сотнями склонных к насилию экстремистов продемонстрировали хрупкость политической ситуации в Ливане. А ведь многие местные комментаторы выражали опасения по поводу того, что боевые действия, а также политическая блокада в столице и целая серия политических убийств, могут сыграть роль детонатора новой гражданской войны.

Слабость Ливана или палестинской власти объясняется не столько бездарностью действующих политиков – посредственные политики

бывают во всех странах, – сколько неспособностью государства исполнять свои основополагающие обязанности перед обществом: обеспечить безопасность граждан, заниматься социальной помощью и защитой, проводить восстановительные работы после природных катастроф или войн. Если выполнение этих задач и к тому же осуществление военных действий вместо государственных инстанций берут на себя какие-либо партии и военизированные формирования или, как в случае с социальным обеспечением в секторе Газа, даже зарубежные силы, например ЕС, который предпочитает перечислять свои финансовые средства напрямую нуждающимся, чем передавать их в этих целях через компетентные палестинские ведомства, то в этом случае действительно «никакого государства не построишь».

В настоящее время среди ближневосточной четверки государств самые прочные позиции, видимо, по-прежнему у сирийского правительства, хотя оно опирается в первую очередь на репрессивную авторитарную систему. Но с этим игроком следует считаться, и если его не убедить в том, что его законные национальные интересы будут учтены, – а это прежде всего сохранение территориальной целостности государства, иначе говоря, возвращение захваченной территории Голанских высот под суверенитет Сирии, он продолжит прибегать к грязным методам. Только созданный международный трибунал должен установить, действительно ли Сирия ответственна за серию политических убийств в Ливане.

Не подлежит сомнению, что сирийское руководство самыми различными способами пытается расшатать правительство и, возможно, подорвать всю политическую систему своего ливанского соседа. Ослабляя таким образом Ливан, оно, в конечном итоге, вредит собственным интересам: ведь ни население Ливана, ни международное сообщество не пригласят Сирию вновь установить контроль над Ливаном, осуществлявшийся ею еще два года назад. Если Дамаск не займет конструктивной позиции в отношении Бейрута, то у международного сообщества не возникнет особого стремления поддержать сирийскую сторону, направляющую весьма позитивные сигналы в отношении Израиля, а также выступить за возобновление мирных сирийско-израильских переговоров.

Таким образом, в настоящий момент возможности международных игроков достаточно ограничены. На первый план выдвинуто решение двух взаимодополняющих задач: укрепление государственности, не в последнюю очередь на палестинских территориях и в Ливане, а также формирование или восстановление готовности к диалогу.

Это касается почти всех действующих лиц в регионе. Некоторые европейские государства, прежде всего Швейцария и Франция, пытаются усадить за один стол переговоров все влиятельные политические стороны Ливана в целях возобновления «национального диалога».

Кроме того, международное сообщество могло бы помочь ливанскому правительству и одновременно ослабить убедительность аргументации движения «Хезболла», оправдывающего необходимость содержания собственных вооруженных формирований, если бы оно смогло уговорить Израиль передать Ливану или временно ЮНИФИЛ фермы Шебаа, маленькую, захваченную Израилем полосу земли на границе с Сирией и Ливаном.

Что касается политики в отношении палестинских территорий, то возобновление финансирования палестинских властей следует считать правильным шагом. Если бы это произошло раньше, то, например, в целях оказания поддержки уже развалившемуся правительству национального единства, возможно, удалось бы предотвратить анархию и войну полувоенных формирований в секторе Газа. Правда, поезд уже ушел.

Сегодня важно, чтобы мировое сообщество не поддалось той иллюзии, которой еще накануне захвата движением ХАМАС сектора Газа предавалась американская администрация: если ФАТХ получит достаточно вооружений, он победит. Сейчас уже невозможно закрывать глаза на тот факт, что ФАТХ проиграл дважды: один раз у избирательных урн в январе 2006 г., второй раз потерпел военное поражение в июне 2007 г. В силу этого такие израильские наблюдатели, как бывший руководитель Центра стратегических исследований имени Йаффе Шаи Фельдман, не без основания подчеркивают, что прочного урегулирования в израильско-палестинских отношениях удастся достигнуть только в том случае, если с ним согласится прагматическая часть ХАМАС.

В последнее время израильское правительство вело переговоры с представителями ХАМАС, чтобы подготовить освобождение палестинских заключенных и возможный обмен пленными. Самым главным, о чем Израиль и ХАМАС могли бы договориться на обозримый период времени, было бы долгосрочное перемирие.

По идеологическим причинам ХАМАС не в состоянии признать Израиль в качестве законного государства. Однако политические лидеры этого движения уже давно говорят о десяти-, возможно, даже и тридцати- или пятидесятилетнем перемирии между палестинским государством на Западном берегу Иордан и в секторе Газа и государством Израиль. Видимо, ведение переговоров об образовании государства Палестина они по-прежнему уступят палестинскому президенту Махмуду Аббасу. В свою очередь ФАТХ и палестинский президент не могут просто не замечать сектор Газа и ХАМАС.

Кто попытается оставить ХАМАС без внимания или изолировать его в среднесрочном плане, тот наверняка скоро столкнется с более радикальными силами, например, с воинствующими джихадистами, которые бросили вызов ливанской армии в палестинском лагере беженцев

«Нахр аль-Барид». Поэтому рано или поздно М.Аббас будет вынужден вновь вступить в переговоры с ХАМАС. В этой связи свою роль вновь могла бы сыграть Саудовская Аравия, осуществлявшая посреднические функции при формировании правительства национального единства, особенно если Вашингтон даст гарантии, что не будет опять саботировать усилия по восстановлению сплоченности палестинцев. Махмуд Аббас не сможет силой захватить сектор Газа. Игнорировать его он может лишь ценой утраты своей легитимности уже на Западном берегу реки Иордан.

Это не должно помешать израильскому правительству уже сегодня вести переговоры с палестинским президентом по вопросам так называемого окончательного статуса – об Иерусалиме, поселениях, беженцах и других темах, которые станут элементами долгосрочного урегулирования независимо от того, пойдет ли речь о мире или о перемирии. Израиль может усилить в краткосрочном плане позиции Аббаса, ликвидировав поселения на Западном берегу реки Иордан, восстановив свободу передвижения в границах палестинских территорий и освободив важных палестинских пленных. Среди них в первую очередь Марван Баргути – один из немногих, кто считается способным предотвратить дальнейший распад ФАТХ, выполнять достигнутые с Израилем соглашения, проводить твердую политику в отношении ХАМАС и подконтрольного ему большинства в Законодательном собрании Палестины.

Можно ли убедить локальные политические силы действовать в этом направлении? Может быть, новый представитель ближневосточного «квартета» Тони Блэр сумеет добиться положительных результатов. Вызывает сожаление, что администрация США, фактически назначившая его без консультаций с другими участниками «квартета», сразу после назначения заявила об отсутствии у него мандата на переговоры. В ее интерпретации он должен лишь координировать процесс построения госучреждений на Западном берегу реки Иордан, а также оказание экономической помощи.

По крайней мере, этот вопрос «квартет» может скорректировать на своем следующем заседании.

Франческо КАЛОДЖЕРО (*Италия*)

УГРОЗА ЯДЕРНОГО ТЕРРОРИЗМА

Когда террористы окажутся способны изготовить ядерные взрывные устройства, это будет угрожать всей нашей цивилизации. Как можно предположить, первым крупным доказательством того, что такая способность существует, стало бы уничтожение какого-либо крупного города при помощи устройства, сходного по параметрам с примененным в Хиросиме.

Теракты с использованием достижений ядерной физики могут быть осуществлены в нескольких формах, весьма различных как по их возможным последствиям, так и по трудности их осуществления. Радиоактивное заражение в значительных масштабах мест обитания людей, вероятнее всего, вызовет распространение паники и повлечет за собой экономические последствия, однако может не привести к большому числу смертей сразу же после теракта.

Уничтожение крупного города ядерным взрывом, вероятнее всего, приведет к множеству (сотен тысяч, а возможно, и миллионов) смертей сразу же или вскоре после взрыва. Примечательно, что эксперты первоначально больше внимания сосредоточивали на возможности проведения террористами теракта первого рода, так называемой «грязной ядерной бомбе» или какой-либо разновидности «устройства, рассеивающего радиоактивные материалы».

Задача для террористов вызвать крупное бедствие посредством устройства, рассеивающего радиоактивные материалы, непроста, главным образом из-за сложности приобретения довольно большого количества радиоактивных материалов и сложности задачи осуществления широкомасштабного рассеивания. Если, конечно, широкое рассеивание радиоактивных материалов не достигается путем подрыва ядерной электростанции или нарушением ее работы, какое приведет к ее взрыву. Обе последние задачи также трудны, а контрмеры для их предотвращения очевидны.

По моему мнению, более правильно сосредоточиться на рассмотрении осуществимости террористами задачи уничтожения города ядер-

ным взрывом и на мерах, какие следует предпринять для уменьшения этой угрозы. Есть два способа, с помощью которых банда террористов может достичь данной цели.

Один – предприняв открытую военизированную акцию или тайную операцию, завладеть ядерным боеприпасом из какого-либо существующего ядерного арсенала и затем доставить его в избранный в качестве цели город, используя какое-нибудь обычное средство доставки и взорвать его там. Другой – изготовить ядерное взрывное устройство с конкретной целью уничтожить конкретный город.

В недавнем прошлом эксперты исходили из того, что террористы, преследуя политические цели, никогда не прибегнут к таким крайним средствам, как уничтожение городов. Однако хорошо информированные специалисты утверждают, что с террористской ядерной угрозой подобного рода следует считаться: см. например, статью Дж.Барнса в «Лос-Анджелес таймс» («Ядерная бомба – самая большая угроза «Аль-Каиды» – считает бывший шеф ЦРУ») от 28 апреля 2007 г. в которой рецензируется книга «В центре бури» бывшего директора ЦРУ Джорджа Дж.Тенета.

Разумно предположить, что украсть или захватить в результате налета боеприпас из ядерного арсенала весьма трудно. Многие виды ядерных боеприпасов снабжены кодирующими устройствами, которые исключают их несанкционированное применение. Более существенный риск связан с тактическими ядерными боеприпасами, которые не защищены кодирующими устройствами и которые все еще находятся в арсеналах России и США.

Еще более значительный риск связан с теми государствами, которые имеют ядерные боеприпасы и где присутствуют влиятельные лица, предположительно сочувствующие террористическим группировкам. В этом смысле беспокойство вызывает ядерный арсенал Пакистана, в какой-то мере Индии, хотя подобная угроза не снята и для России, Израиля, США, Китая, Франции и Великобритании.

И все же я исхожу из того, что вероятность такой опасности относительно мала. В любом случае нет никаких сложностей в принятии мер по уменьшению вероятности, что данная опасность материализуется, и они очевидны: повысить насколько возможно физическую защиту ядерных боеприпасов, свести к минимуму возможности доступа к ним и т.п.

В самом деле, принимая во внимание размеры арсеналов США и России, а также текущую политическую обстановку, наиболее важным я считаю рекомендовать, чтобы политическое руководство этих стран признало необходимость самого тесного сотрудничества для развития физической сохранности их ядерных вооружений от каких бы то ни было посягательств со стороны террористов.

Оценивая угрозу в связи с возможностью уничтожения целого города ядерным взрывным устройством, изготовленным террористами,

следует исходить из того, что с технической точки зрения создание примитивного ядерного взрывного устройства – довольно простая задача в том случае, если в наличии имеется достаточное количество оружейного высокообогащенного урана (ВОУ).

Изготовленное террористом ядерное взрывное устройство не нуждается в транспортировке: его соберут в каком-нибудь арендованном помещении (гараж, квартира) в городе-цели. Это значительно упрощает задачу его изготовления, поскольку устройство не должно отвечать никаким требованиям, предъявляемым к ядерному оружию, например ему нет необходимости быть надежным, компактным, иметь заданную мощность. Сам взрыв может быть осуществлен с помощью простейшего таймера.

Законы ядерной физики свидетельствуют: если достаточно большое количество расщепляющихся материалов быстро свести вместе, то последует ядерный взрыв. Таким образом, небольшая банда террористов при условии, что она располагает достаточным количеством ВОУ (оружейного, т.е. незагрязненного и содержащего, скажем, по меньшей мере 90% урана-235), вполне способна изготовить примитивное ядерное взрывное устройство, которое может разрушить значительную часть большого города.

Все дополнительные материалы, помимо ВОУ, необходимые для изготовления такого устройства, легко отыскать на открытом рынке (возможно, за исключением некоторых обычных взрывных веществ, если они понадобятся, которые достаточно просто достать на черном рынке). Никакого предшествующего опыта в изготовлении ядерных боеприпасов не требуется. Не требуется и специальных знаний, которые легко можно почерпнуть из открытой литературы и Интернета.

Позвольте процитировать здесь одно высказывание из документа «Возможности внутринациональной группировки обрести ядерное оружие» [1], подготовленного бывшим директором лаборатории Сандия в Соединенных Штатах, где производятся американские ядерные боеприпасы: «Хотя это и не совсем однозначно, но конструирование и изготовление ядерного взрывного устройства описанного здесь типа вряд ли вызовет у какой-либо группировки непреодолимые трудности» [1].

И должен добавить: в том документе речь идет о создании куда более надежного ядерного взрывного устройства, нежели описанное мною выше приспособление – такого, которое с достаточной вероятностью могло бы достичь килотонного или мегатонного уровня мощности взрыва (напомню, что мощность хиросимской бомбы составляла около 13 килотонн, для чего потребовалось расщепление всего одного килограмма ВОУ).

По счастью, прежде чем террористическая группировка обретет способность уничтожить ядерным взрывом часть крупного города, ей необходимо будет преодолеть одно препятствие, а именно сложность до-

бывания потребного количества ВОУ. Этим объясняется, почему подобная ядерная катастрофа до сих пор не произошла. Но предаваться самоуспокоенности на сей счет было бы, по моему мнению, неразумно – к этому выводу я пришел после ряда бесед с экспертами и подготовки нескольких собственных работ на эту тему. [2]

Ста килограмм оружейного ВОУ более чем достаточно для изготовления примитивного ядерного взрывного устройства. Стоит только такому количеству ВОУ оказаться в распоряжении банды террористов, переправить его куда угодно будет пустяковой задачей, которая облегчается его малым объемом (менее десяти литров) и незначительностью радиоактивного следа.

У одной только России предположительно имеется в наличии все еще более одного млн. кг ВОУ*. Разумеется, эти соображения относятся не только к России. Вторые по размерам запасы – у Соединенных Штатов.

Некоторые шаги по улучшению учета и физической защиты этого материала были предприняты главным образом в контексте совместных действий между Соединенными Штатами и Россией. И все же многие специалисты убеждены, что делается гораздо меньше того, что могло бы считаться достаточным. [3]

Важнейшим достижением является так называемая «сделка ВОУ – НОУ», согласованная в начале 1990-х, которая поддерживает разбавление до уровня НОУ (низкообогащенного урана. – *Прим. ред.*) 500 тонн (полмиллиона килограмм) российского ВОУ и продажи этого НОУ американским предприятиям тепло- и энергоснабжения.

На встрече «большой восьмерки» в Кананаскисе в июне 2002 г. был дан старт формуле $10 + 10/10$ (десять плюс десять за десять), означавшей согласие «в принципе» на предоставление \$10 млрд. Соединенными Штатами плюс \$10 млрд. другими странами в течение последующих 10 лет на поддержку различных проектов, предназначенных для уменьшения риска использования террористами средств массового уничтожения (имеется в виду программа «Глобальное партнерство», которая предполагает в том числе выделение значительных средств на утилизацию списанных атомных подводных лодок и уничтожение запасов химического оружия в России. – *Прим. ред.*). Но пока мало что из этих обязательств было выполнено.

Более 60 тонн американского ВОУ также были уничтожены, т.е. переработаны в НОУ на основе двух контрактов Министерства энергетики США, реализация которых завершилась в сентябре 2006 г. В данный мо-

---

* Россия полностью уничтожит высокообогащенный уран из ядерного оружия к 2013 году, сообщил глава Росатома Сергей Кириенко. По его словам, Россия перевела в топливо для ядерных реакторов более половины высокообогащенного урана. (Из сообщения РИА «Новости» от 24 мая 2007 г. – *Прим. пер.*)

мент, как представляется, у властей США нет никакого намерения продолжить и уничтожить еще больше американского ВОУ, хотя накопленные запасы весьма велики (сотни тонн) и не предвидится никаких военных потребностей в этом материале для производства ядерного оружия.

Когда заглядываешь вперед, то кажется очевидным, что деятельность, направленная на уменьшение возможности того, что город будет уничтожен ядерным взрывом, устроенным террористами, должна главным образом сосредоточиться на том, чтобы воспрепятствовать любой такой группировке получить в свое распоряжение достаточное количество оружейного ВОУ. Эти меры должны быть дополнены деятельностью по проникновению в террористические организации и по их ликвидации.

Очевидно, что самым эффективным шагом в данном направлении является уничтожение существующего ВОУ путем переработки его в НОУ. Конечной целью должно стать полное уничтожение всего наличного ВОУ и всемирный верифицируемый запрет на его производство, поскольку данный материал представляет угрозу для выживания нашей цивилизации. В настоящее время в пяти странах – обладательниц ядерного оружия – ВОУ не производится (правда, без какой-либо международной проверки, что не дает мне полной уверенности, особенно в отношении Китая). ВОУ по-прежнему производится в Пакистане и, вероятно, в Индии (предположительно, не производится в Израиле).

Однако, к сожалению, технические возможности обогащения урана получают широкое распространение. Это необходимо для производства НОУ (обогащенный до 3–5%, уран является основным топливом для большинства ядерных станций, вырабатывающих энергию). Однако та же самая техника вполне способна производить ВОУ. Разумеется, есть возможности (и МАГАТЭ вполне способна их обеспечить) получить гарантии, что такого не происходит, но для этого требуется согласие тех, кто обогащает уран, допустить на своей территории весьма глубокие проверки (которым в любом случае подвержены почти все страны на основе Договора о нераспространении), но такое согласие может быть взято обратно в любое время.

Промежуточная, вторая по значимости цель – до тех пор пока ВОУ существует – состоит в том, чтобы быть уверенными, что он не попадет в плохие руки. Для этого следует максимально возможно укреплять физическую защиту наличных запасов ВОУ, а каждое усилие по международному сотрудничеству в данном направлении следует поддерживать и финансировать должным образом. Однако необходимо помнить, что инвестиции в данном направлении менее предпочтительны, чем те, что нацелены на полное уничтожение ВОУ. Для обеспечения этих целей необходимо также и усиление разведывательных возможностей.

Еще одна цепочка инициатив – крайне важных в контексте конечного уничтожения ВОУ во всем мире, а также – для уменьшения рис-

ка того, что значительное количество ВОУ может попасть в плохие руки, – направлена на исключение во всем мире использования ВОУ из деятельности, не связанной с вооружениями. В особенности это касается всех исследовательских реакторов и реакторов, используемых на морских судах. Эти шаги подкрепляются мерами по техническому усовершенствованию, позволяющими использовать более компактные формы НОУ, которые непригодны как материал для взрывов, но способны заменить ВОУ для указанных целей.

Верным направлением может также оказаться вложение средств в создание препятствий на пути террористской группировки, доставшей достаточное количество ВОУ, свободно переправить его в город-цель и создать на месте мастерскую для изготовления взрывного устройства. Как указывалось выше, полезную роль в этом отношении может сыграть разведка. Попытка воспрепятствовать переброске ВОУ, выделяя крупные средства на создание всевозможных «непроницаемых» пограничных заграждений, выглядит, напротив, дорогостоящим и бесполезным упражнением.

Сложность, а по сути, невозможность пресечь доставку в любую страну столь небольшого по объему груза весом в 100 кг, имеющего незначительный радиоактивный след – такого, как ВОУ, достаточное для уничтожения города, подтверждается наличием громадных партий всевозможных веществ, тайно перебрасываемых в любую крупную страну мира, в том числе наркотиков и других запрещенных товаров. Скептически настроенному читателю могу порекомендовать обратиться к подробному анализу этой проблемы в статье Стива Колла (Steve Coll) «Могут ли Соединенные Штаты защититься от ядерного терроризма?», опубликованной 12 марта 2007 г. в «Ньюйоркере».

Много внимания (по сути, даже больше, чем уничтожению ВОУ) уделяется также уничтожению плутония – единственного вещества, также пригодного для создания ядерного взрывного устройства. Такое рассеивание усилий прискорбно не только потому, что в настоящее время количества ВОУ больше, чем плутония, но в особенности потому, что создать ядерное взрывное устройство на основе плутония настолько сложнее, что вероятность его изготовления бандой террористов представляется лишь теоретической возможностью. («Большинству людей неизвестно, что, если имеется разделенный уран-235, то устроить ядерный взрыв – банальное дело, тогда как если в наличии имеется только плутоний, то заставить его взорваться – это самое технически сложное дело из всех, какие я знаю», – подчеркивал Луис У.Альварес, ведущий физик проекта «Манхэттен» и впоследствии Нобелевский лауреат по физике – в мемуарах, опубликованных в 1987 г. [4])

Впрочем, тогда как производство оружейного ВОУ Россией и США (прежде основными производителями) ныне прекращено, производ-

ство плутония является побочным продуктом обычного процесса выработки энергии на ядерных электростанциях. Кроме того, плутоний – чрезвычайно опасный источник радиоактивного заражения в том случае, если его рассеять в значительных масштабах в виде микрочастиц. Так что наша цивилизация стоит перед лицом необходимости жесткого контроля также и этого материала из-за его потенциальной пригодности в качестве сырья для ядерного оружия, а также вероятности его использования террористами.

Ссылки:

1. *A.Narath*. «The technical opportunities for a sub-national group to acquire nuclear weapons» («Технические возможности внутринациональной группировки обрести ядерное оружие»), в: Протоколы XIV Международной конференции Амальди по проблемам глобальной безопасности (Certosa di Pontignano, около Сиены), апрель 2002 г.; *Atti dei Convegni Lincei 190*, Accademia Nazionale dei Lincei, Рим, 2003, с. 19–32.

2. *Ф.Калоджеро*. Доклад генерального секретаря 1997 г., *Pugwash Newsletter*, ноябрь 1997 г., с. 230–239; а также Протоколы 47-й Пагоушской конференции по науке и мировым делам (Лиллехаммер, Норвегия; 1–7 августа 1997 г.), ред. *Joseph Rotblat*, World Scientific, с. 121–133.

F.Calogero. «Fast-track the uranium deal» («Методика скоростной ядерной сделки», *Bulletin Atomic Scientists*, ноябрь/декабрь 1997, с. 20–21; ответ на письмо в: *Bulletin Atomic Scientists*, январь/февраль 1998, с. 66.

F.Calogero and G. Tenaglia. «The risk of Highly Enriched Uranium (HEU) for terrorism» («Риск высокообогащенного урана (ВОУ) для терроризма»), документ, представленный на ежегодной Пагоушской конференции 1999 г. (Рустенбург, Южная Африка; 8–13 сентября 1999 г.) и на конференции Амальди 1999 г. (Майнц, Германия, 6–10 октября 1999 г.).

F.Calogero. «The paths to prohibition of nuclear weapons» («Пути запрета ядерного оружия»), Протоколы XIII Международной конференции Амальди по проблемам глобальной безопасности; Рим, 30 ноября – 2 декабря 2000 г., *Atti Convegni Lincei 167*, 205–231 (2001).

F.Calogero. «Issues on Arms Control» («Израиль о контроле за вооружениями»), Заметки к 5 лекциям в CERN, 12–16 февраля 2001 г.; выставлены в Интернете, см. на web-сайте CERN.

F.Calogero. «Nuclear Terrorism» («Ядерный терроризм»), протоколы симпозиума к столетию Нобелевских премий, Осло, 6–8 декабря 2001 г.; выставлено по адресу: <http://www.learnworld.com/COURSES/P190B/ClassroomUse/Francesco.Calogero.pdf>.

F.Calogero. «Nuclear terrorism» («Ядерный терроризм»), письмо в Bulletin Atomic Scientists, май/июнь 2002, с. 5.

J.Boutwell, F.Calogero and J.Harris. «Nuclear terrorism: the risk of highly enriched uranium (HEU)» («Ядерный терроризм: риск высокообогащенного урана (ВОУ)»), «Pugwash Issue Brief», сентябрь 2002 г., выставлен на Пагоушском web-сайте: www.pugwash.org.

F.Calogero. «Мемо on nuclear terrorism», (*Ф.Калогеро.* «Записка о ядерном терроризме»), документ распространен на конференции Амальди, проходившей в Понтиньяно около Сиены, Италия, 27–29 апреля 2002 г.

F.Calogero. «Nuclear terrorism» («Ядерный терроризм»), включено в книгу в честь 65-летия Адама Даниеля Ротфельда (Adam Daniel Rotfeld).

F.Calogero. «Nuclear terrorism: likely scenarios, preventive actions» («Ядерный терроризм: возможные сценарии, предупредительные меры»), распространено в качестве документа на ежегодной Пагоушской конференции в Галифаксе, Канада, в июле 2003 г.

F.Calogero. «The risk of nuclear terrorism» («Риск ядерного терроризма»), в: Unilateral actions and military interventions: the future of non-proliferation, Proceedings of the 10th International Castiglione Conference, 18–21 September, 2003; Servizio Editoriale Universitario, University of Bari, 2003.

Ф.Калогеро. «Ядерный терроризм» (опубликовано на русском языке как статья в «Энциклопедическом словаре глобальных исследований»).

F.Calogero. «The risk of nuclear terrorism and how to decrease it» («Риск ядерного терроризма и как его уменьшить»), Law Enforcement Executive Forum 5 (6), 1–6, 2005.

3. См. например: недавние документы и книги таких авторов, как Matt Bunn, Richard Garwin, John Holdren, Bill Potter, Frank von Hippel, Anthony Weir, которые нетрудно найти в Интернете, а также упомянутую в них литературу.

4. *Luis W. Alvarez.* Adventures of a physicist («Приключения физика»), Нью-Йорк: Basic Books, 1987, с. 125.

Эрнест СУЛТАНОВ

ВЫБОРЫ В ТУРЦИИ: РЕФЕРЕНДУМ ИСЛАМСКОЙ МОДЕЛИ

На прошедших в Турции в конце июля выборах уверенную победу одержала Партия справедливости и развития премьер-министра Реджепа Тайипа Эрдогана. Фактически это означало поддержку населением исламской экономической модели, внедряемой правительством г-на Эрдогана. Таким образом, теперь ПСР сможет продолжить не только строительство новой экономики, но и перестройку турецкой политической системы. Принципиальным шагом в этом направлении стало избрание Абдулы Гюля президентом Турции. Одновременно успешный опыт ПСР может дать толчок реформам в значительной части исламского мира.

Партия нового типа

Несмотря на электоральные успехи исламской Партии благоденствия (по итогам выборов в 1995 г. ПБ уже оказывалась в победителях), ей так и не удалось удержаться у власти. Так, сформированное лидером ПБ Неджметтином Эрбаканом в 1996 г. коалиционное правительство просуществовало только год, после чего под давлением президента Турецкого союза промышленников и предпринимателей (ТСПП) и высшего армейского руководства вынуждено было уйти в отставку. Однако атака на партию Эрбакана на этом не завершилась. Конституционный суд принял решение о роспуске ПБ, а затем и ее наследницы – Партии добродетели, тем самым отрезая для представителей исламского движения путь в выборные органы власти. Один из лидеров ПБ, популярный мэр Стамбула Реджеп Тайип Эрдоган вынужден был провести четыре месяца в тюрьме за свою политическую деятельность.

Выйдя из тюрьмы, г-н Эрдоган заявил, что осознал полученный урок: турецкая система не готова была согласиться с приходом к власти исламской партии – по крайней мере, в том виде, в котором она тогда существовала. И на помощь со стороны «развитых демократий» в этом вопросе исламское движение рассчитывать не могло: Европейс-

кий суд по правам человека не нашел нарушений в роспуске ПБ и действиях военного руководства. Электоральной поддержки (двадцать процентов проголосовавших избирателей) для изменения системы было недостаточно. Вследствии этого летом 2001 г. исламское политическое движение в Турции разделилось на «традиционалистов» – Партию счастья (ПС), которую фактически возглавил Неджметтин Эрбакан, и «умеренных» – Партию справедливости и развития во главе с Реджепом Эрдоганом и Абдулой Гюлем. ПСР стала позиционировать себя как консервативная партия с «исламским бэкграундом» (по аналогии с «христианскими демократами» в Германии), в то время как ПС заняла нишу чисто религиозной партии – наследницы идеологических постулатов ПБ.

Фактически г-н Эрдоган стал создавать партию нового типа, которая подходила бы не только сторонникам «исламского пути», но и беспартийному протестному электорату. Эта большая часть населения (в 2000–2002 гг. страна переживала экономический кризис) была не готова голосовать за партию г-на Эрбакана, но вполне могла проголосовать за умеренную исламскую партию. В этом плане процесс модернизации исламского движения в Турции имеет определенное сходство с трансформацией европейской политической системы начала 1990-х гг. В результате такой трансформации произошел внутренний раскол традиционных «правых» и «левых» партий на «умеренных» и «радикалов».

ПСР смогла привлечь на свою сторону различные группы населения, сделав акцент в своей программе на «правах человека» и «демократии» как важнейших элементах ислама. Правительство ПСР активно высказывалось в защиту интересов мусульман и христиан, которые одновременно относятся и к «религиозным ценностям», и к «правам человека».

Показательна дискуссия, развернувшаяся в турецких средствах массовой информации вокруг «светских требований», предъявляемых к главе государства. Так, бывший генеральный секретарь Национального совета безопасности Тунджр Килич заявил о том, что в случае избрания главой государства представителя ПСР он должен будет приказывать своей жене снять платок. Один из основателей ПСР Бюлент Аринч назвал подобного рода высказывания неуважением к женщинам со стороны светской оппозиции – «женщины – это не рабы, чтобы им приказывали».

Победы ПСР в ходе парламентских выборов связаны в том числе и со сформировавшимся альянсом между ПСР и Независимым союзом промышленников и предпринимателей (НСПП). В 1980-е годы в результате реформ, проведенных тогдашним премьером Тургуттом Озалом, был дан мощный толчок развитию альтернативной экспортоориентированной экономики. Стал активно развиваться частный сектор, причем в

отраслях, ориентированных не на замещение импорта, как раньше, а на производство продукции, конкурентоспособной на внешних рынках. Именно эта новая, не связанная ни с традиционной бюрократией, ни с полугосударственным бизнесом элита, выражением которой и является НСПП, нашла свое представительство в партии Реджепа Тайипа Эрдогана. Дело в том, что, не имея своего представительства во власти, члены НСПП подвергались дискриминации по сравнению с представителями ТСПП. Так, вплоть до победы ПСР на выборах 2002 г. властные органы ограничивали участие представителей «исламского бизнеса» в государственных тендерах: например компания Ulker не допускалась к поставкам продуктов питания для армии. Кроме того, были организованы преследования наиболее успешных компаний – членов НСПП. В частности, в 1997 г. по решению суда, а в 2000 г. по решению Турецкого комитета по финансовым рынкам на некоторое время были заморожены активы компании Kombassan. Таким образом, основатель компании Хаким Байрам был наказан за оказание финансовой поддержки «исламистам». Однако давление на членов НСПП дало обратный результат: ПСР оказалась одной из наиболее благополучных в финансовом плане турецких партий.

Кадровый состав ПСР также выглядит значительно профессиональнее, чем у конкурентов. Достаточно сказать, что новый президент Турции Абдула Гюль в течение нескольких лет работал в международных финансовых институтах. Экономическую программу ПСР разрабатывал бывший директор Мерилл Линч по Ближнему Востоку и Африке Мехмет Симсек, ставший министром экономики в новом правительстве ПСР.

Другим преимуществом ПСР на выборах как 2002 г., так и 2007 г., были ее противники. Дело в том, что в отличие от модернизированной ПСР «старые партии» фактически не претерпели существенных изменений. Модернизация исламского движения означала одновременно переход от поколения Эрбакана к поколению Эрдогана. В «старых партиях» этот процесс еще не начался: так, лидер основной оппозиционной партии Дениз Байкал (Народно-республиканская партия) является представителем поколения Неджметтина Эрбакана. Голоса беспартийных избирателей, которые традиционно перетекали от правоцентристов (Партия Родины и Партия верного пути) к левоцентристам (НРП и Демократической левой) и обратно на выборах 2002 г. и в еще большей степени на выборах 2007 г., перешли к ПСР.

Единственное, что старые партии смогли противопоставить растущей популярности ПСР, был лозунг противодействия «исламской угрозе». Однако подобная пропаганда оказалась неэффективной: с одной стороны, из-за конкретных результатов, достигнутых Турцией при «исламистах» (например, создание 2,5 миллиона рабочих мест за 5 лет), а с другой, из-за отсутствия у оппозиции собственной конкурент-

ной программы. В итоге больше своего традиционного электората левоцентристы не получили: их улучшенный по сравнению с 2002 г. результат связан с присоединением ДЛ к списку НРП. Правоцентристы же второй раз подряд вообще не прошли десятипроцентный барьер.

Не поддержав «старые партии», избиратель фактически высказался против коррупции. При этом коррупция в Турции была не единичным случаем¹, а системным явлением. Дело в том, что экономическая программа светских партий в значительной степени отсылала к 1960-м гг., когда в Турции шла активная импортозамещающая индустриализация, а государство было основным участником рынка. Таким образом, они в значительной степени ориентировались на ТСПП, включающий в себя близких государству турецких олигархов. Однако эта модель теряла свою эффективность и популярность параллельно с вхождением Турции в глобальный рынок и все большим весом, который приобретала ориентированная на экспорт экономика. Одновременно прежняя модель экономики, завязанная на господрядах и господдержки, фактически и создавала питательную среду для коррупции. В этом плане положение оппозиции в Турции очень напоминает ситуацию в Венесуэле. В обеих странах политический вызов требовал модернизации оппозиции, для чего существовал ряд препятствий. Во-первых, это структурная косность, в рамках которой партии являются аналогами кланов, лично преданных своим лидерам. Во-вторых, существующая связь со старой политической и экономической системой. В этом контексте от того, насколько «старые партии» смогут преодолеть эти два препятствия, зависит их будущее на политической карте Турции.

Исламская экономика

После победы на выборах правительство ПСР стало работать над созданием новой исламской модели экономики, которую западные эксперты часто обозначают как «исламский протестантизм»². Дело в том, что ПСР активно поддержало развитие наиболее традиционных в религиозном плане регионов страны – Центральной Анатолии. И именно ислам стал идеологией экономического процветания в этом регионе. Тяжелый, хорошо оплачиваемый труд был определен как «религиозный долг». Так, по мнению одного из сторонников ПСР и главы крупного холдинга Мустафы Буйдака, «открыть фабрику – это настолько

¹ Очень показателен в этом плане инцидент, произошедший в 1996 г., когда в Западной Турции рядом с г. Сусурлук попал в аварию «мерседес». Из троих погибших пассажиров один был членом организованной преступной группировки, еще один – руководителем полиции высокого уровня. Оставшийся в живых оказался членом парламента.

² Подробнее о роли исламского бизнеса в победе ПСР на парламентских выборах см.: *Alberto Negri. La neoborghesia si è fatta sentire. Il Sole-24 Ore, 24 Luglio 2007 (No.201).*

же богоугодное дело, как и молитва». Неэффективное же использование капитала (его замораживание, например, на счетах в банках) стало восприниматься как «грех».

Успех правительства Реджепа Тайипа Эрдогана во многом связан со сменой приоритетов развития, показателем которой стала переориентация с ТСПП на НСПП³. Во-первых, это означает ставку на развитие регионов, а не только Стамбула. Если доля компаний, представляющих Стамбул в ТСПП, составляет 80%, то в НСПП она не превышает 25%. Во-вторых, речь идет не столько о смене денежных потоков, сколько об устранении препятствий на пути бизнеса, то есть, снижении коррупционных издержек и налогов. В-третьих, ставится задача создания максимально благоприятного налогового и делового климата в стране.

Новый исламский бизнес, имея стабильную и разделяющую взгляды НСПП власть на всех уровнях (только муниципалитет Измира пока еще контролируется оппозицией), готов делать долгосрочные инвестиции, в том числе и в инфраструктурные проекты (строительство дорог, дополнительных энергетических мощностей). В результате правительству ПСР удалось сократить государственные расходы, добившись снижения инфляции и увеличения прямых инвестиций, а также существенных улучшений в решении социальных и инфраструктурных проблем.

Новый тип исламских бизнесменов, входящих в НСПП, активно вкладывает деньги в работающую на будущее «благотворительность». В отличие от шейхов Персидского залива турецкие капиталисты финансируют «исламские» технические инженерные школы, университеты и обучение одаренных детей по нужным профессиям в престижных западных вузах. При этом неучастие в «исламской солидарности» практически исключено: с таким человеком перестали бы вести бизнес. Подобная модель взаимоотношений бизнеса и общества является альтернативой не только современным «восточным», но и «западным» моделям. Дело в том, что громоздкая система контроля, принятая, например, в европейских странах, оказывается не нужна. Однако для успешного функционирования предложенной ПСР модели необходимо наличие соответствующего морального климата в обществе. В этом плане показательно высказывание одного из руководителей НСПП, который заявил, что «высокие моральные качества и высокие технологии» являются одинаково обязательными для успешного исламского бизнеса.

³ Подробнее о Независимом союзе промышленников и предпринимателей: *Haldun Gulalp*. Globalization and Political Islam: The Social Bases of Turkey's Welfare Party. *International Journal of Middle East Studies*, Vol.33, No.3 (Aug., 2001), pp. 433–448; *Ayşe Bugra*. Class, Culture and State: An Analysis of Interest Representation by Two Turkish Business Associations. *International Journal of Middle East Studies*, Vol. 30, No. 4 (Nov., 1998), pp. 521–539.

Находясь у власти, ПСР, вместо того чтобы бороться против светского характера государства, на что рассчитывала оппозиция, сосредоточила свое внимание на поддержке новой экономики. Все уровни власти были насыщены новыми партийными кадрами, с одной стороны, очень профессиональными, с другой, придерживающимися исламских моральных принципов. За счет этого были снижены издержки, в том числе и коррупционные, на содержание госаппарата. Кроме того, были созданы транспарентные условия в экономике, при которых бизнес чувствует себя в безопасности. В результате за четыре года при правительстве Эрдогана ВВП Турции увеличился более чем в два раза (до 400 млрд. долл.), инфляция сократилась в три раза (до менее чем 10% в год), а прямые иностранные инвестиции только в 2006 г. составили 20 млрд. долл.⁴

На курдском фронте

Как показал восьмидесятилетний опыт, турецкий национализм так и не стал платформой для национального объединения в Юго-Восточной Турции. В этом плане приход к власти ПСР фактически становится поворотным пунктом в курдско-турецком конфликте. Решение конфликта на религиозной, а не националистической основе является приемлемым для большинства населения турецкого Курдистана. Показательно, что именно благодаря поддержке курдского населения Реджеп Тайип Эрдоган смог в 2003 г. занять пост премьер-министра. Довыборы, в которых принял участие лидер ПСР 9 марта 2003 г., проходили в курдских городах Батман и Сирт. В ходе последних выборов ПСР еще более укрепила свои позиции в регионе, получив поддержку 52% избирателей, что на 5% выше общего результата исламской партии.

Во многом такая поддержка означала поддержку курдским населением политики премьер-министра Эрдогана в отношении региона. Во-первых, правительство ПСР инициировало серию экономических проектов на Юго-Востоке Турции (вплоть до возрождения фисташковых рощ в районе Сирта). Во-вторых, этот регион в последние годы стал важным транзитным и промышленным центром, ориентирующимся на иракский рынок. Турецкие фирмы подписали контракты на строительство объектов инфраструктуры в Северном Ираке более чем на один миллиард долларов. Парадоксальным показателем их успеха стал рост цен на цемент в самой Турции. В-третьих, началось восстановление населенных пунктов и возвращение переселенных людей в районы, в ко-

⁴ Подробнее о значении экономических результатов, достигнутых правительством Реджепа Тайипа Эрдогана в победе ПСР на парламентских выборах, см.: Il Sole-24 Ore. 18 Luglio 2007 (No.195), P.9; Vincent Boland. Turkey election win for Erdogan. Financial Times (Europe), July 23, 2007.

торых в 1980–1990-е годы велись боевые действия против РПК. В частности, в одной из наиболее пострадавших провинций, Тунджели, с 2002 г. было восстановлено 14 деревень. В-четвертых, именно по спискам ПСР в парламент прошло значительное число курдов.

Не все силы в Турции заинтересованы в стабилизации ситуации. Высшее военное руководство, Рабочая партия Курдистана (РПК) и националисты в результате снижения напряженности рискуют существенно сократить свое влияние⁵. В этом контексте показательно, что генерал Буйканит, бывший одним из руководителей операций против РПК на Юго-Востоке Турции, заявил во время церемонии своего назначения на пост начальника генштаба об усилении борьбы против повстанцев как о приоритетной задаче армии. Кроме того, именно военные активно навязывают военную кампанию в Северном Ираке, следствием которой могут стать значительные жертвы среди мирного населения и ухудшение двусторонних отношений. Это только усилило бы позиции РПК и привело бы к возобновлению конфликта с новой силой.

Так, представители РПК заявили, что в случае атаки на свои базы в Иракском Курдистане они начнут операции в отношении экономических, политических и военных объектов на всей территории Турции⁶. Именно при наличии такого конфликта вмешательство военных в политику вновь может стать оправданным. Также и боевики РПК активно перед выборами провоцировали конфликт, совершив ряд терактов на турецкой территории. По мнению губернатора Диярбакира Эфкана Ала, РПК тем самым пытается восстановить свои позиции, пошатнувшиеся в результате реформ, инициированных правительством ПСР. Свой вклад в усиление напряженности внес и бывший президент Турции Ахмет Сезер, который несколько раз налагал вето на приезд своего иракского коллеги – Джалала Талабани. Однако за счет жесткого противодействия премьера Эрдогана конфликт удалось предотвратить. Кроме того, представляющие ПСР губернаторы сыграли конструктивную роль, не допустив проведения военными карательных операций в ответ на организованные РПК теракты, что также обеспечило мощную поддержку ПСР в Курдистане⁷.

Победа ПСР на последних выборах не улучшила, как мы видим, перспективы дальнейшего мирного урегулирования в Курдистане. И курдское население, и партия Реджепа Тайипа Эрдогана заинтересо-

⁵ О роли армии и РПК в рамках дестабилизации ситуации Юго-Восточной Турции накануне парламентских выборов см.: *Ahmet Atlan* (Intervista). *Sconfitti i militari, non laici. Il Sole-24 Ore*, 24 Luglio 2007 (No.201).

⁶ PKK officials threatens vengeance if Turkey attacks Iraqi Kurdistan. BBC Worldwide Monitoring, July 8, 2007.

⁷ Подробнее о курдском факторе в победе ПСР см.: *Ian Traynor*. Turkey raises hopes of peace with Kurds. *Guardian*, July 24, 2007.

ны в стабилизации ситуации. ПСР это даст значительное преимущество на внутреннем фронте (в отношении ультраправой Партии националистического действия и военных), а также в отношении противников вступления Турции в ЕС (Австрии, Франции). Показательно, что правительство Эрдогана уже ввело определенные элементы автономии на Юго-Востоке страны, прежде всего в культурной сфере, включая разрешенное телевидение на курдском. И курдское население в большей степени заинтересовано в улучшении экономического положения и решении проблемы безработицы, а не в поддержке РПК. Религиозные праздники и вызванные карикатурным скандалом манифестации собирают значительно больше людей, чем мероприятия в поддержку РПК⁸. Таким образом, учитывая религиозность курдского населения, именно ислам, а не национализм, как на идеологическом, так и на экономическом уровне, будет являться основой стабилизации. Нельзя исключать, что эти тенденции не могут не беспокоить руководство РПК, и последние события подтверждают это.

Международный фронт

Тема «европейской интеграции» оказалась еще одним выигрышным лозунгом ПСР. «Старые партии» в интересах военных (не желающих ограничений своих привилегий) и крупного полугосударственного бизнеса (оппозиционного либерализации экономики) не спешили форсировать переговоры о вступлении в Европейский Союз. ПСР во многом благодаря усилиям Абдулы Гюля (на тот момент – министра иностранных дел) добилась в октябре 2005 г. официального начала переговорного процесса по вопросу присоединения Турции к ЕС. Вступление в ЕС имеет значение и в рамках логики расширения рынков для турецкого бизнеса. При этом образ «исламской угрозы» разыгрывается в том числе и из-за боязни конкуренции со стороны эффективной турецкой экономики. Достаточно сказать, что показатели экономического роста Франции, главного противника полноправного членства Анкары в ЕС, более чем в 3 раза ниже, чем у Турции, при том что размер инфляции и норма бюджетных расходов Парижа в течение нескольких лет подряд выходят за предусмотренные в Европе рамки⁹.

В этой связи правительство Эрдогана не остановилось только на развитии отношений с ЕС, но начало также активно развивать исламское направление своей внешней политики. Так, генеральным секретарем Организации Исламская конференция при активном содействии пра-

⁸ The real challenge to secular Turkey. The Economist (U.S. Edition), September 2, 2006.

⁹ Подробнее о взаимоотношениях ЕС и Турции см.: An EU muddle with global ramifications; Turkey and Europe. The International Herald Tribune, August 24, 2007.

вительства ПСР был избран представитель Турции профессор Экмелледин Ихсаноглу. При этом, если в ходе саммита ОИК в декабре 1997 г. лидеры Египта, Ирана, стран Персидского залива жестко критиковали Турцию, то на сегодняшний день отношения Анкары с этими странами максимально благоприятные. Достаточно сказать, что между Египтом и Турцией в 2005 г. было подписано соглашение о свободной торговле, а незадолго до июльских выборов правительство ПСР подписало с правительством Ирана соглашение о реализации крупнейшего совместного газового проекта. Кроме того, Турция стала одной из наиболее привлекательных стран для инвесторов из Персидского залива.

Борьба за власть

Ключевым противником ПСР на сегодняшний день становится не оппозиция, а армия, которая по конституции 1983 г. имеет широкие права для вмешательства в политическую жизнь Турции. В этом плане приход к руководству в армии «ястребов» (генерал Буйканит – начальник генштаба, генерал Басбуг – командующий сухопутных войск) отражает общее недовольство военных потерей своих позиций. Так, в рамках начатого процесса реформ, направленных на приведение Турции к стандартам ЕС, военные лишились контроля над Национальным советом безопасности: в 2004 г. НСБ впервые возглавило гражданское лицо (Мехмет Йигит Алпоган). Либерализация экономической и политической системы ударила и по другим армейским привилегиям. Раньше после окончания карьеры бывшие военные имели возможность либо перейти на руководящие должности в «частные» компании, либо открыть свой бизнес, получив на это государственные средства. То есть, ситуация в Турции в определенной степени напоминала ситуацию в Пакистане, где армия не только активно вмешивалась в политику, но и являлась основным экономическим субъектом. В этом плане попытки преодолеть влияние армии в Пакистане привела к отстранению правительства Наваза Шарифа от власти и приходу к власти генерала Мухшарафа.

После переворота 1980 г. пост президента Турции традиционно занимал либо бывший военный, либо близкий к армии политик. Таким образом, избрание президентом представителя ПСР воспринималось военным руководством как еще один важный удар по их влиянию. При фактическом отсутствии прав, присущих исполнительной власти, глава государства обладает рядом стратегически важных полномочий. Во-первых, президент контролирует вхождение новых членов в высший образовательный совет и назначает ректоров высших учебных заведений. А соответственно во многом от него зависит состав будущей интеллектуальной элиты Турции. Во-вторых, глава государства является главнокомандующим вооруженными силами страны и соответственно

участвует в деятельности, в том числе, и НСБ. В-третьих, он имеет право накладывать вето на законопроекты, получившие поддержку парламента. В-четвертых, президент оказывает косвенное влияние на судебную власть: именно он назначает членов верховного суда. В-пятых, без одобрения президента армия не имеет легальных оснований на вмешательство в политику.

За период с 2002 по 2007 г. правительство ПСР могло ощутить реальный вес президентского поста. Фактически по всем основным вопросам внешней и внутренней политики премьер Эрдоган сталкивался с противодействием президента Сезера. В частности, Ахмет Сезер воспрепятствовал проведению полноценной реформы образования. Он также выступал против отправки войск в Ливан, что привело к снижению роли турецкого контингента, – изначально Турция могла претендовать на то, чтобы возглавить миротворческую операцию. Кроме того, во многом из-за противодействия главы государства и военных с 2005 г. началось торможение реформ, направленных на приведение Турции к европейским стандартам.

Таким образом, для правительства Эрдогана было важно, чтобы этот пост занял один из лидеров ПСР. Не случайно, что в течение всего 2006 г. Реджеп Тайип Эрдоган рассматривался в качестве потенциального кандидата на эту «церемониальную» должность. Этим же объясняется апрельская атака армейского руководства против правительства ПСР (заявления об угрозе светским устоям общества в контексте избрания «исламиста» президентом Турции). Избрание Абдулы Гюля фактически означает возможность продолжения реформ, которые необходимо провести для приведения Турции к стандартам ЕС. В этом плане появилась возможность принятия новой конституции (нынешняя была написана в интересах военных после переворота 1980 г.).

В этой ситуации армия не может напрямую вмешаться в ситуацию. Во-первых, подавляющее большинство населения (включая и оппонентов ПСР) отрицательно относится к перспективе вмешательства военных в политику. Во-вторых, на международной арене правительство ПСР пользуется значительной поддержкой. Даже противники правительства Эрдогана не могут себе позволить пойти на поддержку переворота, что приведет к изоляции «военного режима». В-третьих, переворот поставит точку на перспективах членства Турции в ЕС. Соответственно политико-экономической альтернативой этому является альянс с исламским миром, неприемлемый для военных. В-четвертых, в случае изменения политической ситуации капиталы, «привыкшие» к правительству ПСР, начнут уходить из Турции. Это в свою очередь может привести к новому экономическому кризису. В-пятых, отсутствуют силы, которые бы были профессиональными и одновременно могли бы заменить кадры ПСР на всех уровнях власти, – значительная часть таких профессионалов как раз и представлена в партии Эрдогана. Та-

ким образом, в среднесрочной перспективе армия проиграла «борьбу за власть». Ей остается ждать ошибок со стороны президента и премьера, а также надеяться на дестабилизацию ситуации в Юго-Восточной Турции.

Прошедшие в Турции выборы являются своеобразным референдумом по предложенной ПСР модели. Фактически большинство населения предпочло жить в рамках эффективной исламской экономической модели, чем в рамках неэффективной светской. При этом модель, предложенная ПСР, значительно отличается от модели, реализуемой как на Западе, так и в большинстве мусульманских стран. Другим существенным преимуществом ПСР является предложенный работающий вариант межнационального примирения. Одновременно модель, предложенная Реджепом Тайипом Эрдоганом, является первым примером, когда исламской партии удалось добиться значительных успехов, находясь во власти.

ПСР на сегодняшний день успешно справляется с угрозами «пакистанизации» ситуации, когда армия выходит из-под контроля и подчиняет себе государство. Во всех других случаях победы «исламистов» система находила вариант разрешения ситуации в свою пользу. В Алжире после победы исламского Фронта национального спасения военные совершили госпереворот и отменили результаты выборов. В Палестине правительству ХАМАС не удалось показать пример эффективного экономического развития из-за введенных санкций, оккупации и внутреннего противодействия. В этом плане не случайно, что, например, «Братья мусульмане» в Египте ориентируются на пример ПСР с точки зрения стратегии не столько прихода к власти, сколько ее удержания¹⁰.

¹⁰ Roula Khalaf. Arab Islamists view Turkey crisis as test for democracy. Financial Times (Europe), July 23, 2007.

Василий ЛАТА

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТРОИТЕЛЬСТВА СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЯДЕРНЫХ СИЛ РОССИИ

Направления развития Стратегических ядерных сил (СЯС) России в целом и каждого элемента триады (наземный, морской, воздушный), их качественное совершенствование предполагают тщательный учет геополитических факторов. Просчет при определении вектора развития СЯС может слишком дорого обойтись нашему государству, его безопасности.

Состояние российских СЯС в XXI в. будет непосредственно зависеть как от геополитического положения, так и от многих взаимосвязанных внешних и внутренних геополитических факторов воздействия.

К внешней геополитической стороне проблемы можно отнести следующие факторы.

Первый – объективное определение источников военных угроз, вызывающих потребность в СЯС. Их влияние во многом будет зависеть от будущего политического устройства мира, от того, что придет на смену биполярному миру, – многополярный или новый биполярный (вероятнее всего, американо-китайский) мир. Но при любом варианте в планировании развития СЯС необходимо считаться с рядом обстоятельств. К ним относятся:

а) наличие и уровень внешней военной угрозы для России – существующей и потенциальной. Сегодня эти угрозы реальны или могут появиться в любой момент (опыт Ирака тому подтверждение). Это положение закреплено и в Концепции национальной безопасности РФ 2000 г. Нет сомнения, что ядерное оружие большинства имеющих его стран, по существу, предназначено для применения против России. Но ядерная угроза существует не только для России, но и для США и других западных стран. Особо опасной становится угроза распространения ядерного оружия, появления новых ядерных государств;

б) сохранение и даже наращивание по отдельным регионам военной мощи, количества и видов обычных вооружений, их качественное совершенствование и разработка новых видов;

в) демографический фактор, особенно неуправляемый рост населения, который вынужденно начинает определять военную политику ряда государств. Так, по оценкам экспертов ООН, устойчивое положение КНР возможно при населении до 750 млн. человек, но ее население уже насчитывает 1,2 млрд. при прогнозируемом ежегодном приросте 14 млн. человек¹. А это неизбежно будет приводить к росту внутренней напряженности. Уже сейчас в политике и военной доктрине Китая господствует тезис, что «по мере роста комплексной мощи» государства в сфере экономики, научно-технического прогресса и военной мощи будет осуществляться концепция «стратегических границ и жизненного пространства», которые должны перемещаться адекватно росту «комплексной мощи государства» до рубежей, в пределах которых страна с помощью военной силы может реально осуществлять свои интересы. Безусловно, это будет осуществляться в первую очередь по наиболее слабым направлениям, к которым сегодня можно отнести и Россию².

Второй – состояние геополитической и военно-стратегической стабильности в мире, что во многом будет зависеть от того, как будут складываться отношения РФ с ведущими странами мира, особенно с Соединенными Штатами. Здесь можно выделить ряд аспектов.

1. США будут делать все возможное, чтобы лишить Россию статуса мировой державы. События последних лет свидетельствуют о том, что «США и страны НАТО, хотя и уважают чувство самоуважения России в разумных пределах, но тем не менее неуклонно и последовательно уничтожают геополитические основы, которые могли, по крайней мере теоретически, позволить России надеяться на получение статуса державы номер два в мировой политике, который ранее принадлежал Советскому Союзу»³.

Это подтверждает и Зб.Бжезинский: «Для Америки... долгосрочная задача состоит в следующем: ...не допустить возрождения вновь евразийской империи, которая способна помешать осуществлению американской геостратегической цели». И далее: «Америка никогда не намеревалась делить власть на земном шаре с Россией, да и не могла делать этого, даже если бы этого захотела», т.к. «для Америки Россия слишком слаба, чтобы быть ее партнером, но, как и прежде, слишком сильна, чтобы быть просто ее пациентом»⁴.

2. На Евразийском пространстве укрепляет политическое влияние и наращивает военную мощь Североатлантический альянс, что одновре-

¹ Гареев М.А. Если завтра война? – М., 1995. С. 292.

² Военная мысль. 1993. № 1. С. 67.

³ Богатуров А., Кременюк В. Современные отношения и перспективы взаимодействия между Россией и Соединенными Штатами Америки // Независимая газета. 1996. 28 июня.

⁴ Бжезинский З. Великая шахматная доска. С. 108, 123, 143.

менно расширяет границы прямого американского влияния. Европа, особенно Центральная, становятся в известной степени «американским протекторатом».

3. Многое в дальнейшем строительстве Стратегических сил сдерживания будет зависеть от мирового и регионального политического и военно-стратегического баланса сил, наличия у России союзников и от того, будет ли она ориентироваться на Запад или на Восток или же вести обособленную внешнюю политику, как это делал СССР в 1920–1930-х годах.

Третий – правильный выбор направления ядерного сдерживания и определения взвешенных подходов к использованию ядерного оружия.

По всей вероятности, в ближайшие несколько десятилетий ядерное оружие не будет ликвидировано. США и Россия измеряют свои ядерные потенциалы тысячами боезарядов, не собираются отказываться от ядерного оружия и другие владеющие им страны. Оно «остаётся наиболее надёжным и дешёвым средством обеспечения безопасности и сдерживания агрессии, хотя, казалось бы, нельзя не понимать, что это «дешёвое» средство слишком дорого может обойтись человечеству. Но такова объективная реальность и логика развития событий». К тому же доктринальные установки НАТО и в первую очередь США по-прежнему предусматривают применение ядерного оружия первыми в ответ на любую агрессию, даже в том случае, если она будет предпринята с использованием обычного оружия. Поэтому «в обозримом будущем концепция ядерного сдерживания должна быть более многоплановой»⁵. Для этого необходимо:

а) исключить всякую возможность планирования и сознательного развязывания ядерной войны с любыми целями и под любым предлогом;

б) в оценке СЯС не допускать экстремизма и крайностей. Так, некоторые эксперты считают, что для обороны любой страны достаточно иметь минимальное количество ядерного оружия и, используя его как средство сдерживания, можно гарантировать военную безопасность государства.

В определенной мере на этой позиции стоят некоторые ученые из Института военной истории МО РФ, которые утверждают, что «в основе военных доктрин многих стран лежит концепция ядерного сдерживания, делающая практически невозможной прямую агрессию против государства, обладающего таким оружием и убедительно демонстрирующего свою готовность его применить. При этом его поражающие свойства таковы, что на какой бы фазе войны оно ни было применено, эта фаза будет последней. Очевидно, что резервы в этом случае не пона-

⁵ Гареев М.А. Если завтра война? – М., 1995. С. 99–100.

добятся»⁶. Довольно широкое распространение имеет и точка зрения, в соответствии с которой при наличии ядерного оружия нет необходимости совершенствовать (и даже содержать) другие виды вооруженных сил. Подобные суждения являются заблуждением, ибо одним ядерным оружием обеспечить надежную оборону невозможно, но и роль его измерить сложно, а недооценивать нельзя. Ядерное оружие может быть мощным сдерживающим агрессию средством, но отнюдь не исключаяющим ее. Чем это можно объяснить?

Во-первых, многие страны уже сейчас имеют возможность (а в будущем она еще больше возрастет) внезапным ударом не только ядерного, но и высокоточного обычного оружия уничтожать ядерные средства других стран, снижая их возможности нанести ответный удар. Кстати, поэтому вооруженные силы, хотя бы в минимальном количестве, необходимы для того, чтобы прикрывать с воздуха и с суши ядерные средства и обеспечивать их боевую устойчивость.

Во-вторых, без минимально необходимых вооруженных сил невозможно обеспечить суверенитет и общую оборону страны, не говоря уже о готовности к реагированию на различные военные конфликты, масштабные террористические акты.

Внутренние геополитические факторы, влияющих на развитие СЯС

Географический фактор. Взглянув на географическую и административно-этническую карту огромных пространств России, с тревогой осознаешь необходимость продуманного размещения СЯС. Россия – континентальная держава с многотысячнокилометровыми морскими границами, но имеющая не особенно благоприятные выходы в Мировой океан. С одной стороны, огромные территориальные просторы позволяют «вольготно» размещать СЯС на территории протяженностью в 11 часовых поясов, с другой – этот же геофактор серьезно осложняет поддержание военной безопасности страны. К тому же плохо развитая инфраструктура (в первую очередь дорожно-транспортная, социально-коммунальная, энергетики и связи, информации и т.п.) значительно затрудняет поддержание необходимой боеготовности.

Внутриполитическое и морально-психологическое состояние общества, уровень осознания политическим и военным руководством страны роли и места России в современном геополитическом пространстве. К сожалению, в 1990-е годы данный аспект имел определенную негативную окраску. Наши в недалеком прошлом идеологические и военные противники порой оценивают Россию более объектив-

⁶ Профессиональная армия за рубежом. История, опыт и условия создания. – М., 1993. С. 159.

но, чем некоторые отечественные геополитики. Так, Бжезинский считает, что Россия «остается крупным геостратегическим действующим лицом, несмотря на ослабленную государственность и, возможно, затяжное нездоровье. Само ее присутствие оказывает ощутимое влияние на обретшие независимость государства в пределах широкого евразийского пространства бывшего Советского Союза. Она лелеет амбициозные геополитические цели, которые все более и более открыто провозглашает. Как только она восстановит свою мощь, то начнет также оказывать значительное влияние на своих западных и восточных соседей».

В процессе планирования дальнейшего развития СЯС необходимо тщательно учитывать также этнические и конфессиональные особенности района. Вряд ли целесообразно сегодня размещать ракетные комплексы на территориях, где имеют место некоторые проявления национализма и сепаратизма.

Видимо, нецелесообразно и размещение ядерных вооружений, особенно стратегических, за многие тысячи километров от государственно-административных и военных центров руководства, вблизи государственных границ.

Из всего сказанного следует: необходимо более продуманно, а в какой-то степени и осторожно, подходить к дислокации ракетных комплексов с учетом как возможного геополитического и военно-стратегического противостояния, так и национально-этнических, конфессиональных отношений на перспективу.

Будущее СЯС, в том числе интеграционные процессы, непосредственно связано с реализацией Договора 2002 года о дальнейшем сокращении СНП. Сокращение числа боеголовок, необходимых для сдерживания, должно быть неразрывно связано с переходом сторон на новую концепцию планирования боевых действий СЯС. К этому вынуждает и развертывание системы ПРО США.

Итак, основными критериями для планирования развития Стратегических ядерных сил с учетом геополитических условий должны быть следующие.

1. Объективная оценка и учет геополитического и геостратегического положения страны. Возможности России существенно ниже возможностей Советского Союза. Мы уже далеко не те, что были в недалеком прошлом, хотя и пытаемся встать на ноги.

2. Учет фундаментальных изменений, которые произошли в системе национальной безопасности государства и особенно в экономической сфере, где пока не преодолены окончательно тенденции стагнации промышленности и сельского хозяйства. Практически продолжают бедствовать оборонные предприятия. Россия по многим экономическим показателям занимает одно из последних мест среди среднеразвитых стран мира.

Экономические обоснования перспектив развития СЯС должны дать четкий ответ, какие элементы триады СЯС может и должно себе позволить государство? Какое приращение эффективности дает тот или иной элемент триады в решении задачи сдерживания и в целом обеспечении безопасности России? Сегодня такие расчеты есть, но учитываются ли они?

3. Дальнейшее развитие СЯС должно осуществляться только в общей системе мероприятий по реформированию Вооруженных Сил России и при широком использовании уже накопленного как отечественного, так и мирового опыта ракетно-ядерного строительства.

4. В процессе проведения мероприятий по реформированию СЯС необходимо всегда помнить, что для США Россия по-прежнему остается основным потенциальным противником. Только у России есть многие сотни МБР, БРПЛ, ТБ, способные поразить цели на территории США. Взаимозависимость и интеграция государств не позволяют нам рассматривать проблему военной безопасности в границах только одной страны. Она в наши дни стала международной и даже глобальной.

В такой довольно сложной геополитической и геостратегической ситуации военную безопасность России целесообразно обеспечивать в направлении дальнейшего укрепления и совершенствования сил ядерного сдерживания с учетом их реального состояния и имеющихся возможностей. Неплохо было бы создать и силы оперативного ядерного реагирования. В условиях ПРО США они могут сыграть важную роль.

5. В качестве основного критерия, то есть точки отсчета при определении состава и модернизации СЯС на перспективу, должна служить возможность ядерного сдерживания, для которой важно не то, что развернуто на боевых позициях, а что может быть доставлено в ответном ударе. Ориентация на ответный удар в условиях развитой ПРО предъявляет высокие требования к живучести ядерных средств и устойчивости системы предупреждения, боевого управления и связи.

6. Обеспеченность надежным управлением СЯС как в плане гарантии от несанкционированного применения, так и в смысле гарантированного пуска в ответных действиях. Система управления по ресурсному обеспечению должна быть безусловным приоритетом даже перед оружием как таковым, особенно при глубоком количественном сокращении ядерных вооружений, предстоящем в ближайшее десятилетие как в рамках договоров, так и независимо от них по экономическим и техническим обстоятельствам.

7. Важнейшим первоочередным критерием для планирования СЯС является экономичность реализации программ на протяжении всего жизненного цикла оружия (включая ликвидацию по договорам или по устареванию), что особенно важно в прогнозируемых экономических условиях России. Нужно учитывать безаварийность в эксплуатации

вооружений, экологические издержки эксплуатации и конечной ликвидации вооружений, что тоже отражается на их стоимости.

В течение нескольких лет в обществе, СМИ идет дискуссия о целях, путях и способах проведения военной реформы в государстве, в том числе и в составе СЯС.

По ходу дискуссии предлагалось несколько вариантов реформирования Стратегических ядерных сил России. В целом их можно свести к следующему.

Первый вариант – оставить компоненты СЯС разобобщенными, когда каждый компонент триады входит в состав своего вида Вооруженных Сил (рода войск): РВСН, ВМФ и ВВС. Вариант довольно трезвый и обоснованный. Зачем ломать и строить что-то новое, когда есть устоявшаяся организационная структура группировок, отработанная система боевого управления, отлаженная сеть основных и запасных командных пунктов и направлений связи, есть обжитая инфраструктура? В пользу этого варианта говорит и то, что при существующем финансировании нет возможности в ближайшей перспективе для радикальных изменений структуры сил сдерживания. В этих условиях лучше всего сохранить все как есть, постепенно урезая СЯС до уровня, установленного Договором СНП, и продолжая их совершенствовать.

Второй вариант – создать стратегические силы сдерживания на базе морского компонента СЯС с присоединением к ним авиационных СЯС (АСЯС), наземные МБР ликвидировать, а РВСН как самостоятельный род войск упразднить. Этот вариант в 1993–1994 гг. широко дискутировался в российских СМИ⁷.

Взгляды, связанные с ликвидацией МБР, следовательно, и РВСН, не новы. В США такой вариант дальнейшего сокращения СЯС предлагал еще в 1989 г. военный эксперт Дж.Линч. Спустя три года эту идею подняли в России и начали выдавать за новую, заглотив, по сути, провокационную, «развальную» для ВС РФ «наживку»⁸.

Противники этого варианта, А.Арбатов, Р.Зубков⁹, а с ними нельзя не согласиться, считают, что разговоры о ликвидации МБР не только преждевременны, но и не могут быть реализованы по многим причинам. Во-первых, сдерживание не вписывается в американское и российское понимание задачи СЯС, которые на данном этапе допускают возможность применения первыми ядерного оружия; во-вторых, пол-

⁷ Бочаров И.Ф. Сдерживание на основе ядерной диады // США: ЭПИ. 1993. №2. С. 12–22; Зубков Р.Ф. От триады к диаде, или от сдерживания к сдержанности // США: ЭПИ. 1993. № 10. С. 75–83 и др.

⁸ Рогов С.М. и Суриков А.В. Перспективы радикальных сокращений стратегических наступательных вооружений России и США // США: ЭПИ. 1992. № 5.

⁹ Арбатов А.Г. Военно-стратегический паритет и политика США. – М.: Политиздат, 1984; Зубков Р.А. От триады к диаде, или от сдерживания к сдержанности // США: ЭПИ. 1993. №10 и др.

ная ликвидация МБР лишь сократит количество целей для контрсилового удара, но не устранит его; в-третьих, возможно значительное снижение эффективности удара возмездия ПЛАРБ и ТБ в результате применения против них не только ядерного, но и обычного высокоточного оружия и других средств борьбы, ибо значительное количество (более 70%) ПЛАРБ находится постоянно на базах, и они являются заманчивой целью для нанесения по ним упреждающего удара. В-четвертых, недооценивается и хорошо развитая в США система противолодочных действий, ведущихся в целях обнаружения и уничтожения российских лодок, находящихся на боевом патрулировании. Есть и другие причины и обстоятельства, которые делают этот вариант нецелесообразным.

Третий вариант – построить структуру СЯС по американскому образцу на двухкомпонентной основе – наземно-воздушной и морской. В этом варианте под единым командованием объединяются РВСН, АСЯС и все структуры, работающие в воздушно-космическом пространстве. Определенный смысл в этом варианте есть (тем более что для объединения РВСН и АСЯС есть необходимые предпосылки – единое территориальное пространство, близость КП, что позволит оперативно создать единую автоматизированную систему боевого управления и систему связи и др.). Но возникает вопрос: насколько была бы оправдана по критерию «стоимость – эффективность» такая масштабная перестройка, требующая немалых средств?

Четвертый вариант – создание российских Стратегических сил сдерживания (ССС). Первая попытка его реализации была предпринята 12 ноября 1991 г., когда указом президента СССР М.С.Горбачева было провозглашено создание нового вида Вооруженных Сил – Стратегических сил сдерживания, в который входили РВСН, системы предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, противоракетной обороны и космические средства. Выгоды такого варианта казались очевидными. «Имея единое руководство и план применения группировки боевых средств и обеспечивающих систем, мы смогли бы повысить надежность выполнения боевых задач в ответных действиях, а единой военно-технической политикой и сбалансированным развитием составляющих вооружения нового вида Вооруженных Сил обеспечить меньшие затраты для выполнения поставленных задач», – пишет в своих воспоминаниях генерал армии Ю.Максимов¹⁰.

Указ о создании СССР так и не был реализован. Однако идея не умерла, что говорит о ее актуальности, и вскоре началось ее активное обсуждение уже в рамках строительства и реформирования ВС России.

¹⁰ Максимов Ю.П. Записки бывшего главкома стратегических. – М.: РВСН. 1994. С. 274.

Особенно всестороннее освещение она получила в аналитических статьях А.Арбатова, В.Алексина, В.Белоуса, Л.Волкова, М.Виноградова, Р.Зубкова, И.Коротченко, С.Сокута и др.

При определении состава Стратегических сил сдерживания, по мнению большинства экспертов, в качестве точки отсчета должен быть положен основной критерий: их способность обеспечить безопасность России, не допустить ядерную агрессию против нее, а в ответном ударе нанести заданный уровень ущерба напавшей стороне даже при самых неблагоприятных для РФ условиях развязывания войны. Совпадали мнения и о том, что основой ССС должны быть межконтинентальные баллистические ракеты, находящиеся на вооружении РВСН.

Во-первых, МБР наземного базирования наилучшим образом согласуются со спецификой геостратегического развития России, обеспечены самой надежной и гибкой системой управления, имеют неоспоримое преимущество разворачивания на своей собственной территории и эффективнее всего защищены – как всеми другими видами Российских ВС, так и собственными средствами (высокозащищенные шахтные ПУ, надежнейшие системы управления и связи, мобильные комплексы и др.).

Во-вторых, сегодня МБР РВСН, их высокая живучесть, надежность, высокий коэффициент боеготовности, высокая надежность и оперативность управления и доведения приказов на пуск обеспечивают достаточный потенциал сдерживания.

Наконец, надо сказать, что система управления РВСН, включая ее автоматизированные системы всех уровней, наиболее приспособлена к условиям современной войны, в том числе и при внезапном ракетно-ядерном ударе.

Морские СЯС – подводные лодки, оснащенные баллистическими ракетами (БРПЛ), уступая по ряду показателей наземным СЯС, по сути, являются мобильными ракетными базами и могут рассматриваться подстраховкой наземных и шахтных МБР. Особую миссию в ответных действиях они могут выполнить в случае внезапного ядерного удара по шахтным и мобильным МБР в условиях сохранения системы управления и связи с подводными лодками, находящимися в океане или уцелевшими на базах постоянной дислокации.

Создание ССС, как и любая перестройка, будет сопровождаться появлением определенных трудностей, связанных с преодолением старых, устоявшихся взглядов, ведомственных интересов и психологии местничества в рамках отдельных компонентов СЯС. Нелегко будет создать и отработать единое оперативно-стратегическое планирование, единую систему управления силами, наладить централизованное обеспечение их жизнедеятельности, отработать единую систему подготовки кадров и комплектования.

Но спешка здесь недопустима. Принимаемые решения должны быть взвешенными и выверенными до мелочей. Принятые договоренности о сокращении СНП до уровня 1700–2200 боезарядов остро поставили проблему: что, когда и в каком объеме сокращать. И здесь есть несколько факторов, которые нельзя не учитывать.

Резкое изменение геополитической и военно-стратегической обстановки в мире, сложившаяся фактически монополярная модель мира позволяют США, опираясь на свою неоспоримую экономическую и военную мощь, оказывать господствующее влияние на международные дела. Понятно, что ядерная война с Соединенными Штатами для России является безумием. Возникает вопрос: есть ли смысл соревноваться с США в поддержании стратегического баланса в сфере ракетно-ядерных вооружений, содержать внушительные стратегические ядерные силы?

Да, крупномасштабная военная агрессия против России в ближайшие годы маловероятна. Но каждый здравомыслящий человек, тем более политик или военный деятель, хорошо понимает, что это возможно только при условии наличия и поддержания на достаточном уровне российского потенциала ядерного сдерживания. Правда, сложность заключается в определении уровня необходимой достаточности (2200, 1700, 1500 боезарядов) и методов ее достижения (пропорционального сокращения всех компонентов СЯС или обдуманного и взвешенного дифференцированного подхода к их сокращению).

Решение данной проблемы всецело зависит от внешнеполитической, военно-стратегической ситуации в мире и реализации международных договорных соглашений.

Уровень и масштаб угроз в военной сфере возрастает. Это проявляется, как отмечается в Военной доктрине РФ, в сохранении и совершенствовании ядерного потенциала ведущими государствами мира, в переходе НАТО к практике силовых (военных) действий вне зоны ответственности блока и без санкции СБ ООН, что возведено в ранг стратегической доктрины

Оправдать в этих условиях поспешную ликвидацию МБР можно только недопониманием роли и места СЯС, их материальной основы – РВСН как политического инструмента и наиболее весомого средства, определяющего статус России в современном мире, обеспечивающего ей членство в «ядерном клубе», позволяющего удерживаться в числе мировых лидеров.

Появляется соблазн за счет сокращения РВСН попытаться выкроить из военного бюджета определенное количество средств для воссоздания сил общего назначения. Однако не получая со стороны государства необходимой финансово-экономической поддержки, изыскать таким путем хотя бы скромные суммы (а на большее рассчитывать нельзя) для создания мобильных, хорошо оснащенных сил общего назначе-

ния, практически невозможно. Да и изыскивать средства на их строительство должно не военное ведомство, а государство, правительство, руководители страны.

Сегодня необходимо, не кривя душой, честно признать, что для создания сил общего назначения, как и нового поколения ракетно-ядерных вооружений, требуются огромные средства, которые для страны непосильны. Россия содержит свои Вооруженные Силы на средства, эквивалентные примерно 15% американского военного бюджета. А чтобы создать отвечающие современным требованиям силы общего назначения, России необходимо на порядок увеличить размер своего валового национального продукта и обеспечить динамичное развитие национальных наукоемких отраслей промышленности.

В современных условиях решение проблемы ядерного сдерживания в основном лежит на РВСН, и поэтому их сокращение может пагубно сказаться на обороноспособности нашего государства. Данное обстоятельство явилось решающим при принятии последних решений по военному строительству. Оно обуславливается еще и тем, что РВСН обеспечивают политическую, идеологическую и военную стороны оборонной безопасности России.

В наши дни все яснее просматривается функция стратегических ядерных вооружений как средства не боевого, а «политического» влияния России на развитие событий в мире, позволяющего надежно исключать эскалацию политической напряженности в крупномасштабных вооруженных конфликтах. Именно по этой причине от них не отказывается ни одно ядерное государство. США проводят крупномасштабные мероприятия по модернизации МБР и БРПЛ. Активно совершенствует СЯС Китай. Модернизируют ракетно-ядерные арсеналы Франция и Великобритания. В мире появляются новые ядерные державы, стремящиеся прорваться в «ядерный клуб». В сложившейся ситуации наличие мощных СЯС – тот последний и важнейший атрибут России, который обеспечивает ей достойное место в мировом сообществе даже при наличии в стране третьеразрядной экономики.

Сегодня важно понять: какое место должны занимать СЯС в жизни мирового сообщества и России в перспективе? И есть ли им место в будущем вообще? Сделать это можно только в том случае, если мы будем руководствоваться не сиюминутными интересами и заботами сегодняшнего дня, а видеть перспективу. Нам нужны сегодня хорошо подготовленные и обеспеченные современным высокоточным оружием силы общего назначения, но создавать их в ущерб стратегическим ядерным силам нельзя. Тришкин кафтан, как его ни перекраивай, останется им же. Путем переукладывания из пустого в порожнее имеющиеся дыры в обороноспособности страны не залатать. Необходимо изыскивать нужные средства для обороны страны в развитии материального производства.

Дальнейшее совершенствование СЯС, а в перспективе возможное их объединение в единые Стратегические силы сдерживания, предполагает решение значительного количества организационных проблем, осуществляемых как государственными, так и военными органами, с учетом финансовых возможностей страны и оборонной промышленности, задействованной на производстве ракетной и другой военной техники.

В решении этой задачи, уместно еще раз сказать, недопустимы излишняя поспешность и, как правило, сопровождающие ее неудачи, которые могут не только скомпрометировать саму идею интеграции – объединение видов и систем в один или два хорошо отлаженных и более эффективных вида, но и отбить желание создавать их вообще. Оптимизацию СЯС необходимо проводить поэтапно, по принципу «семь раз отмерь – один раз отрежь».

Александр НАЗАРЧУК

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

Всего лишь через два десятилетия после провозглашенного Ф.Фукуямой «конца истории»¹ жизнь социального исследователя оказывается не такой уж скучной: все так же модна тема постмодернизма и постиндустриализма, угрозой серьезных потрясений чреваты процессы глобализации, и, несмотря на то что капитализм победил в мировом масштабе, мир на земле не воцарился. Оказалась полностью исчерпана тема революционного противостояния классов и смены формаций, но не потому, что нивелировались социальные противоречия, а потому, что на место противостоящих блоков, идеологически враждебных друг другу, пришла сложная, мелкозернистая ткань современного общества. Задачи социального исследователя не упрощаются, а, напротив, усложняются в той мере, в какой новые социальные явления становятся результатом действия многомерных и разнонаправленных процессов, описываемых совершенно по-разному различными теоретическими подходами.

К их числу относится и формирование социальных сетей, которые в последние десятилетия переживают столь бурный рост, что позволяют иным дерзким головам говорить о возникновении «сетевого общества». Хотя этот тезис и сегодня представляется многим недостаточно обоснованным и разъясненным, в настоящей статье будет предпринята попытка дать описание и характеристику этих явлений, а также проанализировать, что означают эти трансформации социального порядка с точки зрения политической оценки перспектив и угроз для общества. Изменения социального порядка далеко не всегда ведут к изменениям политического порядка, но всегда несут в себе вызов политике, которая, адаптируясь к ним, вынуждена изменяться сама.

Что такое сетевое общество?

Под сетью обычно понимается структура связанных между собой рядов элементов. Эти элементы, как правило, достаточно автономны и

---

¹ См. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М. 2004.

вообще могли бы быть не связаны между собой. Сеть – это новое качество существования этих элементов, их «продолжение». Сеть – особое коммуникативное качество этих элементов, характеризующее их связанность между собой. Поэтому сеть охватывает столь широкие классы предметов: рыболовные сети, электрические сети, социальные сети, сети понятий. Вне сетей элементы, объединяемые ими, означали бы нечто совсем иное или ничто. Но и сами сети вне того, что они объединяют, существовать не могут.

В обиходе мы привыкли обращаться с сетями как с конкретными объектами. Их очень часто отождествляют с комплексом коммуникационных каналов, которые занимают определенное место, охватывают определенную территорию и всегда физически конкретны. Это «физическое» или лучше «логистическое» определение сети. Сети покрывают и плотно охватывают определенное пространство, как сети дорог, сети сотовой связи. Но сеть является и логическим понятием, как группа, множество и т.д. Предметы этого понятия охватываются не абстрактным видовым признаком, как класс. Сеть объединяет множество элементов по критерию коммуникативной связанности этих элементов друг с другом, как группа. Все, что удовлетворяет требованию взаимной коммуникативной связанности, может получить название сети. Это «логическое» понятие сети.

Чрезвычайно трудно дать «математическую» характеристику сети. Наиболее близкое к ней понятие – матрица, т.е. множество объектов, с которыми можно производить идентичные математические операции, описываемые линейной алгеброй. Сети могут служить «графическим» изображением матриц. Это «геометрическое», пространственное представление о сети. Современные архитекторы любят играть образами криволинейных пространств, висящих в виде подвесных потолков, составленных из сетей различной искривленности. Но и набор пространственных характеристик не является для сети исчерпывающим.

Теория сети наиболее рельефно смогла выказать свой потенциал, когда стала оперировать понятием информации. Динамический обмен информацией, характеризующийся постоянством и обратной связью, почти всегда подразумевает наличие сети. Это, говоря словами Гегеля, коммуникация в полноте своего понятия. И именно информация как «материя» коммуникации несет в себе взрывное инновационное качество сети. Если «сеть дорог» соразмерна локусу человеческой жизни и при всей своей цивилизационной полезности обыденна, то информационные сети легко выходят за пределы этого локуса. Информационные сети – это не те сети, которые, как большинство сетей, составляют связи между *существующими* объектами, но сети, способные восстанавливать утраченное содержание матричных ячеек или самостоятельно создавать новые элементы сети, исходя из информации о старых, – регенерирующие сети.

Таким образом, коммуникация, создающая сети, – это многомерный комплекс параметров взаимодействия, включающий в себя физические, математические, пространственные, информационные характеристики. Силовые линии, играющие по их узлам, потенциальная общаемость маршрутов, взаимная заинтересованность друг в друге – все это проявления коммуникативного принципа сети, который дает название сети таким разным вещам, как рыболовная, судоходная, социальная и прочие сети.

Если мы теперь обратимся к сугубо социальной сфере, то обнажится следующее: все виды человеческого объединения, которые имеют дело с массовостью и регулярностью, опираются на сетевой принцип. Связь родственников между собой издревле образовывала родовые сети, механизмы классовой солидарности реализовывались через сети активистов классового протеста, власть превращалась в государство, когда охватывала своими сетевыми структурами всю территорию страны, традиционное общество превращалось в сословное, если могло сформировать сети, объединявшие сословия. Тем не менее социальные сети в прежних обществах казались настолько служебным, техническим средством по сравнению с другими структурозадающими критериями, что всегда находились в тени более содержательных понятий – социального класса, института, организации и т.д.

Только когда сети в современном обществе получили генерирующие возможности, они вышли из тени классических социальных образований. Новые коммуникационные технологии облегчили стремительное расширение существующих сетей и создание новых, не существовавших прежде. Благодаря тем же технологиям возросла сила прежде слабых групп и сама объединяющая сила коммуникаций. Если прежде для социального порядка более значим был имущественный статус для определения отношения одного человека к другому, то сегодня непосредственный контакт, взрывающий статусные границы, может означать больше, чем статус. Всякий контакт предвещает выбор сети, в которой он осуществится. В сети превратились группы, институты, организации. Сеть в самых разных проявлениях стала повседневной реальностью, которую нельзя больше игнорировать.

Американский социолог М.Кастельс в работах «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» и «Галактика Интернет»² очень подробно исследовал феноменологию сетевых образований в современном обществе. Он обозначил и социально-экономическую основу развития сетевого общества – сектор «информациональной» экономики, предмет которой – обработка информации и генерация информа-

² См. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Пер. с англ., М., 2000; Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Пер. с англ., М., 2004.

ционных потоков. Не существует просто информации. Информационное производство означает одновременно создание и существование коммуникационной инфраструктуры, усложнение и ускорение производственных процессов, требующих информационной составляющей. Способ существования информационно насыщенной и оперативно консолидированной экономики – сетевые структуры. Процесс обработки информации, связанный, в первую очередь, с компьютерно-коммуникационными технологиями, сам организует вовлекаемых в сферу людей и процессы по своему образу и подобию, сам генерирует социальные сети.

Как отмечал М.Кастельс, первое, что изменяется в сетевом обществе, – это человек. Индивид является тем узлом, через который проходит ток самых разных сетей общества. Распространяясь, сети самыми разными аспектами задевают людей, свои элементы. В то же время индивиду все менее удастся быть конечным приемником действий, зачастую он выступает лишь передатчиком, узлом, маршрутизирующим коммуникации. Будучи многозарядным и многонаправленным узлом, хотя и не винтиком, в сетевом организме, индивид вынужден быть «все́м», становиться «все́человеком». Еще Маклюэн заметил, что уходит эпоха специализации, а с ней и человек, который был «подобен флюсу». «На крайнем пределе ускорения движения специализм пространства и предмета снова исчезает. С автоматизацией не только исчезают рабочие места, но и вновь появляются комплексные роли»³. Специализацию вытесняет многообразие ролей и задач. Индивид, который не только предельно *вовлечен* в множество процессов, отныне может и *выбирать*, какие сети он поддерживает. Сетевое общество открывает новые пространства свободы и превращает свободу в пространство. Не столько в физическое пространство, в смысле свободы передвижения, сколько в пространство многомерного континуума, в котором всегда одновременно существует несколько систем координат и требуется определять в них свои параметры. П.Бурдьё называет эти диспозиции словом «габитус», придавая им несколько страдательный смысл испытываемых влияний и исполняемых ролей.

В институциональной сфере наиболее очевидно влияние сетей в финансовой сфере. Эта сфера в силу своих особенностей связана с калькуляцией и кибернетикой хозяйственных процессов. Со времен египетских фараонов это был участок применения математического образования⁴. Массовое применение методологии бухгалтерского баланса, разработанного, вместе с началами алгебры, арабскими математиками Средневековья, положило начало возникновению капитализма, выз-

³ Маклюэн М. Понимание медиа. – М., 2007. С. 399.

⁴ См. Frey G. Mathematisierung unserer Welt. – Stuttgart, 1967. С. 149; Kline M. Mathematics in western culture. – Harmondsworth, 1982. С. 234.

вавшего столь глобальные исторические социальные трансформации. Возможность мгновенного и повсеместного обмена сообщениями, обработки крупных информационных массивов позволила на порядок поднять эффективность этой сферы. Если К.Поланьи в 30-х годах XX столетия еще был убежден в непреходящем значении золотого стандарта как основного механизма контроля над денежной массой⁵, то в конце XX века эти воззрения уже рассматривались как анахронизм, а для нормального функционирования сложной современной финансовой системы стал необходим монетарный координированный контроль со стороны национальных банков развитых стран. Финансовые институты стали представлять собой разветвленную сеть, которая, следуя природе сети, легко отзывалась на кризисы в каждом своем уголке и была способна справляться с любыми локальными кризисами, консолидированными силами всей сети. Не «неведомая рука» рынка А.Смита научила в XX веке переливать слепую силу марксовских кризисов перепроизводства из революционных катастроф в статистически обусловленные колебания волн подъёмов и спадов, а молниеносные реакции рынка, ставшие возможными исключительно в силу совершенствования информационно-коммуникационных технологий. Способность капиталов стремительно перетекать из одного места мирового рынка в другое и трансформироваться в разные финансовые инструменты символизировала возникновение нового строения мировой финансовой системы – сети. Это способствовало тому, что финансовая политика превратилась в одно из ключевых политических измерений жизни общества – с неизменным правилом независимости центральных банков от их правительств (хотя уровень этой независимости не следует преувеличивать).

Поскольку финансовая система является системой счета материальных ресурсов, сетевые передвижения капиталов неразрывно связаны с передвижениями труда и производства. Кастельс указывает на изменения в этой сфере как наиболее социально значимые для современного общества. Прежде всего они приводят к реформе традиционной формы предприятия. Место односложных предприятий-единиц замещают территориально распределенные сетевые комплексы предприятий, в которых более глубоко реализуется принцип разделения труда, более эффективно совершается аллокация материальных и трудовых ресурсов, более тесно организуется связь с рынками и партнерами. Это может быть транснациональная корпорация, способная развиваться вширь благодаря гибкости своих сочленений, но это может быть и сеть небольших самостоятельных предприятий, организующихся вокруг одного большого проекта.

⁵ См. *Поланьи К.* Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2003.

Сам цикл производства и реализации продукции получает распределенный характер, превращается не только в цепь различных операций, но и проекцию сетевых взаимодействий достаточно автономных участников, вовлеченных одновременно в другие проекты, участвующих в других сетях. Это породило для государства сложную коллизию, связанную с сохранением фискального контроля за деятельностью компаний. Поскольку предприятие платит налоги там, где оно зарегистрировано, сетевое предприятие в целях минимизации налогообложения способно принимать очень гибкие, территориально сложные конфигурации форм. Отсюда берет корни «экономика оффшоров». Сеть всегда принимает такие конфигурации, которые наиболее адаптированы к специфике социальной среды. Политически релевантно и то, что сетевые предприятия становятся не только мощными социальными субъектами, с числом работников и бюджетами крупнее, чем в иных государствах, но и функционируют как межтерриториальные и межгосударственные объединения. Это серьезно сужает возможности влияния национальных правительств на деятельность таких экономических субъектов.

Новые способы ресурсной аллокации экономики сетевых предприятий несут в себе еще одну головную боль для политиков, а именно связанную с занятостью населения. Оптимизируя размещение ресурсов, корпорации с удовольствием выводят производства в страны с дешевой рабочей силой. Труд благодаря сетевым технологиям становится тоже мобилен: удаленная работа, возможность переезда, легкость транспортных перемещений – все это расширяет его возможности. Однако движение труда разнонаправлено с движением капиталов: если капиталы ищут рынки с дешевой рабочей силой, то труд ищет рынки с высокой оплатой. Несмотря на то, что человек уже давно учится осознавать себя как рабочую силу и товар, все же никогда сущность человека, его желания и устремления не будут сведены к экономическим параметрам.

Конфликт между рыночными законами жизни общества и нерыночными будет и дальше трансформироваться если не обязательно в обострение борьбы классов, профсоюзов, партий, межнациональных противоречий, то в другие формы отстаивания трудом своих прав – забастовки, популизм, выборы и т.д. Движение антиглобализма, получающее подпитку из конфликта между трудом и капиталом, показывает, что сегодня это продолжает оставаться самым болезненным пунктом социально-экономической жизни общества.

Экономические процессы идут в авангарде иных социальных процессов. Этот марксистский тезис охотно усваивают представители постиндустриализма и информационного общества. Но сетевые эффекты не стоит рассматривать с узкой экономической точки зрения, скорее, они отражают новые качества социальной инфраструктуры. В сетевом об-

ществе по-новому объединяются все – социальные и политические объединения, научные и филантропические сообщества, представители сферы образования, церкви, культуры. Типичным примером выступают неправительственные организации – в действительности это филиальные сети приверженцев различных политических идей, способные не только самоорганизовываться в рамках отдельных акций, но и самофинансировать и воспроизводить себя на постоянной основе. Сетевыми политическими объединениями являются, как правило, террористические организации. Всякая сетевая организация, даже если она борется не за власть, а за влияние, за определенные решения, может стать политической силой. Классический пример – *Greenpeace*, которая за годы своего существования прошла все, в том числе испытание властью. Столь же знамениты примеры других организаций второй половины XX в.: *Красный крест*, *Врачи без границ*, *Amnesty International*, *Human Rights Watch* и др.

А что же с другими массовыми организациями поля политики – профсоюзами, социальными движениями, партиями? Как территориально распределенные объединения они всегда были сетями. Но, несмотря на новые коммуникационные возможности, в сетевом обществе постоянные массовые объединения изживают себя или становятся столь же спонтанными и недолгосрочными, как и другие сетевые явления. Легкость коммуникации подрывает основания формализованного институтогенеза. Могут возникать альтернативные организации (профсоюзы), меняется конкурентная обстановка. Показателен распад массовых партий: в сетевом обществе они не нужны. Во время выборов активизируется группа приверженцев, а в остальное время частные интересы более полноценно представляются специальными организациями.

Располагая плотной коммуникационной сетью, общество дышит и колыхается, словно клубок электрических напряжений, энергия которых готова в любой момент перетекать из одного места в другое. Как и движение капиталов, движение общественного интереса чутко реагирует на различные раздражители. М. Кастельс нашел удачную метафору для обозначения наэлектризованного коммуникацией пространства – «пространство потоков». Сетевое общество характеризуется не механической четкостью работы институтов, а стремительностью и путанностью потоковых движений. В нем нет ничего устойчивого, в нем нет ничего линейного. Социальные действия организуются и реорганизуются, социальные субъекты возникают и растворяются. Сетевое общество не вносит в социальную жизнь нового содержания. Оно не вливает новое вино в старые меха. Но оно предоставляет для старого вина новые меха, в которых ничто не может стоять и застаиваться. В них жить – значит, бродить и перемещаться.

Как управлять этим новым сетевым пространством, пространством социальных потоков? Способно ли государство само превратиться в сеть, чтобы быть соразмерным своему окружению?

Сетевое качество нового общества – это обозначение новой степени пластичности и мобильности социальных структур, их самоуправляемости. Сетевые структуры легко адаптируются под данности, поэтому управление этим обществом требует не управления сетями, а скорее создания прочной конструкции, соразмерно которой уместятся и пробьют дороги сети. Казалось бы, здесь скорее завершается век политического и реализуется либеральная идея о государстве-стороже. Но это был бы преждевременный вывод. Где возникает слишком большая зыбкость и гибкость, появляется потребность в дополнительной прочности и в регулировании более высокого уровня комплексности.

Вызов социальному порядку

Представители структурно-функционального подхода в философии и социологии, отмечая наступление постиндустриализма, обращали внимание на то, как интенсивно специализируется общество. Там, где раньше речь шла о четырех фундаментальных парсоновских областях⁶, появляются сотни и тысячи специализированных и автономных профессиональных сегментов, в каждом из которых жизнь налажена по-своему. Немецкий социолог А.Альтфатер называет это фактуализацией – распадением социума на фракции⁷. Парсонсовский последователь Н.Луман учил об обществе, в котором количество функциональных сфер неограниченно, и медиум для их генерирования не задается извне, а возникает изнутри, путем создания собственных кодов, собственных языков социального программирования.

Комплексность становится одной из главных проблем социальной науки в конце XX – начале XXI столетия. Вокруг нее вращается постмодернизм, пропагандируя множественность языков культуры, в нее упирается неонституционализм и постструктурализм, возвещая рассыпание и размягчение социальной структуры. Французский социолог П.Бурдьё пишет о многообразии полей и практик, на которые се-

⁶ Имеется в виду известная AGIL-схема Т.Парсонса, в которой общество обладает четырьмя функциональными сферами с соответствующими медиа-коммуникациями: деньги, власть, влияние и ценности.

⁷ Под фактуализацией понимается системная дифференциация, которая осуществляется не путем фрагментации территориальных частей, а путем выделения функциональных секторов, фракций. Так, профессия и статус (врач, профессор) становятся столь же существенным основанием для осознания идентичности и взаимной кооперации, каким прежде был фактор национальной и государственной принадлежности. См. *Altwater E., Mahnkopf B. Grenzen der Globalisierung. Ökonomie, Ökologie und Politik in der Weltgesellschaft. Münster, 1999. С. 146–157.*

годня разбивается поле социального исследователя, в то время как традиционно он имел дело с единым, континуальным и мономорфным предметом изучения.

Как ни трактовать социальную комплексность и ее природу, ясно одно: автономные области способны обособиться и воспроизводить собственную жизнь и законы благодаря внутренней коммуникации. Они воспринимаются другими областями и вступают с ними в контакт благодаря внешней коммуникации. Внутренняя коммуникация, курсируя, образует сети. Эти сети, находя контакт с иными сетями, накладываются и интерферируются друг с другом. Сетевая структура общества, таким образом, является коммуникационной инфраструктурой самых разнообразных взаимодействий, самой возможностью плюрализма и его социологических толкований.

Умножать социальные дифференциации было бы тривиально. Их много, но они всегда мыслятся в единстве. По-другому, т.е. иначе, чем в единстве, как учит парменидовская традиция, мыслить множество нельзя. Понятие глобализации – одна из попыток науки составить единую картину рассыпающейся множественности современного общества. Философ сетевого общества Ж.Делез призывает отказаться от этой когнитивной привычки, иначе сеть не будет постигнута в своем существе. «Один становится двумя: каждый раз, когда мы встречаем эту формулу... мы находимся перед мыслью, самой классической, наиболее продуманной, но и самой старой и уставшей». Эта мысль, формулируя понятие множества посредством принципа «дихотомии», охватывает и убивает множество. Мы живем в хорошо упорядоченное время, когда философы уже не возвращаются к проблеме единства-множества, не ставят под сомнение принцип «единства во множестве». На самом деле, убежден Делез, чтобы открыть мысли путь дальше, нужно отказаться от этой логической аксиомы, как новоевропейская наука в свое время отказалась от убеждения в неисчислимости бесконечности, открыв дифференциальное исчисление, а с ним – законы классической динамики. Сеть появляется там, где множество уходит от контроля, теряет свою идентичность, рассыпается в дурной бесконечности.

«Недостаточно сказать: «Да здравствует множественное!», хотя даже это будет сложно воскликнуть. Никакого типографического, лексического или даже синтаксического установления не хватит, чтобы заставить услышать этот вопль. Множественное – его нужно сделать, но не прибавляя каждый раз превосходящее измерение, а наоборот, наиболее простым способом, посредством умеренности на уровне измерений, которыми мы располагаем, всегда $n-1$ (только так один составляет часть множественного, будучи всегда вычтенным). Вычитать единственное из создаваемой множественности, всегда писать -1 после n »⁸.

⁸ Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996. С. 136.

Множественное нужно мыслить, отвлекая от него единое. Как то, в чем нет и не может быть единого. Функция, которая помогает производить множественное, $n-1$. Эта формула не возводит множество к единству, а усугубляет его множество. Каким бы убедительным ни было единство множественного, оно совлекает единство, его исчислимость, упорядоченность, понятность. Какой бы понятной ни была совокупность, она становится непонятной. Принцип множественности накладывает на всякую комплексность печать хаоса...

Сеть означает множественность, которая всегда может быть усугублена и расширена. Ее регулярность не мешает множественности. Она всегда может разрастись до большей множественности и всегда может уйти от пут единства и порядка. Сеть всегда может быть разорвана, но не перестанет при этом быть сетью. Увиденная под таким углом, сеть несет вызов всем структурам социальности и порядка. Человечество, работая с комплексностью, привычно пытается охватить ее структурами порядка. Взрывную множественность коммуникации оно пытается «объединить» сетями телекоммуникаций и Интернета, планетарный взрыв многообразия оно пытается подвести под понятие «глобализации». Происходит же как раз обратное! Сетью разрастающаяся множественность не объединяется, а генерируется. Попытки «догнать» это расширение являются на самом деле его подхлестыванием.

Глобализация как феномен является продуктом не взаимозависимости мира, а осознания его расширения и взаимонезависимости. То, что мыслится как возникающая проблема, на самом деле является эфемерным ответом на уже существующую проблему. Глобализация как человеческая концепция упорядочения является попыткой ее решения. Но ввиду ползущего растекания и рассыпания упорядоченности глобализация – лишь пустая реплика, неизбежно отстающая от процесса.

Истинная проблема еще даже не поставлена. Она заключается в том, как существовать вне порядка. Сеть генерирует множественность по очень простому принципу – прибавления ячеек, клонов. Она способна генерировать их во всех возможных направлениях и в количествах, которые легко меняют качество целого. Это не просто рост. Каждое новое прибавление ячейки, по формуле Делеза, означает отнятие единства, которое к этому моменту существовало. Перманентное расширение сети означает перманентное разрушение сложившегося порядка.

Сеть является представлением порядка: конечной проекцией бесконечного, проекцией порядка в беспорядке. Она «охватывает» любые пространства и «покрывает» любое многообразие. Сети способны накладываться друг на друга, расширяться и сужаться, скручиваться и разворачиваться. Сеть способна убедительнее, чем другие структуры единства, охватить все. Хаос возникает из того, что порядка становится слишком много, что становится слишком легко «приводить» в поря-

док. Современные коммуникации столь эластичны и гибки, что всегда существует возможность «решить проблему». Несмотря на то, что растущая взаимозависимость делает ситуацию все более зависимой от контекста случайностей и чужих логик, организационный ресурс столь велик, что всегда позволяет найти «решение», пусть даже создавая новое слабое место, новую зависимость.

Сеть versus иерархия

Организационный кризис, вызываемый упорядоченностью и избытком сетей, является кризисом трансформации структур порядка, и этот кризис в первую очередь относится к политике.

Сетевые структуры более эффективны для управления массами людей, чем иерархичные структуры власти, на которых зиждился до сих пор порядок в человеческом обществе. Математический аппарат линейной алгебры, выработанный специально для работы с множествами, более эффективен для этих целей, чем аппарат обычной алгебры, приспособленный к операциям с числами. Если сети имеют дело с множествами, то организованные иерархии – с числами, с единицами. Чтобы достичь подобного эффекта, культура современной цивилизации проделала огромную работу, превращая людские массы в упорядоченные множества. Инструменты сериальности, стандартизации, сегментации сбили людей в группы-множества с близкими интересами, чувствами, реакциями, привычками. Они все смотрят телевизор, все проходят курс среднего образования, все пронизаны воздействием масс-медиа. Они все способны одинаково реагировать на единые раздражители и мотивы. Населением, коллективные реакции которого можно прогнозировать, нужно управлять иначе, чем населением, разделенным на классы или сословия.

Принцип иерархической организации целого хорошо понятен и на первый взгляд кажется единственно возможным. С ним работала социальная метафизика органицизма, уподобляя власть – уму, общество – чувствам и влечениям, как у Платона. В теории организации существует понимание того, что один индивид не может осуществлять непосредственного воздействия на волю более чем нескольких индивидов. Желая манипулировать массами, он должен манипулировать несколькими своими подчиненными, которые также, нисходя по ступеням иерархии, оказывают воздействие на группы подчиненных им людей. Расширение области воздействия требует цепочки посредников. Непосредственной властью обладает только один вышестоящий начальник, и если требуется наиболее оперативная и быстро реагирующая организация, такая как армия, то она организовывается на принципе жесткой иерархической концентрации власти. Совсем на других началах зиждется эффективность сетевой организации: в ней

эффективность тем больше, чем более самостоятельны и рассредоточены звенья организации.

Эффективность иерархической власти обеспечивается вертикальным порядком передачи информации, предусматривающим обратную связь между передатчиком и реципиентом. Эти два лица не просто коммуницируют между собой. Один из них имеет легитимные полномочия определять действия другого, руководить ими или держать под контролем. Это право и содержится в понятии власти. В то время как у другого в той же мере отнимается возможность самоопределения; его воля является продолжением воли первого. Избыток первого покупается умалением второго, позволяя говорить о власти как «нулевой сумме». Возможности свободы действий индивида делегируются на более высокий уровень. Таким образом суммируются, концентрируются и координируются коллективные действия, направляемые из одного центра, одной волей.

Иерархический порядок построения власти позволял концентрировать на «вершине» властной пирамиды колоссальный потенциал силы коллективного действия. Эта сила определяла такой «показатель», как могущество владык. По отношению к подданному создавалась разность потенциалов, метафорой которой было божественное достоинство властителя. Иерархическая власть фараонов, римских императоров, а также царей, шахов, «помазанников Божьих» символизировала собой силу божества. Мощь их власти определялась уже не просто высотой вертикальной иерархии, а священностью. Восточные деспотии для демонстрации могущества власти использовали не реальный объем власти, а потенциал властных полюсов, который был отождествляем со священностью власти.

Статусные иерархии, которые базируются не на потребности в коллективных действиях, а на разности властных потенциалов, закрепляются в нормативной конституции общества как социальные права. Общество структурируется на касты, сословия, «социальные положения», профессиональные группы, которые опознаются с помощью социальной символики и уже не требуют интерперсонального контакта для отправления власти. Всякий дворянин «ожидает» от всякого крестьянина готовности к подчинению. Всякий гражданин «обязан» подчиниться полицейскому, не зная его лично. Структура статусных прав выплавляется в структуру социальных ожиданий и обязательств, т.е. норм общества. Чтобы управлять нижестоящими, не требуется непосредственной обратной коммуникации, достаточно создавать «рамки действия» – нормы, законы, указы и доводить их до сведения подчиненных. В такой системе требуются информационные посредники, а не посредники в делегировании власти. Система иерархической власти трансформируется в систему законодателей, субъектов социального нормирования. Если в системе коллективного действия информация

курсировала сверху вниз, то в статусных иерархиях возникает более сложная система курсирования информации, предполагающая и горизонтальное движение внутри своих страт. Нормы надо знать каждому. Незнание закона не освобождает от ответственности.

Движение информации между индивидами, равными между собой и по отношению к вышестоящим иерархическим инстанциям, называется горизонтальным, потому что не связано с делегированием своей свободы действий, с коммуникацией, предполагающей иерархическую ответственность перед собеседником. Действие с включением власти всегда подразумевает, говоря словами Ю.Хабермаса, *инструментальное действие* – действие, имеющее цель и использующее одного из коммуницирующих как средство для достижения этой цели. Коммуникация горизонтальная тоже может иметь цель, но осуществляется она без использования коммуницирующего как средства, координируя действия между равными коммуницирующими. Хабермас говорит в этом случае о *коммуникативном действии*⁹. Коммуникативное действие не требует изъятия прав и свобод, напротив, оно *опирается* на права и свободы собеседника и их мотивирует. Убедительности легитимного насилия коммуникативное действие противопоставляет целый комплекс иных мотиваций, которые включаются в комплекс зависимостей контрагента и компенсируют недостаток властных полномочий у инициатора действия.

Стратегические действия опираются на структуры власти. Коммуникативные действия формируют сетевые сообщества. Хотя стратегические действия эффективны и просты, они опираются на то, что личности тяжелее всего отдать свободу воли. Коммуникативные действия выигрывают тем, что не требуют от личности ущемления своей свободы. Заставить взвод идти всем вместе и в ногу проще методом приказа, чем каким-либо иным видом коммуникации. Но для того чтобы обеспечить действенность приказа, необходимо изолировать группу людей от общества, поставив их в условия полного подчинения. Обеспечить устойчивость системы такой изоляции можно только посредством легитимного обеспечения статусной иерархии. В конечном итоге может оказаться, что гораздо экономнее в ресурсном отношении дойти взводу от казармы до столовой, опираясь не на приказ, а на собственное «влечение сердца».

Хабермас справедливо предсказывает, что коммуникативное действие все более смещает и сужает регионы стратегического действия в современном обществе. Это означает ослабление действенности иерархических структур и перемещение социального действия в область горизонтальной, сетевой коммуникации. Очевидны социальные-институциональные последствия такого смещения, даже если речь

⁹ См. *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd.2. Frankfurt, 1991. С. 75.*

идет только о небольших изменениях. Выхолащиваются потенциалы властных полюсов, расплываются вертикальные границы между социальными стратами. Разжижаются межинституциональные границы, которые поддерживались сильной внутренней иерархической властью. Подрывается сама действенность насилия как наиболее действенного и убедительного средства власти, следовательно, становится крайне востребованной действенность иных, экономических и социальных, стимулов. Это мотивирует общество к развитию в индивидуальных образованности, потребности в карьере, высоком уровне потребления и т.д.

Ослабляется роль государства за счет негосударственных институтов. А там, где она остается, государство принимает на себя функции обеспечения работоспособности инфраструктуры коммуникации. Позиции иерархической власти подрываются в семье, она утрачивает патриархальность, и ее члены также выстраивают свои отношения, опираясь на коммуникацию, а не на гендерное превосходство. В долгосрочной перспективе меняется педагогическая модель, которая еще недавно также опиралась на иерархичную трактовку отношений учителя и ученика. Подрывается могущество власти руководителей в организациях, если мы вспомним размышления Дж. Гэлбрейта и Д. Белла над расширением в них экспертной власти и меритократии¹⁰. Всякий начальник действует в условиях наличия набора ограничений: национальным законодательством, влиянием общественного мнения и масс-медиа, конкуренцией на рынке рабочей силы. Само понятие суверенитета власти, какой бы организационной ячейки оно ни касалось, ослаблено по тем же причинам, по которым национальным государствам не удастся сегодня реализовать себя как тирании. Имея в основе начало индивидуальной воли, реализованной посредством структуры иерархической власти, организационный суверенитет трансформируется под влиянием потока горизонтальных коммуникаций, уравнивающих властные потенциалы. Никакой личности не удастся обоготворить себя, возвысив свою волю.

По своему строению сеть противоположна иерархии. Если иерархический принцип требует разворачивания комплексности на все более низких уровнях организации, систематически возводя организующие простоту и единство на более высокие уровни, то сети чуждо само понятие уровней подчинения. Коммуникация в сети уравнивает коммуницирующих, и в этом ее колоссальная демократизирующая роль. Сеть имеет свойство демократизировать коммуникацию и объединять разные иерархические уровни единой коммуникационной плоскостью. Морфологически сеть отличается от иерархической организа-

¹⁰ См. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М., 1999. С. 546; Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. – М., 1969. С. 231.

ции еще и тем, что не требует специального выделения центра принятия решений, четкого разделения центра и периферии, жесткой иерархии и дисциплины, хотя все эти элементы находят свое место в сетевой организации. Сетевая власть информирует, а не приказывает. Соответственно, утрачивают значение многие привычные атрибуты централизованной власти: территориальные границы, суверенитет, исполнительная дисциплина, жесткость исполнения решений.

Это не значит, что под сомнение может быть поставлена иерархическая власть как таковая. Любая организация совмещает в себе начала иерархической и сетевой организации. Иерархическая власть с помощью сети даже расширяет свои возможности и ставит ее на службу своему расширению. Иерархия присуща организующему началу изначально, в то время как сетевое начало реализуется, как правило, начиная с тех пределов, каких достигает иерархия: там, где территориальная разобщенность требует автономности периферии, где снижается порог опасности и перед организацией не стоят жесткие изоляционистские требования, где повышается компетентность более низких уровней организации и возникает возможность делегирования полномочий и т.д. Сетевые отношения не допускают той степени контроля, которая является конституирующей для иерархических взаимоотношений. Но они не контраридикторны, а контрарны последним.

Тем не менее расширение сетей чревато глубоким кризисом власти, описываемой в традиционных понятиях. Это и подрыв власти отца в семье, и подрыв властных возможностей руководителя организации, и, разумеется, ослабление государственного суверенитета. Там, где ранее подчиненные готовы были делегировать часть своих степеней свободы, они больше не нуждаются в этом. Напротив, речь заходит о принципе субсидиарности, по которому традиционные структуры власти делегируют свои степени свободы низовым структурам, если те способны воспринять их¹¹. Высшие уровни отказываются от власти, не необходимой им.

Дело не только в снижении объема и потенциала власти. Реализуя принцип «неизбежности наказания» или организационной эффективности, власть может даже усиливаться. Через концентрацию ресурсов с помощью сетевого принципа суверенитет власти может даже повышаться. Никогда позиции власти как таковой не были столь прочны, как сейчас. Не идентифицируя себя с какой-то определенной социальной стратой в обществе, государственная власть не рискует противопоставить против себя другие могущественные классы общества. Путем демократических выборов она обеспечивает себе максимальную количественную и качественную общественную поддержку.

¹¹ См. Амплеева А. Субсидиарность как элемент эффективного общества // Христианские начала экономической этики. М., 2001; Бысыгина И. Принцип субсидиарности // Московская школа политических исследований, Общая тетрадь 18/1, 2003.

Дело в том, что власть, в том числе политическая власть, вынуждена менять свой язык. Власть должна налаживать диалог с теми, кого еще вчера устраивал ее монолог. Создавая посредством интернет-структур «электронное правительство» (E-Government), ей приходится информировать население о законах, о своей деятельности, впуская его в «святая святых» и обнажая свою сакральную сущность. Открывая себя горизонтальным коммуникациям, власть девальвирует властные потенциалы и «десакрализуется». Она не может более препятствовать критике со стороны масс-медиа, активности оппозиции, даже организованным выступлениям населения. Меняя свой язык с насилия на коммуникацию, с иерархической коммуникации на горизонтальную, государство поневоле трансформирует государственные отношения в сетевые. Территориальные подразделения власти преобразуются в сети, которые функционируют по тем же законам, что и филиальные сети корпораций. Государственные структурные подразделения включаются в общественную коммуникацию и становятся центрами сетевых коммуникаций. Принимая на себя координационные функции, государство зачастую выступает как рядовая общественная организация. И, подобно рядовой организации, способно терпеть фиаско.

Множа и разжижая социальные классы, государственная власть упрощает свое центральное, «посредническое» положение и функцию. Демократизация власти не означает ослабление государства и его роли. Напротив, информационное общество, являющееся оборотной стороной сетевого, предоставляет такие возможности за контролем над действиями граждан, которые были немыслимы прежде. Создавая для своих функциональных целей информационные базы данных, оснащая улицы камерами слежения, государство способно сконцентрировать невиданный прежде объем информации, описывающей жизнь каждого отдельного гражданина. М.Кастельс справедливо обращает внимание на то, что Интернет, олицетворяющий гражданскую свободу в новом понимании, является одновременно одним из самых легко контролируемых каналов коммуникации. Эти механизмы контроля пока не вступают в действие только в силу «доброй воли» власти преемственной.

В то же время новые контролируемые возможности не следует увеличивать. Потенциально оппозиционные государству силы не обязательно рассыпаются и мельчают в обществе мелкозернистых сетевых структур. Напротив, имея на вооружении сетевой принцип, они также способны многократно умножаться и усиливаться. Сети могут выступать могущественным противником государства. Наиболее заметны эти последствия в отношении террористических сетей. Сети придают терроризму качества неуязвимости и вездесущности. Будучи распределены в пространстве, хорошо координированы, обладая совершенными средствами коммуникации, разработанными технологи-

ями конспирации, современные политические террористы, пользуясь демократическими свободами, становятся могущественной силой.

Особенность современного общественного состояния, создаваемого сетевым обществом, – практическая неуязвимость конспиративных организаций, создаваемых по сетевому принципу. Это очень весомое обстоятельство, которое прежде никогда не терпелось государством и служило вызовом государственному суверенитету. Государство никогда не существовало в условиях зияющей дыры в системе общественной безопасности. Это обстоятельство полностью переворачивает традиционную теорию государственного суверенитета, требующую, чтобы государство было эксклюзивным и единственным обладателем верховного суверенитета. Тот, кто способен подрывать полноту верховного суверенитета, сам претендует на верховенство власти. Европейские национальные государства в процессе своего становления столетиями боролись за абсолютную политическую гегемонию с альтернативными институтами политического влияния, с церковью, локальными сообществами. Сегодня рядом с государством можно называть целый ряд нелегальных организаций, которые хотя и не обладают властью, но в то же время не подчиняются государству, т.е. обладают собственным суверенитетом, подобно тому, как в развивающихся государствах на суверенитет претендуют локальные военизированные группировки. Государству может противостоять враг, который непобедим и с которым нельзя договориться. И государство вынуждено действовать, исходя из факта его существования.

Случай с террористическими сетевыми организациями – это лишь частный случай, говорящий о качественном изменении политической коммуникации в обществе. О том же самом, в количественном смысле, говорит существование многих других неправительственных организаций, все более приобретающих вид сетей. Ведь любая организация, апеллирующая к частному интересу, противостоит государству, олицетворяющему общественный интерес. Плюрализм общественного интереса всегда несет в себе вызов его единству. Этому единству грозит распад. Неправительственные общественные организации не ставят целей борьбы за власть, но они откровенно заявляют о своем стремлении участвовать в политической коммуникации, то есть артикулировать интересы участвующих в них групп населения. В обществе свободных переходов между горизонтальной и вертикальной коммуникациями всякая предметная коммуникация способна стать политической темой. С перерастанием общественной коммуникации в политическую встает под вопрос само понятие политического. Не изменилась ли природа власти, если каждый является ее субъектом? Каково место политических решений, если политическая коммуникация способна оспаривать каждое из них и разрушать иерархические структуры? Что означает политика как продукт сетевых коммуникаций?

Делиберативная политика

Развитие сетевых сообществ вносит свой вклад в классическую концепцию политики интересов. Объединение в сети является объединением интересов, сети служат достаточно традиционным способом артикуляции интересов и борьбы за них. Коммуникативно охватывая всех заинтересованных, сеть быстро придает интересу и организационные формы, и политический вес. В дальнейшем, благодаря возникшим сетям коммуникации, может возникать более глубокая форма организации со своей управляющей структурой. Взаимодействие сетей не несет с собой какого-то эффекта, нового для классической теории политики.

Гораздо существенней на политическую жизнь влияет смена интенсивности и качества коммуникации, которая инспирируется сетевым обществом. Сетевые взаимодействия опираются на целый комплекс разнотипных сообщений. В их основе лежит языковая коммуникация между равными партнерами, состоящая из коммуникативных актов, атомов коммуникации. Дж.Остину принадлежит заслуга разработки теории коммуникативных актов, которую К.-О.Апель и Ю.Хабермас развили в теорию универсальной прагматики и общественных дискурсов¹². Одно из ее следствий сводится к тому, что освобождение от скопывающего речь неравенства социальных условий позволяет более полно реализоваться в реальном сообществе «идеальному коммуникативному сообществу» – идеальному конструкту, в котором в полном объеме соблюдаются нормативные требования к коммуникации: истинность, нормативная правильность, правдивость и понятность (Ю.Хабермас). Если иерархические отношения характеризуются инструментализацией речи, сведением ее к кибернетике манипуляции личностью, то коммуникация между равными партнерами необходимо является аргументативным дискурсом, где каждый пытается убедить партнера по коммуникации, добровольно прийти к согласию (*Verständigung*) и консенсусу на основании общепризнанных правил аргументации.

Сетевое сообщество является одним из основополагающих социальных механизмов современного общества, создающих пространство дискурсов. С другой стороны, именно дискурсы служат медиумом, формирующим сетевые сообщества и воспроизводящим добровольные, свободные и в то же время постоянные социальные отношения. Харак-

¹² См. *Austin J.L.* How to do things with words. Oxford, 1962.; *Apel K.-O.* Auseinandersetzungen in Erprobung des transzendentalpragmatischen Ansatzes. Frankfurt a. M., 1997; *Apel K.-O.* Transformation der Philosophie, Band I–II. Frankfurt, 1973; *Habermas J.* Was heißt Universalpragmatik? // *Apel K.-O.* (Hrsg.), Sprachpragmatik und Philosophie. Frankfurt/M., 1976. С. 174–272.

терным примером подобной коммуникации служат сегодня блоги, которые, осуществляясь в виртуальной среде Интернета, ничем не связывают участников коммуникации, кроме как заинтересованностью в обмене мнениями и свободным дискурсом. Тем не менее этого достаточно, чтобы образовывать так называемые «социальные сети», вбирающие в себя целый ряд социальных идентичностей.

Рост значения дискурсивной коммуникации чреват для политики тем, что на смену традиционной политике «сил и влияний» приходит, в терминах Ю. Хабермаса, «делиберативная» политика. Чтобы понять смысл этого понятия, следует привлечь еще одно понятие из арсенала хабермасовой критической теории общества, понятие «сферы публичного». Публичность (*Öffentlichkeit*) – сфера, в которой происходит презентация участников общественной коммуникации своих частных интересов и мнений, которые интерпретируются и получают признание в качестве общественно значимых. Хабермас обращает внимание на то, что общество заведомо глухо к частным претензиям, рассматривая это как сферу приватности и осуждая любые паразитарные установки частного эгоизма по отношению к обществу. Но оно легко откликается и уважает их, если они высказаны с точки зрения общественного интереса, т.е. претендуют на универсальный характер и предполагают достижение общественного консенсуса. Общественность – та часть коммуникативного сообщества, в котором реализуются политические дискурсы, легитимирующие общественные институты. Публичность является принципом организации общественной и политической жизни. Хабермас придает ей также нормативный характер инстанции критики современного общества.

Публичность – реальная часть жизни современного общества, осуществляющаяся посредством масс-медиа и социальной коммуникации. К.-О. Апель идет дальше, предполагая возможность существования общества, в котором в полноте реализуются принципы языковой прагматики коммуникативного акта. Апель называет его «идеальным коммуникативным сообществом» и трансцендентальным условием возможности любой коммуникации. Это идеализация, в которой коммуникация уже не встречает естественных границ, а свободно пульсирует из одного места в другое, где все общаются со всеми. Хабермасовская общественность становится в этом случае эмпирическим воплощением идеального коммуникативного сообщества. И сетевое общество, в котором границы коммуникации ослабевают, но не исчезают, является эмпирическим воплощением коммуникативного сообщества. Точнее говоря, сеть является технологией воплощения коммуникативного сообщества. Коммуникативное сообщество можно мыслить только как сеть, и апелевское идеальное общество представляет собой «совершенную» сеть, сеть без коммуникативных «разрывов».

Если эта идеализация имеет значение для теории сетевого общества, то отсюда вытекает целый ряд следствий, выводимых Апелем из своей дискурсивной теории общества и этики. Всякий коммуникативный акт апеллирует к идеальному коммуникативному сообществу, т.е. претендует на полное признание со стороны всех участников коммуникации без исключения. Любое политическое решение в этом обществе также является результатом коммуникативного дискурса и не может исключать или игнорировать кого-либо из заинтересованных участников коммуникации. Политика консенсуса, вытекающая из этого принципа, налагает запрет на решения, ущемляющие права кого-либо из участников коммуникации. Конфликты, разумеется, неизбежны всегда, но на полную общественную легитимность могут претендовать только те действия, которые не насильственно, а дискурсивно-политически разрешают эти конфликты. Подобный политический подход резко контрастирует с подходами «реальной политики». Тем не менее в своей тенденции он имеет актуальность и значимость. Понятие «делиберативной» политики пытается совместить эти два подхода.

Делиберативная политика означает особый общественно-политический курс, ориентированный на рациональное обсуждение общественных проблем и выдвигающий по отношению к институтам власти требование, чтобы все политические решения были опосредованы и легитимизированы таким обсуждением. Содержание делиберативной политики составляет реализация принципа публичности в политической сфере. Опирающаяся на интуицию публичности идея делиберативной демократии служит концепцией, в которой, в противоположность либеральной доктрине, целью и смыслом *politicum* является не удовлетворение интересов всех и каждого, а модель, ориентированная на форум, «в котором посредством совместного размышления граждан вырабатываются представления о том, что служит благу всех» (Риппе)¹³.

Один из теоретиков делиберативной политики, Й. Коген, открывает в публичности политики метод конституирования политического сообщества. «Понятие делиберативной демократии укоренено в интуитивном идеале демократической ассоциации, в котором оправдание правил и условий ассоциации происходит посредством публичного аргумента и рефлексии между равными гражданами»¹⁴. Идеал «демократической ассоциации», т.е. свободы обмена мнениями и равенства в правах политического представительства, если не отождествляется, то вполне совместим с понятием сетевой коммуникации.

Хабермас отмечает близость концепции делиберативной политики к республиканскому понятию демократии, идущему от Ж.Ж.Руссо,

¹³ *Rippe K.-P.* Ethikkommissionen in der deliberativen Demokratie. // Kettner M. (Hrsg.), *Angewandte Ethik als Politikum*. Frankfurt, 2001. С. 141.

¹⁴ *Cohen J.* Deliberation and Democratic Legitimacy. // Hablin A., Pettit B. (Hrsg.), *The Good Polity*. Oxford, 1989. С. 22.

который не удовлетворяется формальным юридическим понятием демократии, а требует его содержательного наполнения (демократия как «общественный договор»). Основной инструмент сетевого общества – дискурс – трансформирует образ политики, которая, развивая институты политического участия и публичность демократии, движется в направлении делиберативности. Критерием здесь становится не участие в формировании суверенной воли или политической власти, а возможность участия в формулировании повестки дня и аргументативных оснований политического действия, которыми руководствуется политическая воля. В понятие участия в делиберативной политике включено не только право быть услышанным, но и гарантии того, что голос и интерес каждого будет учтен и по мере возможностей реализован посредством демократических институтов. Ее общее направление заключено в подготовке условий и реализации принципов формирования коммуникативного сообщества с той оговоркой, что речь идет не об идеальном коммуникативном сообществе, а о политическом сообществе, ограниченном понятием гражданства.

Трансформация поля политики в сеть политических коммуникаций не означает изменения политического порядка. Либеральные демократические институты, идеология которых разработана тогда же, когда и были сформулированы идеи саморегулирующегося рынка, не изжили себя с приходом сетевого общества, а, напротив, лишь расширяют свой ареал присутствия. Политические проблемы пока в большей мере сопутствуют тем, кто пытается сопротивляться тенденциям развития коммуникативного политического сообщества.

Авторитаризм, даже в своих «демократических» образцах, тормозя динамизм свободной политической коммуникации, вызывает расхождения с темпами развития коммуникации в экономической и культурной сфере, препятствует формированию саморегулирующегося общества. В то же время политическая коммуникация, в отличие от политических институтов, не является ни в какой мере продуктом власти или сознательного созидания. Эта коммуникация является отражением зрелости и развития общественной сферы и всегда такова, какова она есть. «Ускорение» ее невозможно, мотивация ее бессмысленна.

Перенесение технологий политической коммуникации по модели вестернизации хотя и возможно, но абсурдно. Рост и активность политических коммуникаций – вознаграждение за гармоничность и органичность общественного развития. Этой гармоничности институтов гражданской общественности на территории бывшего второго мира в последнее столетие не доставало. Тем не менее сети приходят и сюда.

ТЕМА НОМЕРА: МЕТАМОРФОЗЫ ВЛАСТИ

В течение года в центре нашего внимания была тема чрезвычайных ситуаций. Сегодняшний разговор – о метаморфозах власти, коллизиях современного политического процесса. Об этом размышляют в нашем номере философ Кристина Матутите, социолог Ирина Егорова и психолог Анна Филатова. Завершает обсуждение ведущий рубрики профессор П.С.Гуревич.

Кристина Матутите

МИФЫ НАШИХ ДНЕЙ

Огромные сложные перемены, происходящие в стране, казалось бы, должны вернуть нам благоразумие, трезвость рассудка, идейную незаангажированность.

Между тем нет сейчас более расхожего слова, нежели «миф». Им обозначают прежнюю идеологичность сознания, но с мифом связывают и нынешнюю иллюзорность многих социальных проектов. Одним и тем же знаком метят сторонников рынка и тех, кто испытывает ностальгию по социализму, западников и славянофилов, приверженцев русской идеи и поклонников глобализма, демократов и монархистов, либералов и государственников.

Социологи пишут о романтиках тоталитаризма, которые несут народу миф о неизменной сильной власти, которая является единственной спасительницей страны. Публицист Анна Яковлева характеризует их как русских Робеспьеров, для которых важна война, а не мир, меч, но не плуг. Патриоты стараются воскресить почвеннические мифы. Политики настаивают на том, что нам жизненно необходима «российская мечта», которая «поднимет Россию с колен». Либералы шлифуют миф о «беспредельной свободе». Религиозные деятели мечтают о суверенной теократии...

Одни политики ранжируют мифы, демонстрируя тем самым свою независимость от стойких стереотипов. Но их оппоненты не остаются в долгу. Автономная, альтернативная позиция, как противовес господствующей, тоже, если приглядеться, восходит к сокровищнице мифа.

Неужели современное сознание мифологично во всех своих вариантах? Можно ли обеспечить аналитически достоверное постижение

реальности или отныне диктат мифа неотвратим? Может ли сознание преодолеть собственные идола? Наконец, нужна ли нам идеология в эпоху идеологизации и реидеологизации?

Люди в своем политическом поведении далеко не всегда руководствуются одухотворяющими идеями. Говоря словами писателя Тома-са Манна, их больше воодушевляют химеры и кошмары, которые вообще не соотносятся с правдой как таковой.

Конечно, это рождает для нас новую ситуацию. Ведь мы привыкли к тому, что идея, если она подвергнута логическому разбору и критике, как бы перестает существовать. Миф же остается нерушимым, какие бы резоны ни обрушивались на него.

В мифе своя логика, свои первоисточки.

Типологически все социальные мифы развивают два верховных сюжета. Один сопряжен с идиллией, с поиском благодной и спасительной утопии. Другой раскрывает силы зла, демонстрирует тематику катастрофизма и злой участи. Идиллии благодны, реальность кошмарна.

Миф, как подметил писатель, оказался движущей силой истории. Ход ее в значительной степени определен энергией мифа.

В последние столетия миф усиленно политизируется. Он как бы утрачивает бытийное содержание, присущее классическому мифу. На первый план выдвигается его функциональный смысл, то есть способность сплавлять людей, развязывать политическую энергию.

Социальный миф — это стойкое духовное образование, которое в наглядной упрощенной форме выявляет волю и интуицию людей, накапливает психическую энергию и облекает ее в конкретные образы...

Многочисленные мифы раскрывают благодную картину чаемой или воплощенной идиллии. Массовая культура показывает причудливую смесь покорности и фанатизма, доброты и злодейства. Скромная ткачиха выражает волю народа, а «совсем простой» человек становится политиком. В той же мере современные политические партии в своих программах не только рисуют картину лучезарного обновления страны, но и непременно живописуют те кошмары, которые станут реальными, если будут приняты другие программы.

Рассмотрим мифы-идиллии. Как правило, они всегда несут мессианскую окраску. Примером «прекрасного мифа» могут служить и «американская мечта», и «японское чудо», и многие другие идеи подобного рода. Однако разве представления об особой роли того или иного народа в истории непременно мифологичны и идеологичны? Неужели за ними не кроется реальное содержание, историческая правда? Насколько верно оценивать «американскую мечту» или «японское чудо» как мифы? Ведь они отражают некоторые действительные процессы современного развития.

Современные патриоты хотят, чтобы отечественная история выглядела благодно. Они решительно осуждают все попытки найти негатив

в прошлом. Ученый Ю. Ошесцук пишет: «Есть в российских общественных настроениях уродливая и опасная тенденция – тяга слишком обвинять уж собственную страну, слишком ругать ее по любому поводу. Да, в последнее время она заметно ослабла. Но все еще достаточно сильна. Послушайте уличный перекресток – очень звучит. Почитайте иные газеты, журналы – сколько размашистых «хлестаний». Причем с подтекстом: мол, что иного у нас ждать?» (ЛГ, № 33–34, 2007).

Разумеется, к истории своей страны надо относиться уважительно. Никому не нужно мазохистское самобичевание. Однако логика автора смущает. Он объясняет читателям, что на Западе преступлений и нищеты тоже было немало. Зачем же хулить Россию? Но разве криминальность в одной стране может служить оправданием зла в другой? Кант в свое время отмечал: нравственный императив не утрачивает своего достоинства, даже если никто ему не следует. Нет ничего позорного в том, чтобы правдиво освещать сумрачные страницы собственной истории. Автора данной статьи восхищает, что многие современные американцы, с которыми ему доводилось встречаться, ничего не знают об истреблении индейцев на их бывшей территории. Одним словом, сделайте и нам красиво...

Социальный миф стягивает действительное многообразие жизни к схеме. Мифы неистребимы, поскольку постоянно возобновляются труднонасыщаемой антропологической потребностью. Означает ли это, что можно смириться с тотальной мифологизацией? Понятное дело, нет, ибо она отражает подсознательное, а порой и преднамеренное стремление идеологизировать все стороны нашего бытия. Однако свободная мысль освобождает сознание от духовных трафаретов.

В конце XIX – начале XX столетий в судьбе мифа произошли существенные изменения. Возник особый феномен – социальная мифология, то есть реестр социальных иллюзий, сознательно распространяемых в обществе для достижения тех или иных целей. Миф стал выразителем неосознанных стремлений и ожиданий больших массивов людей, средством социальной ориентировки толпы...

Чрезвычайно важно, что в мифе мы можем обнаружить кристаллизации опыта и ожиданий людей более отчетливые, чем, допустим, в доктринерском прагматическом выражении аналитической мысли. Миф порой более ясно помогает судить о чувствах и настроениях людей, о векторе их устремлений, об энергии порыва, нежели дискурсивно зафиксированная догма.

Разумеется, эти вопросы возникают перед исследовательской мыслью не впервые. В прошлом веке к мифу как феномену духа, сознания было приковано внимание крупнейших ученых – философов, культурологов, социологов, историков. В обстановке идейных размежеваний родилось немало проницательных интуиций о мифе. Возникли принципиально новые трактовки этого духовного феномена. За-

фиксированы поразительные обнаружения мифа в современной культуре, выявились парадоксальные провозвестия о его судьбе.

В наши дни стало ясно, что древнейшие формы постижения мира не только не остаются у истоков истории, но продолжают жить. Представление о том, что какие-то формы человеческого духа могут быть окончательно изжиты, а ступени духовного восхождения попросту забыты, оказались не более чем иллюзией. Обнаружилось, что человеческие достоинства не утрачиваются, а сопровождают человеческий род непрерывно.

Вызванное к существованию человеческими потребностями, запросами бытия, достояние мифа сохраняется в живой толще совокупного опыта человечества и порой неожиданно стремительно врывается в духовную атмосферу современности.

Социальная мифология как таковая, разумеется, опрощает миф, нередко использует его лишь как идеологический знак. Однако она все же аккумулирует жизненную энергию различных социальных групп. Миф, следовательно, – самозаконная и самодостаточная форма постижения мира. Все попытки окончательно заменить его аналитической мыслью, научным откровением обречены, ибо не соотносятся с человеческой природой.

Миф архетипен, потому что отражает глубинные аспекты человеческого бытия.

Человеческое сознание способно впасть в грех мифологизации. Но оно обладает даром критической оценки собственных идолов. Следовательно, рассуждение о мифе – это поиск очертаний данного духовного образования. Называя мифом какую-нибудь социальную идею, мы вовсе не освобождаем себя от необходимости ее осмысления, от заложенных в ней ресурсов, от вычленения в ней реалистического, земного ядра.

Тем более не можем предполагать, что сами изначально свободны от мифологизма.

Ирина ЕГОРОВА

АРХЕТИП ВОЖДЯ И ГЕРОЯ

Несомненно, правление Путина отмечено рядом достижений. Политологи отмечают, что сегодняшняя ситуация даже самыми неприемлемыми критиками Кремля характеризуется совершенно иными формулировками, наиболее ходовая из которых «потерянное десятилетие». Подчеркивают, что оценочные ножницы между 1999-м и 2007 годом налицо. А значит, в любом случае президентство Путина – это время развития, а не деградации, преодоления катастрофических 1990-х, не увязания в них, выход на некий качественно новый уровень исторического бытия, а не движения по спирали.

Вместе с тем тотальная героизация эпохи представляется неуместной.

Для любого политика важно не только начало. Время – жестокий судья, и оно может предъявить неожиданный счет за упущенные возможности. Вот почему так необходимо провести демаркацию между реальными событиями и архетипным образом героя. В отечественной истории это практически никогда не удавалось.

Швейцарский психолог К.Г.Юнг показал, что харизматический лидер всегда архетипен. Иначе говоря, нельзя оказаться властителем масс, не опираясь на жанровые особенности судьбы социального героя. Сравнивая разных политиков, обсуждая их роль в истории, мы отчетливо видим некую архетипную нить, которая ведет лидера. Порой складывается впечатление, что он оказался заложником предначертанного жребия. Нередко видны и причины непоправимых ошибок вождей, которые пытались освободиться от оков названного архетипа. Юнг прав: социальный герой в кружении времен зачастую оказывается хорошо знакомым нам персонажем.

Но почему сегодня эта тема стала столь актуальной? Отчего политтехнологи проявили к ней неожиданный и обостренный интерес?

Прежде всего, социальная философия сегодня после длительного периода, призванного распознать тайны общественной динамики в деятельности больших социальных общностей, психологии масс, групповом сознании, в закономерностях активности обезличенных структур, вновь возвращается к теме общественного лидера, супермена, героя и их значимости для общественно-исторического процесса. К примеру, все газеты с энтузиазмом сообщили о том, что Джордж Буш, уходя на каникулы, собрался прочитать книгу Эдуарда Радзинского об Александре II. Книга только печатается, Буш будет читать текст, еще не известный читателю.

Такой интерес к персоне не самого популярного русского правителя кажется несколько неожиданным.

Писатель комментирует, и его пояснения построены на логике Юнга. Правление царя – это время первой русской перестройки, рождения русского капитализма, «новейших господ», как их тогда называли. Короче, вместе с терминами «гласность», «оттепель», «интеллигенция», рожденными тогда, эпоха Александра II передала нам грабли, на которые всегда наступает Россия в период реформ. Последний великий царь был абсолютно непопулярен в конце своего правления. Либералы ненавидели его за остановку реформ, консерваторы – за то, что эти реформы были.

Вчитываемся в судьбу правителя и понимаем: лидер обеспечил мощный рывок России к европейской цивилизации, но оказался непризнанным, а после смерти и вообще оклеветанным...

Скептически настроенный читатель может сказать: ну и что? Участь правителя почти всегда печальна, а толпы неблагодарны. Вот

и Пушкин писал: «Они ж меня, беснуясь, проклинали». Но именно в этой ординарности и проглядывает архетипность.

Нельзя оказаться харизматическим лидером, удачно прийти или неудачно уйти без архетипной фабулы.

Историку или президенту кажется, будто он, знакомясь с биографией русского царя, может найти разгадку его судьбы в расстановке социальных сил, в специфичности выдвинутых исторических задач, наконец, в личности самого правителя. Но этого мало: ведь в истории царят архетипные сюжеты. Властитель садится на трон, но ему вручают роль, которая уже когда-то сыграна, в которой все предначертано, ему, словно мифическому Эдипу, предстоит только продвигаться к своему жребию.

Харизматическому лидеру приходится озвучивать свои цели, но при этом разыгрывать сюжеты, которые освящены далекой историей. Бессознательно он обращается к неисчерпаемой кладовой коллективного бессознательного и выбирает из него знакомый сценарный материал.

Описывая архетип социального героя, Ницше наделяет его обязательной драматургической оркестровкой. Властитель не просто является на историческую арену. У него есть предназначение, ему приходится пройти посвящение, создать некий идеальный образ и в конце концов уйти, но ведь не раствориться же.

Герой является, проходит через горнило неприятностей, совершает деяния и... удаляется, сохраняя непрерывность своего жизнеописания.

Канадский писатель и философ Дж. Сол отмечает, что среди деятелей последнего столетия, которые вышли на политическую арену, можно выделить технократов и героев. Огромная опасность для нашего общества заключается в том, что мы попадаем в зависимость от отдельных личностей, путая, таким образом, сам процесс с его участниками.

Победы разума сделали возвышение героев неизбежным. А сами политики стали рядиться в одежды героев, поскольку это стало единственно доступным способом обретения нужного статуса. Воздействие этих изменений на политиков было очень глубоким. Оно изменило эмоциональную атмосферу их взаимоотношений с обществом.

Образ героя – это архетип человека, который взваливает на себя нелегкое бремя размышлений о судьбах усталых и сбитых с толку граждан. Угроза или обещание изменений оказывает сильное воздействие на хрупкую человеческую психику. Внезапные изменения всегда приводят к нестабильности. И вот в этом случае в массовом сознании и рождается архетип героя-избавителя.

Сегодня в общественном сознании отчетливо проступает тоска по герою. В истории культуры часто встречается мифологический сюжет

– история героя. Речь идет о его рождении, богатырских подвигах, мудром правлении. Несмотря на статичность, формулы равновесия занимают важное и особое положение в системе героического мифа, особенно в процедурах моделирования политического лидерства.

Политический лидер активно заявляет о себе в период, когда равновесие уже утрачено. Основная масса аргументов политического лидера строится как обещание восстановить и достигнуть равновесия и стабильности.

Равновесие и стабильность – центральная формула социально-политического проекта, который предполагается политическим лидером.

Однако успешное обращение к разнообразной и типологически не вполне определенной аудитории требует от политического лидера вполне ясных причин для социально-политического проекта стабильности. Поэтому непосредственным предварением и обоснованием появления лидера и принятия им всей полноты власти является формула «нарушение равновесия».

В модели появляется время, как важное социально-политическое измерение. Время отсчитывается от апокрифических «счастливых» времен через текущее «несчастливое», «неправильное» время в сторону восстановления прежнего, «правильного» времени.

Формулы обращения к «счастливым» временам и активные призывы к «новым рубежам» чрезвычайно широко и многовариантно моделируют поведение политического лидера. Причем не только на начальных этапах его политической карьеры. Стремление «обновиться» и тем самым «снять» определенные издержки прошлых этапов политической карьеры довольно постоянно. Однако в структурном отношении апелляция к «правильному» времени принадлежит к инициальным формулам героического мифа.

Исходная модель неизменного и статичного существования безлична. Нарушение равновесия вызывает стремительную персонализацию. Нарушения и несчастья непременно исходят от «вредителя». Но обнаружение «вредителя» и избавление от несчастий должен осуществлять конкретный персонаж – герой.

Поиск героя, который должен избавить сообщество от кризисного нарушения равновесия, – часть процесса символической персонализации. Основные проблемы и кризисные ситуации «прикрепляются» к определенным персонажам.

Ищется центральный персонаж, на него возлагается ответственность за восстановление равновесия.

Таким образом, нарушение равновесия и кризис актуализируют вторую инициальную формулу героического мифа – поиск героя, который персонализирует утраченные ценности статического мифа. Элементы исходной статичной модели становятся ценностно окрашенными, «отмеченными» и персонализированными.

Симметрично герою складывается фигура «вредителя», который должен персонифицировать все «зло» мира. Для института политического лидерства эта фигура необходима как противостояние намерениям и действиям лидера. Группа, персонифицирующая недостаточность, более удобна. Групповой противник более серьезен и более подходит для целей социально-политической интеграции. К тому же (и это главное) групповой противник открывает более широкие возможности для политического маневра. В отличие от единичного противника группа может постоянно исполнять роль «козла отпущения».

Формулы испытания и посвящения постоянно явным или скрытым образом организуют поведение политического лидера. Во-первых, ситуация политической конкуренции постоянно заставляет мыслить и разворачивать свою политическую карьеру как «истинную» в противовес «неистинной» позиции политического конкурента. Во-вторых, политический лидер включается формулами испытания и посвящения во взаимодействие с массовой аудиторией.

Политический лидер только в том случае может рассчитывать на идентификацию с проблемами, волнующими массовую аудиторию, если в массовом политическом сознании его считают «истинным» лидером.

Появление героя завершает инициальные формулы героического мифа. Отчужденный претендент входит в сообщество. Он принимает обязательства избавить, преодолеть кризисную ситуацию. Он принимает обязательства вернуть сообщество к исходному, докризисному состоянию и принимает ценности исходной модели в качестве своих личных.

Таким образом, происходит социализация прежде постороннего претендента, но социализация в качестве героя.

Социализация героя не происходит бесследно для сообщества. В аморфное состояние вносится структура. Структура определяется отношением к героическому персонажу. Вместе с социализацией героя в сообществе устанавливается социальная дистанция. Исчезает исходный эгалитаризм. Возникает иерархия. Иерархия определяется отношением к герою. Отношением к герою определяется система социально-политических позиций. Система позиций задается отношением к персонализированным задачам героя. Позиции порождают систему персонажей и функций. Персонажи должны взаимодействовать, функции – выполняться в процессе развития героического мифа. Исходная отчужденность претендента замещается в процессе развития инициальных формул активным взаимодействием с сообществом, находящимся в кризисной ситуации. Первое, что придает сообществу появление героя, – структурность и типологичность.

Структуризация модели мира, вызванная появлением героя, разворачивается в измерении «свой-чужой». Сообщество разделено на своих и чужих. Исходно единообразное и стабильное состояние моде-

ли сообщества не рассматривается как постоянное. Поляризация сообщества по измерению «свой-чужой» конкретизируется и развивается через отношение к герою: друзья и враги героя.

Персонализация проблем, возникших в связи с кризисным состоянием группы или сообщества, разбивает всех участников героического мифа на своих и чужих. Друзья – те, кто помогает герою, враги – те, кто мешает решить проблемы, зависящие исключительно от героических деяний.

Социальное пространство мифа не только персонализируется, но и стремительно героизируется.

«Друзья и враги» – это формула героического мифа, продолжающая и детализирующая процесс персонализации основных проблем сообщества. Одновременно это переход к активным действиям героя. Он уже начинает поиски источников бед и неблагополучия.

Деление на друзей и врагов героя создает ось активного противостояния в «героическом» пространстве мифа.

Логика препятствий и преодолений, характерная для героического лидера, включает логику «преодоления кризиса». Но включение осуществляется исключительно в культурно-символических измерениях. Поэтому, когда мы говорим о кульминационных формулах ритуально-мифологической типологии, имеются в виду символическая драматизация положения и символическое преодоление кризисов. Кульминационные формулы – неизменная часть политических биографий.

Кульминационные формулы еще раз подчеркивают выделенность политического лидера из непосредственного окружения и особые возможности разрешения социально-политических коллизий.

Последовательность препятствий выстраивается в героическом мифе таким образом, чтобы в каждой ситуации обнаруживался героический характер лидера. Не просто преодоление препятствий, но героическое преодоление. Поэтому если поведение лидера моделируется формулами героического мифа, то ситуация непременно героизируется. Не просто решение проблемы, но «великое» решение проблемы. Не очередные, ординарные проблемы, но «наши» рубежи». В результате героических действий возникает непременно «великое общество».

Момент воцарения героя, момент принятия всей полноты верховной власти предваряется в схеме героического мифа появлением многочисленных претендентов, ложно присваивающих себе героические деяния.

В пределах позитивистской культурной антропологии существует множество версий, объясняющих появление ложных героев. Необходимость объяснений вызвана чрезвычайной устойчивостью мотива. Ускоренность мотива в логику героического мифа настолько значительна, что для появления ложных героев не всегда нужны достаточ-

но обоснованные мотивы. Для фиксирования подобной безмотивности и культурной антропологии возникла даже формула «самоустранения» героя, его временного отсутствия. В культурной антропологии исчезновение героя является минимально необходимым ходом мифопорождающего сознания, чтобы возникли минимальные, чисто формальные возможности для появления ложного героя.

Появление ложных героев – проявление угрозы деперсонализации всех успешных деяний, которые осуществлены на предыдущих этапах героического мифа. Возникает возможность для каждого из претендентов идентифицировать с собою деяния героического мифа. Героические сюжеты обнаруживают опасность принадлежать каждому, т.е. никому.

Таким образом, снижение кризисного напряжения после кульминационных формул рождает очевидную опасность деперсонализации.

Мифопорождающее сознание моделирует смежную деперсонализацию героического пространства угрозой воцарения «ложного» героя. Оно способно воспринимать в явном виде имперсональное. Поэтому процесс возвращения к безличному и статичному равновесию воспринимается как угроза воцарения «неистинного» героя, «незаконного» претендента.

Процесс деперсонализации воспринимается как «неправильная», «ложная» персонализация. Вследствие этого возможно возникновение нескольких эпизодов с «самозванцами», последовательно оспаривающими право на лидерство.

Анна ФИЛАТОВА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАТОПСИХОЛОГИЯ

Предвыборная борьба постепенно начинает набирать обороты. Полемика между претендентами становится все более яростной. О политическом противнике то и дело говорят нелестные слова и даже намекают на его психическую неадекватность. Разумеется, можно отнести все эти эскапады к политической некорректности. И все же одно дело – полемист метнул в оппонента сок из стакана, другое – когда потащил женщину за волосы, и третье – если обозначил в почетном списке человека, подозреваемого в убийстве.

Сами депутаты Государственной думы неоднократно ставили вопрос о том, чтобы политики проходили тестирование, обследовались бы на предмет психического здоровья. Нет ли в такой постановке вопроса излишней щепетильности или отзвука внутривнутриполитической борьбы?

События последних лет показывают, что эти вопросы не являются праздными. Во-первых, в политику идут люди определенного психо-

логического склада. Во-вторых, в этой сфере деятельности также обнаруживается профессиональное выгорание, не говоря уже о профессиональной деформации. В-третьих, политика невозможна без постоянной кристаллизации нравственного этоса. Между тем о политике все чаще говорят как о поприще, где мораль – ненужная и вредная подробность. Недаром Талейран как-то заметил: пусть совестью мучаются те, у кого она есть... А нам, мол, прагматикам, это ни к чему.

И все же справедливо ли считать того или иного политика неменяемым? В какой мере можно говорить о нем как об ответственном человеке, несущем тяжелое бремя власти? Какой тип людей рекрутируется в политику?

Да, вопросы не праздные. Но почему именно патология? Из истории политической психологии известно, что добиться успеха в политике без деструкции личностных качеств невозможно. Политика захватывает все человеческое существо без остатка. Она деформирует индивидуальные свойства, заряжает сверхценными идеями. «Кто наводит порчу на вождей?» – задается вопросом обозреватель «Аргументов и фактов» Вячеслав Костиков.

Политическая элита прямо-таки истомилась. Она умоляет В.В.Путина остаться во власти. В этом вопросе она демонстрирует даже некоторую одержимость. Порой мнится, будто мы присутствуем на театральной постановке «Бориса Годунова». Состояние общественного сознания тоже описывается политтехнологами едва ли не в медицинских терминах. Оно, это сознание, буквально травмировано возможным уходом Путина из политики. Любовь к президенту начинает доходить до экзальтации. Все делегаты съезда «Единой России» обращаются только к одному человеку. Царит атмосфера всеобщего ликования. Может ли человек с нормальной психикой, обнаруживая такую немереную любовь, сохранить трезвость сознания, устойчивость психики.

Политтехнологи утверждают: Путину было неловко в этой обстановке повального почитания. Точно ли так? Вспоминается: начиналась работа съезда комсомола. Еще никто не появился на трибуне. Не прозвучало ни одного слова. А они аплодируют. Неистово, долго и в известной степени беспричинно. Это как бы провозвестие торжественного события. Своего рода ритуал. В былые годы, как известно, на каждый ряд даже назначался ответственный... за аплодисменты. Имелось два показателя – громкость и неотвлекаемость.

Тревожная, обидная мысль – не много ли в нашей жизни развелось аплодисментов? Тема, впрочем, не новая. Еще Ильф и Петров иронизировали: нельзя жить так парадно, как римские консулы. Речь идет об овациях особого рода. Это когда тот или иной человек рукоплесканиями укрывает собственную никчемность и при том галантно имитирует повышенную активность, гражданственность, а подчас и некую направленность мысли. Он сопровождает хлопками любой извив

конъюнктуры, чутко улавливая сиюминутные запросы и даже предвосхищая их.

В начале прошлого столетия К.Ясперс стал проводить различие между психологией и патопсихологией. Он отмечал, что эти области знания принадлежат друг другу и дополняют друг друга. Психопатологи, по его мнению, располагают обширным материалом, которые не имеет в психологии «нормальных» соответствий. «Психопатологам, — писал К.Ясперс, — приходится разрабатывать собственную психологию, ибо психологи не могут обеспечить им необходимую поддержку (Ясперс К. Общая психопатология. — М., 1997, с. 27). В психопатологических процессах психические явления возникают внезапно, совершенно непонятным нам образом. Кажется, что одно событие психической жизни следует за другим беспричинно. В чередовании событий редко удастся усмотреть генетическую связь.

Почему политик становится искривленной личностью? Первая реакция психики на наркотик — снижение критики. От эйфории, от ощущения собственного величия, всемогущества, безграничности своих прав, которыми человек упивается на пике опьянения, невозможно, наверное, полностью вернуться назад, к трезвой и нелестливой самооценке. Соответственно накапливается и недоброжелательность к другим, недоверчивость, подозрительность: если я, такой прекрасный, не получаю тех рукоплесканий, которых достоин, то кто же вокруг меня, как не заклятые враги?

Обостренная обидчивость, уязвимость приводят к бессмысленной растрате сил. Психика регрессирует, но тоже по-особому, на более примитивный, инфантильный уровень.

Свое исследование о 28-м президенте США Томасе Вудро Вильсоне З.Фрейд назвал психологическим. Однако австрийский психиатр отмечает, что наша наука давно уже отказалась от веры в резкую разграничительную черту между нормальным и аномальным в психической жизни «Мы были вынуждены прийти к заключению, что для суждения о психических явлениях категория «нормальный — патологический» является такой же неадекватной, как предшествующая ей всеохватывающая категория «хороший — плохой» (Фрейд З., Буллит У., Томас Вудро Вильсон. 28-й президент США. — М., 1992, с. 20).

По мнению Фрейда, глупцы, мечтатели, страдающие от иллюзий, невротики и лунатики во все времена играли громадную роль в истории человечества. «Великие достижения столь часто совершаются людьми с психическими отклонениями, что невольно испытываешь искушение предполагать, что они неотделимы друг от друга» (там же, с. 22).

«Политик всегда мужчина. Два образа — образ «отца» и «отца-убийцы». Я.Дубейковская называет психоаналитическую модель: затянутая Эдиповым комплексом психологическая пружина увлекает в политику, в которой есть возможность ежедневно доказывать свое влияние

и побеждать врагов – символических отцов или, наоборот, бороться за признание отца (президента, губернатора) с другими братьями.

Именно из этой ситуации появляются два доминирующих типа кандидатов на выборах: образ «отца», олицетворяющего силу, стабильность, ответственность и заботу, и образ «отца-убийцы», несущий в себе критику власти, потрясание основ, запугивание избирателей.

Политика любят, его боятся, им восхищаются. Идеальный политик – идеальный объект, собирающий максимальный объем энергически заряженных проекций любви, ненависти, страха и уважения.

Воспользуемся материалами исследования, которое было проведено на кафедре политической психологии МГУ. В.Путин по-прежнему остается «мужчиной, приятным во всех отношениях» – подтянутым, спортивным, непьющим. Единственный, кто мог с ним сравниться (и в чем-то даже превзойти) – первый вице-премьер Д.Медведев.

Чтобы привлечь избирателей, мало говорить умные вещи с трибуны. «Россия – страна с женским характером. Прежде чем ее убедить, нужно ей понравиться, – говорит гендиректор Центра политической информации Алексей Мухин. – Каждый придумывает что-то свое. Большинство политиков носят дорогие костюмы, вызывающие душевный трепет у женщин. А временами переодеваются в камуфляж. «Петушась» перед камерами на военных сборах, даже обремененные пивными животами депутаты Госдумы строят из себя бравых мачо».

Одним из самых brutальных политиков остается глава МЧС С.Шойгу, но в этом ему помогает профессия героя-спасителя. С.Иванов, недавний министр обороны, охотно демонстрирует военную выправку. При случае полковничью форму надевает В.Жириновский. Или, наоборот, раздевается, демонстрируя натруженные на думских заседаниях ягодицы, – однажды в присутствии телекамер он делал прививку от гриппа. Впрочем, по мнению имиджмейкеров, лидер ЛДПР за последние годы немного обрюзг и подрастерял харизму.

Кого-то выручают природные данные. «Так, еще три года назад лидером в рейтинге мужской привлекательности наряду с В.Путиным был М.Касьянов», – говорит психолог Диля Еникеева. Но сегодня знаменитый касьяновский баритон возбуждает разве что сторонниц оппозиции на немногочисленных митингах. Чем ниже голос, тем выше женщины оценивают мужские достоинства политика, утверждают эксперты. Этим во многом объяснялся феноменальный успех генерала А.Лебеда. Но низкий голос дан не каждому, а голосов избирателей хочется всем.

«При работе с женской аудиторией политики используют разные методики, – рассказывал один бывалый политтехнолог: – Главное – создать образ надежного мужчины, защитника». Это непросто. По признанию одного из ветеранов публичной политики Бориса Немцова «женщины лучше мужчин чувствуют фальшь и позерство». Впрочем,

в самой российской политике публичности остается все меньше. На «сексапильности» элиты это отражается не лучшим образом.

— Мужчины-политики не то чтобы измельчали — они воспринимаются как менее мужественные, — говорит профессор Е.Шестопал. — Эпоха «плейбоев», как тот же Немцов, ушла в прошлое. Многие уже не думают о том впечатлении, которое они производят на избирателей. Чиновников все чаще не выбирают, а назначают. Политика делается под ковром, а там действуют уже совсем другие правила игры...

Значительный вклад в развитие политической патопсихологии внес американский психоаналитик А.Лоуэн. Его описание патопсихологической личности, разумеется, имеет отношение не только к политике. Такие черты, как безлюбость, стремление сохранить тотальный контроль над всем, утилитарное отношение к людям, сохраняют свое значение для современных исследований патологии политической личности.

Первая проблема, с которой пришлось столкнуться отечественным психоаналитикам, была связана с тем, что в политике участвуют не реальные люди, а их имиджи. Понятие «имидж» (синонимичное «персонификации», но более обобщенное, включающее не только естественные свойства личности, но и специально выработанные, созданные) связано как с внешним обликом, так и с внутренним содержанием человека, его психологическим типом, черты которого отвечают запросам времени и общества.

Требуется спокойный, уравновешенный человек, которого в любой момент не покидает выдержка. Или яростный, категоричный любитель дискуссий, готовый опровергать любые аксиомы... Простодушный и мягкий, весельчак и скептик, оптимист и желчный ироник.

Имидж культивируется, закрепляется, грозя превратиться в маску, стать второй натурой, но все время остается на грани превращения. (Вспомним телефильм «Театр, театр» по С.Моэму. Сын знаменитой актрисы во время откровенной беседы с матерью задает ей вопрос: «Ты сейчас говоришь как мать или как актриса?»)

Павел ГУРЕВИЧ

ДЕГУСТАЦИЯ ВЛАСТИ

Что на самом деле происходит в России? С одной стороны, пальцев не хватит, чтобы перечислить наши достижения. Страна развивается масштабно, пенсии увеличиваются, бедность отступает. Стабилизационный фонд растет как на дрожжах, валовый продукт приумножается. Выборы в Государственную думу вызвали небывалый энтузиазм и воодушевление. Только и разговоров что о рывке истории.

Не хочется быть скептиком на фоне общего энтузиазма.

Примечательно, что любые варианты дальнейшей истории России политтехнологи оценивают едва ли не как чрезвычайную ситуацию. Одни публицисты уверены, что все идет по плану. Другие говорят о неразличимости политического горизонта.

«Определенность нам нужна дозарезу», — пишет в «Литературной газете» Сергей Кургинян. Автор кое-что утверждает и сам же удивляется. «Предположим, Путин уходит, — приглашает он к раздумью. Но что значит уходит? Означает ли это, что события будут развиваться любым произвольным способом? Если уходит, то каким образом?»

Что произойдет с вертикалью власти, если ее демиург скроется за кулисами? Сгодится ли она «преемнику» или будет разрушена? Примеры из истории? Анна Иоанновна — императрица России с 1730 года, дочь Ивана V, старшего брата Петра I. Она не отличалась красотой, не была любима своей матерью царицей Прасковьей и не получила хорошего образования. После смерти Петра II Верховный тайный совет решил возвести на престол Анну. Но она не стала служить родовой аристократии, а произвела государственный переворот, восстановив самодержавие.

Как удержать власть, передав ее другому властителю?

Где альтернативные варианты, пусть и безнадёжные, но реализующие политические ресурсы?

Как ни рассуждай, политика утратила массовый характер. Огромная часть населения отчуждена от политики. Люди склонны сами выражать свои интересы и ценностные ориентации. Именно так, «снизу», традиционно возникали партии, политические движения. Сегодня мы сталкиваемся с иным вектором политики. Новые партии создаются в тиши кремлевских кабинетов, чтобы затем захватить массы своим энтузиазмом. Предприняты непомерные усилия, чтобы зачистить политическое поле и изгнать те объединения, которые не соответствуют «правильному» политическому проекту.

Ну и что? — может сказать иной энтузиаст. Разве созданные партии не получили поддержки? Разве социологические опросы не свидетельствуют о серьезной социальной опоре этих партий? Мистификаторы от политики, уверовавшие в административный ресурс, словно не замечают, что массы устали от политического популизма. Мало кто верит в лозунги и программы, которые с упоением читают с подмостков политические лидеры, не ощущая, что в зале давно никого нет.

Огромные слои населения ушли сегодня в частную жизнь, их интересуют конкретные жизненные события, напрямую затрагивающие их собственные интересы. Разве они не понимают, что задача удвоить ВВП к 2010 году не будет выполнена? Люди не будут жить в два раза лучше. Темпы роста хотя и высокие, но для нас абсолютно недостаточные. Неужели люди не осознают, что Кремль умышленно создает параллельных игроков, чтобы раздробить электорат? Разве они не ви-

дят, что малый бизнес полностью зависит от местной власти, а большой — от федеральной. Постижимо ли, чтобы люди не понимали, что в стране нет самостоятельного и независимого парламента, что граждане лишены реальной возможности влиять на власть?

В советское время была политика, но не было политического процесса, предполагающего фактическое противоборство реальных социальных сил и программ. «Конфликт — неизбежное общественное событие», — отмечает в своей книге «Метаморфозы власти» американский социолог Э.Тоффлер. Перераспределение власти — неизбежный феномен. Но почему предвыборная борьба свелась к перехватыванию популистских лозунгов? Разве противостояние предполагает лишь перманентное переназначение претендентов на власть?

Нет, никому еще не удавалось в истории подменить реальную политическую жизнь блеском и нищетой политических технологий.

Многие политические проблемы в нашей стране обсуждаются без учета громадного исторического опыта, который получил кристаллизацию в политической философии. Вновь получает подтверждение горькое суждение Гегеля о том, что история никого и ничему не научает. Столкнувшись с беспорядком, мы начинаем идеализировать порядок и доводим эту идею до абсурда. Борясь с олигархами, мы взращиваем мощный клан бюрократов, который в чиновничьем порыве изматывает страну. Калькулируя ошибки либералов, впадаем в неоправданное обожествление государства. Толкуя о патриотизме, ищем опору в национализме.

Пора осознать, что власть как феномен требует постоянной теоретической дегустации. Иначе она вырождается, приводит к застою, дегенерации или катастрофе. Немецкий философ Карл Ясперс отмечал, что любой авторитарный строй, несмотря на видимую успешность, обречен. Его исторический срок отмерен. Может быть, нам следует хотя бы на уровне здравого смысла поверить одному из крупнейших философов прошлого столетия. Американский философ Эрих Фромм обстоятельно проанализировал те политические и социальные последствия, которые неотвратимо обнаружились бы, если бы авторитарная власть оказалась долговечной. Каковы же основания связывать авторитарные тенденции власти со стабильностью? Авторитаризм способен решать социальные проблемы, но он абсолютно не просчитывает дальнейшие исторические перспективы.

Одна из опасных тенденций современного мира — технократизация власти. В споре сегодня не политики, выражающие волю и интересы определенных социальных слоев, а политические менеджеры, выполняющие конкретное задание. Парадоксально, но на первый план в политике выдвигаются утилитарные цели. Б. Муссолини говорил о новом типе политика, который способен заставить поезда ходить вовремя. Здесь налицо чудовищное смешение фигуры политика

и фигуры управленца. Регулярное движение поездов — менее всего политическая проблема.

История показывает, что самый блестящий управленец может потерпеть политическое фиаско, поскольку политика отличается от экономики, от управления и является самостоятельной специфической формой человеческой деятельности. В нашем политическом обиходе политика все чаще и все курьезнее отождествляется с управлением. Говоря, например, о задачах, которые должны выполнить новые назначенцы в правительстве с учетом нового политического курса, сегодня неизменно толкуют о том, что они должны взять под контроль финансовые потоки, разобраться с задолженностями или разбазариванием денег. Но ведь блистательное выполнение этих задач может пройти над головой политики и даже не коснуться ее.

Там, где господствует технократическое сознание, неизменно царствует идея эффективности. Мы постоянно толкуем о ней как о предельном выражении политики.

Однако сама эта идея требует аналитического разбора. Политик может оказаться успешным в расчистке политического поля. Но чем это обернется в конечном счете для судьбы страны? Можно сделать единомыслие весьма результативным, рассматривая эту задачу как своеобразное технократическое задание. Но как оценить его целесообразность? Допустим, люди станут жить вдвое лучше, но при этом станут бесправными, лишенными свободы. Значит, говорить об удвоении ВВП нужно не только в экономическом, но и политическом смысле.

В истории управленец неоднократно посягал на права политика, но вынужден был отступать, потому что политические проблемы, как уже отмечалось, имеют свою специфику. Не раз именно успешность социального управления приводила к политическому взрыву. Социальный менеджеризм нередко ставит перед обществом манипулятивные цели. Весьма часто политике приходится выправлять то, что натворили успешные управленцы. Социальные контрасты современной России, приведшие к чудовищной поляризации богатых и бедных, — разве это не плод технократической мысли, притязавшей на решение управленческих проблем? Соперничество двух партий, рожденных в недрах кремлевской администрации, — это ли не пример блистательного социального менеджеризма? И разве не выглядит курьезом противостояние партий, которое зависит от того, куда в очередной раз направит свои стопы президент, рядом с какими политиками он окажется?

Итальянский ученый Никколо Макиавелли сформулировал важнейшие принципы управления, которые, как это ни парадоксально, вполне применимы и в наши дни. На него яростно нападали гуманисты Ренессанса, а впоследствии и энциклопедисты. В нем видели проповедника искусства тирании. Его упрекали в безразличии к мораль-

ным вопросам. Но стоит понять, что главной темой его исследований были вопросы управленческой эффективности. Если издать комментарии шестнадцатого века к «Государю» и озаглавить их «Власть и управление» или «Эффективное правительство», книга немедленно вошла бы во все курсы подготовки бизнесменов, государственных служащих и профессиональных политических деятелей. Она стала бы идеальным пособием для подготовки современного мирового лидера.

Технократы — это гедонисты власти. Мыслительные процессы технократа исключают полностью и этику, и здравый смысл. Мастерство технократа проявляется в осуществлении власти. Иными словами, это искусство властвовать. Обратите внимание, современные политики большей частью известны нам своим соперничеством в захвате полномочий, сфер влияния, объектов управления. Однако практически невозможно понять, каковы политические убеждения того или иного лидера. Перебегая из партии в партию, они беспощадно обнажают свое политическое кредо, известное по Ильфу и Петрову, — «всегда!».

Логика технократа очевидна: чем больше власти, тем эффективнее управление. Логика политика, напротив, предполагает делегирование некоторых своих полномочий другим социальным институтам ради согласованной совместной деятельности. В самом деле, если парламент ручной, партии вырастают из кабинетной пены, то управлять легче. Но тогда зачем вообще эти социальные институты?

Когда Платон размышлял об идеальном государстве, он, наверное, тоже думал о порядке. Но при такой разногласии интересов не только в семье, но и во всем обществе обеспечить единомыслие просто невозможно. Недаром раздосадованный Платон хотел укрепить общество, казня и изгоняя определенные группы людей... (См. об этом: Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1, Чары Платона, — М., 1992). Технократическая логика неизменно приводит к погромному результату.

Наша тяга к экспертным заключениям и программам привела к огромным ошибкам.

Мы стали реорганизовывать институты, чтобы повысить эффективность их деятельности. Однако в политике, как специфической сфере, важнее обеспечить баланс между различными социальными сферами. И в этом контексте нередко уместнее поступиться партикулярной результативностью. Политика вовсе не является набором технократических свершений. Здравый смысл окажется окончательно порушенным, когда мы уравниваем идею эффективности с самим демократическим правлением.

История показывает, что эффективное принятие решений — привилегия авторитарных правительств. Наполеон был успешен. Гитлер, несомненно, эффективен. Сталин предельно результативен. Од-

нако эффективная демократия может означать не что иное, как кастрированную демократию. Один античный мудрец заметил: беспорядок вреден, но еще опаснее безмерный порядок. Нужна ли политическая воля в стране? Несомненно. Но то, что хорошо для укрепления властной вертикали, не всегда удачно для экономического развития страны.

Эффективное использование власти исключает идею достойной оппозиции. Тоффлер пишет: «Порядок, навязывающий что-то сверх того, что нужно гражданскому обществу для функционирования, направленный просто на увековечение режима, аморален».

Сегодня много говорят о том, что экономических успехов можно добиться и при полуавторитарном правлении. Ссылаются при этом на Китай. Однако не отдают себе отчета в том, что оценивают события в этой стране через призму европейского технократизма. Между тем китайцы узнали формальную логику гораздо раньше, чем европейцы, и пришли к выводу, что она гораздо менее важна по сравнению с другими вещами. Они окунулись в рыночную экономику, когда Запад еще пребывал в Средневековье, и поэтому они ни в коей мере не связывают ее с демократической идеологией.

Проницательные западные эксперты отмечают, что тяга к рациональности, к эффективному управлению фактически отняла у демократов ее единственное преимущество — способность действовать, опираясь на нетрадиционные методы.

Если взглянуть, например, на сражение западной экономики двадцатилетней давности с инфляцией, то нельзя не заметить, что политики, превратившиеся в апологетов логики технократов, тоже оказались заложниками традиционных решений. Отсюда следует, что теология власти, при которой процветает технократия, полностью маргинализирует идею оппозиции и, как следствие, идею разумных изменений.

Не идем ли мы сегодня тем же курсом?

Владимир Дергачев (Украина)

КРИЗИС УКРАИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

«Самостоятельное Украинское государство должно строиться, опираясь на собственный народ, а вовсе не на внешние силы. Последствием ориентации Хмельницкого на Москву, а Мазепы – на Швецию стала полная гибель национальной государственности».

Владимир Винниченко¹, «Заповеди»

«Если посуда недостаточно чиста – скиснет все, что туда ни влил».

Гораций

«Чуден Днепр при тихой погоде» бабьего лета, совпавшего с внеочередными осенними выборами в Верховную Раду Украины. Какие горизонты стратегии страны и национальные идеи открылись перед украинским электоратом! Дух захватывает от безграничных перспектив. Национальная идея по своим масштабам на мировую историю должна стать в один ряд с Древним Египтом, античной Грецией и итальянским Возрождением. Не больше и не меньше. Но пока, увы, самостийная Украина напоминает Османскую империю периода упадка, когда султан за личную лояльность стал раздавать преференции особо приближенным корпоративным группировкам, а за безмерную преданность разрешал подворовывать казенное добро. Слава Аллаху, что еще не все из этого удалось воплотить на украинском Хуторе близ Европы, но и отрицать достигнутое на этом пути было бы несправедливо.

Украина как союзная Советская Социалистическая Республика была создана коммунистической властью и включила несколько культурно-исторических регионов, в том числе: Закарпатье (Подкарпатскую Русь), греко-католическую Галичину, историческую Украину, или Малороссию²,

¹ Владимир Винниченко (1880–1951) – украинский писатель, председатель правительства Украинской народной республики (Директории) в 1918–1919 гг.

² В переводе с древнерусского языка означает историческая «Древняя Русь».

полиэтнические Новороссию и Крым. Таким образом, восточнославянские народы, составляющие большинство населения Украины, представляют пять разновозрастных и разновеликих этнических общностей: малороссы, галичане, русины (карпатороссы), новороссы и великороссы, не считая многочисленные другие национальные меньшинства, среди которых выделяются крымские татары, требующие национальную автономию. Цивилизационный разлом, проходящий через сердце Украины, разделил народ на западных и православных христиан. Отсюда истоки раздвоенности украинской политики и самосознания. В результате в самостийной Украине выделяются **«истинные украинцы»** – галичанские греко-католические патриоты, безумно любящие отечество и готовые не думая задушить его в своих объятиях. Патологически не любящие Россию, но всегда готовых залечь под других, «любых» басурман. «Истинные украинцы» также не признают русинов (карпатороссов) в качестве самобытного народа. Далее различаются собственно **украинские украинцы (малороссы)**, **неистинные украинцы (новороссы)**, преимущественно из восточных и южных регионов, – носитель рубежной русско-украинской культуры и **русские украинцы (великороссы)**, не понимающие бездумную любовь к отечеству «истинных украинцев». На Украине отсутствуют символы, способные консолидировать общество³.

О перманентных политических кризисах на Украине регулярно пишут российские аналитики, часто умиляясь их мирным «демократическим» исходом. Автор придерживается несколько иной точки зрения, объясняя происходящие на Украине процессы кризисом украинской государственности⁴. И акцентирует внимание не только на цивилизационном (конфессиональном) и геополитическом разломе, проходящем через территорию современной Украины. Украинской нации пока в природе не существует. Нация является территориально-политическим образованием; сообществом людей, имеющих общую историю, героев и врагов (*по Теодору Герцелю*). Политическая нация не имеет ничего общего с провинциальным национализмом титульного народа, только себя отождествляющего с государством (государство – это мы). Кроме того, политическая элита на Украине не сформирова-

³ В первые годы независимости попытка власти, состоящей из бывшей номенклатуры и националистов, поставить на главный пьедестал вместо Ленина Тараса Шевченко, привела к тому, что потребуются годы, чтобы восстановить доброе имя великого поэта. В качестве символа Галиции радикальные националисты произносят имена Степаны Бандеры и Романа Шухевича, сотрудничавших с Третьим рейхом. Для украинской Украины Мазепа и Петлюра – рыцари революции и символы евроинтеграции, для русской Украины они – изменники и предатели. У каждой Украины свои исторические символы и мифы о голодоморе и репрессиях, бандеровцах и петлюровцах, индустриализации и советской власти.

⁴ *Дергачев В.* Геополитика. – Киев: ВИРА-Р, 2000; *Дергачев В.* Геополитическая трансформация Украины. – Вестник аналитики, 2006, № 2.

лась и подменяется крупным бизнесом, создавшим организованные партийные группировки (ОПГ).

Природа украинской контрреформации (особенности украинской национальной охоты)

Почему политические кризисы на Украине стали особенно проявляться спустя десятилетие после провозглашения самостийности? Независимость свалилась на Украину как манна небесная. И казалось, что власть бросится строить государственность, однако у нее возобладал инстинкт дележа добычи. Возможно, ответ на эти особенности национальной охоты лежит и в украинском менталитете. Цивилизационный разлом и малочисленность элиты качества (меритократии) отразились на особенностях украинского менталитета, среди которых выделяются следующие:

- трагическая раздвоенность украинского самосознания, создающая почву для украинского сепаратизма;
- доминирование тактического мышления⁵ и отсутствие стратегического видения;
- разобщенность, хуторянство;
- культ бытоустройства;
- поиски собственной несостоятельности в других;
- доминирование идеализма и недостаток прагматизма.

Главная особенность украинской национальной охоты заключается в том, что «казаки» метко стреляют против намеченных политических целей, но это компенсируется материальной добычей. В украинской истории есть явление, без представлений о котором трудно понять современные политические тенденции в самостийном государстве. Это периоды контрреформации, получившие в украинской истории название **Руины**, с характерной междоусобной борьбой за передел собственности с упором на «многовекторную» внешнюю политику. Когда тактические задачи борьбы за власть и шкурные интересы псевдоэлиты доминировали над стратегическими целями и вели к утрате государственности⁶. Огромная энергия возрождения растрачивалась в междоусобицах, дележе добычи (польской, крымско-татарской, петербургской, советской) и в борьбе за власть. Каждая из Руин сопровождалась отказом власти от опоры на собственный народ и ориентацией на внешние

⁵ Тактическое мышление проявляется в результатах социологических опросов. После «оранжевой революции» самыми выдающимися украинцами были названы буреви́стики «честной» демократии пан Ющенко и «непорочный ангел» революции с косою Тимошенко. Далее идут эстрадная певица Руслана, братья-боксеры Кличко, опередившие в рейтинге Тараса Шевченко, Богдана Хмельницкого и Ивана Мазепу, а Николай Гоголь вообще оказался в третьем десятке.

⁶ Дергачев В. Цунами бездумной демократии. – Мир перемен, 2006, № 2.

силы. В результате демонстрировалась неспособность украинской элиты предложить народу консолидирующие цели. Руины заканчивались упущенными возможностями политического самоопределения и утратой государственности.

Первая Руина, или постхмельничина, продолжалась более двух десятилетий после Великого украинского восстания 1648 года под предводительством Богдана Хмельницкого. **Вторая Руина** после Центральной Рады, позвавшей «против большевистской орды немецкое войско», и Директории характеризовалась небывалой анархией и междоусобной борьбой за передел царской собственности между «белыми», «красными», «зелеными», «жовтоблакитными» и «гуляй-полем», эмиграцией многих украинцев в дальнее зарубежье.

Третья Руина началась в конце двадцатого столетия после неожиданно полученной самостийности, за которую, кроме небольшого количества диссидентов, никто не боролся. В результате этот этап контрреформации идет замедленными темпами, но ведет к тому же результату – постепенной утрате государственности. Характеризуется крупномасштабным дележом советской собственности, вырождением политической, деловой и научной элит. «Современная» Руина обусловлена небывалым казнокрадством и междоусобной борьбой корпоративных группировок за передел общенародной собственности с опорой на «многовекторную» политику, сопровождается высокими темпами естественной убыли населения. Украинские националисты, представленные в основном интеллигенцией в первом поколении, пошли не в народ, а на союз и обслуживание партии власти. За годы независимости можно составить мартиролог множества погибших производств и хилый список созиданий в эпоху «возрождения», где на первом месте будут еврохутора, воздвигнутые на нагребленное советское добро. Третья Руина, когда власть взяла на вооружение галицкий национализм, характеризуется полной подменой реальной географии мифологической. Власть, игнорируя геополитические, социокультурные и конфессиональные рубежи, одновременно устремилась в «общеевропейский дом» и стратегическое партнерство с Соединенными Штатами.

Почти все девяностые годы украинская национальная элита была занята дележом («честной» приватизацией) советского добра. Его оказалось так много, что потребовалось десятилетие, чтобы запрятать его в сундуки на возведенных еврохуторах. Спасибо и братьям-москалям, только благодаря еще не угасшей братской дружбе, скрепленной совместным «бизнесом» на транзитной газовой трубе, многим продвинутым украинцам удалось скопить капитал в особо крупных размерах.

Впервые в новейшей истории за исторически короткий срок скороспелая элита одновременно решила две диаметрально противоположные задачи. Она завершила селективную (для себя любых) европейскую интеграцию в капитализм, правда, по сантехническим стандар-

там, и одновременно построила селективный коммунизм. Местный Закон о статусе народного депутата и смета расходов ДУСи (так в народе называют управление делами секретариата президента) читается как поэма о коммунизме⁷. С полным правом высшая и привилегированная прослойка украинского общества заслужила звание элиты «в законе», благоденствие которой обусловлено преступным «бизнесом» на государственных ресурсах. Процветает раздача преференций (льгот за счет государственного бюджета) корпоративным группировкам, ориентированным на власть. Самым прибыльным сегментом этого «бизнеса» стала политическая коррупция.

Корпорация организованных партийных группировок, объединяющая членов свыше 130 партий, составляет всего лишь около 2% населения страны. Регулярно на парламентских и президентских выборах незначительная часть этого микроскопического меньшинства побеждает народ с зарубежной финансовой помощью, заморскими и другими политтехнологами⁸, стреляющими в электорат за большие деньги. Только во время противостояния «синих» и «оранжевых» на президентских выборах 2004 г. был израсходован, как пишут в СМИ, миллиард долларов на политтехнологии, имитирующие политическую деятельность. Политическая коррупция достигла на Украине огромных масштабов благодаря эффективной продаже мест в партийных списках. В условиях отсутствия гражданского общества украинские партийные группировки утратили реальное представительство интересов электората. Самым демократическим путем физическое лицо может войти во власть, купив место в партийном списке. В результате партии решают не государственные проблемы, а занимаются лоббированием интересов спонсоров. Как пишут СМИ, места в проходной части списка самых «честных» демократов (украинских националистов из «Нашей Украины») стоили на парламентских выборах 2006 г. в среднем 5 млн. у.е. Поэтому, чем чаще «демократические» выборы, тем больше прибыли ОПГ.

С задачей первоначального накопления капитала «казаки» справились превосходно. Правда, не обошлось без перестрелок, но без этого не обходится ни одна крупная криминальная разборка. Украинская приватизация была осуществлена властной элитой по известному принципу Пападопуло: это мне, а это снова не тебе. В исторически короткий срок страна превратилась из индустриальной в аграрно-индустриальную или преимущественно аграрную державу третьего мира и стала признанным на Западе криминально-коррумпированным лидером серой зоны Европы. Это вершины европейской интеграции страны, где власть уже живет по европейским сантехническим стандартам и сдела-

⁷ Водерникова И. Льготы: кто меньше? - Зеркало недели, 18 августа 2007 г.

⁸ На внеочередных выборах, разочаровавшись в российских специалистах, ведущие политические игроки использовали американских политтехнологов.

ет все возможное, чтобы закрепиться на достигнутых рубежах. Самолюбование самопальной «позолоченной» элиты достигла своего Олимпа. И на украинском Хуторе близ Европы начался пир. Слава Украине!

А вот дальше, когда «стратегические» цели национальной элиты были достигнуты, наступил кризис жанра. Как несовершенен глобализующийся мир! Какой-то Всемирный форум в Давосе стал упорно присваивать нижайшие рейтинги конкурентоспособности украинскому государству, при этом особо подчеркивая «выдающийся» вклад властной элиты в этот процесс. И здесь ребром перед «истинными патриотами» отечества встал вопрос о выборе очередной цели украинской национальной охоты, под которую выгодно залечь – под «ляхов», «москалей», европейцев, американцев, турок и других басурман. Под тех, кто за холопскую преданность будет разрешать метко стрелять в материальную добычу. И выбор оказался, к сожалению, ограничен по вине Москвы и Европейского Союза.

В Москве после ухода на заслуженный отдых очередного Емельки Пугачева устроили образцово-показательную экзекуцию доморощенных олигархов и даже грозились упрятать за решетку пассионарию украинской демократии. Стало очевидным, что «честным» киевским демократам путь в Россию заказан. Не на высоте оказалась и Западная Европа. Сколько раз Киев задавал в коридорах Евросоюза вопрос: «Хотите ли вы, что бы мы хотели быть в ЕС?» На что вежливые еврочиновники отвечали: «Да, мы хотим, чтобы вы хотели!» Но и такой дипломатии когда-то приходит конец. Стало очевидным, что Европе с самостийным государством криминально-коррупцированной демократии не по пути.

Но так хотелось после бурных девяностых годов пожить мирно и спокойно на персональных Еврохуторах, закусывая горилку самым лучшим салом. И тогда еще до «оранжевой революции» начался поиск гарантии безопасности для основных финансово-промышленных группировок. Приближались президентские выборы, а пан Кучма уходил после второго срока в свободное плавание, которое само по себе не давало гарантии для «семейного» бизнеса. И велика была опасность получить срок, только другой. И «казаки» от основных ветвей власти и финансово-промышленных группировок приняли «мудрое» решение перейти к новой форме политического устройства государства – от президентской к парламентско-президентской – и поделить между тремя самыми уважаемыми между собой бизнес-группами три ветви власти. Европа, где доминирует эта политическая форма государственности, в этот раз потеряла бдительность и приняла желаемое за действительное продвижение на пути к демократии.

Все шло по намеченному плану политической трансформации самостийного государства, но в этот момент вмешались американцы, которые, оказалось, давно уже опекали обиженных птенцов пана Кучмы и, не побрезговав криминально-коррупцированным оттенком украин-

ского провинциального национализма, вырядили его в белые одежды ангелов «оранжевой» демократии. Завоевания Майдана скоропостижно трансформировали Украину в страну скоропортящихся апельсинов⁹. Начался традиционный для «истинных украинцев» поиск внешних врагов. После провозглашения независимости основными виновниками всех украинских бед стали Европейский Союз, Соединенные Штаты и Россия. Евросоюз виноват в отказе приема Украину в ближайшие годы в Сообщество, а Америка – в том, что не форсирует прием Украины в НАТО. Грех России в том, что она переходит в расчеты за газ на мировые цены с государством, признанным рыночной экономикой, и не разрешает подворовывать газ.

Попытка одновременно построить национальное государство и интегрироваться в Европу, где отдается приоритет правам конкретного человека, независимо от национальности и вероисповедания, потерпела поражение. И здесь на ум приходит крамольная мысль. Может быть, национал-патриоты только имитировали для широких масс курс на европейскую интеграцию, чтобы использовать Запад в своих интересах? Но прежде необходимо познакомиться с особенностями украинского национализма, провозгласившего единственно «правильное» учение.

Идеология панукраинизма

Панукраинизм – идеология примитивного национализма (украинского фундаментализма), целью которого является создание мононационального государства, «захват» жизненного пространства Украины «истинными украинцами» и другими национал-патриотами, попытки заставить всех граждан, независимо от национальности, «думать по-украински». В результате применения этой идеологии на Украине построено националистическое государство криминально-коррупцированной демократии, непривлекательной для многих украинцев и тем более для украинских русских и нетитульных народов. Эта политика привела к кризису украинской государственности. Понятие «национальный» стало синонимом коррупции и провинциальности.

Цивилизационный (конфессиональный) раскол в христианском мире не удастся преодолеть уже тысячелетие. В борьбе за власть украинские националисты, не обладающие стратегическим видением, обострили проблему «расколотой Украины». Самостийной власти показалось мало, что конфессиональный рубеж делит страну на греко-католиков и православных, и спровоцировала раскол последних на «украинскую» и промосковскую церкви. Таким образом, можно считать, что конфессиональный распад Украины уже состоялся при активном участии властей. Во время «оранжевого» бунта миллионеров против

⁹ Держачев В. Страна скоропортящихся апельсинов. – Литературная газета, 29 ноября – 5 декабря 2006 г.

миллиардеров впервые эффективно были совмещены американские технологии «борьбы за демократию и права человека» с манипулированием конфессиональным подсознанием электората¹⁰.

На Украине и за ее пределами широко эксплуатируется миф о демократически продвинутой Галиции, заповеднике национальной идеи и «настоящей» Украине, по образу и подобию которой необходимо переделать психологию и мировоззрение «неистинных» украинцев, испорченных русской культурой. По чьей-то распространенной глупости панукраинизм отождествляют с европейской демократией, носителями которой являются галичане. Так уже сложилось, что после провозглашения независимости львовская элита присвоила себе звание «истинных украинцев» – носителей «правильной» национальной идеи «Геть от Москві», мифа о «единой и соборной Украине» – и право учить других, какой должна быть украинская культура и язык. Стала преобладать примитивизация отечественной истории, нашедшая отражение в учебных изданиях¹¹.

В 1990-е годы среди национал-демократов была популярна идея о том, что Галичина выступает в качестве «украинского Пьемонта», по аналогии с исторической областью в Северной Италии, ставшей оплотом не только национального, но и экономического возрождения. Галичина должна была бы стать флагманом капиталистического труда и создания благоприятного инвестиционного климата. В реальной действительности регион превратился в один из самых дотационных. Слабая конкурентоспособность промышленности, в первую очередь машиностроения, на внешнем рынке и снижение спроса внутри страны обусловили высокий уровень безработицы. «Истинные» патриоты с политических трибун призывают дистанцироваться от Москвы, а простые западные украинцы голосуют ногами за Россию, которая абсолютно лидирует среди зарубежных стран для гастарбайтеров из этого региона Украины.

Сложилась своеобразная межрегиональная специализация. Галичинская Украина поставляет идеологию панукраинизма, а Восточная Украина – материальные богатства и основательный вклад в экономическую мощь государства. Здесь истоки самой большой трагедии Украины и, возможно, политического кризиса национал-демократического движения. Вместо того чтобы услышать социокультурное многоголосие не только Галичины, но и Волыни, Закарпатья, Буковины, Черниговщины, Северщины, Полтавщины, Слобожанщины, Подолья, Запорожья, Новороссии, Крыма и других исторических земель, на основе которого и строить украинскую государственность, власть пошла по наиболее простому пути. В качестве фундамента была взята лишь галичинская традиция как общенациональная.

¹⁰ Дергачев В. Трансформация технологий новейшей геополитики. – Вестник аналитики, 2007, № 1.

¹¹ Політична історія України. XX століття. – Київ, ІПіЕНІ НАНУ, 2002, т. 1–2.

Никто не захотел, согласно европейской традиции, вникнуть в то, что есть на самом деле. А был ли мальчик? Что такое Львов 1990-х годов, после того, как город потерял свое коренное население в двадцатом столетии? До Второй мировой войны это был преимущественно польско-еврейский город. Евреи были уничтожены во время войны, а поляки были депортированы на свою большую родину. Из оставшихся примерно 20% украинцев многие или эмигрировали, или были отправлены в сибирскую ссылку или ГУЛАГ советской властью. Ставший индустриальным советский Львов был заселен выходцами с хуторов и сел, то есть к моменту обретения независимости во Львове была исключительно тонкая прослойка интеллигенции в первом поколении, еще не избавившейся от хуторской психологии. Не случайно, оказавшись в Киеве, эти носители «общенациональной идеи», по сути, могли только имитировать провинциальный национализм, поставивший страну на грань распада.

Национал-демократы перепутали «научный», или дремучий, национализм с современной европейской социал-демократией. Предложенный обществу пропахший нафталином вариант «национальной идеи», извлеченной из карпатских лесных схронов сороковых годов, скомпрометирован небывалой для европейской страны коррупцией. Страна реально отброшена от цивилизованной Европы. Нанесен непоправимый ущерб становлению украинской государственности.

Стратегической целью украинских националистов является передача суверенитета Западу в обмен на свою легитимность. В связи с тем, что в политическом поле с учетом численности электората они являются маргинальной силой, не способной без зарубежной помощи войти во власть, для продвижения «правильной» национальной идеи на восток и юг Украины используются западные институты. «Истинные украинцы» с помощью Европейского Союза, НАТО или Соединенных Штатов надеются построить государство на фундаменте панукраинизма. Поэтому Запад и заявленный курс на вступление в ЕС и НАТО нужен националистам лишь в качестве фигового листка в борьбе за власть.

Украина внесла весомый вклад в раскол восточноевропейского геополитического пространства, сыграв роль «пятой колонны» Запада. На Украине успешно применяются антироссийские геополитические технологии, направленные на разрушение многомерного коммуникационного пространства Восточной Европы. В конфессиональном пространстве стратегическая геополитическая цель – окончательно расколоть православную цивилизацию – в значительной степени достигнута. В военно-политическом пространстве стратегической целью является недопущение военного союза с Россией. Вступление Украины в НАТО будет сопровождаться глубинной геополитической трансформацией, последствия которой для Восточной Европы и будущего украинского государства не просчитаны. Вступление в НАТО усилит наступление западного христианства и евангелистского фундамента-

лизма. На Украине находится родина «мыльных» проектов дезинтеграции геополитического пространства Восточной Европы (ГУАМ, энергетические и другие коридоры).

Украинская армия после провозглашения независимости была первой по численности военнослужащих в Европе. Из-за хронического недофинансирования военного бюджета армия имеет ограниченную боеготовность и имеет шанс быть занесенной в Книгу рекордов Гиннесса. По данным Минобороны, в 2007 г. истекает срок использования 80% ракетно-артиллерийского вооружения, 73% танков являются металлоломом, ресурс истребительной и бомбардировочной авиации отработан на 50–60%¹².

Политика панукраинизма особенно отчетливо проявляется в выкорчевывании русского языка, языка межкультурного общения. На протяжении нескольких столетий для украинцев носителем межкультурного общения и интеллекта был преимущественно русский язык. И его официальное изъятие без эквивалентной замены привело к деинтеллектуализации страны. Правда, неофициально происходит крупномасштабное воровство российского интеллектуального продукта на русском языке¹³.

Почему Украина имитирует стремление к евроинтеграции при полном игнорировании Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств, ратифицированной Верховной Радой в 1999 году? В этом противоречии заключается важная государственная тайна. В самостийной Украине для вхождения во власть достаточно имитировать патриотизм, знать украинский язык или суржик, чтобы получить доступ к «бизнесу» на государственных ресурсах. Когда вхождение во власть обусловлено преимущественно знанием государственного языка, а не профессионализмом, то во власти начинают доминировать тупые, корыстные и малообразованные физические лица с непреодолимым стремлением к казнокрадству. Поэтому «истинные украинцы» стеной стоят против того, чтобы русский язык стал вторым государственным или региональным языком. Русский язык расширит профессионализм власти, что станет смертельным приговором для «патриотов» отечества. «Истинные украинцы» боятся интеллектуальной конкуренции, поэтому с помощью власти «честных» демократов пытаются изолировать более интеллектуальную часть украинской интеллигенции, являющуюся носителями общего духовного наследия (рубежной русско-украинской культуры).

¹² Еженедельник «2000», 25 мая 2007 г.

¹³ Часто дискуссии о государственном языке прекращаются, когда политическая элита начинает говорить о европейском выборе. Многие украинские политики могут рассуждать о демократии, гражданском обществе и правах человека только с помощью ненормативной лексики великого русского языка.

Таким образом, политика панукраинизма привела к неконкурентоспособности политической псевдоэлиты в условиях глобализации и регионализации международных отношений. Что служит важным признаком распада украинской государственности? Пронизанная коррупцией и моральным вырождением украинская элита «в законе» лишена европейского качества мыслить, а если и думает, то не тем местом, и преимущественно о своих «шкурных интересах». Псевдоэлита представляет собой «поле чудес», где порхают «святые» и «ангелы», мародеры и авантюристки. В криминальном государстве министерства самых важных (иностраных и внутренних) дел возглавляют «киндер-сюрприз», а «полевой командир» был заменен на «полевого бригадира». Под несмолкаемые аплодисменты взяточников и коррупционеров.

Среди других факторов, свидетельствующих о кризисе украинской государственности, можно назвать деиндустриализацию, разрушение высокотехнологичной пирамиды ВПК, зависимость от цен на энергоносители, упадок сельского хозяйства. Самостийная Украина стала страной «некомпетентного суверенитета» и упущенных возможностей. Украинская власть установила в 1990-е годы мировой рекорд падения ВВП в три раза. Если, по данным ООН, перед распадом Советского Союза валовой национальный доход Украины на душу населения значительно превышал доход соседей, то в 2006 г. этот показатель меньше, чем в Польше в 4,7 раза, России и Турции – примерно в 3 раза, Румынии – в 2,5 раза и Белоруссии – в 1,8 раза. Перманентные политические кризисы привели к утрате стратегического видения. Наблюдается имитационный тупик инновационного развития при коррумпированной науке и высшем образовании. Особо выделяется этнодемографический фактор, численность населения Украины сократилась за последние двадцать лет почти на 6 млн. человек. Отмечается крупномасштабная трудовая миграция, по разным оценкам, от 3 до 5 млн. граждан работают за границей. Страна лидирует в Европе по поставке живого товара в секс-индустрию.

Большим заблуждением является утверждение, что «патриоты», вошедшие в украинскую власть, бережно относятся к национальным символам. Достаточно посетить святые для украинцев места, где часто и неистово молятся «истинные» украинские политики, чтобы обратить внимание на разруху и запустение. Так что же является конечной целью украинских националистов во власти, декларирующих на словах европейский выбор?

Борьба за территорию советской Украины

Современная территория Украины, как пишут западные СМИ, представляет искусственное творение Кремля¹⁴, присоединившего к исторической Украине (Малороссии) земли Новороссии, Крыма и часть земель Войска Донского. Чтобы наказать донских казаков,

¹⁴ Марианн Калуски. Поговорим об Украине откровенно. – «Wirtualna Polonia», www.inosmi.ru

вставших преимущественно на сторону Белого движения. В соответствии с секретными статьями Пакта Молотова – Риббентропа Галиция и Восточная Волынь были воссоединены с Советской Украиной. Советским Союзом в нарушение принятых соглашений были «перевыполнены» секретные статьи пакта за счет Северной Буковины¹⁵. В Украину вошла также Южная Бессарабия. После освобождения Украины от фашистских захватчиков Закарпатье воссоединилось с УССР. Таким образом, за годы советской власти произошло многократное приращение площади Украины по сравнению с Киевским генерал-губернаторством, объединявшим в Российской империи губернии на территории Правобережной Малороссии.

После провозглашения независимости перед самостоятельной властью встала исключительно сложная задача консолидации запада, востока и юга страны. Для ее решения курс на европейскую интеграцию был вполне обоснован, так как вел по пути создания гражданского общества, в центре которого права конкретного человека независимо от национальности и вероисповедания. Однако у «истинных украинцев» появился соблазн «захватить» всю территорию, используя идеологию панукраинизма для достижения своих целей. Выделяются несколько этапов этой борьбы.

Первый этап в начале 1990-х годов был связан с попыткой националистических партийных группировок захватить «жизненное пространство» Украины демократическим путем. После провозглашения независимости Конгресс украинских националистов поставил задачу перевоспитания украинского народа в нужном направлении «прочь от москалей». Об «успехах» деятельности этой националистической партии в 1994–1998 гг. можно судить по сокращению числа избранных «истинных украинцев» в Верховную Раду от 10 до 5 человек. Попытки «истинных украинцев» захватить всю территорию Украины и всех граждан сделать по своему образу и подобию демократическим путем закончились абсолютным провалом. А все националистические партии не набирали больше 10% на президентских и парламентских выборах. Среди умеренных националистов начала обсуждаться идея о федеративном устройстве страны, чтобы Галичина и другие регионы сохранили свою самобытность.

Второй этап был связан с надеждами захвата «жизненного пространства» Украины с помощью Европейского Союза и частичной передачи суверенитета Западу, используя лозунги европейской интеграции. Но самостоятельное государство оказалось не только не востребованным в Брюсселе, но и представляло реальную угрозу европейской демократии. В случае принятия Украины в ЕС автоматически получала леги-

¹⁵ СССР–Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях в двух томах. – Вильнюс, 1989.

тимность коррумпированная украинская элита «в законе». Это ставило под удар основные завоевания европейской демократии и гражданского общества.

Третий этап был связан с так называемой «оранжевой революцией» и полной в будущем передачей суверенитета Западу. На помощь пришли Соединенные Штаты, которые в геополитических технологиях создания «зон жизненных интересов» используют маргинальные политические и другие силы. С помощью США была осуществлена «революция» и «истинные» украинцы-националисты, используя демократические лозунги в качестве булыжника в борьбе за власть, довели страну до грани распада. Парламентские выборы весны 2006 года показали углубление геополитического (цивилизационного) раскола, вместо двух стало три Украины – галичанская Украина, украинская Украина (Малороссия) и преимущественно русскоязычная Украина.

Пробуждение «регионального патриотизма» на востоке и юге Украины стало местной реакцией на националистическую политику киевской «оранжевой» власти, не способной создать консолидированную модель украинского общества и условия для социально-экономического развития регионов. Однако этот местечковый патриотизм также основан не на принципах европейского регионализма, а на территориальном сепаратизме. В конце концов националистическая модель унитарного регионализма сменилась «олигархическим регионализмом», также лишенным каких бы то ни было принципов, заложенных в основу политики ЕС.

Четвертый этап начался в условиях глубокого политического кризиса, связанного с трансформацией политического устройства страны, переходом от президентской формы правления к парламентско-президентской. В стране установилось реальное двоевластие. И каждой власти нужна своя Конституция. Националистической партийной группировке нужен Основной Закон, где главы региональных администраций назначались бы президентом-националистом. Таким образом, не нытьем, так катаньем произошел бы захват всех территорий Украины. Другой олигархической партийной группировке с востока Украины нужна сильная власть, чтобы приумножать свои капиталы.

Досрочные выборы осенью 2007 года усилили конфронтацию между организованными партийными группировками, использующими раскол Украины в борьбе за власть и ресурсы. Формальным победителем стала Партия регионов, увеличившая долю в Верховной Раде с 32,14 до 34,35%. Но наибольших успехов второй раз подряд добился «непорочный ангел революции» с косой. Доля БЮТа возросла с 22,29 до 30,73%, и таким образом разрыв с главным оппонентом существенно сократился. Блок «Наша Украина – Народная самооборона» сохранил свои позиции на уровне 14%, а КПУ увеличила свою долю с 3,7 до 5,38%. Впервые в Верховную Раду прошел Блок Литвина (3,96%), а

социалисты не преодолели 3-процентный рубеж. Комментируя результаты внеочередных выборов на Украине, западные СМИ упрощенно делят партийные группировки на прозападные и пророссийские. Реальная конфигурация несколько иная.

Партия регионов не является пророссийской, она представляет крупную донецкую промышленно-финансовую группу (Рената Ахметова), у которой на первом месте бизнес-цели, а не проблемы русского языка и консолидации украинского общества. Регионалы с помощью американских политтехнологов вели предвыборную кампанию «Мы и Они». «Мы» – это пушистые, работающие и умеющие зарабатывать деньги самые крутые олигархи Украины. «Они» – это те, кто чтут фашистских ублюдков, намерены ввести уголовную ответственность за употребление русского языка, который считают языком шпаны и бандитов¹⁶.

При такой непримиримой конфронтации становится понятно, что партийная группировка, претендующая на защиту интересов регионов, представляет не всю Украину. Партия регионов уже трижды за короткий срок предавала свой электорат, испугавшись давления с Запада и позволив в результате сговора третий (незаконный) тур президентских выборов во время «оранжевой революции». После прихода к исполнительной власти невнятно стала отстаивать внешнеполитический курс на союз с Россией, против вступления в НАТО и в защиту русского языка, при этом трусливо обходит главную региональную проблему – федерализацию страны. Она проиграла политическую борьбу с оппозицией после выборов весной 2006 года и допустила роспуск Верховной Рады. Олигархический характер этой партийной группировки приводит к тому, что она идет на сговор с украинскими националистами, имитируя решительность. Фактически на внеочередных осенних выборах были сняты с повестки дня вопросы вхождения Украины в НАТО, статус русского языка и отношения к деятельности украинских националистов ОУН-УПА. А главным девизом политической рекламы в переводе на лаконичный язык стал фактически слоган «Спите спокойно». Можно сказать, что благодаря этому убаюкивающему лозунгу партия заслуженно проиграла, а два не спящих «оранжевых блока честных демократов» суммарно набрали значительно больше голосов, чем на предыдущих выборах. Таким образом, русскоязычное население в очередной раз в новой украинской истории использовала партийная группировка, не собиравшаяся выполнять своих обязательств. Высока вероятность, что в ближайшие годы Партия регионов сойдет с политической сцены, оставив за собой политические руины на востоке и юге страны, а путь для вступления Украины в НАТО будет открыт.

¹⁶ Региональный вестник. Спецвыпуск. – Одесса, август 2007 г.

Пропрезидентская «Наша Украина» объединилась с «Нашей самообороной», основанной полевым командиром с Майдана. Ничего не поделаешь, чтобы сохраниться на вершине власти, пришло время самообороняться от собственного народа. Абсурдность и пикантность ситуации заключается в том, что вождем националистического блока с «самообороной» стал действующий президент страны. Появилось новое национальное блюдо вместо знаменитого украинского борща – украинская сборная солянка. Список нового «демократического» правого политического блока на осенних выборах в Верховную Раду возглавил... левый (бывший социалист), а вслед за ним выстроились правые, провинциальные умеренные и радикальные националисты, олигархи, «евроинтеграторы» и коррумпированные чиновники. Предвыборный слоган пропрезидентского блока «Закон один на всех» стал абсолютной банальностью, после того как о Конституцию Украины вытерли ноги все, кому не лень.

Из двух «оранжевых блоков», несомненно, пропрезидентский блок НУ-НС остается блоком самых «честных» демократов. Не случайно о демократии лучше европейских мыслителей выразился списочный лидер блока. На вопрос радиостанции «Немецкая волна», почему демократический блок получил мало голосов, Юрий Луценко сказал, что еще не все потеряно. Они будут и дальше дрессировать оппонентов «как собаку Павлова», пока они не перекрасятся в нужный цвет. Вряд ли за всю историю мировой демократии, кто-то еще мог так образно и доходчиво выразить свою мысль о путях достижения либеральных ценностей. Увы, несмотря на желание Запада выдать желаемой за действительное, блок остается главным штабом украинских националистов.

Наибольший интерес представляет лидер БЮТа Юлия Тимошенко. Неистовый бывший ангел «оранжевой революции» в белых одеждах с пурпурным сердцем и косой металась в жаркие дни бабьего лета в политическом поле Украины в поисках собственной добычи на олимпе власти. И не зря. С помощью американских политтехнологов впервые в Восточной Европе она нашла идеальную электоральную нишу. За годы безуспешной социально-экономической трансформации на Украине образовалась огромная маргинальная прослойка, которая не нашла свое место в новой жизни и ждет только мессии, не важно в каком виде – «непорочной Девы Марии» или в образе местного дуче. Но не только голосовали маргиналы. Во время короткого предыдущего премьерства Тимошенко реально снизила пошлины на ввозимые украинскими предпринимателями импортные товары, что позволило многим выйти из «тени», и они этого не забыли во время выборов. Практически Тимошенко вышла на магистральную дорогу, ведущую к посту президента всей Украины.

Если говорить о главном результате внеочередных выборов на Украине, несмотря на расклад противоборствующих сил в Верховной Раде «пятьдесят на пятьдесят», – путь для вступления в НАТО открыт и будет реализован в ближайшее время. Новая Верховная Рада, в которой по базовому образованию больше всего бывших инженеров-механи-

ков, станет еще более непрофессиональной. Несмотря на антагонизм, три ведущие украинские организованные партийные группировки соревнуются в главной национальной забаве. Поэтому **пятый этап** согласно украинской национальной охоте закончится меткой стрельбой мимо намеченных целей и возможной утратой государственности.

Преступная ориентация властной элиты на западный или восточный электорат

Украинская власть, независимо от цвета, на протяжении всех лет самостоятельности устойчиво вела страну к распаду. В борьбе за власть доморощенные политики, не обладающие стратегическим видением, спровоцировали проблему расколотой Украины. Чтобы победить на президентских выборах, претенденты, не имея консолидированной программы, осознанно делали ставку на электорат запада или востока Украины. Заботясь только о своих корыстных целях вхождения во власть, а не думая о будущем страны. Для того чтобы заманить в свои сети электорат восточных регионов, по традиции в программу претендента на высшую власть включается обещание придать русскому языку статус государственного. И это обещание традиционно не выполняется. Чтобы победить на очередной срок, ставка делается на электорат западных областей и административный ресурс в восточных областях. Эту модель особенно успешно применил бывший «последний оплот демократии» пан Кучма.

В отличие от России, где выражено противостояние между центром и периферией, на Украине характерно противостояние между регионами за «контрольный пакет акций» в политическом пространстве и в столице. Местные корпоративные кланы (партии) успевают за короткий срок пребывания у «руля» государства набить свои персональные сундуки общественным добром в результате успешного «бизнеса» на государственных ресурсах и отбыть на свою малую родину или вновь отстроенные хутора близ столицы. На Украине нет политического объединения в европейском понимании со своей идеологией и программой консолидации украинского общества. При переходе к парламентско-президентскому устройству государства это неминуемо привело к ослаблению власти, а значит, усилило вероятность распада страны.

Возможные сценарии распада

Как свидетельствует геополитическая логика, если полиэтническая страна эксплуатирует примерно два десятилетия национальный фундаментализм без ощутимых успехов в социально-экономической сфере, она разваливается без воздействия извне. Осталась, по существу, последняя и самая драматическая стадия распада в географическом

пространстве. Несомненно, распад Украины похоронит наметившуюся стабильность в России и претензии Европейского Союза на лидерство в глобальной конкуренции. Поэтому важно просчитать возможные сценарии дезинтеграции Украины¹⁷. Кризис украинской государственности опасен тем, что за короткий промежуток времени власть систематически ставит Украину на «дыбы». Если, не дай Бог, случайная искра не переведет противостояние в горячую фазу и начнется реализовываться балканский сценарий в стране с цивилизационным разломом. Тогда «честные демократы» и «истинные патриоты» отечества обратятся за помощью к НАТО, а демократы не той ориентации – за помощью к Московскому Кремлю.

Распад на Восточную и Западную Украину. Все чаще в западных СМИ пишут о возможном распаде самостоятельного государства на Западную и Восточную Украину. Отмечается, что большая Украина ЕС, России и НАТО не нужна. Русская Украина должна отойти к России, а украинская Украина – к Западу. Известный немецкий политолог Александр Рар считает, что Украине лучше пойти по пути Чехословакии и разделиться, пока не пролилась кровь¹⁸. Британская «Гардиан» обоснованно предупреждает, что «Югославия станет миниатюрной версией того, что может случиться с Украиной, если довести этнический антагонизм до точки кипения»¹⁹. Украинская история свидетельствует, что бархатного сценария не будет. Во-вторых, нельзя сравнивать Украину с Чехословакией. Это федеративное государство распалось на целостные части – союзные республики со своей сформировавшейся национальной элитой, культурой, милицией и другими атрибутами государственности. В Западной и Восточной Украине нет консолидирующего центра. В-третьих, кто сказал, что страна распадется только на две Украины?

Но если даже теоретически допустить вероятность бархатного биполярного распада, то он может спровоцировать и усилить дальнейшую дезинтеграцию. Например, украинские националисты после безуспешных попыток захватить всю территорию Украины, поставят задачу создания **Западно-Украинской республики**. Но здесь «патриотов отечества» ожидают свои проблемы. Включение подкарпатских русин в Галицию обернется геноцидом, поэтому русины начнут активную стадию борьбы за признание своего народа. Закарпатские венгры будут стремиться на благополучную большую родину. Если «истинные

¹⁷ Американские аналитики, которые бережно относятся к будущему Соединенных Штатов, регулярно публикуют варианты распада государства для того, чтобы Белый дом своевременно вносил коррективы во внутреннюю политику. Что американская администрация пока успешно и делает.

¹⁸ Комсомольская правда, 12–19 апреля 2007 г.

¹⁹ www.inosmi.ru

украинцы» добьются принятия Львова в ЕС, то в Польше начнется движение за отмену Пакта Молотова – Риббентропа. Возможна и мирная экспансия польского капитала в бедную Галицию, когда она де-факто потеряет независимость.

Украинско-русская федерация, включающая Галицию, в принципе невозможна не только из-за раздвоенности украинского самосознания, но и компрадорской сущности российской олигархической «элиты». Русские стали самой разьединенной нацией в Европе. Крупнейший отколовшийся русский остров (8–10 млн. человек) находится на Украине и не имеет территориальной или культурной автономии. Постоянно игнорировать факт проживания миллионов русских и 32 млн. граждан, использующих русский язык в повседневном общении, в бедном государстве представляет большую опасность. Когда власть не может обеспечить достойного качества жизни своим гражданам, знание русского языка междивизиационного общения позволяет выжить миллионам гражданам не только Украины, но и Молдовы, Азербайджана, Армении, Грузии и других постсоветских государств. Если не будет остановлено дальнейшее становление националистической модели государственности, ведущей к дальнейшему расслоению общества, и продолжится возрождение России, то в русской общине усилятся центробежные тенденции.

Но «бархатное» **воссоединение русской нации** в обозримом будущем за счет населенных преимущественно русскими украинских территорий также невозможно. Поэтому внешняя политика России как великой державы должна быть ориентирована на поддержание целостности Украины. Россия не сможет вернуть всех русских на большую родину, но она может стать привлекательной державой и региональным интегратором, если продемонстрирует успешную модернизацию. Если Российская Федерация останется непривлекательной для интеграции, а националистическая власть в Киеве доведет страну до распада, начнется процесс борьбы за создание нового русского государства на востоке и юге Украины – Новороссии. Полиэтническая Новороссия, лишенная крайностей национализма, могла стать «становым хребтом» формирования украинской государственности, но этот шанс упущен.

После распада Украины в Крыму может быть провозглашено **Русское государство**. Но под давлением Запада Россия по уже сложившейся традиции предаст диаспору. Наиболее вероятно создание **Крымско-татарского государства под американским протекторатом**²⁰. Утвержденный Конгрессом США в марте 2007 г. Законопроект о расширении НАТО позволяет превратить Севастополь в американскую базу НАТО уже в 2012, а не в 2017 г., когда заканчивается договор с Россией об

²⁰ Дергачев В. Демократическая «петля Анаконды»: новые рубежи евразийской геополитики. Вестник аналитики, 2007, № 3.

аренде. Фактически упрощается задача поддержки со стороны США националистов у власти в Киеве всего на ближайшее пятилетие. С учетом сложной и опасной рокировки кремлевской власти (возможного избрания технического президента и назначение технического премьер-министра) это вполне решаемая задача. Крымские татары, требования которых неоднократно не выполняли украинские националисты, переориентируются на самую правильную страну мира, и с ее помощью будет провозглашена независимая республика крымских татар и начнется массовый исход русских с полуострова, дестабилизирующий обстановку в России.

Гражданская война. Унитарная Украина может распасться на множество самостоятельных образований. Для этого необходимо обратиться к истории Гражданской войны, когда на территории современной Украины была провозглашена независимость более десятка государств, а значительная часть территории хаотически контролировалась многочисленными «батьками». Гражданская война между единокровцами по ожесточенности превосходит международные горячие конфликты, а различия в конфессиональной ориентации усиливают братоубийственное противостояние. Особенно в Европе, когда народ ощущает свою причастность и одновременно маргинальность по отношению к западному христианству. Зверства униатов (греко-католиков) в дивизии «Галичина» или хорватов во время Второй мировой войны поражали эсэсовцев. Как пишет Н.Нарочницкая, агрессивность маргинальных униатов к православию значительно превышала отношение католиков к православным²¹. Россия вынуждена будет вмешаться в конфликт в целях защиты расколотой русской нации. После многолетней войны в результате очередных Дейтонских соглашений на территории Украины будут созданы нежизнеспособные государственные образования. Миллионы беженцев устремятся в Россию. Анархия в результате распада Украины нанесет удар стабильности в России и по энергетической геополитике Кремля.

Заключение

Истоки кризиса украинской государственности очевидны. Цивилизационный разлом, проходящий через территорию Украины, делает невозможным консолидацию общества на одной из культурно-исторических традиций – западноевропейской или пророссийской. Отсутствует политическое движение, способное консолидировать украинское общество и установить конструктивный диалог между западом, югом и востоком страны. Попытки совместить несовместимое – пост-

²¹ Нарочницкая Н. Россия и русские в мировой истории. – М.: Международные отношения, 2003.

роить национальное государство на принципах украинского фундаментализма (панукраинизма) и интегрироваться в Европу, где приоритет отдается политической нации с правами конкретного человека независимо от национальности и вероисповедания, – привели к глубокому кризису украинской государственности, а это может закончиться полной «балканизацией» Украины.

Кризиса украинской государственности можно было избежать, если бы самостийная власть опиралась на граждан страны, а не на внешние центры силы в Кремле, Белом доме или Брюсселе. Дальнейший сценарий может быть следующим. Захват националистами территории Украины посредством изменения Основного Закона, или, точнее, сохранение за прозападным президентом-националистом полномочий назначать местных руководителей администраций. Тогда можно будет осуществлять курс на вступление в НАТО с помощью административного ресурса. Американское посольство на Украине обеспечит прикрытие этой операции под соусом очередной победы местной демократии. Мирного сценария распада самостийного государства на Западную и Восточную Украину не существует. Поэтому статус буферного нейтрального государства между ЕС и Россией, федерализация Украины остается последними шагами, способными предотвратить распад страны, но только при сильной власти. Что исключительно проблематично.

Какие бы геополитические сценарии ни рассматривались, будущее Восточной Европы, а значит, и Украины в значительной степени зависит от судьбы России, от ее способности сохранить коммуникационную природу большого многомерного пространства. Внешняя политика России как великой державы должна быть направлена на поддержание целостности Украины. Россия может стать региональным интегратором, если продемонстрирует успешную модернизацию, способную трансформировать непривлекательную для бывших советских народов олигархическую модель государства в государство социальной справедливости.

Александр ЦИПКО

НЕЗАВИСИМАЯ УКРАИНА КАК РУССКАЯ ПРОБЛЕМА

Текст, который я предлагаю на суд читателя, был написан мной еще летом этого года по следам российско-украинского диалога, состоявшегося в начале этого года в Форосе. В надежде, что грядущие в конце сентября досрочные выборы в Верховную Раду Украины опровергнут мои пессимистические прогнозы, я решил повременить с публикацией этого материала. Но известные уже результаты выборов в Раду не только опровергли, но, напротив, значительно укрепили мой пессимизм.

Как выясняется, любое политическое действие в независимой Украине и морально, и политически отделяют ее от России. Антиинатовская и на словах прорусская леди Наталья Ветренко не менее яростна и не менее харизматична, чем проинатовская Юлия Тимошенко. Но Наталья Ветренко с ее антиинатовскими лозунгами в очередной раз проиграла выборы в Раду, а прозападная и антирусская Юлия Тимошенко на самом деле одержала сокрушительную победу, приблизилась по своим результатам, как нам до этих выборов казалось, к могущественной партии Виктора Януковича.

Анализ программ основных партий, участвующих в выборах в Раду 30 сентября, показывает их национальную, проукраинскую направленность. Интересно, что Партия регионов на этот раз позиционировалась как партия «национального капитала» в противовес блоку Юлии Тимошенко как партии «компрадорского капитала». Сам по себе факт соединения популизма с прозападными настроениями, который дал блестящий результат Юлии Тимошенко, нуждается в серьезном анализе. По крайней мере, ясно, что на сегодняшний день укрепляющая свои позиции популистка Юлия Тимошенко куда опаснее для России, чем слабеющий и колеблющийся Виктор Ющенко. Хотя само по себе укрепление позиций проинатовских сил в Украине вызывает тревогу.

Мы, наверное, в своей борьбе за позиции русского языка и русских школ в Украине исходили из прямолинейных, упрощенных представ-

лений о сути политической борьбы, происходящей на Украине. Пронатовская Юлия Тимошенко укрепляет свои позиции не на Западной Украине, не в Галиции, а в Центральной и Восточной Украине. Сегодня на Украине приверженность к русскому языку не ведет автоматически к прорусским настроениям.

Но, повторяю, в целом прошедшие в конце сентября выборы в Верховную Раду не принесли ничего нового в начавшийся в 1991 году процесс выхода Украины из исторической России, из русского мира. Так что мой анализ причин появления независимого, прежде всего от России, украинского государства сохраняет свою актуальность.

Нам необходимо перестраивать свою политику в отношении Украины, учитывая не только свои национальные интересы, но и исходную болезненность, драматизм отделения Украины от России.

I

УССР стала независимым европейским государством во многом из-за глубочайшего исторического невежества и тупого великорусского шовинизма Бориса Ельцина. Только продукт советской образованщины, выпускник Свердловского политехнического института, ничего не знающий о своей национальной истории, мог, как Ельцин, всерьез рассчитывать, что Украина, «нахлебавшись независимости, на коленях приползет в Россию».

Сейчас речь не идет о корысти, безумном эгоизме Ельцина, который добивался распада СССР, смерти своей страны только во имя того, чтобы выдворить «обидчика» Горбачева из Кремля и стать единовластным хозяином нового Московского царства. Ельцин понимал, что власть Горбачева как президента СССР утратит какой-либо смысл только тогда, когда Украина как центральная, то есть срединная часть страны, выйдет из его состава. По этой причине он уже осенью 1990 года как Председатель Верховного Совета РСФСР подписал с лидерами УССР договор о нерушимости границ между СССР и УССР, то есть закрепил своей подписью акт 1954 года о переходе Крымской области в состав УССР. Для того чтобы ускорить распад СССР, выход союзных республик из СССР, и прежде всего выход из состава СССР советской Украины, Ельцин на второй день после поражения ГКЧП, 23 августа 1991 года, объявил об юрисдикции РСФСР над собственностью столицы, тем самым лишив союзный центр и союзные органы какого-либо смысла, права на собственность. И, кстати, именно это захватническое решение Ельцина стимулировало смелость коммунистического большинства Верховной Рады УССР, которое после колебаний решилось 25 августа 1991 года проголосовать за независимость Украины и под аплодисменты присягнуть на верность «жовто-блукитному» флагу националистической Украины.

Ельцин с нетерпением, затаив дыхание, ждал, как рассказывала покойная Галина Старовойтова, позитивных для своего дела «результатов украинского референдума 1 декабря 1991 года о выходе из состава СССР». Он, как известно, приложил много усилий, чтобы выманить Кравчука в Беловежскую пущу и заставить его подписать акт о роспуске СССР.

Но сейчас предметом моего исследования является не преступная корысть Ельцина и его команды, готовой перечеркнуть итоги многовековой истории России, перечеркнуть итоги победы СССР в Великой Отечественной войне, а его убеждение в том, что украинцы не справятся со своей государственностью, что рано или поздно все станет на свои места и Украина «приползет на коленях» в Россию.

Такая же корысть двигала лидерами «Демократической России», которые добивались распада СССР для сокращения неподвластных им территорий. Понятно, что в случае очередных свободных и демократических выборов ни Съезд народных депутатов СССР, ни крестьянская Украина, ни патриархальная Средняя Азия не проголосовали бы за партию Елены Боннэр и Гавриила Попова. Распад СССР – это результат ядерного взрыва безумной недалекновидности и беспредельного политического эгоизма элиты РСФСР.

В этой фразе Ельцина «приползет на коленях в Россию» как раз и выражено, на мой взгляд, не только ошибочное, но и аморальное отношение политической элиты РСФСР к украинцам и к приобретенной ими государственной независимости. В словах «приползут на коленях» содержится не просто высокомерие «старшего брата» по отношению к «младшему брату», но и убеждение в его какой-то изначальной несостоятельности, убеждение, что украинцы просто не в состоянии жить сами по себе, вне «старшего брата». В этом нынешнем снисходительном, высокомерном отношении политической элиты новой России к украинцам сокрыт какой-то изъясн. С одной стороны, она настаивает на том, что украинцы на самом деле малороссы, братья по крови, такие же, как мы. Но, с другой стороны, она, российская политическая элита, убеждена, что украинцам от природы не дано того, что дано великороссам.

За этим высокомерно-пренебрежительным отношением политической элиты РСФСР к украинцам стояла прежде всего советская образованщина во всем, что имело отношение к истории своего государства и своего народа. Во-первых, нельзя было сбрасывать со счетов, что идея «незалежности», независимости Украины и украинцев от России и русских имеет глубокие корни не только в сознании жителей Галиции, но и в сознании населения Правобережной и Левобережной Украины. Понятно, что сталинские репрессии в Галиции 1940 года и массовая гибель крестьянского населения Украины во время рукотворного голода 1932–1933 годов отдалили, по крайней мере в эмоциональном отно-

шении, украинцев от России, от государства русских. Конечно, в это же время от рукотворного сталинского голода в равной мере гибли и русские в Поволжье. Но у украинцев в отличие от русских была возможность искать «козла отпущения вовне», была возможность придать классовой трагедии этнический оттенок. Хотя справедливости ради надо сказать, что в советское время, как я помню из рассказов своего дедушки Ципко Еремея Андреевича, никто не пытался трактовать «голодомор» как «уничтожение украинского народа русским».

В конце концов многовековая история гетманской, казацкой Украины, история, не имеющая ничего общего с историей Московского царства, тоже оставила след в сознании, вернее, в подсознании современных украинцев. Возможно, русичи Киева и Чернигова еще в середине XIII века ничем не отличались от русичей Великого Новгорода и Ростова Великого. Но казаки, малороссы времен Переяславской Рады, спустя четыреста лет после татаро-монгольского нашествия и по языку, и по складу мышления существенно отличались от великороссов, объединенных московскими князьями. В конце концов Богдан Хмельницкий в 1654 году искал не столько московского подданства, сколько союзника в борьбе с Польшей за свою независимость. Прошло всего пять лет после Переяславской Рады, а уже новый гетман Украины Иван Виговский предает царя, заключив мирный договор с Польшей, по которому Украина получила бы автономный статус внутри Речи Посполитой (1658 г.). Потом были и метания старшин Правобережной Украины между Польшей и Турцией и т.д. Предательство Мазепы тоже говорит о многом.

Украинцы, правда, потом хорошо служили русскому царю, были отличными воинами. Но, как выяснилось, всегда оставались украинцами, народом, отличающимся от русских не только своим фольклорным, деревенским языком, но и своим самосознанием. Кстати, именно украинский язык, привычка мыслить на украинском языке и создает особую украинскую ментальность, во многом отличную от русской. Достаточно было прочитать самый лучший и самый антисоветский роман советского писателя Олеса Гончара «Собор» (1971 г.), чтобы увидеть глубинное недовольство украинских крестьян, уже колхозников, не только советской системой, но и тем государством, которое они создали вместе с великороссами, но которое для них осталось чужим. Тем, кто в Кремле решил в 1991 году поэкспериментировать с украинской независимостью, надо было знать, что еще со времен Екатерины, со времен окончательного, нового, после поляков, закабаления украинцев, у них было стойкое убеждение, что пребывание в русском государстве им ничего хорошего не дало. Это было ложное убеждение. Но оно было, и с ним надо было считаться. Ведь совсем не случайно сразу вслед за падением Временного правительства Центральная Рада в Киеве объявила о независимости Украины, и началась трехлетняя исто-

рия независимой Украины времен Винниченко, Скоропадского и Петлюры.

Ельцин и те, которые вместе с ним рассчитывали, что «младший брат», «нахлебавшись независимости, приползет на коленях в Россию», не посчитались не только с глубинными корнями украинского сепаратизма, но и с его изначальной враждебностью ко всему русскому. Никто тогда не считался с тем, что было известно и понятно любому образованному человеку еще в царской России, что украинское национальное государство может состояться и существовать только как антирусское и что никакое единство православной веры не спасет независимую, «незалежную» Украину от антирусских настроений. Незалежная Украина по своему происхождению была антирусской идеей.

Еще в 1920-е годы, в разгар украинизации советской Украины, евразиец князь Николай Трубецкой из своего парижского далека обращал внимание на украинскую проблему, на то, что советская власть своей национальной политикой потворствует украинскому сепаратизму, что по мере роста антикоммунистических настроений, по мере роста недовольства советской властью будет возрастать движение к отделению от Москвы. Князь Николай Трубецкой и как ученый, и как русский патриот видел, что советская власть стимулирует украинский сепаратизм и своей ускоренной украинизацией, и просто как советская, противоестественная власть.

Было ясно, что после краха коммунистического эксперимента все народы царской России, оказавшиеся под пятой большевиков, будут во всех своих бедах обвинять великороссов. Хотя на самом деле украинский крестьянин сыграл не последнюю роль в победе большевиков. Парадокс состоит в том, что и нарком по национальным вопросам Иосиф Сталин тоже видел, что создание Украинской Советской Социалистической Республики и соответственно политика украинизации ее территории ведет к принижению русского начала в жизни УССР, неизбежно ведет к смерти русских городов, оказавшихся на ее территории. «Нельзя идти против истории, – говорил на X съезде РКП (б) Сталин. – Хотя русский элемент все еще доминирует в украинских городах, ясно, что со временем эти города неизбежно украинизируются».

Хотя надо помнить, что крестьянская поддержка Директории Петлюры не распространялась далее передела земли. Националистические идеалы в то время поддерживались в основном лишь узкой группой украинской и прежде всего социалистической интеллигенции, но не крестьянством, составляющим подавляющее большинство населения Украины. Но все дело в том, что в 20-е годы советская власть сделала все возможное и невозможное для украинизации Украины.

Было очевидно, что главным средством обоснования независимости Украины от России станет южнорусский фольклор, язык украинской деревни, и что соответственно политическая и культурная элита новой

независимой Украины будет делать все возможное и невозможное для вытеснения общей русской культуры своей этнической культурой. Было очевидно, что движение в сторону независимой Украины (тогда речь шла всего лишь о республике в составе СССР) отдаст инициативу «узким и фанатичным краевым шовинистам» и что эти «люди, конечно, постараются всячески стеснить или вовсе упразднить саму возможность свободного выбора между общерусской и самостоятельно-украинской культурой: постараются запретить украинцам знание русского литературного языка, чтение русских книг, знакомство с русской культурой. Но и этого окажется недостаточно: придется еще внушить всему населению Украины острую и пламенную ненависть ко всему русскому и постоянно поддерживать эту ненависть всеми средствами школы, печати, литературы, искусства, хотя бы ценой лжи, клеветы, отказа от собственного исторического прошлого и попраiania собственных национальных святынь. Ибо если украинцы не будут ненавидеть все русское, то всегда останется возможность оптирования в пользу общерусской культуры. Однако нетрудно понять, что украинская культура, создаваемая в только что описанной обстановке, будет из рук вон плоха. Она окажется не самоцелью, а лишь орудием политики и притом плохой, злобно-шовинистической и задорно-крикливой политики. И главными двигателями этой культуры будут не настоящие творцы культурных ценностей, а маниакальные фанатики, политиканы, загипнотизированные навязчивыми идеями» (Н.Трубецкой. К украинской проблеме. Евразийский временник (непериодическое издание). Кн. 5., Париж, 1927 г.)

II

Я привел столь обширную цитату из ставшей уже хрестоматийной статьи Николая Трубецкого «К украинской проблеме» не для того, чтобы еще раз продемонстрировать интеллектуальное преимущество дореволюционной российской элиты над партийной советской. Легко доказать, что и академик Сахаров, который вместе со своей женой обещал разложить СССР, как игрушечный дом, на составляющие его пятьдесят кубиков, не имел ни малейшего представления об истории государства Российского, а тем более об изначальной драме российско-украинских отношений. То, о чем предупреждал Николай Трубецкой за шестьдесят лет до распада СССР, о том, что «незалежная» Украина по своей природе, по крайней мере, на первых этапах ее зарождения, будет враждебной России, не принимали во внимание, просто не знали и вожди нашего демократического движения. Они, и Юрий Афанасьев, и Владимир Лысенко, были искренне убеждены, что новые, независимые Украина и Россия будут выстраивать свои отношения как обязательно дружественные, по примеру отношений США и Канады.

Я вынужден ворошить прошлое, напоминать о преступных ошибках политической элиты РСФСР, приведших к распаду СССР и к выходу советской Украины из исторической России, только потому, что сейчас, спустя годы после «геополитической катастрофы» 1991 года, ситуация на украинском направлении не меняется. На место рудиментов русского великодержавного шовинизма, который проявился в надежде руководства РСФСР, что украинцы все же «приползут назад на коленях», пришел либеральный интеллигентский шовинизм, страдающий откровенной украинофобией, а на самом деле – славянофобией.

Ельцин все же олицетворял славянское начало и как старый аппаратчик смог выстроить в конце концов доверительные, дружественные отношения с руководством новой Украины – и с Кравчуком, и с Кучмой. Новая же политическая элита, пришедшая на смену команде Ельцина, не просто повторяет ошибки 1990–1991 годов, она их сознательно усугубляет, она, как мне кажется, просто провоцирует у украинцев антирусские настроения.

Никто из наших российских политиков и политологов, пытающихся судить о современной Украине, не заботился о том, как отзовется их слово в умах и в сердцах украинцев. Иногда складывалось ощущение, что некоторые наши политики сознательно провоцируют антирусские настроения, делают все возможное для становления новой украинской нации на антирусской основе. Понятно, что повторяющиеся в наших СМИ слова об «украинской оккупации Крыма» работали на дело украинского национализма. К такого же рода провокациям надо отнести и высказывания наших маститых политологов, что «украинская элита не в состоянии сама провести экономические реформы» или же что «украинцы не доросли до демократии» и т.д.

Политологи, которых администрация Президента РФ направила для работы на украинском информационном поле во время выборов преемника Кучмы, как бы специально были созданы природой для того, чтобы отпугнуть украинцев от России. Складывается впечатление, что люди, которые посылали туда наших политологов, сами не имели ни малейшего представления об особенностях сознания и менталитета украинцев, не имели ни малейших представлений о последствиях уже произошедшего отделения Украины от России, о том, что «незалежность» стала для многих, даже для тех, кто не хотел распада СССР, национальной идеей. Ведь с самого начала выборной кампании было понятно, что в условиях антагонизма между западенцами и жителями украинской Новороссии судьбу выборов решит центральная, православная, крестьянская Украина, что надо прежде всего работать на ее национальное, украинское достоинство, учитывать самолюбие украинцев и т.д.

Вместо этого, я сам тому свидетель, руководство созданного Москвой на московские деньги «Русского клуба» перед камерами всех веду-

щих украинских телеканалов настаивало, что «народ Украины не дорос до подлинной государственной независимости, а потому он должен выбрать президентом прорусского политика, который вместе с Россией, опираясь на Россию, будет выражать и проводить в жизнь его интересы». Или в этот же день, в ноябре 2004 года, другой, утвержденный Кремлем руководитель «Русского клуба», на этом же заседании «круглого стола» вдруг решил пугать украинцев приходом к власти «галицийцев» и начал опять перед камерами телевидения утверждать, что если они, «галицийцы», придут к власти, то они начнут «убивать младенцев».

Глубоко убежден, что американцы победили на выборах президента Украины в декабре 2004 года не только благодаря операции «Майдан», но и благодаря «шизофрении» и нашей кадровой политике. Впрочем, шизофренией на версту несло и от посланцев Института стран СНГ. Руководитель украинского отдела этого института опять-таки перед камерами украинского телевидения всерьез утверждал, что народ Западной Украины в отличие от донбассцев чурается тяжелой работы, любит жить за чужой счет и вообще они, западенцы, ленивы. При этом этот специалист по Украине не понимал, что для этнического украинца галициец тоже украинец, свой, что нет для украинца большего оскорбления, чем обвинение его в лени.

Ельцин говорил для своих, в ближайшем кругу, что украинцы не справятся с дарованной им независимостью, что они «приползут на коленях в Россию». А тут, спустя без малого пятнадцать лет, люди, якобы призванные способствовать сближению России и Украины, прямо на глазах у всех, перед камерами телевидения топчут и без того болезненное самолюбие украинцев со всеми их крестьянскими комплексами, сознательно провоцируют у них неприязнь и к России, и к ее эмиссарам.

III

И последняя глава моего печального рассказа. Конечно, победа проамериканского Виктора Ющенко вместо вполне возможной победы прорусского, по крайней мере на тот момент, Виктора Януковича нанесла существенный урон национально-государственным интересам России. Победа Ющенко укрепила антироссийские силы в Украине, морально и политически укрепила идею «незалежности». И в нормальных странах, при наличии ответственной национальной элиты, в этих условиях проводят «разбор полетов», выясняют природу и причины произошедшего провала, соответственно меняют кадровую политику и т.д. Но у нас этого не произошло. Как теперь становится ясно, люди, вырабатывающие у нас политику в отношении Украины (в равной мере это относится и к белорусскому направлению нашей политики),

просто не в состоянии осознать природу своих ошибок, понять, почему все же американцы эффективнее работали на чужом для них украинском поле, чем мы, русские, на своем.

Мы так и не увидели, что лежит на поверхности, не увидели, что Ющенко при всех своих личных слабостях как политик был все же привлекательнее, чем сильный и крепкий Янукович, ибо связал себя с украинской идеей, с идеей полного отделения Украины от России. Мы до сих пор не хотим признать, что все же для большинства этнических украинцев идея независимости от России не только сохраняется, но и обрывает привлекательностью. Мы до сих пор не хотим увидеть, что очень трудно сегодня предложить украинцам какой-либо проект, чем тот, который им предложил в 1991 году Ельцин, проект превращения созданной сталиным СССР в независимое украинское государство. Мы не увидели или не захотели увидеть, что «оранжевые» победили прежде всего благодаря поддержке украиноязычной Украины, что именно победа Ющенко впервые за последние восемьсот лет объединила в одном националистическом или национальном пространстве украинцев православной Украины с украинцами Галиции, с унистами. Никто в России не захотел обратить внимание на тот кричащий факт, что, к примеру, в православной Винницкой области за Ющенко проголосовали более 80 процентов пришедших на выборы.

Я отдаю себе отчет, что до самых последних президентских выборов на Украине было трудно, по крайней мере, нам, в Москве, увидеть и понять настроения массового украинского избирателя. Трудно было понять, что важнее для среднего украинца – экономические выгоды от победы пророссийского Януковича или национальные амбиции, на которых сыграл Запад и команда Ющенко. Действительно, могло сложиться впечатление, что средний украинец устал уже от своей мало что дающей ему лично «незалежности», что украинская крестьянская расчетливость на этот раз одержит верх над стремлением создать свое независимое украинское государство.

Хотя те, кто имел возможность общаться с представителями крестьянской, деревенской Украины, с украинской интеллигенцией в первом поколении, могли увидеть, что украинская этническая интеллигенция задолго до президентских выборов 2004 года положила глаз на Ющенко как на своего «украинского Путина», что средний украинец в силу своего национального достоинства не будет голосовать «за бандугу», что ни в коем случае, как они считали, нельзя допустить, чтобы «человек, дважды попавший за решетку», олицетворял и представлял украинскую нацию как президент на международной арене.

Но сейчас, когда Россия жестоко поплатилась за нежелание или неспособность ее новой, якобы демократической элиты считаться с достоинством и амбициями «младшего брата», казалось бы, настало время для отрезвления, для более ответственного отношения к много-

миллионному, все же близкому нам народу, от геополитического выбора которого во многом зависит и судьба самой России.

Во-первых, надо было бы увидеть, что для украиноязычной Украины, для Западной и Центральной Украины на сегодняшний день Россия, а, тем более, ее нынешняя элита, не обладают притягательностью, что шаг за шагом, начиная с 1991 года, этническая Украина движется туда, откуда она пришла в середине XVII века, движется в сторону Запада. Нельзя не видеть, и это показал кризис зимы 2004–2005 годов, что традиционные для украинцев антипольские настроения угасают, что сейчас для многих представителей украинской этнической интеллигенции Варшава ближе и роднее, чем Москва. Все дело в том, что на самом деле нынешняя украинская элита повторяет то, что делала российская политическая элита в начале девяностых, то есть обменивает национальный суверенитет на благосклонность Запада.

Во-вторых, надо было бы увидеть, что после распада СССР в 1991 году за прошедшие пятнадцать лет независимости усиливаются различия между национальным самосознанием бывших малороссов и великороссов. Если у великороссов русскость и в прошлом, и сейчас связана прежде всего с чувством связанности со своим русским государством, то у украинцев их украинскость связана в первую очередь с их языком и с их «долей», их исторической судьбой, с судьбой угнетаемых крестьян. В tomto и проблема, что украинское национальное самосознание как крестьянское самосознание является не столько национальным, сколько классовым. Отсюда и активная поддержка большевиков, которые были против «господ». Но отсюда и активная крестьянская поддержка Ющенко, «оранжевой» революции, направленной на полное и окончательное освобождение от «господской» Москвы. Даже для украинской интеллигенции (во время СССР она ощущала себя как региональная, второстепенная) Москва воспринимается как олицетворение бывшего неравенства. По этой причине, в силу слабой привязки украинского национального самосознания к нашему общему государству российскому, велика вероятность полного ухода украиноязычной Украины из русского мира. Именно по этой причине, из-за готовности украинцев изменить свое геополитическое подданство, украинцы в массе голосовали за кандидата в президенты, активно сотрудничающего с Госдепом США.

Русский бы отшатнулся от кандидата в президенты, у которого жена является штатным сотрудником Госдепа. А украинец не отшатнулся! Хотя, наверное, я не прав. У нас правительство Кириенко состояло во многом из мужей американок.

Эта опасность ухода украинцев назад, на Запад, растет в силу происходящего у нас на глазах растворения русских в украинской Украине. В 1990 году в УССР проживало 14 миллионов русских, а по переписи 2005 года – только 8 миллионов. Остальные 6 миллионов русских никуда не делись. Они просто теперь называют себя украинцами.

Во времена Российской империи, во времена СССР украинец, получивший образование на русском языке, становился русским. А сейчас, после превращения УССР в независимое государство, все происходит наоборот. Русский, гражданин Украины, овладевший украинским языком, становится украинцем.

В-третьих, нам надо увидеть, что даже элита русскоязычной, пророссийской Украины, элита старой Новороссии, за исключением, наверное, «Русской общины» Крыма, при всех своих пророссийских настроениях хочет быть элитой в своей независимой Украине. Практически уже ни один сколько-нибудь влиятельный отряд элиты Украины не выдвигает программу новой интеграции Украины с Россией. И когда влиятельный политолог Украины Вадим Карасев, советник администрации Ющенко, говорит, что русскоязычная Украина до сих пор не выдвинула своего политического проекта, то он прав. Дело не идет дальше общего требования превращения русского языка во второй государственный язык Украины, то есть о превращении современной Украины во второе русское государство наряду с РФ. И никто сейчас не говорит о воссоединении Украины с Россией.

Но, как выясняется, ничто, даже угроза полного ухода Украины из русского мира, не побуждает наших штатных «украиноведов» к трезвости, к тому, чтобы увидеть нынешнюю Украину такой, какая она есть и существует уже пятнадцать лет после распада СССР. Наши СМИ в упор не видят все, что «не укладывается в примитивную схему» раскола Украины на Восточную и Западную, которую мы взяли после 2004 года на вооружение и на основе которой мы до сих пор продолжаем строить свою политику в отношении бывшего «младшего брата».

Мы обошли вниманием даже такой прискорбный для России факт, как активную поддержку со стороны лидера Прогрессивной социалистической партии Украины Натальи Ветренко указов Виктора Ющенко о роспуске нынешней Рады. Самый пророссийский политик на Украине, как мы считали раньше, – Наталья Ветренко, VIP-персона на всех российских патриотических тусовках, в критический момент становится на сторону откровенно антироссийских решений президента Виктора Ющенко. Ведь ему было понятно, что президент Украины распускает нынешнюю Верховную Раду для того, чтобы ослабить через новые досрочные выборы Партию регионов Виктора Януковича и таким образом убрать с политической сцены своего основного соперника, ориентированного на Кремль. Как показывают опросы, многие голосовавшие на выборах в Верховную Раду в 2005 году за партию Януковича на предстоящих 30 сентября досрочных выборах на этот раз останутся дома и не придут к избирательным урнам. Наталья Ветренко все это, конечно, знает. Но когда проамериканский Виктор Ющенко дает ей, якобы пророссийской Наталье Ветренко, шанс стать депутатом Украины, она выбирает его. Что это, измена?

Да нет. В политике нет измены, а есть только интересы. Казус Натальи Ветренко показал, что для всех наших сторонников на Украине Москва является всего лишь средством, обеспечивающим им успех в борьбе с их политическими противниками на политическом поле Украины. Интересы Москвы, России сами по себе не представляют для Натальи Ветренко никакой ценности. Они, интересы России, и ее собственные могут совпадать только тогда, когда помогают ей, Наталье Ветренко, создать удобную для нее независимую Украину. И это понятно: дружба дружбой, но Наталья Ветренко все же принадлежит другому, украинскому миру, независимой Украине, и для нее самое важное – успех дома. Так поступал в свое время якобы пророссийский Леонид Кучма. Убежден, что независимость Украины, в том числе и независимость от России, является высшей ценностью и для Виктора Януковича.

Рискну утверждать, что новый выбор Натальи Ветренко неудобен нашей политической элите еще и потому, что он опровергает все основные мифы, на которых до сих пор держится вся наша политика по отношению к новой Украине, опровергает все мифы, которые мы внедряем в сознание электората России для того, чтобы уйти от ответственности за наши явные провалы на украинском направлении.

Но, на мой взгляд, более неправдоподобного мифа, чем миф о том, что граждане РФ и население русскоязычной Украины, голосующей за бело-синих, являются сейчас, подчеркиваю – сейчас, единой, но разделенной нацией, трудно придумать. Немцы ФРГ и немцы ГДР действительно были единой, но разделенной в результате Второй мировой войны нацией. Но для описаний отношений между современной Россией и Восточной Украиной этот термин не может быть применен.

Все дело в том, что нас, в отличие от немцев, никто, тем более, насильно, не разделял. В нашем случае инициатором распада были прежде всего как я сказал выше, сами русские, более точно – великороссы и в первую голову национальная, литературная элита бывшей РСФСР, которая решила отделиться от всех других республик СССР, в том числе и от Украины. Погубил СССР, историческую Россию так называемый великорусский сепаратизм, за которым, конечно, стояла усталость жителей русских регионов РФ от империи, вернее, от своей истории.

Не могут считать себя частью разделенной нации и русскоязычное население Украины, русскоязычное население бывшей Новороссии и Таврии, то есть население Крыма, Одессы, Ставрополя, Донецка, Луганска и т.д. 1 декабря 1991 года русскоязычное население Украины, включая этнических русских, подавляющим большинством проголосовало за суверенитет своей УССР. Даже в самом пророссийском Севастополе почти 70% населения проголосовало за выход Украины из СССР.

Конечно, реальная угроза украинизации толкает русскоязычное население Украины в сторону России. Но это не означает, что оно стремится воссоединиться с Россией. Отнюдь нет. Оно, русскоязычное население Украины, хочет создать с помощью России второе, параллельное, на этот раз русско-украинское государство. Возможность превращения современной Украины во вторую Россию резко возрастает в случае объявления русского языка вторым государственным языком на Украине. Правда, российские политики до сих пор не понимают, какую угрозу для них составляет превращение Украины во второе, неизбежно конкурентное, русско-украинское государство.

Так что все и прежде всего национально-государственные интересы России побуждают нас признать факт существования украиноязычной украинской нации, Правобережную и Левобережную Украину, которую когда-то Богдан Хмельницкий привел в Московское царство, но которая сохранила свою, отличную от великороссов, национальную идентичность и которая по инициативе политической элиты РФ получила право на реализацию своей мечты, на создание своего этнического, национального государства.

Нынешняя политика некоторых наших политологов-«украиноведов» выстроить отношения России с украиноязычной Украиной по схеме «фронтов», где русскоязычной Украине отводится роль «передней линии борьбы за русское дело» (Сергей Марков), попахивает авантюризмом. Надо научиться сегодня понимать, что нет ничего более вредного для нынешней и будущей России, чем нынешняя практика иронического, а иногда глумливого отношения и к украинской независимости, и к украинской нации. Надо сегодня осознавать, что не Галиция при всей своей политической активности, не русскоязычная Восточная Украина, а именно крестьянская по происхождению украиноязычная Украина определит и судьбу своего национального государства, и вектор его развития.

А если это так, то необходимо и соответственно выстраивать свои отношения с украиноязычной Украиной, уважительно, как с равноправным партнером. Пора перестать русским политикам публично выражать свое скептическое отношение к «смысловым возможностям украинского языка», к «государственническим способностям украинской нации», говорить, что на самом деле «Иван Франко был графоманом» и т.д. и т.п.

Снявши голову, по волосам не плачут. Если бы не поразительная безответственность политической элиты бывшей РСФСР, то не было бы и нынешней независимой Украины, медленно уходящей на Запад, не было бы угрозы окружения новой России с Запада поясом недружественных государств, возглавляемым Украиной. Надо осознавать, что новая Россия имеет такую же легитимность, как и новая независимая Украина. И РФ, и новая Украина – дети беловежских соглашений. На-

до набраться мужества и увидеть, что есть в нынешней российской элите нечто такое, что вызывает отторжение от нее не только у украинцев, но и у белорусов. Надо нынешней элите России наступить на горло своей собственной песне и отказаться от ничем не обоснованной гордыни. Нужно увидеть, что богатая Россия дала своим народам не намного больше, чем элита бедной Украины и бедной Белоруссии.

Слава Богу, не все потеряно для России на украинском направлении. Тот факт, что православная Украина, проголосовавшая за Ющенко, все же не хочет идти в НАТО, дает России шанс, дает надежду удерживать Россию в поле русской истории. Может помочь России и великий русский язык, который, скорее всего, выстоит и сохранит свою цивилизаторскую роль в независимой Украине. Но нельзя начинать серьезный разговор о серьезной политике России в отношении Украины, пока наши головы будут засорены мифами о «единой разделенной русской нации», о противостоящих друг другу Западной и Восточной Украине и т.д. и т.д.

РОССИЙСКИЙ ДОМ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ
ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ИНСТИТУТА СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОЦЕНОК И АНАЛИЗА
И РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ»,
ПОСОЛЬСТВА РОССИИ В БЕРЛИНЕ
И СЕМИНАРА ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК ГЕТИНГЕНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЙ СЕМИНАР

Берлин, 5 октября 2007 г.

УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ ЕВРОПЫ?

Сокращенная стенограмма основных докладов

Сессия 1. Изменения в международной системе и их последствия для Европы

(Модератор – директор

Института стратегических оценок и анализа В. Гусейнов)

С. Картунов (Высшая школа экономики).

Кратко выскажусь по поставленным вопросам.

Однополярный мир. Рискну предположить, что однополярного мира не было. Была попытка США осуществить даже не гегемонию, а моральное, политическое и военное лидерство. Это был глобальный проект распространения западных, в первую очередь американских, ценностей на весь мир. Однополярный мир – не очень удачное название. Лучше было бы говорить об **однополярной полицентричности**. Ее пиком была антитеррористическая коалиция, в которую вошла и Россия, в ходе операции в Афганистане.

Сейчас уже можно говорить определенно, что этот глобальный проект провалился. Рубежом стали известные события 11 сентября 2001 года, которые показали, что США не в состоянии обеспечить не только международную, но и свою собственную безопасность. А после вторжения США в Ирак, без санкции СБ ООН, по существу, произошел и распад антитеррористической коалиции. Американцы окончательно растратили свой политический капитал и утратили позиции морально-политического лидера мирового сообщества. Это стало концом однополярной полицентричности.

Многополярный порядок. Рискну предположить, что многополярный порядок – это внешнеполитическая доктрина, выдвинутая Е.М.Примаковым для того, чтобы противопоставить ее односторонней полицентричности. Но мир движется в сторону гораздо более сложной международной системы. Многополярный мир – не тот термин, которым можно описывать сложные процессы, происходящие в мировой экономике и мировой политике. Опыт истории показывает, что многополярный мир, как правило, заканчивается крушением и большими войнами.

Кроме того, России не очень выгодна многополярная философия, поскольку Россия развивается медленнее, чем остальные центры силы. Рано или поздно они станут представлять опасность и для России, поскольку начнется соперничество и за советское наследство, и за некоторые регионы РФ. Со временем мир придет к устойчивой биполярной конструкции.

(Отвечая в последовавшей дискуссии на вопрос о том, каким может быть второй полюс, С.Кортунов назвал три варианта. Первый – Китай, хотя в настоящий момент он и не имеет политической воли для того, чтобы сложиться в другой полюс биполярного мира. Второй вариант – исламский мир, который представляет сегодня виртуальный цивилизационный субъект и практически не является единым. Однако если США будут и дальше противопоставлять себя исламскому миру, это будет способствовать радикализации и превращению исламского мира в международный субъект. Третий вариант – если США будут и дальше проводить одностороннюю политику, то может возникнуть биполярный мир по линии США – весь остальной мир).

Но говорить надо об упадке всей Вестфальской системы международных отношений, поскольку мир вступил в эпоху ограниченных суверенитетов. В настоящее время только пять государств настаивают на своем абсолютном суверенитете. Это США, Россия, Китай, Индия и Иран. Так что мир движется в сторону некоей невестфальской системы, в которой национальные государства уже не будут играть той роли, которую они играли в эпоху Вестфальской системы. Но это будет не многополярный мир, а гораздо более сложная международная конфигурация.

Роль международных организаций в предупреждении и устранении конфликтов. Следует признать, что все существующие международные организации оказались неадекватными для парирования новых вызовов и угроз XXI века. Захлебнулась реформа ООН. «Восьмерка» – организация не легитимная, и она не представляет всего мирового сообщества. В нее не входят Китай, Индия, Бразилия, ЮАР и другие крупные страны. И самое главное, что «восьмерка» не имеет мандата ООН.

НАТО также не играет серьезной роли в предупреждении и устранении конфликтов, исполняя в основном функции «мусорщика» после военных операций американцев. Но Афганистан показывает, что и эта функция выполняется не всегда успешно.

По существу, переживает полную деградацию ОБСЕ.

Единственная перспективная организация из региональных систем безопасности – это ШОС, которая развивается довольно успешно. Она имеет большие перспективы, но все же это региональная организация, в ней не участвуют США, ряд других стран.

Сценарий угроз. Должен сказать, что в российском экспертном сообществе уже принята методика «Рэнд корпорейшн», которая исходит из того, что надо различать риски, вызовы и угрозы, понимая под этим разные уровни опасности.

Если исходить из краткосрочной перспективы, то сейчас положение дел неплохое, в том числе и для России. Единственная крупная угроза – это угроза транснационального терроризма.

Самой главной внутренней угрозой для России является, по существу, необратимый демографический упадок, что может породить очень серьезные негативные последствия.

Расширение НАТО – не угроза для России. Вероятность военного столкновения НАТО и России равна нулю. Расширение НАТО – это цивилизационный вызов для России, который связан с восприятием России как европейской страны. Россия как бы выдавливается из системы европейской безопасности, что приводит к тому, что такая система безопасности будет неэффективной. Среди других вызовов для России можно назвать размещение элементов ПРО в Европе, возвышение Китая. Радикализация исламского мира как для России, так и для Европы пока также не угроза, а вызов.

В течение ближайших 3–5 лет та стратегическая пауза, которая наступила после биполярной эпохи, завершается, и ее завершение чревато перерастанием некоторых рисков в вызовы и некоторых вызовов в угрозы – конечно, если мировое сообщество не предпримет соответствующих шагов для предотвращения этого. Если говорить о конфликтах, то уже в краткосрочной и среднесрочной перспективе вероятность межгосударственных конфликтов возрастает. Это, в первую очередь, касается Большого Ближнего Востока, Закавказья, Центральной Азии, Юго-Восточной Азии, Корейского полуострова.

Одновременно еще более серьезно возрастает опасность внутрисударственных конфликтов. Прежде всего я имею в виду Ферганскую долину, Крым, Приднестровье, Абхазию, Южную Осетию, Нагорный Карабах, Джавахетию, некоторые страны Африки.

Мы видим, что управляемость международными отношениями и международной безопасностью падает. Все международные организации оказались неадекватными новым вызовам и угрозам, США как мировой полицейский провалились, причем с треском.

Среди других вызовов и угроз надо назвать усиление фактора военной силы, которое сопровождается ростом темпов гонки вооружений, которая по ряду показателей, в особенности в отдельных регионах мира, превосходит пиковые показатели времен «холодной войны», а также обострение борьбы за энергоресурсы.

Нарастающая угроза транснационального терроризма вкупе с радикализацией исламского мира могут быть десятикратно усилены после неизбежного ухода США из Ирака. Транснациональный терроризм, натренированный на американских вооруженных силах, хлынет в Европу и, конечно, в Россию. По мнению некоторых российских экспертов, Россия может столкнуться с необходимостью свертывания экономических и демократических реформ, не исключено даже введение режима чрезвычайного положения в стране.

Из других угроз среднесрочного характера я бы назвал обвальное количество несостоявшихся государств и неспособность международного сообщества как-то решить этот вопрос; упадок режимов контроля над вооружениями и нераспространения. К сожалению, упадку режима нераспространения способствовали США, нанеся по нему три удара: 1) выход из договора по ПРО; 2) принятие новой ядерной доктрины, которая снижает порог применения ядерного оружия и, по существу, превращает его в оружие поля боя; 3) признание де-факто Индии ядерной державой, что американцы сделали, заключив с Индией всеобъемлющее соглашение о сотрудничестве в ядерной области и тем самым уничтожив моральные и политические аргументы, которые были у мирового сообщества против распространения ЯО. Остались только военные аргументы, угроза применения силы, но и эти аргументы не сработали, что видно на примере Северной Кореи.

Похоже, мир вползает во второй ядерный век, который будет гораздо опаснее первого, когда все же была определенная ядерная дисциплина, формировавшаяся в результате взаимного ядерного сдерживания СССР и США. А во втором ядерном веке возникает перспектива многостороннего ядерного сдерживания. ЯО будет находиться в нестабильных регионах мира, в руках режимов, которые не являются ответственными международными режимами.

Что делать? Коротко: реформировать ООН, если не получится, то расширить «восьмерку» и наделить ее полномочиями от ООН; создать две региональные системы международной безопасности – в Азии и в Евроатлантике; обновлять международное право; начинать переговоры о несостоявшихся государствах; начинать уважительный диалог с исламским миром; принять меры по укреплению режима нераспространения.

Россия в долгосрочной перспективе должна оставаться мощной ядерной державой и под этим ядерным щитом проводить модернизацию своих вооруженных сил при партнерстве с Западом. «Холодная война» для России невозможна, для этого у страны нет ни ресурсов, ни средств, а самое главное, что при такой фарсовой холодной войне будет уничтожена последняя возможность для установления серьезных партнерских отношений между Россией и другими крупными странами.

Йорг Химелльрайх (Германский Центр Маршалла).

О конце однополярности. Такими понятиями, как «однополярность» или «многополярность» сложно описать сегодняшний мир. Мне бы хотелось обратить взгляд на то, с какими акторами вновь устанавливающегося мирового порядка мы имеем дело.

С одной стороны, мы имеем стремительно растущие центры силы – Индию и Китай с его показателями роста, о каких на Западе можно только мечтать, с большими и пока пугающими вопросами трансформирования политической системы. Принципиальный вопрос, перед которым стоит Китай, – возможны ли длительная экономическая стабилизация и дальнейший рост в условиях авторитарической политической системы.

Еще один важный актор – Европейский Союз. «Излучение», которое оказывает ЕС, порождает стремление его европейских соседей присоединиться к этой супернациональной организации, несмотря на то, что пока еще имеются заметные слабости в формулировках доктрин внешней политики и безопасности ЕС. Не стоит недооценивать притягательную силу ЕС также и в других регионах мира – Израиль, Северная Африка. Примером того, насколько глобально мыслит и действует ЕС, является и новая стратегия Союза в Центральной Азии, принятая в период председательства Германии.

Россия, вопреки многим ошибочным и неверно сформированным в 90-х годах прогнозам, также вернулась на глобальную сцену, главным образом благодаря своим энергетическим ресурсам, которые она использует не только в качестве экономических, но и политических рычагов. Без участия России трудно представить решение важных вопросов становления будущего мирового порядка.

Основной акцент я хотел бы сделать на Соединенных Штатах. Несмотря на сложности, с которыми столкнулись США в Ираке и Афганистане, нужно признать как неоспоримый факт беспрецедентное в истории превосходство этой сверхдержавы. США являются мировым центром экономической мощи. Валовой национальный продукт США составляет одну четверть от мирового валово-

вого продукта. Экономические показатели США за последние 20 лет превосходят соответствующие показатели Западной Европы и Японии. США лидируют по части прогресса и технического развития во многих отраслях. Неоспорима и недостижима для других (включая Китай и Россию) военная мощь США.

Обширную дипломатическую работу ведут США в самых разнообразных организациях мирового масштаба – ООН, НАТО, Всемирном Банке, занимая в них исключительно активную позицию. Их влияние позитивно сказывается на отношениях в Европе. То же можно сказать и об Индии. Несмотря на провалы в Ираке и на Ближнем Востоке, лагерь демократии благодаря США за последние 20 лет значительно вырос (к нему примкнули восточноевропейские государства и государства, соседствующие с Европой, даже страны Южной Америки, несмотря на то, что в последнее время там наблюдается некоторый регресс). Все государства пытаются, пусть даже в качестве «фасада», провозглашать себя демократическими. Это показывает их интерес к демократизации, несмотря на значительные исторические и культурные различия между странами и регионами. И это означает, что демократии по американскому образцу не существует. Каждая страна находит свою форму. Это подчеркивает, каким большим является интерес к свободной рыночной экономике и демократии в мире. Даже сравнивая Китай сегодняшнего дня и Китай времен культурной революции, легко заметить прогресс.

И все же эта сила имеет свои границы. США не могут и не должны играть роль полицейского по наведению порядка во всем мире. Все будет зависеть от того, насколько благоразумно и осторожно США будут распоряжаться своей силой в грядущие 20-30 лет – до того момента, когда Китай и Индия выйдут на мировую арену в роли ответственных акторов. Негативный опыт Ирака показал – одностороннее применение военной силы может привести к катастрофе. И оно будет иметь долгосрочные последствия не только для США, но и для мирового порядка в целом.

Необходимо признать: ни одна страна, ни одна сила не в состоянии сегодня уклониться от процесса глобализации. Это означает, что государство не является более силой в значении, определенном Вестфальским договором. Взаимные обязательства слишком многообразны, зависимость друг от друга слишком велика, чтобы кто-либо мог позволить себе оказывать давление в одностороннем порядке для достижения каких-либо целей, преследующих односторонние интересы. Свежий пример – развитие ситуации с кредитованием на рынке недвижимости США – показал, с какой невероятной скоростью подобные события могут оказать влияние на всю финансово-экономическую систему кредитования в Европе, в России, в Китае или в любом другом месте.

Еще один большой вопрос, подчеркивающий важность нахождения глобальных уравнивающих механизмов, – энергобезопасность. Прошли времена, когда Китай или США как крупные потребители могли независимо разрабатывать энергетическую политику. Вопрос о том, каким образом достичь мирового порядка, обеспечивающего доступ всех участников на рынок энергоресурсов, в особенности в условиях их растущего дефицита, стоит уже сегодня и будет актуален в обозримом будущем. Его решение существенно зависит от того, насколько удастся продвинуться в области разработки альтернативных источников энергии, достичь эффективного энергоснабжения и обеспечить приведение в действие глобального механизма регулирования во всех регионах мира.

Другие важные вопросы, представляющие угрозу миру, – терроризм и оружие массового уничтожения. Общая цель, стоящая перед западным сообществом, включая, конечно, и Россию, – выработка концепции реагирования, в частности на ситуацию в Иране, где общие интересы состоят в нераспространении ядерного оружия. Предложение президента Путина о рассмотрении возможности совместного использования военной РЛС в Азербайджане показывает, что опасность со стороны Ирана оценивается российской стороной точно так же, как американской и европейской сторонами. Вопрос в том, как наилучшим образом решить эту проблему технически, чтобы избежать излишних дискуссий по американской системе обороны, которая никогда не была и не должна быть направлена против России, а нацелена лишь исключительно на угрозу из Ирана.

Можно, конечно, спорить, существует ли иранская угроза, в каком объеме и что с ней делать. Об этом, как и о целесообразности принимаемых мер, ведутся интенсивные и детальные дискуссии и в самих США. Что очень важно, США и ЕС прибегают к многосторонним совместным усилиям для погашения конфликтов, связанных с иранским досье. Однако существенную роль будет играть и то, насколько Россия будет осознавать свою вновь выросшую глобальную ответственность.

**Сессия 2. Противоракетная оборона,
российские предложения по кооперации и европейская безопасность**
(Модератор – проф. Петер Шульце, руководитель Семинара политических наук Геттингенского университета)

П.Золотарев (Институт США и Канады РАН).

Угроза распространения ядерного оружия и ракетных технологий заставляет говорить о том, что создание ПРО – задача актуальная и решать ее надо заранее. Ни одно государство самостоятельно эту задачу, размещая средства ПРО только на своей территории, эффективно решить не в состоянии. Т.е. система ПРО должна базироваться не только на национальной территории, т. к. перехват ракеты должен быть обеспечен на всех участках траектории ее полета. Значит, эта система должна быть коллективной. В противном случае все те, кто не участвует в системе ПРО, будут ощущать угрозу для себя. Чтобы пояснить, в чем может быть угроза от такой системы, остановлюсь на нескольких моментах применительно к конкретной ситуации, которая возникает в Европе в связи с намерениями США разместить РЛС ПРО в Чехии и непосредственно противоракетный комплекс в Польше.

К чему приведет реализация замысла американцев? Хочу обратить внимание на ряд рутинных процессов, свойственных военным организациям, потому что те задачи, которые всегда стояли перед этими организациями, сохранились. Эти задачи не меняются в зависимости от политической ситуации в каждый конкретный момент. Что я имею в виду? НАТО имеет статью 5 о коллективной обороне. Она предполагает, что военные структуры НАТО обязаны заранее разрабатывать планы ведения войны. И в этих планах неизбежно на противоположной стороне должны фигурировать те государства, которые не входят в эту организацию, но обладают определенным потенциалом. Военные обязаны заблаговременно разрабатывать такие планы. И когда Россия возражает против расширения НАТО и против ПРО, из чего она исходит? Российский Генеральный штаб вынужден из-за того, что НАТО осуществляет такое планирова-

ние, заниматься адекватным планированием. Перспектива появления ПРО США в Европе не требует пересмотра российского потенциала по реализации планов нанесения ударов по США. (Надо понимать, что такие планы, конечно, существуют как в США, так и в России). А вот что касается планов, предусматривающих нанесение ударов по европейским объектам, то здесь потребуются соответствующие уточнения. Потому что этот комплекс увеличивает оборонительный потенциал стран НАТО, две из которых, Великобритания и Франция, – ядерные державы. Повторяю, речь идет о рутинных процедурах, которыми обязаны заниматься военные. Таким образом, реализация американского замысла приведет к тому, что российский Генеральный штаб вынужден будет вносить корректировки в свои планы, предусматривая дополнительный наряд средств для поражения объектов на территории Чехии и Польши обычным оружием, и увеличивать наряд ядерных средств для поражения соответствующих объектов на территории ядерных государств – Великобритании и Франции.

В принципе в России, в том числе и в российском Генеральном штабе, прекрасно осознают, что сегодня перспектива войны между Россией и НАТО практически нулевая. Но, повторяю, – автоматически действуют процедуры планирования. Должно ли это вызывать беспокойство европейских стран? Это им решать. Насколько я знаю, Польша для себя вывод сделала. Им достаточно, если американцы поставят несколько комплексов «Патриот», и они будут чувствовать себя спокойно. Не знаю, как Великобритания и Франция, приятно ли им себя ощущать теми мишенями, по которым увеличивается наряд средств. Я на этом остановился для того, чтобы мы об этих рутинных вещах не забывали.

Теперь что касается перспективы построения системы ПРО коллективными усилиями. Объективно в этом существует потребность. Но есть субъективный фактор. Я уверен, что Соединенные Штаты будут сопротивляться любому активному участию других стран в этой системе, а если и допустят их участие, то при условии, что управление всей системой будет находиться в их руках.

В этой связи хотел бы обратить внимание на предложение Президента России об открытии в Москве и в Брюсселе совместного центра обмена данными от систем предупреждения о ракетном нападении (СПРН). Убежден, что это предложение является ключевым в том комплексе совместных мер, которые были предложены нашим президентом. Напомню, что между Россией и США более десяти лет назад был подписан меморандум об открытии такого центра. Он до сих пор не был открыт в силу ряда бюрократических причин и, наверное, отсутствия политической воли. Сейчас условия сложились такие, которые позволяют реализовать этот меморандум. Он предусматривает, что в работе этого центра могут принять участие не только Россия и США, но и другие заинтересованные государства. В этот центр должна поступать информация от национальных систем ПРН. На следующем этапе должно быть обеспечено техническое сопряжение этих систем. Каждое государство, которое принимает участие в работе этого центра, получит возможность не только получать весь объем информации, которая в этот центр стекается, но и будет обязано предоставлять заранее информацию о планируемых им пусках испытательных или исследовательских ракет и т.п. Если мы говорим о перспективе создания системы ПРО в Европе, то эти центры могут стать прообразом того самого пункта управления системой ПРО. Ведь туда, по логике, должна будет поступать информация и с РЛС в Чехии, и о состоянии противоракет, которые будут расположены в Польше, не говоря уже о РЛС в Габале и др.

Перспектива привлечения к работе центра представителей других стран открывает интересные возможности. Представим себе, что туда пригласили бы представителей Ирана. Во-первых, они будут уверены, что вся информация, которая в этом центре существует, адекватна ситуации. А во-вторых, тот же Иран, если он будет проводить какие-то пуски ракет и пр., должен будет предоставлять в центр соответствующую информацию. Думаю, участвовать в работе этого центра, наверное, небезынтересно было бы представителям Чехии и Польши. И даже, может быть, Китаю.

Конечно, пока мы говорим про европейскую систему ПРО. Хотя, наверное, коллективные усилия в целом должны быть направлены на создание ПРО в глобальном масштабе, особенно с учетом того, что в мире есть достаточно много т. н. латентных государств, которые в принципе обладают научным, технологическим и промышленным потенциалом для того, чтобы в случае изменения политической ситуации быстро стать ядерными государствами. Думаю, что их количество будет увеличиваться – может быть, даже Иран не ставит своей целью стать ядерным государством, а всего лишь хочет приобрести статус такого латентного государства – для него это, по-моему, наиболее выгодный вариант, учитывая реакцию мирового сообщества.

Карл-Георг Вельманн (депутат Бундестага).

Начну с анализа угроз, прежде всего со стороны Ирана. Неоспоримые факты: 1) Иран заявил, что намерен стереть с карты региона другие страны, в частности Израиль. 2) Анализ, проведенный с участием многих, в том числе и русских, специалистов, показал – Иран работает над ядерной программой и разрабатывает такие мощности, которые имеют смысл лишь при намерении производить ядерное оружие и использовать атомную энергию не только в гражданских целях. 3) Иран уже сегодня располагает носителями ЯО и продолжает их разработку. Сегодняшние системы-носители в состоянии достигнуть Израиля, Турции и, конечно, России. Генерал Золотарев сказал, что мы не можем себе позволить ждать до момента реализации опасности и должны заранее принимать меры. Для системы ПРО, о которой идет речь, период предварительной работы занимает 5–10 лет. Специалисты считают, что Иран уже к 2015 г. сможет располагать носителями с дальностью 3000 км и более, которые смогут достичь Западной Европы, Берлина, Москвы.

В России уже имеется система ПРО вокруг Москвы, которая вызывает у нас серьезное беспокойство, поскольку, в противовес американским, их противоракеты оснащены ядерными боеголовками, рассчитанными на то, чтобы атакующие ракеты можно было уничтожить посредством мощного ядерного взрыва в атмосфере или над атмосферой. Этот способ может привести к катастрофическим последствиям ядерного характера, и он не может являться решением в XXI веке. Насколько я знаю, Россия тоже работает над альтернативной системой обороны.

Второй вопрос – об угрозе для России от американской ПРО в Европе. Мы слышали сегодня и от российских коллег, как и от командующего Ракетными войсками стратегического назначения России, что эти оборонные ракеты не представляют угрозы для России, тем более с учетом ее огромного стратегического потенциала. В то же время вызывает замечание заявление российских генералов о том, что позиции радаров или противоракет в Чехии и Польше будут учитываться в ваших ядерных стратегических планах даже несмотря на то, что они не представляют угрозы для России.

С другой стороны, американская система ПРО, запланированная к размещению в Европе, еще пока не функционирует. Американский конгресс не одобрил ее финансирование по причине незрелости разработок. Нужно, чтобы эта система, если она все же будет доведена до рабочего состояния, не ухудшила отношения с другими государствами, нужно предметно, с участием специалистов, обсуждать, что можно сделать для этого и как продвигаться дальше.

Угроза ракетного нападения является общей, ее нельзя дифференцировать между хорошими и плохими, между русскими и западноевропейцами или американцами. Кстати, часто можно слышать, что против возможной иранской угрозы следует применить устрашение. Ведь на принципе взаимного устрашения покоилась относительная стабильность во времена «холодной войны». Но мы должны учитывать, что в Иране имеет место, пусть частично, философия очищения, суицида, обещающая смертникам путевку в рай. Государство, пусть отчасти, провозглашает: «Мы приносим себя в жертву против империализма, против неверных, и если мы погибнем, то это доброе дело, мы за это попадем в рай». Политика устрашения против такого государства будет иметь ограниченный успех. В любом случае на этот метод полагаться не стоит.

Мой последний аргумент – если мы в максимально тесном сотрудничестве разработаем систему, надежно защищающую нас от ракетного нападения, то ориентированные на дальнейшее развертывание такой системы США (ведь угроза может исходить не только от Ирана, но, к примеру, и от Пакистана, а в будущем и от другого противника) задумаются, имеет ли смысл развертывание системы, требующей серьезных инвестиций, коль скоро уже существует такое оборонное средство. Если я знаю, что в Европе, включая Россию, такая система разрабатывается, то не вижу необходимости нести многомиллиардные расходы и рисковать впасть в конфликт с мировым сообществом.

Подводя итог: нам необходимо сообщать о совместной системе ПРО. И я нахожу очень разумным то, что сегодня между Россией и Америкой этот вопрос отдан на обсуждение специалистам, которые рассматривают возможности взаимодействия.

Система ПРО будет хороша настолько, насколько будут качественны предварительно полученные данные. Вы сможете сбивать другие ракеты только тогда, когда будете располагать в максимальной степени всеохватывающей и совершенной расшифровкой данных радаров. Это – основное. И это должно производиться совместными усилиями. Отдадим это на обсуждение специалистов. Давайте спокойно и без эмоций обсудим, что мы в максимально тесном сотрудничестве можем предпринять.

А.Денисов (Институт стратегических оценок и анализа).

Я остановлюсь на вопросе о том, какое влияние американские планы по ПРО в Европе оказывают на сближение России и ЕС.

В последнее время, по общему мнению, сближение ЕС и России заметно затормозилось. Многие даже склонны оценивать их современное состояние как кризисное. Не разделяя подобного пессимизма, все же должен согласиться с тем, что основания для таких оценок есть. Проблемы в отношениях Брюсселя и Москвы хорошо известны, и я не буду повторяться. На мой взгляд, многие из них носят оттенок конъюнктурности и вполне преодолимы при обоюдном желании.

Но в последнее время в этот тормозящий развитие двусторонних отношений груз претензий добавляется и такая проблема, как угроза милитаризации европейского пространства. Я имею в виду планы развертывания в ряде стран – членов ЕС (Польша, Чехия) элементов американской системы ПРО, создание в странах Юго-Восточной Европы (пока это Болгария и Румыния) американских т.н. «легких» военных баз и, конечно же, наметившийся коллапс Договора об обычных вооружениях в Европе.

Блокируют ли решения по ПРО и реализация других военных планов США на Европейском континенте сближение России и ЕС и если да, то насколько серьезно их блокирующее влияние? Вопрос непростой.

Формально двусторонние военные соглашения Вашингтона с Варшавой, Прагой, другими европейскими столицами, конечно, не входят в повестку дня отношений РФ и ЕС. Так, например, г-н Солана, выражая, как я понимаю, общее мнение руководства ЕС по поводу американской ПРО в Европе, заявлял весной 2007 года: «Евросоюз как организация не планирует участвовать в создаваемой США в Европе системе ПРО. Однако каждая страна ЕС вправе принимать собственное решение – присоединяться ли к этой программе».

Ситуация, по оценке наших военных, отвечающих за безопасность страны, и многих независимых экспертов, складывается, мягко выражаясь, парадоксальная. Евросоюз, занимая пассивную, формально нейтральную позицию, на деле поддерживает нарастающую военную активность США. Не говоря уже о серьезном подрыве геостратегического баланса и более или менее пока сохраняющегося ракетно-ядерного равновесия между Россией и США, реализация таких военных планов США означает переход к новому этапу милитаризации Европы или, по крайней мере, может привести к нему. Это не может не касаться Евросоюза, его проблем безопасности, его политической консолидации, если хотите. И, безусловно, не может не затрагивать отношения Евросоюза и России.

Как известно, ЕС и Россия договорились о выстраивании общего пространства безопасности (наряду с тремя другими общими пространствами). И Евросоюз, говоря по существу, просто не должен оставаться в стороне от подобных двусторонних военных решений своих членов.

С нашей точки зрения, проблема американской ПРО в Европе пока не оказывает существенного влияния на развитие отношений между Москвой и Брюсселем. Но, несомненно, блокирующим потенциалом эта проблема обладает и может в конце концов привести к серьезной конфронтации, которая не выгодна ни ЕС, ни тем более России.

Не буду касаться чисто военных аспектов проблемы ПРО. Но есть еще политические, психологические и даже, если хотите, философские аспекты проблемы.

Так, например, реализация военных планов США в Европе неизбежно приводит к еще более тесной военной и политической интеграции США и ряда стран Восточной Европы – членов Евросоюза. Но тем самым, как мы понимаем, фактически у ЕС без его согласия и без юридических обязательств со стороны США отторгается часть важных функций в сфере обороны и безопасности. Понятно, что создание таких неформальных военных союзов повышает возможности США влиять на политику Евросоюза в выгодном для себя ключе, в том числе и на российском направлении. Это увеличивает опасения российских властей. И эти опасения, хотим мы того или нет, будут не в лучшую сторону влиять на европейскую политику Кремля.

Немаловажен и психологический нюанс. Так, большинство поляков считают, что главной целью развертывания систем ПРО США в их стране являются отнюдь не иранские, а российские ракеты. Это значит, что у людей в Польше, Чехии, Венгрии, других восточноевропейских и прибалтийских стран подспудно и целенаправленно формируется образ врага в лице России. Люди начинают верить, что основная угроза войны исходит из России, а американцы – их бескорыстные защитники.

В результате Европа вновь может быть разделена и по военным, и по политическим мотивам, а ее население психологически подготовлено к новой конфронтации, к новому витку бессмысленной и разорительной гонки вооружений.

Вывод хотел бы сделать такой: конечно, сама по себе проблема американской национальной ПРО в Европе не сможет полностью заблокировать взаимовыгодное сотрудничество между Россией и Евросоюзом. Но тормозящим эффектом, пусть пока и не очень заметным, она обладает.

Кроме того, было бы недальновидным рассматривать проблему ПРО вне контекста всего множества военных и военно-политических задач. Она, безусловно, тесно связана и с той ситуацией, которая складывается в области обычных вооружений в Европе, и с планами перегруппировки американских военных контингентов и создания в Европе новых военных баз, и с теми войнами, которые ведут США и НАТО в Ираке и Афганистане, как и с ситуацией вокруг Ирана. Сегодня есть основания говорить об опасности новой милитаризации Европы, которая, если позволить ей развиваться, сильно подорвет и отбросит назад все то положительное во взаимоотношениях между Россией и ЕС, что было достигнуто за последние годы.

И поэтому, как мне кажется, сегодня наша задача и как граждан своих стран, представителей их политических элит, и как независимых экспертов совместно, доступными нам средствами и способами стремиться пусть не изжить полностью, но, по крайней мере, ослабить милитаристские тенденции, обозначившиеся в последнее время на путях нашего сотрудничества.

И несколько слов о том, как изменилась Россия и как изменился ЕС за последние несколько лет. Что касается нашей страны, то сегодняшняя ситуация убедительно демонстрирует иллюзорность надежд тех на Западе, кто полагал, что состояние слабости России, ее неуверенности в себе, характерное для периода после распада СССР, сохранилось надолго. У нас сейчас достаточно быстрый рост экономики, происходит укрепление оборонного потенциала, достигнута общественно-политическая и социальная стабильность на годы вперед.

Конечно же, поведение России на международной арене изменилось. Теперь жертвовать своими интересами ради благорасположения Запада Россия не будет. Именно этим и порождаются те противоречия, коллизии и непонимания, о которых я говорил выше. Запад в целом, как и ЕС в частности, все еще не привык видеть Россию такой, поэтому и реагирует нервно. Тем более что всеми своими предыдущими действиями или, наоборот, бездействием мы не раз давали партнерам повод надеяться, что головной болью для них не будем.

В свою очередь изменился и ЕС. Усиление антироссийских акцентов в политике расширившей свои границы Европы главным образом обусловлено вступлением в ЕС Польши и бывших советских прибалтийских республик, чьи исторические обиды на Россию составляют едва ли не основной стержень и

основное содержание их внешнеполитической линии. Пока им вполне удается навязывать Брюсселю свои антироссийские подходы, основанные на узконациональных эгоистических интересах.

Особо негативное влияние оказывает позиция Польши, которая, руководствуясь своей глубоко укоренившейся русофобией, блокирует переговоры по новому рамочному соглашению между Россией и ЕС.

Я думаю, что важной чертой ЕС стало усиление воли к укреплению европейской солидарности, к выработке единого подхода стран – членов ЕС по принципиальным вопросам. Не всегда это единство реально достигается, но явно возросло понимание его необходимости для более эффективного отстаивания своих интересов, в том числе в диалоге с Россией. Порой в европейских инстанциях звучат даже такие парадоксальные заявления, что выступление с единой позиции в том или ином вопросе важнее содержания этой позиции. В значительной мере привнесению в действия Брюсселя такой философии способствовала смена руководства Германии, Великобритании и Франции и приход новых лидеров, не склонных к некритическому восприятию политического наследия своих предшественников.

Так или иначе, вполне конструктивные, но уже не предвзято позитивные подходы в отношениях с Россией, демонстрируемые со стороны Меркель и Саркози, не позволяют нам строить политику в отношении ЕС с расчетом на продолжение прежних договоренностей с Германией и Францией и делают разговоры о треугольнике Москва – Париж – Берлин не актуальными. Поэтому я думаю, что наш единственный путь – взаимодействовать с ЕС и взаимодействовать правильно.

Ханнес Адомайт (Фонд науки и политики, Берлин).

В чем именно состоят опасения российской стороны? Ясный ответ на это найти непросто. Президент Путин на конференции по безопасности в Мюнхене в феврале 2007 г. по поводу системы ПРО сказал, что Россию «не могут не тревожить планы по развертыванию элементов системы противоракетной обороны в Европе. Кому нужен очередной виток неизбежной в этом случае гонки вооружений? Глубоко сомневаюсь, что самим европейцам». И далее: «Мы знаем, что в США активно разрабатывается и уже внедряется система ПРО. Да, сегодня она неэффективна, и мы точно не знаем, будет ли она вообще когда-нибудь эффективной. Но теоретически она ведь для этого и создается. Значит, опять же гипотетически, мы исходим из того, что когда-то наступит момент, когда возможная угроза со стороны наших ядерных сил будет полностью нейтрализована. А это означает, что баланс будет абсолютно нарушен и что у одной из сторон возникнет ощущение полной безопасности, а значит, это развязывает ей руки не только в локальных, а, возможно, уже и в глобальных конфликтах». Этот оборот, адресованный к США, показывает, что система ПРО должна рассматриваться в соотношении США – Россия.

Командующий РВСН России генерал Соловцов 26 февраля 2007 г. подобным же образом поднял этот вопрос на пресс-конференции в Москве. Его спросили, располагает ли Иран ракетами, которые могут достичь территории США. Его ответ: «Могу подтвердить, что Иран такими ракетами не располагает, и сомневаюсь, что он в скором времени будет ими располагать». Дополнительный вопрос: «Почему же США создают системы ПРО?» Соловцов: «Я думаю, они могут дать себе объяснение по этому поводу. И это как раз и является причиной нашей обеспокоенности». И далее: «Американская программа по

развертыванию системы ПРО, без сомнения, нарушит стратегический баланс между США и Россией». Россия, по его мнению, вынуждена принимать соответствующие контрмеры. В этой связи можно сказать – российская сторона ясно выразила свою обеспокоенность.

Однако есть и тезисы противоположного характера от тех же военных, отчасти от самого Путина. Месяцем позже, 16 марта, Соловцов заявил, практически взяв обратно свою прежнюю оценку: «Размещение элементов американской системы ПРО в Польше и Чехии существенно не повлияет на наш стратегический потенциал. Эти элементы не будут в состоянии перехватить наши МБР». То же самое подтвердил бывший министр обороны С. Иванов. На вопрос в Мюнхене: «Считаете ли Вы, что безопасность России находится под угрозой?» – он ответил: «Безопасность России не будет нарушена. Наши межконтинентальные системы в состоянии сломать любую оборонную систему, сегодня или в будущем». И снова слова Путина в Мюнхене: «Даже действующая система ПРО была бы бесполезна против России, поскольку мы располагаем определенным оружием, позволяющим нам справиться с ней».

Напрашивается вопрос: почему же американская ПРО в Европе рассматривается как угроза для России? Думаю, дело в том, что в России сконструировано расширенное измерение так называемой угрозы, охватывающее целый ряд элементов и касающееся не только размещения элементов системы ПРО, но и расширения НАТО. Имеются в виду опасения, что помимо центральноевропейских государств и бывших советских республик – балтийских государств – в НАТО может быть принята Грузия, а возможно, и Украина, в особенности в случае, если в Украине «оранжевые» снова одержат победу на выборах. Имеются опасения и в связи с нератификацией адаптированного в Стамбуле на конференции ОБСЕ Договора об обычных вооружениях в Европе (ДОВСЕ), а также в связи с американскими базами в Румынии и Болгарии.

Как Россия среагировала на этот расширенный вызов? Во-первых, согласно формулировке Путина в июле этого года, Россия выходит из ДОВСЕ. Кроме того, во взаимосвязи с американскими планами высшее военное командование пригрозило, что Россия может выйти из Договора 1987 года о ликвидации ракет средней и меньшей дальности и может привести в готовность ракеты средней дальности с тем, чтобы поставить под угрозу объекты ПРО в Чехии и Польше. И при этом имелось в виду, что одним из районов размещения таких ракет может стать Калининградская область. Снова было сказано, что не только эти объекты ПРО могут поражаться ракетами средней дальности, но и, как сказал командующий РВСН, сами эти страны могут стать целями для стратегических ракет. И далее. В связи с американскими планами снова и снова проводятся испытания межконтинентальных ракет наземного (это преимущественно «Тополь-М» в его мобильном варианте и модернизированный «Тополь-М») и морского (ракета «Булава») базирования. Все это указывает на то, что Россия модернизирует свой стратегический ядерный потенциал, делая упор на строительство новых стратегических подводных лодок.

Нужно упомянуть и то, что Россия не только принимает упомянутые контрмеры, но и выдвинула в Хайлигендамме предложения, которые вызвали заинтересованность, – об использовании американцами совместно с российской стороной Габалинской РЛС в Азербайджане, а также строящейся РЛС в Армавире, в Краснодарском крае на юге России.

Все это порождает важные вопросы, которые я попытаюсь озвучить и ответить на них.

1. Действительно ли Россия ощущает угрозу для себя в виде американских ракет и нужно ли в этой связи воспринимать серьезно угрозы со стороны Москвы? Или же это реакция на официальную позицию в отношении опасности, которая в среднесрочной перспективе может исходить из Ирана и других возможных проблемных южных государств, таких как Пакистан после исламского переворота, и отсюда желание создать совместно с США глобальную систему обороны против баллистических ракет?

2. Стоит ли рассматривать угрозы по выходу из упомянутых договоров и острые нападки на военную политику США, а также недовольство, явно выраженное Россией в ходе работы Совета Россия – НАТО, как желание полностью сформировать новую европейскую систему безопасности? И если да, то как должно выглядеть это формирование?

3. Не ведется ли речь о продолжении Москвой старой советской традиции? Речь идет об использовании т.н. противоречий между империалистическими силовыми центрами и внутри них. В сегодняшних условиях это означало бы то, что бывший министр обороны США Дональд Рамсфелд однажды назвал «противоречиями, вызванными различиями между старыми и новыми европейцами», т.е. между европейцами – членами старого ЕС и основателями НАТО, с одной стороны, и новыми членами НАТО и ЕС, с другой.

4. Не связаны ли модернизация ракет и Вооруженных Сил России и тот факт, что за последние несколько лет российский оборонный бюджет увеличился более чем в четыре раза, с тем, что должен произойти также сдвиг в тактических ядерных и в обычных вооружениях?

Резюмируя, можно сказать, что в течение последних 8 лет в области модернизации обычного вооружения произошло не так многое. И то, что этот сдвиг становится вероятен, можно объяснить американскими планами в этих видах вооружения.

И, в конце концов, нужно принять во внимание и роль внутривнутриполитических факторов в России. Возможно, «бряцание оружием» может поспособствовать бесконфликтной передаче власти в ходе парламентских выборов в декабре 2007 года и на президентских выборах 2008 года.

По моему мнению, беспокойство русских в значительной степени – лишь игра, оно не вызвано действительной верой в существование угрозы, имеет место лишь риторика о том, что эта угроза существует. В этой связи выдвинутый тезис о достаточно давно начавшемся сдвиге в модернизации, выглядит гораздо более логично, если можно указать на факт наличия некоей угрозы и на необходимость реагирования на эту угрозу. По сути, речь идет не столько о ПРО, сколько о том, что «милитаризация Европы», как охарактеризовали предыдущие российские докладчики (или «военная интеграция Европы», как сформулировал бы я), должна быть улучшена, и о том, что с позиции Польши, Чехии, стран Балтии Россия в силу ее внутривнутриполитического развития является фактором риска для европейской безопасности, и для этих стран присутствие американских военных подразделений на их территориях, по возможности, минимальное, является гарантией безопасности.

Это значит, что Польша и другие страны Центральной и Восточной Европы, как и страны Балтии, хотят «старого» НАТО, не нового смягченного варианта НАТО, а НАТО с американскими подразделениями в Европе. Думаю, в этом состоит суть.

**Сессия 3. Европейский Союз и Россия:
геополитические противники или партнеры при разрешении
конфликтов**

(Модератор – Хайнц Циммерманн, политолог,
бывший руководитель Фонда науки и политики, Берлин)

Эгон Бар (политолог, бывший федеральный министр в кабинете канцлера В.Брандта).

Предварительно несколько общих замечаний.

Первое. Общая ситуация между Европой в лице ЕС и Россией, по крайней мере, по одному пункту не изменилась вообще. Мы живем, как и в последние 20, 30 или 40 лет, под ядерным зонтиком, созданным Вашингтоном и Москвой. Разница лишь в том, что мы его не ощущаем более как угрозу, а как условие, стабилизирующее безопасность. Я исхожу из того, что это положение вещей не изменится, поскольку для России несложно с технической точки зрения следить за тем, чтобы ядром этого зонтика оставалась обоюдная способность нанесения удара. С этой точки зрения мы имеем дело, с одной стороны, с Америкой и с другой – с Россией при различном представлении целей. Америка, само собой разумеется, хочет использовать «непотопляемый авианосец» Европу для достижения своих стратегических, политических, геополитических целей. А именно – распространиться из Европы на юго-восток. Президент Буш во время своего первого визита в Польшу выразил намерение навести жесткий мост между Балтийским и Черным морями. И он это сделал. И, разумеется, на другой стороне Черного моря «всплыла» Грузия. А затем – Ближний Восток и Средний Восток, вплоть до Афганистана.

Я не рассчитываю на то, что эта геостратегическая базисная линия изменится после смены правительства в Вашингтоне, поскольку она соответствует американским интересам. Различие, возможно, будет в том, что злополучная доктрина безопасности осени 2002 года, которая дает президенту США право объявлять войну в любой момент, когда нарушаются интересы США, и приступать к активным действиям без согласия ООН, – эта доктрина будет скорректирована, заморожена или отменена. Что явилось бы большим облегчением для всех.

Второе. США после окончания конфликта Запада и Востока сориентировались на линию, которую я считал очень позитивной. А именно: тогдашний президент Буш-старший объявил Америку единственной страной, достаточно сильной для того, чтобы привести мир к новому миропорядку. Это означало бы, что Америка естественным образом подчиняется ООН и действует как *primus inter pares* (первый среди равных), предсказуемо. Но Буш-младший отошел от этой линии, одобрив гигантскую программу вооружения, на которую США решились без всякого вызова, без всякой угрозы.

Поначалу мы в Бонне даже не могли принять всерьез эти планы США, так как они выходили за рамки всякой осознаваемой необходимости. Программа была представлена в комиссию по вооруженным силам сената в июне 2001 года. Через три месяца наступило 11 сентября. И власти США, независимо от разыгравшейся человеческой трагедии, не замедлили использовать подходящую возможность, чтобы провести эту программу практически без обсуждения через обе палаты Конгресса. Тем самым была запущена гигантская волна вооружения, достигшая Китая и Японии и, конечно, не оставившая в стороне Россию. Мы воочию столкнулись с последствиями этого основопола-

гающего решения, давшего Америке военную силу, непреодолимую для любой страны и любой группы стран, лишаящую их даже мысли начать гонку вооружений и позволяющую держать под контролем любой фактор внешней политики.

До того как это произошло, существовало одно важное соглашение в области международной безопасности, связанное с объединением Германии. Это соглашение могло быть заключено только между самыми влиятельными и компетентными персонами – тогдашним президентом Бушем-старшим и тогдашним президентом Горбачевым – без Коля, Миттерана, без Тэтчер и, конечно, без Хоннекера. Оно вытекало из того, что Советский Союз слишком слаб, чтобы осуществлять контроль над Германией после вывода советских войск. Это под силу только Америке с НАТО в качестве инструмента. Аргумент был настолько силен, что Горбачев его принял с замечанием: «Но при этом вы не должны наступать на нас». Буш ответил: «Да, согласен» и согласился на расширение НАТО только до западной польской границы, но без иностранных войсковых подразделений и без ядерного оружия на территории бывшей ГДР. Тем самым Россия утвердилась во мнении, что получено согласие США на расширение НАТО не далее западной польской границы. Если бы тогда кто-либо сказал: давайте заключим официальное соглашение о нерасширении НАТО далее согласованных границ, соглашение было бы заключено.

Эта договоренность соблюдалась в течение 17 лет и служила основой для обеспечения стабильности и политической безопасности Европы и единой Германии. Но теперь она находится под угрозой, потому что американцы, разместив ПРО в Польше и Чехии, сломают эту стабильность. Почему? Соглашение между Бушем-старшим и Горбачевым означало в основе своей – стратегически, с точки зрения политики безопасности, – статус кво в Европе. Абсолютно ясно, что этот статус кво не может быть изменен в одностороннем порядке. Развертывание этих объектов ПРО означало бы, во-первых, заключение в рамках международного права соглашений между США и Польшей, США и Чехией и соглашений, которые затронули бы как НАТО, так и ЕС. Почему? Эти 10 запланированных к размещению противоракет, по моему мнению, совершенно несущественны для безопасности русских. Однако по-другому обстоит дело с РЛС в Чехии, радиус действия которой может охватывать территорию до Урала. Да и кто говорит, что дело ограничится 10 противоракетами и речь лишь о том, что эти базы должны быть экстерриториальными? Кто будет контролировать, что нас ожидает через несколько лет? И на что тогда будет нацелено это оружие?

Для разъяснения этой позиции хочу рассказать одну историю. Не хочу говорить о шоке, который испытала американская элита после запуска первого советского спутника и который был таким же глубоким, как и потрясение американской общественности после 11 сентября 2001 года. Американцы отреагировали моментально и вынуждены были, что было правильно, заменить свою стратегию «массированного возмездия» стратегией «гибкого реагирования». Второй вывод, который они сделали, – «теперь нам придется договариваться с этими проклятыми москвичами о стратегических ограничениях». Следствием этого явились соглашения между США и СССР по ограничению (ОСВ) и сокращению (СНВ) стратегических наступательных вооружений. Третий пункт – указание американского президента: «Мы должны стать снова неуязвимыми». И с тех пор американское правительство, будь то республиканцы или демократы, прилагало гигантские усилия в финансовой и технологи-

ческой сферах, чтобы восстановить неуязвимость. Так появилась программа «звездных войн» (Стратегическая оборонная инициатива). Когда выяснилось, что она неосуществима, приняли решение «быть поскромнее». И в 1987 – начале 1988 года американское правительство обратилось к Англии, Франции и Германии с призывом объявить о готовности разместить американские системы ПРО на нашей территории. Но наш анализ показал тогда – эти ракетные системы явятся возмутителем спокойствия в Европе, поскольку англичане согласятся, а французы отклонят, и, если немцы согласятся, немецко-французское сотрудничество, определяющее приоритеты политики в рамках ЕС, будет заблокировано на долгое время.

Тогдашний бундесканцлер Коль отправил в Вашингтон для зондажа советника по безопасности Тельчика. Он должен был выяснить, готовы ли американцы при определенных обстоятельствах поделить технологию ПРО. Ответ прозвучал однозначно: нет. Меня это не удивило. Современными технологиями не делятся даже с хорошими друзьями. Федеральное правительство заявило тогда: мы не готовы к принятию решения по ПРО. Это было и корректно, и дипломатично. Но тогда, в 1988 году, не было Ирана. Было абсолютно ясно, что все это направлялось против Советского Союза. Теперь у нас нет Советского Союза, и некоторые думают – по прошествии 19 лет Москва настолько потеряла память, что это прошлое уж никто и не знает, и верит в то, что теперь все направлено против Ирана. Если это так, то в Москве верят и в то, что детей приносит аист.

Теперь о последствиях размещения ПРО. Политическая проблема создается до момента размещения. Совершенно очевидно, что Россия примет контрмеры. Путин заставит генералов, и они не рискнут противоречить. Если же случится так, как уже случалось, Польша станет возмутителем спокойствия внутри НАТО и на это не нужно особых гарантий со стороны Америки. Потому что если НАТО функционирует, тогда не нужно никаких особых гарантий, как, к примеру, в странах Балтии – разве там требуются какие-то особые гарантии? И Польша начнет требовать дополнительных вооружений, чтобы создать противовес контрвооружениям русских, а именно – ракет малой дальности. В противовес американским ракетам малой дальности понадобятся соответствующие системы вооружений русским. Это мне напоминает дискуссии о ракетах средней и малой дальности во времена ФРГ и ГДР. Потребовалось много времени, чтобы от них избавиться. И что же, теперь вся эта ерунда должна начаться снова?! Помимо этого, совершенно не исключено влияние на обычные вооружения. Таким образом вся система стабильности в военной области, созданная 17 лет назад, ставится под вопрос. Поскольку она основывалась на том, что уже было сказано: в Европе существует только общая безопасность, а не порционная, не разделяемая, особая безопасность для двух или трех государств. Во-вторых, не раз было сказано: у нас есть общие интересы, надо сохранить безопасность посредством кооперации, сотрудничества. И это тоже торпедируется. То есть если мы представим последствия этих противоракетных планов, то вместо кооперации в Европе появится конфронтующий элемент, который никого не оставит вне угрозы, незатронутым. Другими словами, если нынешний политический курс останется на вооружении, результат немецкой политики разрядки может оказаться разбитым в щепки.

В принципе решение проблемы достаточно простое. Оно базируется на основополагающем понимании между Вашингтоном и Москвой того, может

ли Совет НАТО–Россия быть подходящим органом, чтобы улаживать или прояснять детали, и на том, чтобы для еще пока несуществующих ракет, которые в любой момент могут быть разработаны в Иране, создать общеевропейскую систему ПРО: русская техника, американская техника с элементами из Европы. И я надеюсь, что это произойдет, тем самым мы предотвратили бы потенциальный политический взрыв.

А теперь я подхожу к пункту: межевропейское пространство, Кавказ и демократизаторство. Я всегда придерживался точки зрения, что одна из основных бед, постигших Россию, связана с именем Ельцина. Он путем декрета объявил Россию демократической страной. Это, естественно, не сработало. Гвоздь заключался в том, что на Западе ряд людей хотел в это верить. Они попытались «пригвоздить» Россию к демократии. Неоднократно упомянутый мной президент Буш-старший по окончании конфликта Запада и Востока сказал: Россия должна развиваться в соответствии со своими традициями. О демократии при этом речь не шла. Я абсолютно уверен, что и дети Путина еще не будут демократами, но, может быть, его внуки. Но если в России установится демократия, то это не будет демократия а la Европа или а la Америка. Это будет демократия а la Russie. И это тоже было бы прекрасно. У демократии много положительного. Меня привлекает в особенности то, что Россия станет предсказуемой, будут существовать правовые гарантии и разовьется правовое государство. Мы не должны забывать, что немцы тоже жили не при демократии во времена правления Бисмарка и Вильгельма, тем не менее это было правовое государство. И это было бы достаточным условием. Более ничего и не нужно. Я очень скептически настроен против демократизаторства. Это всего лишь отвлекает от того, что действительно требуют интересы стабильности на Востоке и на Западе.

И последний пункт. Является ли Россия частью Европы? И да, и нет. Россия не может не смотреть в сторону Азии. Это она и делает. Она не может жить по-другому, кроме как в этой двуклостности, в лагере двойных интересов. Причем, с моей точки зрения, заинтересованность Европы состоит в том, чтобы Россию по возможности привязать ее интересами в Европе, помимо того, что она будет и должна предпринимать в азиатском направлении.

В. Гусейнов. Эта сессия в какой-то степени продолжает обсуждение вопроса о том, почему на Западе в Россию не верят. Я уже говорил на эту тему. Хотел бы только добавить, что я все-таки смотрю на будущее с оптимизмом и убежден, что абсолютное большинство населения России принимает демократию как ту ценность, которая необходима российскому обществу. Конечно, Россия не может повторять демократию немецкую, французскую или иную, как сказал г-н Бар. Естественно, наша демократия будет формироваться и формируется с учетом национальных особенностей, в нее будет привнесена национальная философия, национальная культура, а с философией и культурой у российского народа все в порядке, можно даже иногда одалживать другим, тем, кто хочет забежать вперед.

Сегодня во многих городах Европы можно услышать на улицах русскую речь, а в российских городах – речь немецкую, французскую, английскую и т.д. Пока политологи и ученые теоретизируют, жизнь, на мой взгляд, по-своему диктует широким слоям общества более энергичные усилия. И когда говорят о том, что у иностранного бизнеса нет перспектив в России, у меня всегда закрадываются сомнения: то ли человек не очень хорошо знаком с

российской действительностью, то ли он кривит душой или преследует что-то другое, чего я не понимаю. Те, кто был в России, знает, насколько глубоко взаимно интегрированы западноевропейский, американский, азиатский, российский бизнес. Это показывает даже беглая прогулка по улицам российских городов. Процесс взаимопроникновения бизнеса, демократии, культуры, общечеловеческое общение идут независимо даже от состояния политической атмосферы. И, честно говоря, когда ЕС вполне серьезно собирается рассматривать вопросы, связанные с ограничениями в странах ЕС российского бизнеса, например в области энергетики, у многих граждан России возникает закономерный вопрос: как же так, вы нас призывали к демократии, учили основам либерализма и вдруг собираетесь принимать антилиберальные законы.

Россия хочет видеть Евросоюз сильным, монолитным, процветающим на далекую перспективу. По одной простой причине: Россия – европейская страна, и она стремится к еще более тесной экономической и культурной интеграции со странами ЕС, хотела бы еще более тесного сотрудничества в оборонной, политической сферах. И отнюдь не стараниями России на этом пути сооружаются новые бастионы и преграды.

Мне представляется, что сегодняшний разговор имеет принципиальное значение не только для нескольких десятков людей, собравшихся здесь, желающих достичь взаимопонимания и быть проводниками этого взаимопонимания. Чем больше будет таких контактов и встреч, тем больше будет хороших позитивных изменений в архитектуре общей Европы.

С.Кортунов. Вопрос нашей сессии звучит так: ЕС и Россия: противники или партнеры?

Мой главный тезис состоит в том, что они не являются ни противниками, ни партнерами. И объясняется это следующим: у России и ЕС просто разный уровень международной субъектности. Нужно признать, что фактически на данном этапе ЕС не является договороспособным субъектом. Он может стать договороспособным субъектом лишь после «переваривания» стран Центральной и Восточной Европы. А это произойдет где-то лет через 15–20.

С другой стороны, Россия стала гораздо сильнее. Она стала позиционировать себя как самостоятельный субъект, почувствовала свою силу, способность быть действительно независимым центром мировой политики. Поэтому уровень субъектности Евросоюза и России абсолютно разный.

Кроме того, нас очень раздражает навязчивая идея демократизации постсоветского пространства. А фактически за этим стоит откровенный внешнеполитический диктат, подкрепленный субъектностью ЕС, который политически прикрыт идеей равноправного политического партнерства. Поэтому, в частности, мы, собственно говоря, и не торопимся с заключением нового соглашения с ЕС, о чем, в частности, говорил А.Денисов. И поэтому в России возникает вопрос: кто вы такие? Можете ли вы договариваться?

Следующий момент – Балканы. Россия с Балкан ушла (может быть, не навсегда), и поэтому участие России в балканском кризисе имеет в большей мере внутривнутриполитическое измерение, чем внешнеполитическое. То есть наше участие в процессе балканского урегулирования важно для нас как подтверждение статуса великой державы.

Станет ли Косово прецедентом, если его признают независимым государством? Думаю, что не станет, потому что политической воли и ресурсов при-

нать самопровозглашенные государства на постсоветском пространстве у России нет.

Кавказ, Центральная Азия. Здесь ситуация прямо противоположная. У ЕС нет политической воли и ресурсов, чтобы участвовать в разрешении здешних конфликтов. Нет политической воли, чтобы, так сказать, инвестировать и политический, и материальный капитал в эти конфликты. Это российское бремя. С этим надо согласиться, с этим нам надо жить.

Поэтому, отвечая на вопрос: есть ли возможность разграничения сфер интересов между ЕС и РФ, я отвечаю – такой возможности нет.

И последнее. Был задан вопрос относительно общих интересов и ценностей. Думаю, что в стране Гете и Гегеля об этом действительно стоит поговорить. Я могу назвать некоторые наши ценности, которые, на мой взгляд, и отличают Россию от Европы.

Вот эти ценности:

- небесное (или космическое) выше земного;
- духовное выше материального;
- коллективное выше индивидуального и личного. Соответственно государственно-национальные интересы выше личных и общественных интересов;
- справедливость выше закона;
- будущее значительнее настоящего и прошлого.

Оба последних постулата концептуально связаны. Соответственно интересы будущих поколений для России выше интересов нынешних поколений.

Я соглашусь с Эгоном Баром в том, что Россия должна стать правовым государством, в котором закон должен стать основой демократизации.

Эгон Бар. Я на 99% согласен с тем, что сказал г-н Картунов. В особенности о том, что ЕС для России – ни противник, ни партнер. Мы хотим стать одним из пяти полюсов – наряду с Америкой, Россией, Китаем, Индией. Но Америка не заинтересована в том, чтобы Европа настолько укрепилась, чтобы играть роль полюса. Это отличается от того, что вы сказали. Я думаю, что европейские ценности не идентичны с американскими и не идентичны с российскими ценностями. Но ведь уже достаточно, если мы даже будем делить только одну общую ценность, и то мы будем иметь общие, надеюсь, растущие интересы. И я хотел бы напомнить, что Германия является фактором, который имеет свою традицию в развитии с Россией связей, почти дружбы, практически на протяжении 40 лет. Начало было положено Брандтом, продолжено Шмидтом, Коелем, Шредером и продолжается сегодня Ангелой Меркель: выражение *стратегическое партнерство*, четко определенное Шредером, передала Ангела Меркель в своем первом правительственном выступлении. И мы полностью осознаем, что Германия в своей 40-летней традиции собрала капитал доверия, который можно применять в случае критического обострения ситуации. Уверен, что этот капитал понадобится нам, чтобы помешать тому, о чем я только что упомянул, или в чем я выразил опасение.

Что касается Кавказа, могу сказать: со стороны американцев на членов НАТО в наступающем году будет оказываться давление с целью получить согласие в отношении подготовки к принятию Грузии в свой состав. Как мы на это среагируем – другой вопрос, но все это происходит еще под руководством нынешнего американского президента, и я не рассчитываю на какое-либо базовое изменение стратегической линии, так же как и не рассчитываю на ка-

кое-либо изменение стратегической линии сегодняшнего Президента России и его преемника. Ситуация предсказуема.

В. Гусейнов. О сотрудничестве России и Германии. Считаю, что сама история российско-германских, а затем германо-советских отношений очень непростая. Сегодня мы даже стесняемся вспоминать некоторые периоды наших отношений, скажем, о том, какие они были во времена Хрущева и Брежнева. Я думаю, такие взлеты в истории международных отношений очень редки, их можно пересчитать на пальцах. Можно вспомнить три-четыре таких случая, когда государства, которые находились в острых антагонистических отношениях, смогли так быстро преодолеть экономические и политические барьеры. Поэтому я смотрю с оптимизмом на будущее сотрудничество России и Германии.

Что касается оборонной и внешней политики России и ЕС. Я думаю, что какие-то элементы совместной внешней политики между Россией и ЕС все-таки есть. Так, в определении, что такое терроризм, какие меры следует принимать для борьбы с ним, участие в совместных военных актах и т. д. Все это говорит о том, что имеются определенные прецеденты, созданы заделы, используя которые, можно развивать и углублять это сотрудничество.

Мы все должны наконец-то понять, что ни Европа, ни Россия не уйдут с этого континента. Мы просто обречены на сотрудничество. Очевидно, проблема еще и в политических элитах наших стран. Наверное, нужно время, чтобы политические элиты действительно прозрели, стали более концептуальными, более демократичными, открытыми и всерьез занялись созданием новой конструкции наших отношений, о которых мы сегодня много говорили.

Что касается ПРО. Кто-то из выступающих высказал мысль, что негативная реакция России на размещение американской ПРО в Европе вызвана лишь намерением внести раскол в ряды НАТО. Поверьте, нельзя так думать о народе России, который в XX веке многое перенес, как и другие народы, понес огромные человеческие потери, пережил ужасы многих войн, включая мировые и гражданские войны. И когда речь идет об опасности, которая зреет вблизи границ России, каждый русский с тревогой вспоминает то, что было в 1914, в 1939, 1941 годах и еще ранее. Поэтому тревожная реакция России на развертывание военных систем вблизи наших границ – абсолютно нормальная реакция, и так думает большинство нашего населения.

Эгон Бар. Сотрудничество Германии и России и инвестиции в экономику превосходны, отношения на политическом уровне – в порядке. Утверждение о том, что канцлер Ангела Меркель только прилагает усилия, чтобы не создавать существенные конфликты с Америкой, и то, что ей ставится в укор – якобы она отворачивается от России, есть абсолютная чушь. Она знает, каким капиталом ей приходится управлять. Я считаю чудом, что после всего случившегося между нашими государствами и народами в истории: война, послевоенное разделение, нет ни малейшего признака унаследованной враждебности. Это доверие соседствующих сторон, хотя мы и не имеем совместной границы.

Моя оценка в целом германо-российских отношений – ободряюще позитивная. Думаю, что Россия, конечно, останется глобальным полюсом, и не в последнюю очередь благодаря своему исключительному ядерному потенциалу. Китай в своем развитии – потенциальный конкурент Америки. Об Индии

говорить нечего, она была, есть и будет велика с ядерным потенциалом в своем регионе.

Европа может стать интересным полюсом для остального мира, потому что она явилась бы полюсом, который не имеет территориальных претензий. Мы заинтересованы в стабильности, а не в расширении. И модель европейского общества настолько интересна, что растущее число желающих присоединиться превышает возможность и готовность ЕС принять их. И с этим я подхожу к последнему, немного печальному пункту: состояние ЕС. Вспоминаю одну беседу, состоявшуюся в феврале 1970 года между г-ном Громыко и мной. Он спросил: «Когда можно ожидать, что Европа заговорит единым голосом?». Я ответил: «Господин министр, через 20 лет». Я вернулся в Бонн и доложил об этом Вилли Брандту. И он сказал: «Ты – пораженец». Он никак не мог представить, что это будет длиться 20 лет. Но прошло уже 37 лет! И никто не в состоянии сказать наверняка, когда наконец Европа заговорит единым голосом.

На прошлой неделе я провел три дня в Варшаве и был в достаточной степени подавлен. Между Польшей и Германией царит такая ситуация, что нужно всех участников – и немцев, и поляков – уложить на кушетку психоаналитика. Это почти невозможно объяснить нормальными интеллектуальными средствами, какие коллективные страхи из прошлого царят там против Германии. Во всяком случае, в большей степени, чем против России. И к этому еще добавляется, что близнецы очень умным способом превращают это имеющееся глухое беспокойство перед Германией во внутривнутриполитический инструмент. Не думаю, что они будут готовы к компромиссу до тех пор, пока не пройдут выборы.

Как я говорил ранее, Америка совсем не заинтересована способствовать тому, чтобы Европа превратилась в полюс, с которым нужно будет считаться. Но я вижу притягательность ЕС, экономический потенциал ЕС. ЕС – это единственное объединение в мире, в котором военные ничего не могут сказать и не являются активными участниками. Если мы говорим об усилении ЕС, я надеюсь, что Россия этот факт осознает – организация достаточно кооперативна, чтобы находить необходимые компромиссы.

Афранд ДАШДАМИРОВ

КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕСТРОЙКИ: ТРЕТЬЯ СТОРОНА КОНФЛИКТА¹

События лета и осени 1989 года наглядно подтверждали, что главным источником радикализации массового национального движения были армяно-азербайджанский конфликт, провокационный характер политических акций сепаратистского движения в НКАО. Именно в ходе ответных действий на вызовы армянской стороны вырос и окреп НФА как реальная, хотя долгое время официально не признававшаяся политическая сила.

Быстро растущий политический капитал организованной оппозиции тем и определялся, что Народный Фронт формировался, во-первых, в атмосфере острого азербайджано-армянского противостояния как неформальный выразитель общественного мнения, массовых настроений; а во-вторых, в ходе массовых протестных выступлений широких слоев населения республики.

Взяв на себя роль инициатора и организатора летне-осенних протестных выступлений социально активной части оппозиционно настроенного населения, НФА обеспечивал себе растущую массовую поддержку. Падение авторитета и влияния компартии республики, республиканской власти облегчало выход оппозиции на политическую арену, порождая властные амбиции у ее лидеров. Это, в свою очередь, побуждало часть радикально настроенных деятелей НФА искать поддержку среди беженцев, городских низов, люмпенизированных слоев общества, вступая в коалицию с выдвинутыми этой среды. Среди них преобладали молодые, экстремистски настроенные, малообразованные, склонные к авантюризму люди, заявлявшие себя преданными национальной идее патриотами. Они завораживали толпу пламенными речами, популистскими заявлениями, безответственными призывами, толкали людей на провокации, деструктивные действия.

К августу 1989 г. развитие этнополитического кризиса в Азербайджане достигло той остроты, которая уже не позволяла руководству республики не считаться с Народным Фронтом как влиятельной политической силой, возглавляющей массовое движение в защиту территориальной целостности республики. На этом фоне антиармянские настроения и мотивы массового движения все больше использовались лидерами НФА в качестве средства давления на республиканскую власть.

Массовые демонстрации, митинги, забастовки, организуемые Народным Фронтом, радикально изменили обстановку в республике, обозначили дальнейшее углубление этнополитического кризиса, когда растущий напор «низов» и неуверенное, нервозное политическое поведение «верхов» все больше усиливали опасность возникновения неконтролируемых ситуаций в регионах республики и особенно в ее столице. На

¹ Продолжение. См.: Вестник аналитики №3–4, 2005, №2–3, 2007.

массовых митингах, проходивших на главной площади Баку, было выдвинуто требование созвать внеочередную сессию ВС республики, чтобы обсудить ситуацию в НКАО и принять решение о ликвидации Комитета особого управления НКАО, принять конституционный закон о суверенитете и экономической самостоятельности республики, прекратить особое положение и комендантский час в Баку и районах, наконец, официально признать НФА.

С 4 сентября НФА была объявлена недельная общенациональная забастовка, охватившая практически всю производственную инфраструктуру республики, за исключением предприятий, обеспечивающих жизнедеятельность населения. К забастовке впервые присоединились железнодорожники, что парализовало работу не только Азербайджанской, но и соседних Закавказской и Северокавказской железных дорог.

Общенациональная забастовка в Азербайджане мощным эхом прокатилась по всему Советскому Союзу, создав большие трудности экономике всей страны. Только за первые четыре дня забастовки промышленность Азербайджана недодала продукции на 130 миллионов рублей. Перед лицом значительных экономических потерь, а главное, неподдельной решимости трудового населения продолжить забастовку дальше республиканское руководство вынуждено было пойти на переговоры с НФА. Первые результаты этих переговоров были обнародованы 9 сентября на многотысячном митинге в Баку. Второй секретарь ЦК Компартии Азербайджана В.Поляничко проинформировал участников митинга о решении Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР провести 15 сентября внеочередную сессию Верховного Совета республики и пригласить на нее представителей НФА и других общественных организаций.

Особенности этого поворота определялись низовой (т.е. со стороны массового сознания) легитимацией общественно-политического статуса Народного Фронта как авангарда борьбы за Нагорный Карабах. Однако эпицентром политических событий все больше становилась не территориальная проблема, а взаимоотношения власти и оппозиции, способность последней влиять на массы и власть. С какого-то момента этот аспект отношений власти и оппозиции стал заслонять основную карабахскую линию деятельности НФА.

Массовые демонстрации, митинги, забастовки несли с собой серьезную угрозу роста политического радикализма, что серьезно ослабляло позиции республики в противостоянии с Арменией. Хотя забастовочные акции не без основания мотивировались как средство давления и на союзный центр, и на противоположную сторону конфликта, они воспринимались в верхах как демонстрация силы НФА.

Вместе с тем растущий напор «снизу» и неуверенное, нервное поведение «верхов» все больше усиливали опасность возникновения в республике, прежде всего в столице, неконтролируемых ситуаций с самыми тяжкими последствиями, что могло дать повод центру вмешаться в эту ситуацию с целью ее «стабилизации». Растущее беспокойство в обществе, вызванное радикализацией протестного движения, опасной тенденцией дестабилизации обстановки в городе, отразилось в обращении Бакинского городского Совета народных депутатов к населению города (принятое в первых числах сентября):

«Сегодня волна забастовок захлестнула нашу республику.

Общественно-политическая картина в столице нашей республики – Баку малопривлекательна: выбилась из привычного ритма работа предприятий, нарушены графики движения транспорта, увеличилось количество людей, не подчиняющихся советским законам, хулиганских выходов.

На путях застыли без движения поезда, груженные продовольствием, топливом, серьезные удары наносятся по экономике республики, день ото дня осложняется обеспечение населения города важнейшими продуктами питания.

Очевидно, мы привыкли с опозданием сожалеть о случившемся. Нынешняя забастовка уже вышла за рамки вопроса о Нагорном Карабахе. Нагорный Карабах – неотделимая

часть Азербайджана. Он – бьющееся сердце каждого из нас. Прикрываясь вопросом о НКАО, в республике неистовствуют мафия и связанные с ней единой целью схожие элементы, антисоветские и антикоммунистические группировки, вступившие в связь с экстремистскими националистическими группами, действующими в различных регионах нашей страны. Они развешивают на стенах листовки, в которых оскорбляются партийные и советские руководители, депутаты, унижается национальное достоинство, чувства народа, рассылают по различным адресам всевозможные письма. Не скроем, что мы находимся в преддверии событий, которые могут иметь тяжелые, катастрофические последствия.

Проанализировав все происходящие события, депутаты Бакинского городского Совета народных депутатов обращаются к вам. Наступило время положить конец забастовкам, наносящим вред экономике республики, осложняющим жизнь населению. Нельзя забывать, что рабочая армия, которая трудится на предприятиях, фабриках и заводах города, – нравственное лицо, сила и опора депутатов.

Еще раз обращаемся к вам: чтобы избежать катастрофы, нависшей над Азербайджаном, надо протянуть друг другу руки, объединиться. Только это единство поможет вылечить нравственные раны нашей республики. Тогда все наши шаги и победы будут еще более мощными и непоколебимыми»².

Это обращение, проникнутое ощущением надвигающейся катастрофы, сегодня невозможно воспринимать иначе, как пророческое предупреждение о трагических последствиях неконтролируемого нарастания политического противостояния власти и оппозиции. Оно было принято по инициативе Бакинского комитета партии, его первого секретаря М.Р.Мамедова. Позже, после январских событий, когда настало время политических оценок, об этом было не случайно забыто.

В постановлении Национального собрания (Милли Меджлиса) Азербайджанской Республики от 29 марта 1994 года «О трагических событиях, имевших место в г. Баку 20 января 1990 года» (так же, как и в аналогичном постановлении ВС в 1992 г.) говорилось: «Отметить, что Председатель Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР Эльмира Кафарова, первый секретарь Бакинского городского комитета Коммунистической партии Азербайджана Муслим Мамедов, будучи высокопоставленными должностными лицами, несут политическую ответственность за непринятие каких-либо конкретных мер в связи с вводом в город Баку воинских подразделений советской империи и необеспечение безопасности граждан»³.

Несправедливость и необъективность подобных оценок очевидна каждому, кто понимает, что в обстановке, явно вышедшей из-под контроля властных структур, ни Президиум ВС, ни горком вместе с Баксоветом не обладали теми реальными рычагами власти, при помощи которых могли бы осуществить «какие-либо конкретные меры» без решающей роли республиканских органов власти. Главное – нельзя было допускать, чтобы ситуация становилась неконтролируемой и угрожающей безопасности населения. Кроме того, чтобы достигнуть на компромиссной основе определенного согласия республиканской власти и оппозиции, требовалась воля с обеих сторон. Такая воля проявлена не была. Что же касается и Э.М.Кафаровой, и М.Р.Мамедова, то в течение осени 1989-го они делали все, что было в их силах для предотвращения опасного хода событий. И не их вина, что эти усилия не были поддержаны, а предупреждения о возможных последствиях не были услышаны.

Между тем в сентябре–октябре еще можно было предотвратить губительные последствия растущего внутривластного противостояния. Требования, выдвигавшиеся забастовщиками и манифестантами, были резонными и обоснованными. Речь шла

² «Бакинский рабочий». 9 сентября 1989 г.

³ «Бакинский рабочий». 8 апреля 1994 г.

о возвращении Нагорного Карабаха под юрисдикцию Азербайджана, об отмене не оправдавшего себя особого управления НКАО. Речь далее шла о принятии со стороны центральных органов жестких правоохранительных мер, ограждающих население приграничных районов республики от кровопролитных нападений армянских вооруженных формирований. Руководство республики должно было откликнуться на эти требования, оппозиция – прислушаться к доводам о невозможности их моментального осуществления.

Оппозиция требовала созыва внеочередной сессии Верховного Совета, обсуждения на ней наболевших социально-экономических и политических проблем, принятия решений, направленных на демократизацию общества и укрепление политической и экономической самостоятельности республики. Все эти и другие требования поддерживались обществом, отвечали настроению текущего политического момента. Однако руководство республики не поспевало за событиями, изменениями ситуации на карабахском направлении и в состоянии самого азербайджанского общества. Сочетание политической амбициозности радикальной части оппозиции и низкой политической культуры по обе стороны внутринационального противостояния углубляло политический кризис в республике, что явно ослабляло позиции республики в противостоянии с Арменией.

Были и другие факторы, затруднявшие политический диалог власти и оппозиции. Среди них – приверженность большинства участников событий к недемократическим формам и стилю политического поведения, неготовность, нежелание руководителей республики всерьез воспринимать лидеров оппозиции, их консерватизм и неповоротливость, а с другой стороны – радикализм вторых, их нетерпимость и негибкость. Было очевидно, что руководство республики не владеет политической инициативой и все больше теряет контроль над ситуацией в обществе. К тому же, чем дольше затягивалось официальное признание Народного Фронта, тем больше последующие шаги вынужденного признания приобретали унижительный характер политической капитуляции.

Не лишена оснований и такая точка зрения, согласно которой ни союзному центру, ни республиканскому руководству «не нужно было демократическое народное движение в Азербайджане, борющееся за экономический и политический суверенитет республики мирными политическими средствами. Развивайся народное движение Азербайджана мирным демократическим путем, не встречая бешеного сопротивления и травли со стороны Компартии Азербайджана, добиваясь конституционным путем защиты суверенитета и территориальной целостности республики при поддержке республиканского руководства... не было бы возможности для его дискредитации в союзном и мировом общественном мнении, условий для его перерождения»⁴.

Ни одно из требований НФА не было выполнено руководством республики без силового нажима «снизу». Словно специально формировалось убеждение в «низах», что «только насильем можно чего-то достигнуть, а цивилизованная политическая борьба, о которой бубнит это демократическое крыло, это не наш путь, мы – не Прибалтика... Таким путем у людей создавали стойкое представление – с этим строем и его лидерами можно говорить только с «позиции силы», этим путем создавался авторитет, накачивались политические фигуры тех лидеров НФА, которые призывали к силовому давлению»⁵.

Подготовка к очередной, плановой сессии Верховного Совета велась еще с лета. Согласно официальному сообщению на обсуждение готовились вопросы, посвященные укреплению суверенитета Азербайджанской ССР, развитию самостоятельности республики в законодательной, политической, хозяйственной, духовной и других областях общественной жизни. Предполагалось заслушать «сообщение о работе Комиссии по делам межнациональных отношений и интернациональному воспитанию Верховного Совета Азербайджанской ССР и ряд других вопросов... в том числе вопросы

⁴ Лейла Юнусова. Мера ответственности политика. «Истиглал». № 4. 1990. С. 9.

⁵ Там же. С. 10–11.

совершенствования функционирования азербайджанского языка как государственного языка республики, повышения роли местных Советов в развитии культурного строительства»⁶.

Круг намеченных вопросов носил явно популистский характер. На обсуждение выносились наиболее дискуссируемые в среде интеллигенции проблемы. Создавалось впечатление, что власть откликается на запросы общества. Не был забыт и национальный вопрос, которым ведала соответствующая парламентская комиссия ВС, курируемая государственно-правовым отделом ЦК Компартии Азербайджана. Таким образом, центральным вопросом сессии ВС стало положение в НКАО, а также рассмотрение проекта закона о суверенитете республики, подготовка которого также была поручена государственно-правовому отделу Центрального Комитета Компартии.

Приступая к работе над проектом доклада по основному вопросу, я исходил из того, что Верховный Совет не должен ограничиваться обсуждением только текущей ситуации в регионе. Необходимо было выработать комплексную стратегию борьбы за территориальную целостность республики. Как показал полугодовой опыт противостояния, требовалась собственная концепция карабахского вопроса, выражающая азербайджанскую точку зрения на геополитический, этнотерриториальный, этнодемографический, исторический, информационный и т.д. антиазербайджанские вызовы Армении. К тому же сложившаяся в регионе критическая гуманитарная ситуация не была проанализирована и концептуально осмыслена. Соответственно не было выработано целостной программы эффективного противодействия посягательствам на территориальную целостность республики, восстановления на всем ее пространстве политической стабильности. Такое положение было одной из немаловажных причин того, что армянская сторона продолжала удерживать стратегическую, в том числе и пропагандистскую инициативу, создавая позитивный автостереотип и в то же время продолжая провоцировать дальнейшую эскалацию конфликта. При этом свободно маневрируя, периодически сменяя тактику, мастерами используя закулисные рычаги влияния на центры принятия решений в Москве. В итоге, сохраняя образ жертвы конфликта, Армения шаг за шагом добивалась отторжения автономной области в административной, социально-экономической плоскости.

Вся стратегия азербайджанской стороны сводилась главным образом к ответным политико-правовым реакциям на вызовы Армении и Степанакерта.

Между тем территориальные притязания Армении, сопровождаемые политико-идеологическим обеспечением, содержали вызов азербайджанской государственности и идентичности. Очень скоро обнаружилось, что с ее стороны ведется настоящая, и не только информационная, война во многих ее враждебных проявлениях. Осознавая эту реальность, найти свой ответ на эти угрозы в Баку долго не могли. И это, собственно говоря, вынуждало общество, население самим находить и применять доступные средства защиты. Не располагая комплексной, реалистической программой выхода из этой ситуации, республика периодически оказывалась в хвосте стихийных событий, которые регулярно провоцировались армянской стороной.

Исходя из этих соображений, и был подготовлен аналитический доклад, в конспективной форме осветивший основные причины, обстоятельства и события армяно-азербайджанского конфликта, сложившуюся в республике этнополитическую ситуацию, наиболее тревожные тенденции ее дальнейшего развития. Особое внимание было уделено возможным политическим, организационным и социально-экономическим мерам, идеологическим акциям, необходимым в данной ситуации, применению административно-правовых мер по отношению к активистам сепаратистского движения, незаконным вооруженным формированиям, терроризирующим азербайджанское население.

⁶ «Вышка». 3 августа 1989 г.

Если и дальше допускать, по сути, бесконтрольное развитие конфликта, события могут приобрести непоправимый, необратимый характер, подчеркивалось в проекте доклада. Азербайджанская ССР поддержала введение особой формы управления в НКАО в качестве вынужденной и временной меры. Республика пошла на существенное ограничение своего суверенитета в НКАО. Однако наша республика фактически была отстранена от всех вопросов политической и хозяйственной жизни автономной области, хотя в Указе Президиума Верховного Совета СССР устанавливалось, что КОУ руководит предприятиями, учреждениями и организациями области с учетом мнения правительства Азербайджанской ССР. На этом фоне многие структуры области стали переподчиняться Армении и другим регионам СССР. И все это происходило в условиях, когда азербайджанское население области оказалось брошенным на произвол судьбы и вынуждено под страхом угроз и насилия покидать ее пределы. Введение особой формы управления не защищало граждан азербайджанской национальности, не привело к улучшению положения. Более того, затянувшийся конфликт вел к новому, более опасному витку эскалации, милитаризации межнациональной конфронтации, в которую втягивались все новые слои и группы населения.

Комитету так и не удалось восстановить элементарные конституционные права граждан, незаконно уволенных с работы по национальному признаку, изгнанных с мест постоянного проживания. Отрицательную роль играет то, что особая форма управления была введена практически лишь на областном уровне. Отсутствие соответствующих структур комитета особого управления в основных населенных пунктах автономной области позволило сепаратистским силам открыто заниматься деструктивной деятельностью, провоцировать межнациональные столкновения, противодействовать стабилизации обстановки.

За истекшие восемь месяцев ни один из зачинщиков беспорядков, руководителей забастовок, несанкционированных митингов и шествий не привлечен к ответственности. Комитетом особого управления не осуществлены действенные меры по восстановлению законности и правопорядка, практически не реализовано право приостанавливать полномочия районных, городских, сельских, поселковых Советов, их исполнительных и распорядительных органов. Поощренные невмешательством Комитета, сепаратистские структуры организовали созыв так называемого «съезда полномочных представителей населения НКАО».

Теперь ближайшая неотложная цель – последовательное восстановление юрисдикции республики в НКАО, создание необходимых политических, экономических, социальных и правовых гарантий для осуществления каждым жителем, всем населением области своих конституционных прав, гражданских свобод и обязанностей. Важнейшее условие достижения этой цели, говорилось в заключении доклада, – обретение политической стабильности и согласия в обществе, единства действий всех политических и социальных сил республики. Пока этого не будет достигнуто, время будет работать против нас. Мы стремительно приближаемся к еще более опасной и непоправимой ситуации. Все, что волнует, беспокоит людей, можно решать только в контролируемой обстановке. В обстановке страха и насилия нельзя решить ни один вопрос.

Таковы некоторые соображения и выводы, извлеченные из текста шестидесятитрехстраничного доклада. Его должны были размножить и разослать депутатам ВС (после обсуждения на бюро ЦК) в качестве основы для политической дискуссии. Предполагалось, что в ее итоге будут приняты решения, создающие общую платформу совместных действий власти и оппозиции в карабахском направлении, невзирая на разногласия по другим вопросам. Несмотря на всю сложность создавшегося вокруг НКАО положения, на тяжкие последствия межнационального конфликта, этнополитическая ситуация еще не была настолько безнадежной, чтобы опускать руки. Однако все вышло иначе. Вопреки существовавшей тогда практике концепция доклада на бюро ЦК не обсуждалась, каких-либо рекомендаций по содержанию доклада руководством дано не было. Над текстом шла работа лишь в пределах моего видения проблемы. По ее завершении текст был разослан всем членам бюро ЦК, которые прислали множество за-

мечаний, они были учтены в ходе доработки. В последний момент, накануне сессии ВС, с текстом доклада ознакомился первый секретарь ЦК КПА и выразил несогласие с содержащимися в нем оценками и выводами по поводу КОУ. Таким образом, текст доклада не был утвержден. Было решено «озвучить» только вводную часть текста доклада, в которой содержались предварительные суждения о последствиях карабахского конфликта и не затрагивалась деятельность КОУ НКАО. Выступить на сессии ВС с урезанным вариантом доклада было поручено первому заместителю председателя Президиума Верховного Совета республики Н.С.Фаталиеву.

Ожидавшие от руководства республики серьезного, развернутого программного документа, депутаты были возмущены столь поверхностным и куцым освещением карабахской проблемы. Это вызвало настоящий скандал, своеобразный бунт значительной части депутатской номенклатуры, все более смыкавшейся с оппозиционными настроениями. Вопреки упоминавшейся договоренности, достигнутой между А.Х.Везириным и правлением НФА, на рассмотрение сессии был внесен проект решения, предусматривавший не ликвидацию КОУ, а требования об улучшении его работы. Члены правления НФА в знак протеста покинули зал заседания, заявив о возобновлении общенациональной забастовки. Работа сессии ВС была прервана и лишь после длительных закулисных переговоров, глубокой ночью она возобновила свою работу: на голосование был внесен измененный проект решения об отмене особой формы правления в НКАО⁷.

**Постановление
Верховного Совета Азербайджанской ССР
«О положении в Нагорно-Карабахской автономной области
Азербайджанской ССР»**

Верховный Совет Азербайджанской ССР, обсудив доклад о положении в Нагорно-Карабахской автономной области, выражает глубокую озабоченность ситуацией в этом регионе республики...

На протяжении полутора лет не прекращаются забастовки, несанкционированные митинги, демонстрации и другие акции, направленные на отторжение НКАО от Азербайджана. Имеются человеческие жертвы, растет число беженцев. Рушатся такие основополагающие ценности, как дружба между народами и интернационализм, попираются законность, социальная справедливость, права человека. Все это чревато непредсказуемыми последствиями.

Межнациональный конфликт в НКАО вызвал резкое ухудшение отношений между азербайджанским и армянским народами. Одним из наиболее тяжелых его последствий стала беспрецедентная для Советского государства проблема беженцев. 165 тысяч азербайджанцев вынуждены были покинуть места постоянного проживания в Армянской ССР, кризисные явления вызвали волну переселенцев-армян из Азербайджанской ССР.

Верховный Совет Азербайджанской ССР отмечает, что создание в 1923 году в Азербайджанской ССР Нагорно-Карабахской автономной области, поддержанное всем населением региона, явилось актом доброй воли народа Советского Азербайджана, направленным на обеспечение сотрудничества и дружбы азербайджанцев и армян, народов двух соседних республик.

⁷ Еще в первых числах сентября, выступая в прессе, А.Х.Везиринов признавал, что «надежды, которые возлагались на Комитет особого управления, не оправдались в полной мере. Этому есть немало причин...» Далее следовала критика ошибок и недостатков КОУ. Тем не менее первый секретарь ЦК КПА, видимо, из-за позиции Политбюро ЦК КПСС, не был готов к решению проблемы КОУ кардинальным образом даже тогда, когда подписывал соглашение с НФА. В результате решение, принятое ВС под демонстративным давлением НФА, способствовало, помимо всего другого, значительному укреплению политических позиций радикальных сил в НФА и обществе, уповавших исключительно на силовые методы политической борьбы.

За годы своего существования НКАО, широко используя экономический потенциал Азербайджанской ССР, развивая исторически сложившиеся экономические и культурные связи с другими регионами, добилась немалых успехов в своем развитии.

Вместе с тем искажения национальной политики, имевшие место в стране, болезненно отразились на положении национальных автономий, в том числе и НКАО. В результате этого страдало как армянское, так и азербайджанское население области, республики в целом.

Осуществляемый по инициативе Коммунистической партии курс на перестройку, революционное обновление советского общества создал благоприятные возможности для решения накопившихся проблем. Однако усилия ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства, предпринимаемые руководством и общественностью Азербайджанской ССР меры по нормализации положения в НКАО постоянно встречают активное противодействие антиперестроечных, националистических, экстремистских сил.

Введение в области особой формы управления не привело к улучшению положения, еще более усилило напряженность, углубило и ожесточило межнациональную конфронтацию.

Верховный Совет Азербайджанской ССР постановляет:

Упразднить Комитет особого управления НКАО Азербайджанской ССР и ходатайствовать перед Президиумом Верховного Совета СССР о принятии соответствующего решения по данному вопросу.

* * *

Принимая настоящее постановление, Верховный Совет Азербайджанской ССР выступает за скорейшую нормализацию положения в регионе, национальное согласие, со всей решительностью отвергает любые попытки перекройки границ, вмешательства во внутренние дела суверенной республики.

Азербайджанская ССР располагает всем необходимым для того, чтобы обеспечить политическое, экономическое и социально-культурное развитие как армянского, так и азербайджанского населения в НКАО.

Верховный Совет республики твердо заявляет о стремлении азербайджанского народа жить в мире и добрососедстве с армянским народом, призывает всех взвешенно подходить к решению назревших проблем, подняться выше взаимных претензий и обвинений. Этого требует от нас ответственность перед нашими народами за их настоящее и будущее, за судьбу каждого человека, каждой семьи. Пусть мир и спокойствие придут в каждый наш дом.

*Председатель Президиума Верховного
Совета Азербайджанской ССР Э. КАФАРОВА
Секретарь Президиума Верховного
Совета Азербайджанской ССР Р.КАЗИЕВА
г. Баку, 15 сентября 1989 г.⁸*

Принятие данного постановления создавало совершенно политико-правовую ситуацию во взаимоотношениях Верховного Совета Азербайджанской ССР и Верховного Совета СССР. Этим постановлением практически дезавуировалось решение ВС СССР о создании КОУ, и тем самым оно вынуждало союзный орган вернуться к этому вопросу и заново его рассмотреть. Впервые не было принято во внимание верховенство союзных решений и законов над республиканскими. Республика вопреки советским законам выступила с позиций верховенства республиканских решений. Таким образом, на высоком государственном уровне обозначилась конкретная позиция открытого противостояния республики и союзного центра по карабахскому вопросу. Это был тот редкий случай, когда Азербайджанская ССР отстаивала свои политические интересы не в качестве нижестоящего звена системы советской власти, а в роли самостоятельного субъекта Советской Федерации.

⁸ «Бакинский рабочий». 19 сентября 1989 г.

Не меньшую значимость для укрепления и расширения суверенитета Азербайджанской Республики имели другие решения, принятые этой сессией ВС Азербайджана по вопросам его политико-правового статуса в составе Союза ССР.

**Закон
Азербайджанской Советской Социалистической Республики
«О внесении изменений и дополнений
в статью 70 Конституции (Основного закона) Азербайджанской ССР»**

Верховный Совет Азербайджанской Советской Социалистической Республики постановляет:

Статью 70 Конституции (Основного закона) Азербайджанской ССР изложить в следующей редакции:

«Статья 70. Суверенитет Азербайджанской ССР распространяется на всю территорию. Территория Азербайджанской ССР неделима, неотчуждаема. Изменение границ Азербайджанской ССР является исключительным правом Азербайджанской ССР и может быть произведено народным голосованием (референдумом), проводимым по решению Верховного Совета Азербайджанской ССР среди всего населения республики».

*Председатель Президиума Верховного
Совета Азербайджанской ССР Э. КАФАРОВА
Секретарь Президиума Верховного
Совета Азербайджанской ССР Р.КАЗИЕВА⁹*

Если вышеприведенные изменения и дополнения, внесенные в Конституцию республики, были направлены на законодательное укрепление ее суверенитета в вопросе территориальной целостности и нерушимости границ, то новый конституционный закон о суверенитете существенно расширял властные полномочия республиканских органов законодательной и исполнительной власти. Принятие этого закона стало крупным шагом на пути республики к государственной самостоятельности.

**Конституционный закон Азербайджанской ССР
«О суверенитете Азербайджанской Советской Социалистической Республики»**

Азербайджанская Советская Социалистическая Республика, исходя из права каждой нации на самоопределение, на основе свободно выраженной воли народа республики на началах равноправия и сохранения своего суверенитета объединилась с другими советскими республиками в Союз Советских Социалистических Республик.

Верховный Совет Азербайджанской ССР:

исходя из неотъемлемого права народа Азербайджанской ССР на свободное, самостоятельное определение своей судьбы;

сознавая, что только свободное и равноправное объединение советских наций в рамках социалистической федерации гарантирует их всестороннее развитие;

сознавая насущную необходимость освобождения союзных взаимоотношений от различного рода деформаций, возникших в результате отхода от ленинской концепции Советского союзного государства;

руководствуясь основными принципами, провозглашенными в Договоре об образовании СССР, и положением действующей Конституции СССР о суверенитете союзных республик;

считая необходимым приведение законодательства Азербайджанской ССР в соответствие с ее статусом суверенной республики в составе Союза ССР, принимает настоящий Конституционный закон.

⁹ «Бакинский рабочий». 17 сентября 1989 г.

1. *Азербайджанская ССР – суверенное социалистическое государство в составе Союза ССР. Вся власть в республике принадлежит народу и исходит от народа. Народ осуществляет государственную власть как непосредственно, так и через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу Азербайджанской ССР.*

Суверенитет Азербайджанской ССР выражается в самостоятельном осуществлении Азербайджанской ССР на всей своей территории высшей законодательной, исполнительной и судебной власти в интересах всего многонационального народа республики...

5. *Суверенитет Азербайджанской ССР распространяется на всю территорию республики, включающую Нахичеванскую АССР и Нагорно-Карабахскую автономную область, являющиеся неотъемлемой частью Азербайджана.*

Территория Азербайджанской ССР неотчуждаема и не может быть изменена без ее согласия, выраженного народным голосованием (референдумом), проводимым по решению Верховного Совета Азербайджанской ССР среди всего населения республики.

Границы Азербайджанской ССР с другими союзными республиками могут быть изменены, только по взаимному соглашению соответствующих союзных республик...

...6. *Законы Азербайджанской ССР действуют на всей территории Азербайджанской ССР. На территории Азербайджанской ССР действуют законы СССР, не нарушающие суверенные права Азербайджанской ССР.*

7. *Азербайджанская ССР имеет право свободного выхода из состава СССР. Это право осуществляется путем народного голосования (референдума), проводимого решением Верховного Совета Азербайджанской ССР среди всего населения республики.*

8. *В интересах защиты Азербайджанской ССР, ее суверенитета и безопасности граждан Верховный Совет Азербайджанской ССР в случае необходимости может объявить чрезвычайное положение по всей республике или в отдельных ее местностях с введением особых форм управления, осуществляемого государственными органами Азербайджанской ССР.*

9. *Азербайджанская ССР участвует в решении вопросов, отнесенных к ведению Союза ССР в высших органах государственной власти и управления СССР и других органах Союза ССР. Это право гарантируется путем обеспечения представительства Азербайджанской ССР в органах государственной власти и управления Союза на равных основаниях с другими союзными республиками.*

10. *Земля, ее недра, леса, воды и другие природные ресурсы Азербайджанской ССР являются национальным богатством, государственной собственностью республики и принадлежат народу Азербайджана.*

Народ Азербайджанской ССР в лице его высших органов государственной власти и управления обладает неотъемлемым правом распоряжаться природными и материально-техническими ресурсами республики.

11. *Азербайджанская ССР осуществляет меры по обеспечению экономической самостоятельности республики...*

...14. *Азербайджанская ССР имеет право вступать в непосредственные отношения с иностранными государствами, заключать с ними договоры и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями, участвовать в деятельности международных организаций...*

*Председатель Президиума Верховного
Совета Азербайджанской ССР Э. КАФАРОВА
Секретарь Президиума Верховного
Совета Азербайджанской ССР Р.КАЗИЕВА
г. Баку, 23 сентября 1989 года¹⁰*

Принятием этого закона закреплялось верховенство законов Азербайджанской Республики над законами Союза ССР; за республиканскими органами власти закреплялось исключительное право распоряжаться местными природными и материально-техническими ресурсами; самостоятельно образовывать автономные республики и

¹⁰ «Бакинский рабочий». 5 октября 1989 г.

области в своем составе и упразднять их; объявлять в случае необходимости чрезвычайное положение и вводить особую форму правления по всей республике или отдельных ее местностях. Многие позиции закона были явно продиктованы политической ситуацией, вызванной карабахским конфликтом, и выражали стремление законодательно обеспечить защиту суверенитета республики от угрозы вмешательства извне. Особое значение имели статьи, содержащие правовое обеспечение экономического суверенитета республики, ее хозяйственной самостоятельности¹¹.

Вместе с законом о гражданстве, а также вынесенной в тот период на всенародное обсуждение «Концепции экономической самостоятельности Азербайджанской ССР, перехода ее на хозрасчет и самофинансирование» (см. газ. «Вышка». 21 сентября 1989 г.) эти решения ВС обнажали тенденцию растущего противостояния республики и центра на уровне государственно-политических институтов. Итоги чрезвычайной сессии ВС свидетельствовали о том, что, с одной стороны, политическая ситуация в Азербайджане все больше выходила из-под контроля союзного центра, а с другой – все менее послушным становилось политическое поведение номенклатурно-бюрократического слоя республики.

Впервые самый «управляемый» орган республиканской власти принял решения, противоречащие конституционным позициям союзного центра; впервые самая послушная категория советской номенклатуры – народные депутаты – демонстрировала свою оппозицию власти центра. Однако решения чрезвычайной сессии ВС, хотя и были приняты в результате уступок республиканской власти местной оппозиции, отнюдь не привели к стабилизации политической ситуации. Напротив, они обнажили новые грани противостояния республики с союзным центром, дали мощное ускорение дрейфу республики за пределы политико-правового пространства Союза ССР.

Эти решения были оплачены дорогой ценой усиления политического веса и влияния радикально настроенного крыла оппозиционных сил. А это в свою очередь делало неизбежным дальнейшее обострение политического кризиса в Азербайджане.

¹¹ Как уже отмечалось, подготовка Конституционного закона о суверенитете была поручена государственно-правовому отделу ЦК КПА. Идея этого закона носилась в воздухе. Она была популярна среди оппозиции и вошла в список первоочередных требований НФА. Вместе с тем справедливости ради следует отметить, что и в государственно-правовом отделе ЦК также вынашивалась идея подготовки и принятия документа о суверенитете республики, но предполагалось, что это будет сделано в форме политической декларации, что, разумеется, уступало по значимости законодательной форме решения этого важного вопроса.

Разработка закона явилась коллективным трудом группы правоведов – работников аппарата ЦК, Верховного Совета и представителей Народного Фронта. Среди них один из немногих в республике специалистов по государственному и конституционному праву З.М.Касумов, работавший в то время заместителем заведующего государственно-правовым отделом ЦК. Народный фронт был представлен будущим министром иностранных дел в правительстве НФА, старшим научным сотрудником института физики Академии наук Т.М.Касумовым, проявившим некоторые познания в вопросах государственного права, а главное, энтузиазм и напористость в продвижении идеи государственного суверенитета республики. Работа над проектом закона проходила в острых дискуссиях, многие его статьи становились плодом компромиссных подходов. Были проявлены терпение и заинтересованность в положительном результате. Воистину это был документ переходной эпохи, сочетавшей приоритеты суверенитета субъекта Советской Федерации с приоритетами суверенитета Союза ССР с тенденцией доминирования первых над вторыми. Совместная работа над проектом убеждала меня в том, что при наличии доброй воли, искренней заботы об общенациональных интересах сотрудничество между КПА и НФА вполне достижимо. К сожалению, однако, это был едва ли не единственный случай такого сотрудничества. У руководителей республики и лидеров оппозиции такого стремления не обнаружилось, а общенациональные интересы, в том числе интересы безопасности и благополучия населения республики, от имени которого они выступали, извращались политическим своеволием и амбициями людей, олицетворявших оппозицию и власть.

Главным фактором политической мобилизованности азербайджанского общества по-прежнему оставалась все более растущая географически и по масштабам карабахская конфронтация. Эпицентром его осенних событий стали боевые действия террористических групп из Армении, наводивших ужас на сельских жителей приграничных населенных районов. Откликаясь на армянскую агрессию, НФА начинает формировать вооруженные группы, подконтрольные отдельным членам правления фронта. Это стало чувствительным фактором героизации радикалов из НФА. Однако этого было недостаточно для защиты границ республики, соотечественников от террора боевиков. В ответ на непрекращавшиеся нападения на азербайджанские пассажирские и товарные поезда на участке железной дороги, проходившей по территории Армении, Народный Фронт вместо обещанного прекращения блокады Армении призвал население к полному прекращению всех экономических связей Азербайджана с соседней республикой. Этот призыв стал практически претворяться в жизнь в форме тотальной экономической блокады Армении, парализовав все виды транспортного движения между двумя республиками. Одновременно с этим была прекращена подача электроэнергии из Азербайджана в Армению. Таким образом, было пущено в ход главное средство экономического давления непосредственно на Армению, а значит, и на союзный центр. К концу ноября забастовкой были охвачены почти все сферы производства, парализован железнодорожный транспорт, приостановлена транспортировка грузов в Иран и в обратном направлении. В результате резко ухудшилось социально-экономическое положение республики. Возникла угроза дестабилизации общественно-политической жизни.

Экономическая блокада Армении стала новым поводом усиления антиазербайджанской пропаганды в СССР и чуть ли не во всем мире. Она активно использовалась армянскими идеологами и лоббистами для привлечения международных симпатий, сочувствия многих правительств и международных неправительственных организаций на свою сторону. Поднятая на страницах союзной и зарубежной прессы пропагандистская шумиха затуманивала, заслоняла причины, вызывавшие экономическую блокаду Армении, оставляя в тени агрессивные действия армянской стороны карабахского конфликта, провоцировавшие ответные действия со стороны трудового населения Азербайджана. Тем не менее давление забастовочного движения во главе с Народным Фронтом Азербайджана, особенно блокады железной дороги, возымели ожидаемое действие.

Верховный Совет СССР рассмотрел ситуацию в НКАО с учетом позиции, занятой Верховным Советом Азербайджанской ССР и принятого на его внеочередной сессии решения об упразднении комитета особого управления НКАО. Постановление «О мерах по нормализации обстановки в НКАО», принятое Верховным Советом СССР, говорит само за себя:

«Исходя из необходимости стабилизации обстановки в Нагорном Карабахе и вокруг него, недопустимости дальнейшего насилия, в том числе всякого рода экономических санкций, Верховный Совет СССР п о с т а н о в л я е т:

1. Принять к сведению заявление Председателя Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР о том, что органами власти и управления республики будут приняты решительные и безотлагательные меры по снятию блокады с железных и автомобильных дорог на территории Азербайджанской ССР и обеспечена бесперебойная перевозка грузов...

3. Создать на паритетных началах с НКАО республиканский оргкомитет и восстановить деятельность Совета народных депутатов НКАО 20-го созыва и его исполнительного комитета...

При восстановлении органов государственной власти и управления автономной области соблюдать представительство армянской и азербайджанской части населения пропорционально их численности.

4. Рекомендовать Верховному Совету Азербайджанской ССР в кратчайший срок принять законодательные меры, обеспечивающие повышение статуса реальной автономии, действенные гарантии армянского населения Нагорно-Карабахской автономной области, соблюдение законности, защиты жизни и безопасности граждан, конституционное решение всех возникающих проблем...

5. В условиях воссоздания органов власти и управления автономной области считать нецелесообразным дальнейшее сохранение Комитета особого управления НКАО.

Для контроля и оказания помощи в осуществлении мер по стабилизации обстановки в НКАО создать союзную Контрольно-наблюдательную комиссию, подчинив ее Верховному Совету СССР.

6. До нормализации общественно-политической ситуации в целях защиты и гарантии безопасности населения сохранить в Нагорно-Карабахской автономной области соответствующий контингент внутренних войск МВД СССР с подчинением его союзной Контрольно-наблюдательной комиссии.

7. Президиуму Верховного Совета Азербайджанской ССР, Совету Министров республики и исполнительному комитету областного Совета народных депутатов НКАО принять необходимые меры с целью недопущения изменения демографической ситуации в области, нарушающего сложившийся национальный состав. Для решения всего комплекса проблем беженцев образовать специальную комиссию...

Председатель
Верховного Совета СССР М.Горбачев
Москва, Кремль. 28 ноября 1989 г.¹²

В соответствии с вышеприведенным постановлением органам государственной власти и управления Советского Азербайджана возвращалось право исполнять свои функции на территории НКАО. Хотя в создавшихся условиях это право больше носило формальный, чем реальный характер, но оно было признанием провала всей стратегии союзного центра, взявшего на себя разрешение карабахского конфликта без участия Азербайджана. Однако, как и во многих других случаях, и это решение было непосредственным и безнадежно запоздалым. Год-полтора назад подобный подход мог бы вывести конфликтную ситуацию из неразрешимого тупика, но теперь, в конце 1989 года, союзный центр был уже не способен реализовать какое-либо конструктивное решение ни в Армении, ни в Азербайджане, ни в Нагорном Карабахе в силу сложившейся в регионе неуправляемой обстановки.

Выступая на третьей сессии ВС СССР, М.С.Горбачев подчеркнул, что главный смысл решения от 28 ноября был в том, чтобы совместить интересы двух народов, подтвердить суверенные права и целостность Азербайджана, обеспечить все необходимые гарантии в развитии народа Нагорного Карабаха в составе Азербайджанской ССР. Эта формула в какой-то мере отражала политическую и правовую направленность принятого решения. Однако этот подход оказался неосуществимым в силу несовместимости представлений неформальных лидеров двух народов об их национальных интересах и формах их обеспечения.

Армянская сторона требовала упразднения КОУ, чтобы была восстановлена деятельность органов власти и управления НКАО в том их подконтрольном сепаратистам состоянии, в каком они были приостановлены и распущены с момента введения в области особой формы управления. Азербайджанская сторона также требовала упразднения КОУ, но с целью безоговорочного восстановления юрисдикции Азербайджана в НКАО без всяких сопутствующих условий. Решением ВС СССР КОУ упразднялся, а восстановление конституционных органов власти и управления в НКАО возлагалось на

¹² «Бакинский рабочий». 29 ноября 1989 г.

Азербайджан. При этом «возвращение» Нагорного Карабаха под политико-правовой контроль Азербайджана оговаривалось рядом условий, вызвавших отрицательную реакцию в Азербайджане. Главным условием было снятие блокады с железных и автомобильных дорог, обеспечение бесперебойной перевозки грузов. Ответственность за восстановление движения грузопотока оперативно взяло на себя руководство республики, не согласовав эту позицию с НФА.

Армения полностью отвергла это решение Москвы, сделав ответный шаг. 1 декабря на сессии Верховного Совета Армянской ССР совместно с незаконно созданным национальным советом НКАО было принято решение «О воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха». В этом документе ВС Армении расценил постановление ВС СССР от 28 ноября «как насильственное возвращение Нагорного Карабаха под власть Азербайджанской ССР» и объявил его недействительным. Вслед за этим на глазах у все еще действовавшего КОУ начался энергичный процесс демонстративного переподчинения организаций и учреждений области министерствам и ведомствам Армянской ССР. В Степанакерте и ряде сельских райкомов партии прошли пленумы, принявшие решения о выходе партийных организаций НКАО из состава Компартии Азербайджана.

В истории КПСС – оплота единства многонационального СССР – такого еще не было. Впервые структура региональных партийных организаций стала перестраиваться по национальному признаку. Тем самым интернационализм, умерший в феврале 1988 года, был похоронен в ноябре-декабре 1989 года. Эти и другие подобные действия долго не получали оценки ни в Верховном Совете СССР, ни со стороны Политбюро ЦК КПСС, хотя было очевидно, что их деструктивный характер чреват далеко идущими последствиями, опасными для всей Компартии СССР. Много лет спустя В.Бакатин пишет: «Это была неприкрытая провокация. В жертву приносились армяне, проживавшие в Азербайджане. Ответ не заставил себя долго ждать»¹³.

**Постановление
Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР
«О Постановлении Верховного Совета Армянской ССР
«О воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха»**

Верховный Совет Армянской ССР совместно с так называемым национальным советом Нагорного Карабаха принял 1 декабря 1989 года антиконституционное постановление «О воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха», в котором в очередной раз предпринята попытка посягнуть на территорию Азербайджанской ССР.

Вопреки Конституции СССР, Конституции Азербайджанской ССР, сложившейся практике отношений между союзными республиками, а также нормам международного права Верховный Совет Армянской ССР пошел на этот противоправный шаг именно в тот момент, когда наметилась перспектива для нормализации положения в регионе в связи с постановлением Верховного Совета СССР от 28 ноября 1989 года, в котором рекомендуется Верховным Советам Армянской ССР и Азербайджанской ССР принять все меры для нормализации отношений между двумя народами, восстановления обстановки доверия и сотрудничества, налаживания нормальных экономических и культурных связей.

Понятно, что постановление Верховного Совета Армянской ССР не имеет никакой юридической силы.

Президиум Верховного Совета Азербайджанской ССР постановляет:

Считать постановление Верховного Совета Армянской ССР от 1 декабря 1989 года «О воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха» недопустимым вмешательством в дела суверенной Азербайджанской ССР, посягательством на ее территориаль-

¹³ Вадим Бакатин. Дорога в прошедшем времени. – М., 1999. С. 166.

ную целостность, акцией, не способствующей стабилизации обстановки в регионе, восстановлению нормальных отношений.

*Председатель Президиума Верховного
Совета Азербайджанской ССР Э.КАФАРОВА
Секретарь Президиума Верховного
Совета Азербайджанской ССР Р.КАЗИЕВА
г. Баку, 6 декабря 1989 г.¹⁴*

Постановление ВС СССР от 28 ноября руководством Народного Фронта Азербайджана было оценено отрицательно. Вызывали возражения такие предписания, как повысить статус автономии Нагорного Карабаха, и при этом ни слова не говорилось об открытой милитаризации межнационального конфликта, инициированного армянской стороной. Подчинение контингента Внутренних войск МВД СССР вновь создаваемой контрольно-наблюдательной комиссии ВС СССР также воспринималось, и не без основания, как попытка вновь отстранить республику от возможности практически контролировать ситуацию в регионе правоохранными средствами. Особенно негативный отклик вызывало требование не допускать изменения демографической ситуации в области. Эти позиции постановления расценивались как ограничение суверенитета республики, как запрет на естественный прирост азербайджанского населения Нагорного Карабаха, а также размещение в его районах беженцев из Армении. Открытым оставался вопрос об азербайджанцах, вынужденных покинуть НКАО в период конфликта.

Общественное мнение в отношении постановления ВС СССР разделилось. Партийное руководство, приняв это решение к исполнению, обнародовало развернутое постановление ЦК Компартии Азербайджана о задачах партийных, государственных и общественных организаций республики в связи с указанным постановлением ВС СССР.

В нем, в частности, отмечалось, что постановление ВС СССР «является важным документом, гарантирующим суверенитет Азербайджанской ССР и автономной области и направленным на прекращение национальной розни, дальнейшее социально-экономическое развитие НКАО, оздоровление отношений между азербайджанским и армянским народами...

Бюро ЦК поручило отделам ЦК, партийным комитетам разработать и осуществить организационно-политические мероприятия по реализации задач, вытекающих из постановления Верховного Совета СССР...

Принято к сведению, что с созданием республиканского оргкомитета по Нагорно-Карабахской автономной области ликвидируется Комитет особого управления НКАО...

Партийным комитетам, горрайисполкомам, Управлению Азербайджанской железной дороги, Управлению гражданской авиации, Министерству автотранспорта, министерствам и ведомствам-грузоотправителям поручено принять решительные меры, обеспечивающие бесперебойную работу транспорта на территории республики, своевременную перевозку грузов, по недопущению блокирования дорог.

Одной из важнейших задач признано возвращение к родным очагам и обустройство беженцев из населенных пунктов НКАО. В этих целях предусмотрено создать при республиканском оргкомитете специальную комиссию. (Это поручение не предусматривалось в решении ВС СССР. – А.Д.).

Правоохранительным органам республики поручено принять решительные меры по пресечению незаконных, противоправных действий, остро реагировать на каждый случай разжигания национальной вражды, принуждения людей к антиобщественным действиям, дезорганизующим производство и нормальную жизнь... (Эта позиция была в НКАО невыполнима без участия соответствующих правоохранительных органов СССР. – А.Д.)¹⁵.

¹⁴ «Бакинский рабочий». 7 декабря 1989 г.

¹⁵ «Бакинский рабочий». 1 декабря 1989 г.

Профсоюзные, комсомольские, другие общественные организации республики должны принять меры по восстановлению связей с соответствующими организациями автономной области, налаживанию совместных усилий по преодолению международного конфликта, улучшению условий жизни всего населения НКАО, решению проблем беженцев.

Отделам ЦК, Совету Министров Азербайджанской ССР, республиканскому оргкомитету по НКАО, партийным и советским органам области, министерствам и ведомствам, объединениям и предприятиям республики поручено принять меры по обеспечению безусловного выполнения всех заданий, предусмотренных постановлением ЦК КП Азербайджана и Совета Министров республики от 26 апреля 1988 года № 160 «О мерах по ускорению социально-экономического развития Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР в 1988-1995 годах».

Призвав трудящихся республики «с глубоким пониманием взяться за восстановление добрых отношений между азербайджанским и армянским народами», ЦК КПА дипломатично обошел в своем постановлении вопросы повышения статуса НКАО, контроля за демографической ситуацией в автономной области. В противоположность этому лидеры НФА потребовали от Верховного Совета Азербайджана приостановки действия тех пунктов постановления ВС СССР, которые вызывали в республике возражения, заявив, что забастовки и блокада будут продолжены. Тем самым по существу срывалась реализация всех решений по НКАО.

Следовало иметь в виду, что ни Армения, ни сепаратистские силы в НКАО ничего не теряли от того, что постановление ВС СССР подверглось в Азербайджане обструкции. В известном смысле их устраивала такая позиция азербайджанской стороны, дававшая им время на укрепление собственных позиций в новой ситуации. Азербайджан же терял возможность наконец перехватить политическую инициативу, приступив к восстановлению структурных связей республики с НКАО, вступив в непосредственный диалог с армянским населением области, минуя лидеров сепаратистского движения.

Однако НФА отвергал всякую возможность политического маневрирования, использования тех тактических преимуществ, которые появились в связи с постановлением ВС СССР по НКАО. Возникла парадоксальная ситуация, когда у республики появилась возможность самостоятельно осуществлять позитивные процессы через мирный диалог с населением НКАО, опираясь на поддержку силовых структур союзного центра. Но воспользоваться этой возможностью республика была не в состоянии из-за острого внутривнутриполитического кризиса, парализовавшего всю вертикаль исполнительной власти Азербайджанской Республики. В такой ситуации ни один пункт постановления местного ЦК не мог быть реализован.

Созданный Президиумом ВС Республиканский оргкомитет НКАО под руководством второго секретаря ЦК Компартии Азербайджана В.П.Поляничко смог приступить к своим обязанностям в Степанакерте лишь после январских событий 1990 года. Организованные Народным Фронтом массовые политические выступления и забастовки вынудили Президиум ВС Азербайджанской ССР принять решение о том, что действие 7 пунктов московского постановления приостанавливается. Это, как отмечалось, привело к тому, что была сорвана работа Республиканского оргкомитета по НКАО в наиболее благоприятный политический момент. В этой обстановке деятельность Комитета особого управления не была приостановлена, не могла начать свою работу вновь созданная Контрольно-наблюдательная комиссия ВС СССР. Оказались замороженными планы обезвреживания групп вооруженных экстремистов в НКАО, разблокирования азербайджанских сел, создания необходимых условий для возвращения азербайджанских беженцев. В итоге организаторы сепаратистского движения

получили возможность оправиться от шока, перегруппироваться, подготовиться к противодействию миротворческим усилиям Республиканского оргкомитета. Принятое под давлением НФА постановление Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР «О мерах по нормализации обстановки в Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР» существенно отличалось от аналогичного постановления ЦК КПА:

1. Принять к сведению, что постановлением Верховного Совета СССР от 28 ноября 1989 года «О мерах по нормализации обстановки в Нагорно-Карабахской автономной области» Комитет особого управления НКАО упраздняется и признано необходимым создание Республиканского оргкомитета. В связи с этим соответствующие положения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1989 года и Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР от 13 января 1989 года «О введении особой формы управления в Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР» утратили свою силу.

2. Создать Республиканский оргкомитет по НКАО. Возложить на него претворение в жизнь задач по нормализации обстановки в Нагорно-Карабахской автономной области, налаживание экономического и культурного развития Нагорного Карабаха.

Республиканский оргкомитет осуществляет руководство работой государственных и хозяйственных органов автономной области. В своей деятельности Республиканский оргкомитет по НКАО подчиняется высшим органам государственной власти Азербайджанской ССР ...

3. В связи с тем, что ряд положений в п.п. 3,4,6,7 постановления Верховного Совета СССР противоречит ст.ст. 76,81 Конституции СССР, ст. 68 Конституции Азербайджанской ССР, Конституционному закону Азербайджанской ССР «О суверенитете Азербайджанской ССР», считать невозможным реализацию этих положений и приостановить их действие до окончательной проработки...

5. Республиканскому оргкомитету по НКАО осуществить работу по подготовке и проведению в области выборов народных депутатов областного, районных, городских, поселковых и сельских Советов народных депутатов Нагорно-Карабахской автономной области, соблюдать представительство армянской и азербайджанской части населения пропорционально их численности.

7. Просить Верховный Совет СССР определить четкие полномочия Союзной комиссии, а также подчинить в оперативном отношении контингент Внутренних войск МВД СССР Республиканскому оргкомитету по НКАО.

8. Госкомстату, Госкомтруду и Академии наук республики изучить демографическую ситуацию в НКАО с учетом положения, имевшего место в автономной области до февраля 1988 года, и изменений, вызванных событиями, с целью выработки научно-обоснованных рекомендаций по урегулированию миграционных процессов.

9. Совету Министров Азербайджанской ССР создать при Республиканском оргкомитете специальную комиссию для решения всего комплекса проблем беженцев в НКАО, принять действенные меры для возвращения их в места постоянного проживания...»¹⁶.

Хотя постановление ПВС Азербайджана более полно отражало азербайджанскую точку зрения на ситуацию вокруг Нагорного Карабаха, но и оно не было выполнимо по тем же не отмеченным выше причинам. С другой стороны, это был еще один крупный шаг к усилению противостояния республики и союзного центра, что неизбежно вело к новому витку «войны законов». В то же время этот документ можно было бы расценить как результат компромисса азербайджанской власти и оппозиции, но и он не привел к разрядке напряженности, т.к. являлся не чем иным, как капитуляцией этой самой власти.

Политической ситуацией в республике все больше овладевал Народный Фронт. Кризис продолжал обостряться, сопровождаясь усилением противостояния союзному

¹⁶ «Бакинский рабочий». 5 декабря 1989 г.

центру уже не просто как законодательного органа власти республики, а массового оппозиционного движения во главе с Народным Фронтом Азербайджана. Причем в данный политический момент главным, но не единственным аргументом НФА была продолжающаяся блокада дорог, которая воспринималась в центре как политический вызов, как отступление от достигнутых с руководством Азербайджана закулисных договоренностей по карабахскому вопросу. Разумеется, это не укрепляло азербайджанскую позицию по Карабаху.

Между тем продолжавшиеся сбои в производстве, забастовки резко осложнили ситуацию в народном хозяйстве республики, создали реальную перспективу ухудшения экономического и социального положения населения по многим показателям. Согласно официальным источникам особенно большие потери в связи с нарушением трудового ритма, блокады железнодорожного транспорта имели место в декабре. За это время республика не получила большое количество цемента, лесоматериалов, металла, комплектующих изделий и других ресурсов. В республику не поступили за первые дни месяца 5300 вагонов, или 287 тыс. тонн народнохозяйственных грузов¹⁷. Но наряду с этим еще большие тяготы ложились на армянскую сторону как в Армении, так и в Карабахе.

На этом социально-политическом фоне с удвоенной силой раскручивался маховик межнациональной конфронтации.

Вторая половина декабря была отмечена ростом террористических акций армянских боевиков, учащением их нападений на мирные азербайджанские села. В ежедневных сводках МВД республики постоянно мелькают сообщения о ранениях, гибели жителей приграничных с Арменией сел, об эпизодах «каменной войны» между армянами и азербайджанцами на горных дорогах Нагорного Карабаха, об атаках с вертолетов, прилетавших из Армении, на населенные пункты Азербайджана. Центральные власти как бы в отместку бездействовали. Блокада ожидаемого эффекта не давала.

В МВД Азербайджанской ССР: *«В последние дни провокаторы активизировали свою подрывную деятельность. 7–8 декабря резко обострилась обстановка в приграничных районах с Арменией – Кубатлинском и Лачинском. Имели место взаимные перестрелки.*

Вместе с тем МВД Азербайджанской ССР сообщает, что распространяемые в Баку слухи о значительных жертвах, разрушениях и насильственном изгнании жителей отдельных населенных пунктов Кубатлинского района не имеют под собой объективных оснований. Действительно, из отдельных сел района по договоренности были временно эвакуированы жители для обеспечения их безопасности, усилена охрана этих населенных пунктов. Вчера обстановка стабилизировалась, и жители этих сел возвращаются к родным очагам. Для пресечения противоправных и противозаконных действий экстремистов в Лачине и Горисе созданы оперативные штабы специального назначения, в которые входят представители Внутренних войск, группа сотрудников МВД СССР, Азербайджана и Армении. Предусмотрено привлечь к этой работе здоровые силы общественности и аксакалов. Руководителями штабов назначены заместители министров внутренних дел обеих республик»¹⁸.

Центральным вопросом повестки декабря становятся с каждым днем все более категоричные требования об организованном отражении вооруженных нападений с армянской стороны. Они настойчиво выдвигаются лидерами Народного Фронта, озвучиваются на многочисленных митингах в качестве одной из главных претензий к руководству республики.

¹⁷ «Бакинский рабочий». 1 декабря 1989 г.

¹⁸ «Бакинский рабочий». 10 декабря 1989 г.

При этом «особую тревогу вызывал тот факт, что Армения не пускала к себе ни одного (азербайджанского. – А.Д.) беженца и отказывалась выплачивать, несмотря на решение Совета Министров СССР, компенсацию за их имущество, что провоцировало постоянное давление на азербайджанское руководство со стороны азербайджанцев – беженцев из Армении, требовавших выселения армян из Баку, Кировабада, вообще с территории Азербайджана. Есть основание считать, что, несмотря на крайне тяжелую обстановку, в тот момент не работал центр»¹⁹.

Антиармянские настроения и действия в этих условиях приобретают все более агрессивный характер.

В БК КП Азербайджана: «За последнее время в столице республики участились противоправные действия экстремистски настроенных лиц и групп, которые запугивают людей, принуждают к увольнению с работы по национальному признаку. Есть случаи грабежей и избиений. Некоторые хозяйственные руководители, секретари партийных организаций не дают должного отпора этим противозаконным действиям. С подобными фактами мирятся административные органы.

Бюро горкома партии признало неудовлетворительной работу первичных парторганизаций, руководителей предприятий и учреждений, обязало их принять незамедлительные меры по пресечению противоправных действий, предотвращению любых проявлений межнациональной розни.

Партийные, советские, общественные организации обязаны всемерно усилить работу в трудовых коллективах, среди различных слоев населения для нормализации обстановки в городе, восстановления нормальных межнациональных отношений». (Азеринформ)²⁰.

В течение декабря политическая обстановка в республике продолжала ухудшаться. Многотысячные митинги и собрания, забастовки многих трудовых коллективов сопровождались призывами к гражданскому неповиновению. Стали раздаваться угрозы в адрес отдельных руководящих кадров в центре и на местах; лейтмотивом массовых выступлений становятся требования об отставке А.Х.Везирова, безоговорочного восстановления суверенитета республики в Нагорном Карабахе. На фоне событий в НКАО и приграничных с Арменией районах усилились антиармянские настроения, проявления в Баку. Стали ультимативно звучать призывы об увольнении и выселении из республики лиц армянской национальности. Пикетировались государственные учреждения, предприятия, министерства и ведомства.

Проходившие во второй половине декабря митинги в Баку показали растущую агрессивность их участников, массовый антиправительственный настрой. Не были исключением КГБ, МВД, Прокуратура республики. Группы хулиганствующих элементов врывались на предприятия, учреждения, требуя увольнения лиц армянской национальности. Однако антиармянские требования в определенном смысле не были самоцелью: агрессивность толпы использовалась НФА для деморализации, разрушения властных структур, дестабилизации обстановки в столице и районах республики. В общей сложности в течение октября – декабря в республике состоялось более 400 несанкционированных митингов, в которых участвовали около 1,5 млн. человек, в том числе в Баку было проведено около 100 митингов с участием, как правило, 650–700 тыс. человек. Это резко ослабило дееспособность властных структур, особенно правоохранительных органов, что создавало предпосылки для дальнейшего ухудшения неконтролируемой ситуации.

Еще большую активность проявляли организации НФА в Ленкоранском, Джалилабадском, Хачмазском, Ханларском, Агджебединском районах. Речь теперь уже шла о прямом захвате власти, насильственном «переизбрании» первых секретарей райкомов партии, изгнании, избиении прежних, неугодных, дискредитировавших себя или

¹⁹ Евгений Примаков. Годы в большой политике. – М., 1999. С. 399.

²⁰ «Бакинский рабочий». 8 декабря 1989 г.

дискредитированных толпой, выдвижении «своих» кандидатур. Усиление агрессивного характера массовых выступлений оппозиции во многом объяснялось внутренними политическими изменениями в НФА. Из его руководства были практически полностью вытеснены, лишены политического влияния либерально-демократически настроенные лидеры, инициировавшие создание НФА, разработавшие его демократическую программу и устав, пропагандировавшие в обществе национально-либеральные ценности.

Реальная власть в самом влиятельном, массовом оппозиционном движении в Азербайджане постепенно смещается в сторону агрессивного национал-радикализма, бразды руководства в НФА оказываются в руках экстремистски настроенных людей. Их энергия и напористость, умение мобилизовывать толпу были равны их политической безответственности и склонности к авантюризму²¹.

Вопреки умеренным настроениям значительной части рядовых членов оппозиционной организации группе радикалов удалось монополизировать руководство движением, взять курс на открытый захват власти в республике²².

Хотя борьба НФА за власть заслонила собой события карабахского конфликта, тем не менее армяно-азербайджанская конфронтация не прекращалась ни на один день. Продолжающаяся забастовка на железной дороге, означавшая экономическую блокаду Армении, создавала крайне неблагоприятное впечатление в СССР и за рубежом о неуправляемой ситуации в Азербайджане, оставляя вне поля зрения страны и мира антиазербайджанские провокации армянской стороны. Возникла реальная опасность пересмотра ноябрьского постановления ВС СССР на проходившем в декабре 1989 г. Втором Съезде народных депутатов СССР. Как уже говорилось, ВС Армении оценил это постановление как проазербайджанское. Пользуясь благоприятной ситуацией, армянская депутация добивалась введения на Азербайджанской железной дороге чрезвычайного положения. Назревала конфликтная ситуация с предсказуемыми негативными последствиями.

Съезд открылся 12 декабря. В первый же день его работы большую остроту приобрело обсуждение выдвинутого депутатом от Армении Г.Игитяном предложения включить в повестку дня съезда вопрос о положении вокруг НКАО, и в частности о блокаде Армении со стороны Азербайджанской железной дороги. Большинство депутатов съезда по предложению академика Г.Арбатова проголосовали за то, чтобы эта часть дискуссии не транслировалась по телевидению во избежание «излишних эмоций на местах». С категорическим возражением против обсуждения карабахского вопроса на Втором Съезде народных депутатов СССР выступила азербайджанская делегация народных депутатов. Ею была занята принципиальная позиция по проблемам, связанным с обстановкой в Нагорном Карабахе. По иронии судьбы азербайджанским депутатам пришлось в Москве отстаивать то, что отвергалось в Баку.

От имени делегации выступил генеральный директор НПО космических исследований Главкосмоса СССР Т.Исмаилов.

²¹ Некоторые представления о процессах и взаимоотношениях в НФА дают публикации, авторы которых первыми приступили к освещению истории становления Народного Фронта, его борьбы за свое общественно-политическое признание, анализу средств и методов этой борьбы, эволюции политического характера данной массовой организации. (См.: *Айдын Балаев*. Народный Фронт Азербайджана. – С. 5–6; *Лейла Юнусова*. Мера ответственности политика. – С. 12.). Относительно более полное освещение становления и роли НФА в событиях 1988–1993 гг. см.: *Расим Агаев, Зардушт Али-заде*. Азербайджан. Конец второй Республики (1988–1993). – М., 2006.

²² См.: *Расим Агаев, Зардушт Али-заде*. Азербайджан. Конец второй Республики (1988–1993). – М., 2006. С. 377–483.

В его выступлении говорилось: «Вопрос о положении в Нагорном Карабахе и вокруг него рассматривался в Верховном Совете, и по нему большинством голосов (при 4 против) было принято развернутое постановление, предусматривающее нормализацию обстановки в регионе. Предложение вновь вернуться к этому вопросу мы рассматриваем не только как попытку увести съезд в русло бесполезной дискуссии, но и как стремление торпедировать исполнение этого постановления Верховного Совета СССР, принятого 28 ноября текущего года. Об этом же стремлении свидетельствует и принятое 1 декабря нынешнего года постановление Верховного Совета Армянской ССР, беспрецедентное по своему характеру, первое в истории нашей федерации, в котором предусматривается не что иное, как открытое и агрессивное посягательство на территориальную целостность соседней республики. Дело в том, что это постановление предусматривает ни много ни мало, как присоединение к Армении Нагорного Карабаха, а также других населенных пунктов Азербайджана (это уже новое!). Спрашивается, можно ли таким путем нормализовать обстановку в регионе? Глубоко уважая права всех суверенных республик, твердо с этой трибуны заявляю, что наш народ никогда не позволит никому нарушить свой суверенитет. Сейчас же, пользуясь случаем, мы просим съезд дать принципиальную оценку антиконституционному, не имеющему юридической силы постановлению Верховного Совета Армянской ССР от 1 декабря 1989 года.

Очень настораживает, что вновь с неблагоприятным, по сути националистическим заявлением и в этот раз выступил депутат Игитян. Я должен сказать, что его выступление на первом съезде, где он оскорбил наш народ, вызвало буквально бурю в регионе. И нам пришлось приложить много сил, чтобы провести соответствующую разъяснительную работу. Мы обратились в Президиум Верховного Совета, к М.С.Горбачеву. Мы обратились и к Генеральному прокурору с тем, чтобы депутат принес извинения нашему народу. К сожалению, до сих пор этого мы не услышали. Мы не только решительно отвергаем и осуждаем националистическое выступление депутата Игитяна, но и требуем от него публичных извинений. И желательно здесь, на этом съезде»²³.

Несмотря на активные усилия депутатов от Армении, 1437 депутатов (против 433) проголосовали за то, чтобы вопрос о ситуации вокруг НКАО не обсуждался на Втором Съезде.

* * *

1989 год заканчивался на самой драматической ноте. Достигшее крайних пределов противостояние власти и оппозиции, колеблющаяся, растерянная интеллигенция, деморализованная номенклатура, разгневанные, разуверившиеся, возмущенные, напуганные массы, прежде всех испытывавшие на себе экономические, социальные, политические, моральные тяготы перестройки, межнационального конфликта, внутривнутриполитического раскола республики, ее противостояния с союзным центром, все больше сползавшего на позиции третьей стороны карабахского конфликта.

Раздвоенность царил во всем. Многие сбитые с толку люди в какой-то момент поверили НФА, его лозунгам и обещаниям справедливости и свободы, продолжая в то же время ожидать от республиканских властей хоть какой-то дееспособности в защите безопасности, жизни населения от принимавших все более крупные масштабы террористических акций армянских вооруженных формирований. Но с каждым сожженным боевиками азербайджанским домом, с каждым раненым или погибшим азербайджанцем эти надежды катастрофически таяли, росло отчужденное отношение к власти, ненависть к власти предрежающей, мстительные чувства по отношению к оставшемуся жить по соседству армянскому населению.

А на другом полюсе общественно-политической жизни – вконец утратившие всякую политическую опору партгосаппарат, руководство республики, которые практически потеряли поддержку и со стороны союзного центра. Думается, что именно этой кризисной обстановкой, чувством беспомощности перед вооруженной агрессией с

²³ «Бакинский рабочий». 14 декабря 1989 г.

армянской стороны и отсутствием реальной правоохранительной помощи союзного центра было вызвано неожиданное заявление Везирова, озвученное республиканским телевидением, о необходимости организации вооруженного сопротивления армянским боевикам. Вероятнее всего, это заявление – плод запоздалого понимания того, что союзный центр оставил беззащитное население приграничных районов республики перед лицом вооруженной агрессии из Армении на произвол судьбы. В свою очередь лидеры НФА, ссылаясь на это заявление Везирова, активизировали свои усилия по формированию вооруженных групп.

К этому времени, кстати, в Армении активно действовали давно сформированные самочинные вооруженные формирования. *«В Армении, – говорится в воспоминаниях В.Бакатина, – как теперь выяснилось, с санкции руководства республики осуществлялось целенаправленное вооружение «Армянской национальной армии». Армянская милиция этому помогала»*²⁴. Но в отличие от Армении в Азербайджане, действуя ответно, только приступали к созданию вооруженных групп, они были малочисленны, плохо вооружены (преимущественно охотничьими ружьями и бутылками с самодельной зажигательной смесью), а главное – не спешили отправляться на границу с Арменией или в НКАО на помощь и защиту местных жителей. Здесь вынашивались другие планы, а карабахский вопрос откладывался на «потом».

Складывалось впечатление, что вооруженные провокации с армянской стороны становились поводом для вооружения сторонников НФА с целью развертывания внутреннего политического конфликта с властью, чтобы втянуть азербайджанскую сторону карабахского конфликта в вооруженную конфронтацию, канализировав ее во внутривнутриполитическом направлении. Уже сама ситуация явно провоцировала репрессивные акции против Азербайджана со стороны союзного центра. Выступая на многотысячном митинге 30 декабря, один из главных национал-радикальных глашатаев НФА Н.Панахов сказал: «Сейчас готовится введение комендантского часа в Азербайджане, но мы встретим этот комендантский час своей кровью».

Кровь пролилась спустя 20 дней, но это была кровь не микрофонных глашатаев, не тех, кто своей провокационной политикой из центра и другой стороны межнационального конфликта толкал людей на протестные выступления.

Это была кровь жертв политического кризиса в Азербайджане, его столкновения с третьей стороной конфликта.

---

²⁴ Вадим Бакатин. Дорога в прошедшем времени. – С. 166.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ «ЛЕВИАФАНА»

**Фукуяма Фрэнсис. Сильное государство.
Управление и мировой порядок в XXI веке.
М., 2007**

Имя американского философа и футуролога Фрэнсиса Фукуямы сохраняет свою популярность на идейном пространстве современной политической философии. Придя в свое время к убеждению, что либеральная демократия окончательно утвердила себя как наиболее эффективный политический режим, Фукуяма возвестил «конец истории». После относительного ухода с исторической арены наследственной монархии, фашизма и коммунизма, похоже, по его словам, определилась окончательная форма правления в человеческом обществе. Разумеется, американский исследователь не считал, что такие стабильные демократии, как США, Франция или Швейцария могут рассматриваться как идеальные государства, свободные от социальной несправедливости. Но, как полагал Фукуяма, дело не в порочности либеральных принципов, а в неполной пока еще реализации свободы и равенства.

Главная тема книги – судьба государства как социального феномена. Прежде американскому исследователю казалось, что либеральная идеология способна устранить величие и мощь государства. Теперь в книге иные акценты. «Государство – древний институт человеческой цивилизации, возникший около 10000 лет назад в первых земледельческих общинах в Месопотамии. В Китае государство с высокоразвитой бюрократией существовало на протяжении многих тысячелетий. В Европе современное государство, имеющее огромную армию, сильные налоговые органы, централизованную бюрократию, которая осуществляет верховные полномочия на огромной территории, наиболее отвечает требованиям времени, хотя насчитывает историю в 4 или 5 столетий со времени образования французской, испанской и шведской монархий» (с. 12).

Однако остается открытым вопрос о том, действительно ли в XXI веке имеет смысл говорить о логически последовательной и направленной Истории человечества, которая в конечном счете приведет большую часть человечества к либеральной демократии?

Оппонентов у Фукуямы достаточно. За последние годы он внес основательные коррективы в свою концепцию, отвечая на вызовы других ученых. Но

он по-прежнему убежден в своей правоте, прибегая к утвердительному ответу на поставленный вопрос по двум причинам: во-первых, осмысливая доводы экономики, а во-вторых, обращаясь к тому, что называется «борьбой за признание».

Государственность интересует Фукуяму во многих отношениях. Он пытается проанализировать функции государства, его возможности, основы легитимности правительств. «В эпоху Второй мировой войны политическая наука сосредоточивалась на создании политических и юридических институтов. В следующее тридцатилетие на первый план вышли социологическая и структурная организации и их функционирование» (с. 49). Фукуяма рассматривает также международные аспекты государственной слабости. Он полагает, что государство имеет многочисленные функции, которые позволяют ему решать сложные и разнообразные вопросы. С одной стороны, защита права собственности, но государство может, с другой стороны, реквизируют частную собственность и ущемить права граждан. Монополия легитимной власти устраняет то, что Гоббс в «Левиафане» назвал «войной всех против всех». Но именно этот «хранитель порядка» способен вызвать конфликты и войны. Итак, перед нами новые приключения «Левиафана». Опять динамичная и сложная картина мира заставляет думать об устранении хаоса и наведении порядка. «В первых двух главах я анализирую проблемы слабых государств, а также проблему отсутствия или неадекватности политических институтов в национальных государствах, что является существенным тормозом экономического развития отдельных бедных стран» (с. 157).

Главный спор сегодня идет не о самом принципе суверенности государства – в настоящее время защищать его в чистом виде стремятся немногие. Ясно, что не все суверенные государства созданы по единому образцу и что плохое правление прямо способствует тому, что уважение международного сообщества к верховной власти падает. «Сегодня спор между членами международного сообщества сосредоточился на том, кто должен принимать решение о нарушении суверенитета и в какой степени эти решения должны быть ограничены международными законами или нормами?» (с. 176).

По мнению Фукуямы, наиболее важными темами при обсуждении проблемы государства являются: государство и политическая власть; соотношение социально-экономической и государственно-политической сфер; государство и формы организации гегемонии; государство и социально-политический консенсус; государство и нации; государство и мировой порядок.

Понятное дело, что американского социолога прежде всего интересует современное государство, которое имеет огромную армию, мощные налоговые органы, централизованную бюрократию, которая осуществляет верховные полномочия на огромной территории. Такое государство оказывается наиболее современным, хотя и имеет историю существования в 4 или 5 столетий со времени образования французской, испанской и шведской монархий. Становление этих государств с их способностью сохранять порядок, безопасность, законность и права собственности обеспечило возможность возникновения сегодняшнего экономического мира.

Современный мир предлагает весьма заманчивую перспективу, комбинируя материальное процветание рыночных экономик с политической и культур-

ной свободой либеральных демократий. Но современность такого рода оказалась труднодостижимой для многих стран мира. На этом пути они не только не развивались, но даже регрессировали. Возможно, институты и ценности либерального Запада вообще не являются универсальными, а представляют только результат культурных особенностей центральной части Северной Европы. Можно утверждать, что политические споры прошлого века касались проблемы государства, его силы и влияния государства. XX столетие прошло через войну, революцию, депрессию и снова войну, либеральный мировой порядок разрушался, и самое либеральное государство было замещено повсюду в большей части мира на гораздо более высокоцентрализованное и активное.

Ослабление размеров государственного сектора было доминирующей темой политики в течение последних десятилетий прошлого века. (Хантингтон С., Третья волна демократизации в конце XX века. Университет Оклахомы, 1966). Государственному строительству не уделялось должного внимания. В результате реформы, либерализирующие экономику, не оправдали ожиданий во многих странах. В некоторых из них отсутствие соответствующего набора государственных и общественных институтов привело экономику к худшему состоянию, чем она была бы без этих реформ.

Таким образом Фукуяма пытается подкорректировать свою основную концепцию о всевластии либерализма. «После 11 сентября главным вопросом мировой политики стало не уменьшение государственности, а ее усиление. Для отдельных обществ и для мирового сообщества уничтожение государства – это прелюдия не к утопии, а к катастрофе» (с. 198).

За истекшие полвека в современном мире действительно произошли огромные изменения. Многие западные страны встали на путь целенаправленного внедрения общественных новаций. Значительно расширилась сфера государственного регулирования общественной жизни. Это и неудивительно: это результат обобщения реальных тенденций общественного развития, учет тех факторов, которые и в самом деле определяют ход событий. «Укрепление государств путем создания различных видов государственных учреждений – вот задача, которая стала жизненно важной для международной безопасности, но с которой справилось всего несколько стран» (с. 199).

По мнению Фукуямы, страны должны быть в состоянии создавать государственные институты не только внутри собственных границ, но и в других, менее организованных и более опасных странах. «В прошедшие годы сделали бы это, просто вторгнувшись в такую страну и административно добавив ее к своей империи. Теперь мы настаиваем на содействии демократии, самоуправлению и правам человека и на том, что любая попытка управлять другим народом – просто временная мера, а не империалистическое устремление» (с. 200).

«Наша цивилизация такова, – пишет он, – что она отлучает человека от духовной, идеальной стороны бытия. Человек нашей цивилизации не имеет возможности проникнуть в великую неизвестность – в мир духа. Фундаментальное расщепление в личности шизофреника – это расщепление агрессивных влечений и эроса, духовных сил. Рождается парадокс – именно шизоид в своем сознании отождествляется со своими духовными чувствами. Здесь рожда-

ется возможность радикальной критики всего современного цивилизационного культурпроекта. Такое понимание культуры дает импульс для поиска альтернативных форм жизни человечества на путях «здорового общества».

Диагноз государственности, анализ ее форм и современных трансформаций, несомненно, интересны современной России, которая вновь тоскует о порядке и борьбе с хаосом.

В известной басне Эзопа речь идет о путнике, который хвастался, будто ему приходилось совершить прыжок невиданной длины. Жители острова Родос предложили ему доказать правоту своих слов. Эзоп сказал: «Здесь Родос, здесь и прыгай».

Фукуяме предстоит немало потрудиться, чтобы доказать, что мир идет к Универсальной Истории.

Эльвира СПИРОВА

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

*Журнал для тех, кто хочет знать,
как устроен мир в эпоху глобализации*

«Россия в глобальной политике» – это уникальное издание, на страницах которого лучшие российские и иностранные исследователи делятся своим видением национальных приоритетов России и ее перспектив в новом мире.

«Россия в глобальной политике» – это площадка для диалога ведущих экспертов и журналистов, политиков и предпринимателей, общественных деятелей и ученых из разных стран о животрепещущих проблемах в области безопасности, экономики и общественного развития.

«Россия в глобальной политике» – это возможность познакомиться с эксклюзивными материалами ведущих аналитических центров и лучшими публикациями из журнала Foreign Affairs – самого влиятельного американского издания.

Редационный совет «России в глобальной политике» – это настоящая сборная звезд мировой политики и политологии, среди которых Гельмут Коль, Мартти Ахтисаари, Карл Бильдт, Карл Кайзер, Тьерри де Монбриаль, Хорст Тельчик, Джеймс Хоуг, Алексей Арбатов, Игорь Иванов, Сергей Караганов, Сергей Лавров, Александр Лившиц, Владимир Лукин, Вячеслав Никонов, Евгений Примаков, Сергей Приходько, Сергей Ястржембский и другие.

- ПОДПИСКА В РОССИИ, СНГ И СТРАНАХ БАЛТИИ по каталогу «Роспечать», индексы: 46708, 46709, 46710

- ПОДПИСКА В РОССИИ И СНГ по каталогу «Пресса России», индексы: 15577, 11119*, 16497.

- * Специальный подписной индекс. Только для студентов и аспирантов журнал «РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ» за 1/2 цены!

- ПОДПИСКА В УКРАИНЕ по каталогу «KSS»

www.globalaffairs.ru

Новые книги, которые могут вас заинтересовать

Рубрику ведет
кандидат философских наук
Эльвира СПИРОВА

АМЕРИКА ЗАСЛУЖИВАЕТ ЛИДЕРСТВА

Фукуяма Фрэнсис. Америка на распутье. Демократия, власть и неоконсервативное наследие. М., 2007, тираж 3000 экз., 282 с.

Знаменитый американский философ, социолог и футуролог, автор бестселлера «Конец истории и последний человек» рассматривает проблемы американской внешней политики после 11 сентября. Что привело к войне в Ираке, в чем ошиблась администрация Буша и как Соединенные Штаты могли бы строить отношения с остальным миром.

Ф.Фукуяма долгое время считал себя неоконсерватором и разделял взгляды других неоконсерваторов, в том числе своих друзей и знакомых, работавших в администрации Джорджа Буша. Однако в феврале 2004 г. между Фукуямой и неоконсерватизмом наметилось расхождение. Автор книги понял, что неоконсерватизм как политический символ и как теоретическая концепция выродился. Система принципов, на которой он базировался, утратила свою актуальность, полагает Ф.Фукуяма.

Что это за принципы? Это озабоченность вопросами демократии, прав человека и вообще внутренней политики государства. Убеждение в том, что для защиты нравственных основ может использоваться мощь США. Скептический взгляд на возможности международного права и международных институтов в решении серьезных проблем безопасности. Представление о том, что активное социальное строительство часто приводит к неожиданным последствиям и препятствует достижению поставленных целей.

Сегодня неоконсерватизм – одно из четырех направлений в американской внешней политике. Помимо неоконсерваторов, существуют «реалисты» в духе Генри Киссинджера. Есть еще либералы-интернационалисты, которые надеются выйти за рамки политики силы и обратиться к мировому порядку, основанному на праве и международных институтах. Есть сторонники американского национализма, которые склонны к узкому восприятию интересов Америки в свете вопросов национальной безопасности.

Одно из последствий ощутимой неудачи США в Ираке – это дискредитация неоконсервативной стратегии в целом и восстановление доверия к реалистической внешней политике. По мнению Ф. Фукуямы, разговоры о четвертой мировой войне и глобальной войне следует прекратить. Соединенные Штаты должны способствовать как политическому, так и экономическому развитию других стран и контролировать ситуацию в этих странах. Америка заслуживает лидерства.

У КОГО ПОЕХАЛА КРЫША?

Фуко Мишель. Ненормальные. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. Санкт-Петербург, 2007, тираж 2000 экз., 432 с.

«Ненормальные» – это многогранное исследование становления в новоевропейской культуре представления о норме как биологическом, психологическом, моральном и политическом феномене. Центральное место в книге занимает процесс замещения образа монстра как существа, абсолютно нарушающего законы природы и мира, представление о норме и ненормальном субъекте, не поддающемся нормативному воспитанию и не вписывающемся в нормативную систему социума.

Представляемый цикл лекций позволяет составить читателю более полное представление о развитии мысли одного из классиков европейской мысли прошлого века М. Фуко, а также содержит уникальный материал по истории ментальности новоевропейского человека.

Автор показывает, что представления о безумии можно получить с помощью объективных показателей. Такая объективность, свободная от террора власти, все же возможна. Разного рода толкования безумия обладают чрезвычайным антропологическим значением. Проводя границу между разумом и безумием, мы определяем не только безумие, но и разум, который выступает в данном случае как антропологический норматив. Безумие раскрывает истину человеческого существования, истину, до определенного момента заключенную в глубинах нашего «Я». Безумие свидетельствует не столько о дурных инстинктах самого безумца, сколько о порочной природе человека. Поведение безумца асоциально и аморально, но оно является манифестацией антропологической бездны, способной разверзнуться при определенных условиях в душе любого человека.

Фуко выдвигает следующую гипотезу. После английской революции XVII века пусть не сложилась окончательно, но во всяком случае была установлена на новом фундаменте и получила новое определение политико-юридическая форма правления, теория договора, на котором основывается правление, теория отношений между общим волеизъявлением и административными инстанциями. У Гоббса, Локка или, затем, у французских теоретиков мы можем констатировать политико-юридический дискурс нового типа, одной из функций которого была выработка именно того, что Фуко называл формально-теоретическим дискриминантом, позволяющим провести черту между хорошими и плохими политическими режимами. Какие режимы хороши? Какие режимы подходящие? Какие режимы в истории достойны признания, в каких режимах мы можем узнать себя? И в то же время это принцип критики, принцип оценки или развенчаний современных режимов.

КОНЕЦ АМЕРИКАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Леонард Марк. XXI век – век Европы. М., 2006, тираж 3000 экз., 250 с.

Марк Леонард, один из наиболее прозорливых британских политологов, аргументированно доказывает, что Европа в состоянии изменить мир в соответствии со своими собственными взглядами. Европа выглядит умирающей, только если смотреть на нее с позиции Америки. Но американское влияние в мире слишком поверхностно. Европейское влияние, напротив, всеохватно и глубоко проникает от Албании до Замбии. Оно стягивает другие страны в свою орбиту быстрее, чем те успевают осознать это, и, попав в зону действия европейских законов и порядков, они меняются навсегда.

Многие обратили внимание, подчеркивает автор, на рост влияния таких великих держав, как Китай и Индия, а также на те последствия, которые это может иметь для мирового порядка. Эти державы, несомненно, бросят вызов «однополюсному миру», сформированному в соответствии с предпочтениями американцев и европейцев, на которых в общей сложности приходится менее 10 проц. населения земного шара. Но гораздо большую опасность, считает Марк Леонард, для «однополюсного периода» представляет собой существование в мире еще одного разряда стран – от Бразилии и Мексики до Южной Африки и Нигерии, Японии и Южной Кореи, которых больше не удовлетворяет взаимодействие с Европой и Соединенными Штатами на двусторонней основе и принятие решений, обусловленных относительной слабостью собственного положения.

Эти страны наблюдали за тем, как Европейский Союз дал крошечным странам возможность определять свою судьбу на мировой арене независимо от их благосостояния, военной мощи или численности населения. Почти пятьсот лет назад Европа избрала самую эффективную в истории форму политической организации – национальное государство. В результате ряда войн и завоеваний эта форма политической организации распространилась подобно вирусу, так что к XX столетию она являлась единственным способом организации политики, ликвидировав империи, города-государства и феодальные системы. Поскольку национальные государства были наиболее удобны для ведения дел с другими национальными государствами, перед другими политическими системами встал очевидный выбор: либо стать национальным государством, либо оказаться во власти такого государства. К концу XX века единственным способом быть представленным в международных организациях означало быть национальным государством.

Во второй половине XX века европейцы начали перекраивать эту модель. Поскольку объединенная Европа приобретает все большее влияние в мире и расширяется, готовясь охватить весь континент, другие страны оказались перед таким же очевидным выбором: либо вступить в Европейский союз, либо создать свой собственный союз, основанный на тех же принципах международного права, вмешательства в дела друг друга и идеологии сохранения мира. Зарождающийся мир не будет ориентирован ни на Соединенные Штаты, ни на Организацию Объединенных Наций, а будет содружеством взаимозависимых региональных клубов. Рост региональных организаций происходит неумолимо и пугающе стремительно. Скоро, считает автор, мы увидим восход «нового века Европы». Не потому, что Европа будет управлять миром как империя, но потому, что европейский образ действий будет принят во всем мире.

ГЛОБАЛЬНОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ

Хомский Ноам. Гегемония, или Борьба за выживание. Стремление США к мировому господству. М., 2007, тираж 2000 экз., 464 с.

Книга Ноама Хомского, моментально ставшая бестселлером в США, наглядно показывает, как на протяжении более полувека Америка активно проводит свою грандиозную имперскую стратегию во всем мире. Американское руководство проявило свою готовность, например во время Карибского кризиса, идти на любые риски для достижения мирового господства. Мыслитель мирового уровня Ноам Хомский в данной книге исследует причины и истоки того, что привело мир на грань катастрофы, что движет руководителями США, когда они сознательно подвергают всю планету смертельной опасности.

С присущей ему четкой логикой рассуждений Хомский пристально изучает истоки стремления правительства США к «безопасному глобальному доминированию». Он

довольно живо показывает, как недавние проявления политики укрепления мировой гегемонии – от расторжения и выхода из международных договоров в одностороннем порядке до осуществления государственных террористических операций – складываются в единую стратегию достижения мирового господства, которая чревата серьезнейшими опасностями для всех нас.

Автор отмечает: грядет этап развития человечества, когда мы будем в состоянии ответить на вопрос: лучше быть разумным или глупым? Наиболее обнадеживающая перспектива видится в том, что ответ на данный вопрос не будет найден. В противном случае мы можем столкнуться с очевидным фактом: человеческий род был в некотором смысле «биологической ошибкой». Он тратит предназначенные ему сто тысяч лет на самоуничтожение и постепенно убивает все живое.

Несомненно, данный вид в совершенстве овладел только этими навыками. В такой ситуации воображаемый наблюдатель с другой планеты может справедливо заключить, что человеческий род на протяжении всей своей истории, в особенности в течение последних нескольких лет, проявлял лишь названное свое умение. При этом он наносил значительный урон окружающей среде, истреблял популяции более сложных организмов, расчетливо и хладнокровно уничтожал себе подобных.

По словам Н. Хомского, несмотря на различия в подходах (методах), тоталитарный и демократический режимы преследуют одну цель, которая состоит в обуздании «великого чудовища», – именно так называл народ Александр Гамильтон. Установление контроля над массой населения всегда представляло важнейшую задачу для власти, в особенности после первой демократической революции в Англии в XVII веке. Аристократы, которые сами себя называли «благородными мужами», пришли в ужас, когда «кучка легкомысленных тварей в человеческом обличье» отвергла всю систему основополагающих принципов гражданского конфликта, который развернулся между королем и парламентом в Англии. Она выступила за формирование правительства «из числа своих соотечественников, которые понимают их нужды», а не из круга «аристократов и джентльменов, устанавливающих им законы».

Вывод книги таков: нетрудно понять, насколько сложные времена переживает мир, когда американцы, будучи гражданами наиболее преуспевающего и могущественного государства в мире, сталкиваются с дефицитом демократии.

SUMMARY

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseinov

1. This issue – last in current to year, also will get it to the reader, most likely, on the eve of parliamentary elections. But the most interesting, certainly, still ahead. Though I, as well as many other things experts, believe, that anything especially unexpected will not occur. Anyway, should not occur, if a certain scale non-staff collision in the country or in the world, certainly, is not formed.

2. In left issue last on October, 5th the reduced stenogram is published in Berlin the Russian-German seminar «Threats of safety for the Europe?». Utility of a similar sort of meetings of representatives of political and scientific circles of two countries does not raise the doubts. As, as has shown also the Berlin seminar, deficiency of trust between Russia and EU, Russia and Germany still takes place. In it one of the reasons of is covered that our attitudes in these formats develop for the present far not in the best image.

3. Efforts, especially from the German and Russian party, directed on creation in the Europe the general space of safety should be undertaken. And it, undoubtedly, the main result of a taken place conversation.

POLITICS

*Valery Sidorov. THE SOVEREIGN DEMOCRACY, THE SOVEREIGN ECONOMY,
THE SOVEREIGN CIVILIZATION*

1. Russia's restoring its place among the world decisive powers is the chief outcome of the Putin's turn from the 'troubled time' hard years, his main achievement. Today, in fact, all analysts agree to that. But prior to a more close analysis of the Putin policy's pluses and minuses, I would like to remind, again and again, of the 'Prymakov's U-turn' – not just and so much over the Atlantic ocean, but rather in the internal policy. I am sure, there would be neither Putin of today's, nor today's Russia without the Prymakov Government's 8-month activities. It is difficult to overestimate the dynamism, persistence and wide scope of its work.

2. What kind of society is Russia building? Boisterous ejaculations on the bright capitalist future of the early 1990s have gained no broad support in any stratum of the population, except for some ecstatic liberals. As a contemporary popular saying goes, «Everything we had been convinced of Socialism came out untrue, but everything we had been reiterated of Capitalism appeared to become true.' Not just for Russia, but for the majority of the European civilization countries, the notion of 'Capitalism' has become archaic. By

the way, it is indicative that the ever-growing stronger the anti-Globalists claimed – at every social gatherings of theirs – that their principal objective is the alternative to the global capitalist system.

3. Unfortunately, there are many critical problems in the home economy, in solving which the state power did appropriated the monopoly for truth. Many interesting suggestions made by the economists of the Academy of Sciences and specialized institutes, who are close to the opposition, have just been ignored. They included, for instance, the methods to counter the inflation, estimated real danger of the monopolistic capital growth, the analysis of the operational causes for the GDP growth, the ways to most rationally use the Stabilization Fund. Ignored were also many an economist's warning, that the significant part of the recent GDP's growth in Russia was due to satiated 'screwdriver industries' in the economy, that is rather fraught with risks for the national security.

Oleg Nickitin. ABOUT RUBRIC IN BRIEF

1. Journalists before other foreigners can feel change of moods in the Russian society. And here already in their estimations of our country epithets of quality, growth and development even more often prevail. In a basis of occurrence in a society of confidence, certainly, stable growth of incomes of the population, strengthening of financial and economic position of the country, presence of vital prospect, first of all, for youth.

2. Increasing support Putin's by population – and it is difficult to deny – has coincided with a favorable conjuncture in the world markets of energy carriers. It is possible to argue much in occasion of, whether it is enough for Russia to be energy exporter, lagging behind from the developed countries in development of high technologies. But in fact there were attributes of that the country leaders are ready to answer and these calls.

FOREIGN AFFAIRS

Valery Buyanov. RUSSIA'S INTERNATIONAL IMAGE: THE PAST AND THE PRESENT

1. Those engaged in Russia's image-making abroad are specifically focused on problems of freedom and human rights, claiming there is a recoil from democratic 'achievements' of 1990s, in recent years. This subject has been – with an enviable regularity – discussed by everyone, from the US president and vice-president down to various mass-media. According to them, there was more democracy in the country in those dashing years of the turn of the century, than it is now. Busily preaching to Russia, the West is willing to hear no arguments of the youthfulness and specifics of the Russian democracy, of impossibility of blindly copying it from someone's else patterns.

2. A country's image-making is directly dependable on the information resources of those who make this image up. At that, one cannot but agree with the fact that the Russian Federation dramatically lags behind its opponents in technical and maintenance power of the information channels, its cadres training and their skillfulness to present a story. Besides, the West purposefully coordinates its activities. One may use as many irony as one likes speaking of 'the plot theory', 'the demand', 'the unified concept' towards Russia. But how one is to explain simultaneous and same-tone-worded information bursts because of the same subjects – be these anti-Putin ballyhoo or the massive support of those who do not agree with the current Russian course?

3. To improve Russia's image abroad it is very much to be done. First of all, there is need to develop the concept of this work, to clearly see the ways and means of building-up some positive image of the country both as a whole, and of its various dimensions and regions. At that, it is important to face the East, without turning away from the West in the least. Our multi-vector foreign policy could be possibly drifting pre-

cisely in this direction. This is fairly justified by many things, including the world center of history development moving from the Mediterranean and Atlantic to the Pacific area where the largest and most quickly-developing countries are located.

**Vagif Guseynov. RUSSIAN FEDERATION – UNITED KINGDOM:
THE HARD ROUTE OF COOPERATION**

1. The roots of deterioration in the RF-UK bilateral relations, that put them on the verge of a crisis by mid-2007, are much deeper, than just the displeasure with which the British political class and government met infringements of democratic norms in Russia or the Kremlin's allegedly aggressive energy policy. The still pursued policy of one-sided raw orientation of the national economy, the sluggishness and indecision in developing hi-tech industries and in fighting the corruption can and need be criticized.

2. The complications in our relations that became evident last year have in no small degree been begotten by the successes Russia achieved. One cannot but agree that, in recent years, Russia developed and is developing, on the whole, in the right direction and – within the historically very short period of time – it has achieved evident successes in market transformations of its economy, in reorganizing public consciousness and social relations along the democratic principles, in strengthening the state institutions. This development, whatever were the mistakes, certain faults and time braking, had been steadfast in all latest years.

3. Russia ceases to play the role, already habitual and convenient for the West, of a complaisant supplier of energy resources, that is to say, 'the bull with a ring in the nose' moving in any way it is directed, as it was the case in the early years after disintegration of the USSR. The country is increasingly persistent in guarding its interests internationally, at that, with no transgression whatsoever of the international law frameworks. To the Western eye, Russia is seen as some reappeared ghost of a renascent serious geopolitical and geoeconomical competitor. Naturally, such an occurrence is not to everyone's liking, and there are the forces, aspiring to brake this process down.

4. Today, the British-Russian relations are going through uneasy times, figuratively speaking, they are at the crossroad. What direction they are to move further in? It is my belief, the better chances are the present political complications in the RF-UK bilateral relations will be eventually overcome, and the cooperation of the two powers will go on ascending again. Still, it cannot be excluded an option of opposite evolution of our relations – along a route of confrontation, dangerous to both parties.

**Vladimir Akhmedov. THE ARMY AND ETHNO-RELIGIOUS CONFLICTS
IN THE MIDDLE EAST**

1. It is important to inquire into specifics of the traditional society and the military interacting during the transitional period in the development of the Mid-Eastern countries. To address this problem is to understand, whether belonging to the military environment really makes the officer corps loose ties with the features of the traditional society, enhances the worldly outlook of the military and the secular nature of the army. Inquiring into the military behavior under the conditions of ethno-religious conflicts helps to define a degree of probability of the Army's intervention into politics in the time of a crisis, and to find out the limits of the military possibilities depending on their position in hierarchical structure of state governance in solving such conflicts.

2. In many ways, the ability of the military to prevent and solve such conflicts is determined by the type of the regime in power and the state system model, by the place the military occupy in the government system and the nature of their inter-relations with the civil authorities, as well as by the ethno-religious composition of the population, and the external factor influence. In some Mid-Eastern countries, the military had been successful enough in localizing the conflicts caused by religious and ethnic disputes. It is true,

however, that in those countries actions were taken not so much by the regular army units, but rather by special commandos and security forces.

3. Under today's political conditions in the Middle East, the military actions to settle acute ethno-religious conflicts have their limitations caused by some objective and subjective factors. The final settlement of such conflicts can be reached by the political means only. And the Army involvement should be purely functional and be directed at the state protection against the outside enemy, and at fighting the real, not imaginary, terrorism.

**Volker Perthes (Germany). ENHANCING READINESS FOR DIALOGUE:
THE WORLD COMMUNITY HAS LIMITED CHANCES TO AFFECT THE INTER-RELATIONS
WITHIN THE ISRAEL-PALESTINE-LEBANON-SYRIA QUADRANGLE**

1. Israel is the powerful state with stable democratic institutions, but it is run by the weak government endangered with court examinations and special commission investigations. The prime minister's rating dropped to the level that is more likely within the limits of statistical error. As a result, his ability and willingness to courageously solve the problems of following the peace policy, for what he has been elected, are close to zero. There operate two governments at once in the Palestinian Territories, none of which is representative and none of which can bring about the monopoly for violence in possession of the Palestinian quasi-state.

2. Lebanon's or the Palestinian Administration's weakness is to be explained not so much by ungifted functioning of their politicians, but rather by the state's inability to execute its basic duties before a society: to provide for the security of citizens, to offer the social help and protection, to do restoration works after natural disasters or wars. If some political parties or paramilitary formations claim to be responsible for solving these problems, as it is the case with the social security in the Gaza sector, or even some foreign forces, for example, the EU which prefers to do funding directly those in need, rather than channel it through competent Palestinian government bodies, than there would be 'no state built', indeed.

3. At present, it seems, the Syria's government still has the strongest positions among the four Mid-Eastern states, though it finds support in the repressive authoritative regime. This actor has to be reckoned with, for it would continue to resort to dirty methods, if it is not convinced that its lawful national interests are considered, meaning, primarily, the territorial integrity of the state would be preserved, or, in other words, the captured territory of Golan Heights be returned under Syria's sovereignty. Just established International Tribunal is to ascertain, whether Syria is really responsible for a series of political assassinations in Lebanon.

Francesco Calogero (Italy). THE THREAT OF NUCLEAR TERRORISM

1. The main focus of the activity directed at decreasing the chance that a city be destroyed by a nuclear explosion caused by terrorists should be to impede that any such group get hold of a sufficient quantity of weapon-grade highly enriched uranium (HEU) – in addition to infiltrating and eliminating terrorist organizations (a topic on which I am not knowledgeable). Obviously, the most effective step to this end is to eliminate the existing HEU, by down-blending it to low enriched uranium (LEU).

2. An intermediate, second-best goal – as long as HEU exists – is to make sure that it does not fall into the wrong hands. To this end the physical security of the existing stocks of HEU should be enhanced as much as possible, and every international cooperative effort in this direction should be welcomed and adequately funded. But it should be kept in mind that the investments in this direction are less preferable than those aiming at eliminating HEU altogether. In this context adequate investments in intelligence are also important.

3. It might appear reasonable to also invest in trying to impede that a terrorist group who got hold of a sufficient quantity of HEU be able to transfer it to the target city and to set up shop in a locale there in order to build an explosive device, without being caught. A useful role in this context may be played by intelligence. The attempt to impede the transfer of HEU via a major investment introducing all kinds of border barriers looks instead a costly exercise in futility.

Elections abroad

Ernest Sultanov. ELECTIONS IN TURKEY: THE REFERENDUM ON THE ISLAMIC MODEL

1. In Turkey, the last elections resulted in the confident victory of the Justice and Development Party (AKP) under the leadership of the prime-minister Recep Tayyip Erdogan. In fact, it means the population have supported the Islamic Economic Model introduced by the Mr. Erdogan government. Now the AKP can not just continue building the new economy, but also restructure the Turkish political system. Electing Abdullah Gul the president of Turkey was the principal step in this direction. At the same time, the AKP's successful experience might give an impact to reforms in significant part of the Islamic world.

2. Upon winning the elections, the JDP government began to work out a new Islamic Model of Economy, which the Western experts often refer to as 'Islamic Protestantism'. As a matter of fact, the AKP has actively supported development of the religiously most traditional regions in the country – Central Anatolia. And it is the Islam that became the ideology of economic prosperity in that region. Hard but well paid labor was qualified as 'a religious duty'. So, in opinion of one of the AKP supporters and the owner of a big holding, Mustafa Bujdak, «to open a factory is as much God pleasing business as praying to God». While inefficient use of the capital (for example, its freezing in bank accounts) began to be perceived as 'sin'.

3. The last elections in Turkey have become a referendum of a sort on the model proposed by the AKP. In fact, the majority of the population gave preference to live under the effective Islamic Economic Model, rather than under the inefficient secular one. At that, the AKP model differs considerably from the model that is introduced both in the West, and in the majority of the Muslim countries. The AKP's another important advantage is the proposed operational plan of interethnic reconciliation. Plus, the model proposed by Recep Tayyip Erdogan is the first instance of the Islamic party being successful while staying in power.

NATIONAL SECURITY

Vasily Lata. GEOPOLITICAL ASPECTS OF BUILDING-UP RUSSIA'S STRATEGIC NUCLEAR FORCES

1. As any reformation, building-up the Strategic Nuclear Forces (SNF) is to be accompanied by certain hardships of overcoming some old settled viewpoints and institutional interests, as well as the psychology of regionalism within the frameworks of some of the SNF components. It would not be easy to form and work out the unified operational and strategic planning, the unified system of controlling forces, to fix the centralized maintenance of their vital functions, to work out the unified system of training and recruitment.

2. Today, it has to be confessed, that to build up the general-purpose forces, as well as the new generation of missile-nuclear armaments, huge funds are needed that are too heavy a burden to the country. Russia maintains its Armed Forces with the budget that is equivalent to 15 percent of the American military budget. To build up the general-purpose forces meeting the contemporary requirements, Russia has to increase its GNP by the order and to provide for dynamical development of national high-tech industries.

3. To further develop the SNF – and, in perspective, to possibly integrate them in the unified Strategic Deterrence Forces – many organizational problems are to be solved by both government and the military

bodies, with due account to the country's financial options and the opportunities of the defense industries involved in production of missile and other military technologies.

IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Alexander Nazarchuk. THE SOCIAL NETWORKS AND TRANSFORMATION OF POLITICAL SYSTEM

1. The network characteristics of a new society signify a new extent of plasticity and mobility of the social structures, their self-governance. Network structures are easily adapted to realities, therefore, governing such a society needs no network administration, but rather creation of some strong frameworks in proportion to which the networks will find their places and carve their ways. Here, it seems, the age of political state is coming to an end and the liberal idea of the guarding state is being implemented. But this would be a premature conclusion. Where there is too much of unsteadiness and flexibility, there has to appear the need for additional solidity and regulating a higher level of complexity.

2. Transforming politics field into a network of political communications does not mean changing the political system. Liberal democratic institutions, the ideology of which was developed at the same time with the ideas of self-regulating market, have not become obsolete in a network society, but rather expand their habitat of presence. Political problems are peculiar to those who try to oppose the tendencies of development of communicative political community. Authoritarianism, hampering the dynamism of free political communications, causes divergences with the rate of communication development in economy and culture, puts obstacles in the way of building-up self-regulating society.

4. Political communication, unlike political institutions, is not the product made by authorities or consciously made at all. This communication is always what it is. It is impossible to 'accelerate' it, it is senseless to motivate it. To transfer technologies of political communication according to the Westernization model is absurd, though feasible. The growth and activity of the political communications is the compensation of a kind for the harmony and smoothness of the social development. In the last century, this institutional harmony of the civil public has been lacking in the territory of the former Second World. Nevertheless, the networks are coming up here, as well.

THE ISSUE'S MAIN TOPIC: METAMORPHOSISES OF AUTHORITY

Christina Matoutyte. THE MYTHS OF OUR DAYS

1. Many a myth displays sort of gracious picture of an aspired or incarnated idyll. The masscult demonstrates capricious mixture of passivity with fanaticism, good with evil, all-forgiveness with sadism. A modest weaver gives voice to the will of the people, and 'quite a common person becomes a politician'. By the same pattern, the contemporary political parties not just display a picture of the country's radiant renewal in their programs, but also picture of indispensable nightmares come true, if other programs would be accepted.

2. The social mythology as such, certainly, makes the myth simpler, quite often it uses the myth just as an ideological sign. Nevertheless, it accumulates the vital energy of various social groups. Myth, then, is the self-lawful and self-sufficient form of understanding the world. All attempts to finally replace it with analytical thinking or scientific revelation are doomed, for they do not correspond with the human nature. Myth is archetypical, because it reflects the deeper aspects of the peoples being .

3. The human consciousness is well liable to the sin of mythologization. But it has been gifted with the critical evaluation of its own idols. Hence, to engage oneself into reasoning the myth is to search some out-

lines of that spiritual constitution. Labeling some social idea a myth, we are by no means free ourselves from the need to comprehend it, from the resources incorporated into it, from sampling some real, earthly core in it. More so, once we are unable to assume ourselves to be initially free from the mythologism.

Irina Yegorova. ARCHETYPE OF THE LEADER AND HERO

1. A charismatic leader has to speak out his goals, but, while doing so, to put on some topics sanctified by the far-away history. Unconsciously, the leader turns to the inexhaustible resources of the collective unconscious, and chooses some familiar scenario from there. Describing the archetype of the social hero, Nietzsche endowed him with obligatory dramaturgic orchestration. The sovereign not just comes into the historical arena, he has his predestination, he has to pass ordaining, to create some ideal image, and eventually be gone, but indeed not to be dissolved. The hero comes, passes through the hearth of troubles, performs actions and eventually leaves, keeping the continuity of his life history.

2. The public consciousness of today is clearly longing for a Hero. In the history of culture, there is often a mythological piece – the Hero's history. It tells of his birth, athletic feats, wise rule. The balance formulas specially positioned in the system of a heroic myth, despite of its static character, especially in modeling political leadership. Political leader is active in propagating himself, when the balance is already lost. The great bulk of political leader's arguments is compiled of as the promise to restore and reach balance and stability. The balance and stability is the key formula of the socio-political project proposed by political leader.

3. The myth-generating consciousness models adjacent depersonalization of the heroic space with the threat of accession of a 'false' hero. The myth-generating consciousness is able to perceive the impersonal as the evident reality. That is why the process of returning to impersonal and static balance is perceived as the threat of accession of an 'untrue' hero, an 'illegal' contender. The depersonalization process is perceived as a 'wrong', 'false' personalization. Consequently, some episodes with 'impostors' are foreseeable, who would successively claim the right for leadership.

Anna Filatova. POLITICAL PATHOPSYCHOLOGY

1. Pre-election campaign starts gradually to speed up. The polemics between the candidates are becoming increasingly more fierce. Every now and then a political opponent is being spoken of in unflattering words, some even hint at his or her mental inadequacy. Of course, one may accredit all these escapades to political incorrectness. Still, one thing is when a polemist has thrown juice from a glass into his opponent's face; another thing is when he has dragged a woman by the hair; and the third thing is when he has included a person suspected of murder into list of honor.

2. The political pathopsychology classics of a kind have become the psychological examinations of Hitler and Stalin done in the course of the Anatomy of Human Destructiveness research. The American researcher interprets Hitler's life and activities as those of a bearer of necrophilous orientation. He stressed that to find out one or two personal strains is not enough to diagnose 'necrophilous personality'. It might be so that certain behavior with symptom resemblance of necrophilia is caused not by personal characteristics, but the traditions or customs of the particular cultural environment

3. The problem, that the home psychoanalysts had to face, relates to the fact that there are no real people participating in the politics, but their images. The term of 'image' (synonymous to that of 'personification', though more generalized, included not just natural characteristics of a person, but also purposefully developed, created ones) applies both to outward appearance and to inside substance of a person, to his/her psychological type, which features meet the demands of the time and the society.

1. The political technologists read any variant of the further history of Russia as an extraordinary situation. Some publicists appraise the President's improvisations being the political moves of genius. They are sure all goes as planned. These authors, however, being delighted with the cunning political intrigues, unexpectedly for themselves, plunge into bitter despair. If V.V. Putin leaving the post takes hold of it at the same time, there would be the threat of an inconceivable risk. There are no limits for expansion of power in Russia, even at the level of theoretical thinking. In any combinations, the current President has to take upon himself the responsibility for the country's further development in its fullest.

2. It is a hard job to analyze motivation to come to power, for it is generated by the specific time. The circumstances prompting to struggle for power vary. It might be the desire to dominate over people, to take charge of their fates. In other cases, the need for power is stimulated by the craving for freedom, the desire to overthrow some tyrant or authoritarian leader, to prevent the one to swing about in full force. Quite often the historical challenge forces this or that person to take upon oneself the responsibility for a course of events. The power motive might be stimulated by need of achievement, of respect, of approval, of safety. Certainly, there is no such 'purity of the genre' in actual history. Various impulses arise simultaneously and in capricious combinations.

3. The psychological weariness of the masses weights is a many-valued phenomenon. People are to no small degree capable to discern calculated political philippics and self-seeking interests behind them. The political killing is losing its appeal. Common citizens, however suggestible they could be, make no effort to know, that the true concern for the people's prosperity does not need to be dressed in the state paternalism outfit, nor accompanied with an imaginary charms of reformatory ventures. More and more often a simple truth comes to the people's mind – you wish to win votes, then put aside the naive belief of masses' 'immaturity', of their total suggestibility, of the peoples' organic inability to comprehend what solid ground they are to stand on.

CIS

Vladimir Dergachev (Ukraine). CRISIS OF THE UKRAINIAN STATEHOOD

1. Ukraine has brought a weighty contribution to split the Eastern European geopolitical space, having played the role of the West's 'fifth column'. In Ukraine, the anti-Russian geopolitical technologies meant to destruct the Eastern Europe's multi-dimensional communication space are successfully used. The strategic object of breaking finally apart the Orthodox civilization has been substantially secured in the religion space. In the military-political space, the strategic object is barring the military alliance with Russia, it is successfully implementing by the Ukrainian pro-American president-nationalist.

2. The sources of the Ukrainian statehood crisis are obvious. The civilization break that crosses through Ukraine's territory, makes it impossible to consolidate the society upon one cultural and historical tradition – either West-European, or pro-Russian. There is no political movement capable to consolidate the Ukrainian society and to start meaningful dialogue between the parts of the country. Attempts to combine incompatible – to build the national state based on the principles of the Ukrainian fundamentalism (pan-ukrainianism) and to be integrated into Europe, where the priority is given to political nation protecting the rights of concrete person, have brought about the deep crisis of the Ukrainian statehood and might result in complete 'Balcanization' of Ukraine.

3. The Ukrainian statehood crisis might have been avoided, if independent government relied on the country's citizens, rather than on the outside power centers in the Kremlin, White House, or Brussels. The following scenarios are foreseeable. The nationalists 'capture' the territory of Ukraine by means of changing the Fundamental Law, or the president preserves his powers to appoint local heads of administrations. In that case it would be possible to follow the policy of joining NATO using the administrative resource. The second scenario could be based on collusion between the nationalists and the regionalists, who would head

coalition government in exchange for guarantees of the support of the second-term presidency by the electorate in eastern and southern regions of the country.

Alexander Tsipko. THE INDEPENDENT UKRAINE AS A RUSSIAN PROBLEM

1. Pro-American Victor Yuschchenko's victory, instead of quite probable victory of Victor Yanukovich who, at least, for that moment, was pro-Russian made Russia's nation-state interests suffer great losses. It strengthened anti-Russian forces in Ukraine, strengthened, both morally and politically, the idea 'nezalezhnost' (independence). Normally, in a country with responsible national elite, some scrupulous 'debriefing' would be made to reveal the nature and causes of such a failure, the cadres policy would be accordingly corrected, etc. But we witnessed nothing of the kind done.

2. The feasible threat of ukrainization drives Ukraine's Russian-speaking population towards Russia. But that does not mean it is eager to be reunited with Russia. By no means. The Ukraine's Russian-speaking population wishes to create – with Russia's help – the other, parallel state, the Russian-Ukrainian one. The chance of the contemporary Ukraine being transformed into a second Russia increases sharply in case of the Russian be proclaimed the second state language in Ukraine. Indeed, the Russian politicians still do not perceive how dangerous for them such transformation of Ukraine into a second, inevitably competitive, Russian-Ukrainian state can be.

3. The current efforts of some of our politologists with 'Ukrainian expertise' to develop Russia's relations with Ukrainian-speaking according to 'fronts' pattern in which the Russian-speaking Ukraine is to play the role of 'the front line in the struggle for the Russian case' (Sergey Markov) is allocated, smell of adventurism. Today, it is needed to learn to understand, that nothing is more harmful for the present and future Russia, than today's ironical and sometimes even mocking treatment of both the Ukrainian independence, and the Ukrainian nation. It has to be realized, that neither Galicia, however politically active, nor the Russian-speaking Eastern Ukraine are going to determine the destiny of the national state and the vector of its development, but the Ukrainian-speaking Ukraine, peasant by its origin.

THE RUSSIAN-GERMAN SEMINAR

«THREAT OF SAFETY FOR THE EUROPE?»

The reduced stenogram of the basic reports

Session 1. CHANGES IN THE INTERNATIONAL SYSTEM AND THEIR CONSEQUENCES FOR THE EUROPE.

Session 2. ANTIMISSILE DEFENSE, THE RUSSIAN OFFERS IN COOPERATION AND THE EUROPEAN SAFETY

Session 3. THE EUROPEAN UNION AND RUSSIA: GEOPOLITIC OPPONENTS OR PARTNERS AT THE RESOLUTION OF CONFLICTS.

PUBLICATIONS

Afrand Dashdamirov. THE KARABAKH CONFLICT IN THE CONTEXT OF PERESTROIKA.

THE THIRD PARTY IN THE CONFLICT (Continuation)

«By August 1989 development of ethno-political crisis in Azerbaijan has reached that acuteness which any more did not allow a management of republic to reckon with the Popular front as the influential political

force heading a mass movement in protection of territorial integrity of republic. On this background the antiArmenian moods and motives of a mass movement were more and more used by leaders NFA as means of pressure for republican authority».

«Mass demonstrations, meetings, strikes, organized by the Popular front, have considerably changed conditions in republic, have designated the further deepening of ethnopolitical crisis when the growing pressure of «bottoms» and uncertain, nervous political behaviour of «tops» strengthened danger of occurrence of uncontrollable situations in regions of republic and especially in its capital more and more».

NOTES ON A BOOK'S MARGINES

Elvira Spirova. THE LEVIATHAN'S NEW ADVENTURES

On Fukuyama, Francis. The Strong State.

Management and the World Order In the 21st Century. M., 2007.

1. According to Fukuyama, the most important issues of discourse on the state are the following: the state and political power; correlation between the socio-economic and state-political spheres; the state and the forms of the organization of hegemony; the state and the socio-political consensus; the states and the nations; the state and the world order. It is clear business, the American sociologist is primarily interested in the modern state with its huge military forces, the powerful taxation bodies, the centralized bureaucracy that exercise the Supreme Powers in the huge territory. Development of these states, with their ability to provide for the order, security, lawfulness and property right, has made the rise of the contemporary economic world possible.

2. The contemporary world suggests rather a tempting perspective by combining the material prosperity of the market economies with the political and cultural freedom of the liberal democracies. There many countries that not just had any progress along this way, but even regressed. Probably, the Liberal West's institutions and values are not by any means universal, and have just resulted of cultural specifics of the central part of Northern Europe. It may be stated, the political disputes of the last century dealt with the state, its power and its influence. The 20th century passed through the war, revolution, depression and war again, the liberal world order went to ruin, and the liberal state itself was substituted for much more high-centralized and active one everywhere in a greater part of the world.

3. Our civilization is such, that it excommunicates a person from the spiritual aspect of Being. The person of our civilization has no way to penetrate the uncertainty – into the world of Spirit. In a person of schizophrenic, the fundamental split is splitting the aggressive inclinations and Eros. There appear a paradox, when it is schizoid who is identified in his consciousness with his spiritual feelings. Here, the chance is given to radically criticize a contemporary civilization Kulturproject. This interpretation of culture gives an impulse for searching alternative forms of mankind being along the ways of 'healthy society'. The diagnosis of statehood, the analysis of its forms and transformations are of interest to the modern Russia that yearns for the order and fighting chaos once again.

New books that might be of interest

Reviewed by *Elvira Spirova*, Ph.D.

AMERICA DESERVES ITS LEADERSHIP

Fukuyama, Fransis. America At the Crossroads: Democracy, Power and Neo-Conservative Heritage. M., 2007, circ. 3,000 copies, 282 pp.

The book is to analyze the neo-Conservative heritage in detail. The author notes, there is a certain idea, going down to Leo Stross and his followers: the idea of «power», applied to the Bush Administration foreign policy. However, the idea on power's central position in political life goes down not to Stross, but to the works by Plato and Aristotle who had given a lot of thinking on the nature of aristocratic, monarchic, and democratic power and its influence on the character of the people governed by it.

WHO HAD THEIR MARBLES LOST?

Foucault, Michel. The Abnormal. The lecture course delivered at the College de France in the school year of 1974-75, St.-Petersburg, 2007, circ. 2,000 copies, 432 pp.

The book is a many-dimensional study of how the idea of norm as a biological, psychological, moral and political phenomenon had gained footing in the New-European culture. It is focused at the process of replacing the image of a monster creature absolutely breaking laws of the nature and the world, with the notion of the norm and abnormal subject not fitting in the normative society structure. Much is said on the problem of sexuality and 'a body for pleasure' evolution as a means of controlling individual by the public institutions, and as the form of individual's slipping away from the pressure of 'power of knowledge', that helps the author to track the development of Foucault's principal ideas in his third period of work in the late 1970s–1980s.

THE END OF THE AMERICAN NATIONAL ORDER

Leonard, Mark. The 21st Century Is the Century of Europe. M., 2006, circ. 3,000 copies, 250 pp.

Mark Leonard is one of the most sagacious British politologists, and he sounds weighty and reasoned when claims Europe might well change the world according to its own views. Europe seems to be dieing – but that is just if viewed from America's position. The American influence in the world is but too shallow. The European influence, on the contrary, is all-embracing and goes deeply from Albania to Zambia. It drags other countries in the European orbit quicker, than they have become aware of the fact; upon entering the European law and order effective area, they change themselves for ever.

THE GLOBAL DOMINATION

Chomsky, Noam. The Hegemony or Struggle for Survival. The US Striving for the World Supremacy. M., 2007, circ. 2,000 copies, 464 pp.

The book by Noam Chomsky, a bestseller in the USA, reveals visually, in what ways America had been following its active grandiose imperial strategy all over the world, for over half a century. The American Administration has shown its readiness, for example during the Caribbean crisis, to run any risks to achieve the world supremacy. In this book, the world stature thinker, Noam Chomsky investigates the causes and sources of what has brought the world on the brink of a catastrophe, what is the US leaders' imperative when they knowingly expose the whole planet to the fatal danger.

ОБ АВТОРАХ

Ахмедов Владимир Муртузович – старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Буянов Валерий Степанович – доктор философских наук, профессор кафедры национальных, федеративных и международных отношений Российской академии государственной службы при Президенте РФ, заместитель руководителя Центра глобалистики РАГС. Область научных интересов: геополитика и глобалистика.

Гуревич Павел Семенович – доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором Института философии РАН, заведующий кафедрой психологии Московского государственного университета технологий и управления, заведующий Клиникой глубинной психологии.

Президент Московской межрегиональной психоаналитической ассоциации, один из учредителей и член бюро Российской психоаналитической ассоциации, вице-президент Академии гуманитарных исследований, действительный член Нью-Йоркской Академии наук.

Специалист по философской антропологии, глубинной психологии, философии культуры и современной западной философии. Постоянно печатается в центральных газетах и журналах, автор ряда школьных и вузовских учебников, многочисленных монографий, в том числе: «Философская антропология» (2001), «Основы философии» (2002), «Культурология» (2003), «Психология» (2004).

Гусейнов Вагиф Алиовсатович – директор Института стратегических оценок и анализа, главный редактор журнала «Вестник аналитики».

Получил образование журналиста в Бакинском государственном университете. Работал комментатором общественно-политических передач Азербайджанского радио и телевидения, редактором газеты «Молодежь Азербайджана», первым секретарем ЦК ЛКСМ Азербайджана, секретарем ЦК ВЛКСМ по международным вопросам, первым заместителем начальника управления МИД СССР. С начала войны между Азербайджаном и Арменией из-за Нагорного Карабаха с 1989 по 1991 год – председатель КГБ Азербайджана. С 1998 года – член Совета по внешней и оборонной политике.

Автор книг: трехтомника «От Ельцина к...» («Хроника тайной борьбы», «Пьянящий дурман власти», «Война компроматов»), «Каспийская нефть» («Экономика и геополитика»). Соредактор монографий: «Иракский кризис и становление нового мирового порядка» (совм. с С.В.Кортуновым, Москва, 2004) и «Средиземноморье – Черноморье – Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком» (совм. с Н.П.Шмелевым, Москва, 2006). Член редакционной коллегии аналитических сборников: «Стратегия для России: 10 лет СВОП» (2002), «Конкурентоспособность России в условиях глобализации» (2006), «Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего» (2007).

Дашдамиров Афранд Фирудинович – доктор философских наук, профессор кафедры национальных и федеративных отношений Российской академии государственной службы при Президенте РФ, академик Национальной академии наук Азербайджанской Республики, академик Международной общественной академии педагогических и социальных наук. В 1970–1981 гг. – заведующий кафедрой философии Бакинской высшей партийной школы, заведующий отделом теоретических проблем национальных отношений Института философии и права АН АЗССР. В 1981–1991 гг. – заведующий отделом ЦК, секретарь ЦК Компартии Азербайджана. Автор 15 книг и монографий, около 200 публикаций. В последние годы вышли: «Национальная идея и этничность: азербайджанская идея в этнокультурном интерьере» (М., 1996, Баку, 2001), «Идеологические проблемы межнациональных отношений» (Баку, 2001).

В сферу научных интересов входят социально-философские, политологические, этнопсихологические проблемы национального развития и межнационального, межэтнического взаимодействия.

Дергачев Владимир Александрович (Украина) – русский геополитик, живущий в Одессе. Профессор, доктор географических наук, член Союза журналистов Украины. Окончил с отличием Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, там же защитил кандидатскую и докторскую диссертации.

На основе разрабатываемой профессором Дергачевым теории Больших многомерных пространств впервые в Восточной Европе создана серия междисциплинарных трудов и учебников по геополитике, геоэкономике и геофилософии, ориентированных на формирование аналитического мышления.

Автор более 500 научных и публицистических работ, за последние годы опубликовано 16 книг, в том числе Геополитика (Киев: ВИРА-Р, 2000); Геоэкономика (Киев: ВИРА-Р, 2002); Цивилизационная геополитика: Геофилософия (Киев: ВИРА-Р, 2004); Геополитика. Учебник (М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2004).; Регионоведение (М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2004, в соавторстве с Л.Б.Вардомским); Международные экономические отношения (М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2005); Глобалистика (М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005). Публицистические статьи печатались в киевских и московских газетах «Известия», «Литературная газета», «Экономическая газета», «Общая газета» и интернет-изданиях.

Егорова Ирина Владимировна – доктор философских наук, профессор, старший научный сотрудник Института философии РАН. Окончила исторический факультет Московского педагогического государственного университета. Сфера интересов – история философии и психологии

Калоджеро Франческо (Италия) – профессор теоретической физики в Римском университете «La Sapienza». В 1982–1992 гг. состоял в Руководящем совете Стокгольмского международного исследовательского института мира (СИПРИ), с 1989 по 1997 г. являлся Генеральным секретарем Пагоушских конференций по науке и мировым делам и в этом качестве от имени Пагоушского движения в 1995 г. получил Нобелевскую премию мира, присужденную совместно Джозефу Ротблату и Пагоушскому движению «за их усилия в снижении роли ядерных вооружений в международной политике и в более далекой перспективе – ликвидации этих вооружений». В 1997–2002 гг. являлся председателем Пагоушского Совета, членом которого состоит до сих пор. С самого начала ее создания в 1966 г. и по настоящее время связан с Международной школой по разоружению и изучению конфликтов (ISODARCO).

Лата Василий Филиппович – генерал-лейтенант, профессор кафедры Военной академии Генерального штаба, доктор военных наук. Действительный член Академии военных наук. Последняя должность перед уходом в запас – первый заместитель начальника Главного штаба Ракетных войск стратегического назначения.

Матутите Кристина Павловна – кандидат философских наук, докторант Института философии РАН, руководитель рекламной группы газеты «Элитный персонал». Сфера интересов – философская антропология.

Назарчук Александр Викторович – доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Окончил философский факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, затем аспирантуру и докторантуру того же факультета. В 1996 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук, в 2002 г. – диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук. Автор монографии «Этика глобализирующегося общества» (2002).

Никитин Олег Святославович – старший консультант Бюро социально-экономического анализа, специалист по информационной политике.

Пертес Фолькер (Германия) – профессор, директор Германского Института международной политики и безопасности (SWP), а также председатель и директор правления SWP (с 1 октября 2005 года). В 1991–1993 гг. – доцент

Американского института в Бейруте. В 1992–2005 гг. – старший научный сотрудник SWP, руководитель исследовательской группы по Ближнему Востоку и Африке (до марта 2005 года).

Сфера научных интересов: политика Германии и Европы в сфере международных отношений и безопасности; трансатлантические отношения; Ближний Восток.

Сидоров Валерий Анатольевич – советник Российского союза промышленников и предпринимателей. Окончил Ленинградский военно-механический институт, аспирантуру Ленинградского государственного университета им. Жданова, кандидат экономических наук. Работал в ЦК КПСС, Верховном Совете СССР, аппарате Президента СССР. С 1991 по 1994 г. – директор Российского союза промышленников и предпринимателей, затем – вице-президент АФК «Система». Имеет более сотни публикаций по экономике труда, политологии и социологии.

Спирова Эльвира Маратовна – кандидат философских наук, заместитель заведующего кафедрой психологии в Московском государственном университете технологий и управления, заместитель заведующего Клиникой глубокой психологии. Автор ряда научных трудов по политической психологии и философской антропологии. Член Российского психоаналитического межрегионального общества.

Султанов Эрнест Шамилевич – кандидат юридических наук, юрист Адвокатского бюро Борисова, эксперт Межфракционного депутатского объединения «Россия и исламский мир: стратегический диалог».

Филатова Анна Олеговна – кандидат психологических наук, докторант Московского гуманитарного университета. Сфера интересов – психология чрезвычайных ситуаций, психология личности.

Ципко Александр Сергеевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН, политический обозреватель «Литературной газеты».

Окончил философский факультет (1968) и аспирантуру МГУ (1972). Работал в газете «Комсомольская правда», в отделе пропаганды ЦК ВЛКСМ, в журнале «Молодой коммунист».

С 1972 г. – старший научный сотрудник, руководитель группы, заместитель директора Института экономики мировой социалистической системы АН СССР (впоследствии – ИМЭПИ РАН). В 1978–1980 гг. – доцент Института философии и социологии Польской академии наук. В 1986–1990 гг. – консультант отдела ЦК КПСС. В 1992–1993 гг. – профессор университета г. Хоккайдо (Япония). В 1993–1995 гг. – директор научных программ Горбачев-фонда. В 1995–1996 гг. – профессор Вудро Вильсон-центра (США).

Редактор приложения к «Независимой газете» «НГ-сценарии» (1996–1998), директор центра стратегических исследований Московского фонда президентских программ (1998–1999).

Автор ряда монографий и более 100 научных статей.

OUR AUTHORS

Vladimir M. AKHMEDOV – is the Senior Researcher at the Russian Academy of Sciences Institute of Oriental Studies.

Valery S. BUYANOV – Dr. Sc. (Philosophy), Professor at the Chair of National, Federal and International Relations of the Russian Federation President Academy of Government Service (RAGS), Deputy Head of the RAGS Center of Global Studies. Scientific researches include geopolitics and global studies.

Francesco CALOGERO (Italy) – the professor of theoretical physics at the University of Rome «La Sapienza». In 1982–1992, was a member of the Governing Board of the Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). In 1989–1997, served as Secretary General of the Pugwash Conferences on Science and World Affairs, and in that capacity he accepted, on behalf of Pugwash, the 1995 Nobel Peace Prize jointly assigned to Joseph Rotblat and to Pugwash «for their efforts to diminish the part played by nuclear arms in international politics and in the longer run to eliminate such arms». In 1997–2002, served as Chairman of the Pugwash Council, of which he is now a member. He was involved in the International School On Disarmament and Research on Conflicts (ISODARCO) from its beginning in 1966 up to now.

Afrand F. DASHDAMIROV – Dr.Sc. (Philosophy), the professor at the National and Federal Relations Chair, the RF President's Russian Academy of State Service; Academician, the Azerbaijan Republic National Academy of Sciences; Academician, the International Public Academy of Pedagogical and Social Sciences. Authored some 15 books and monographs, and 200 scientific works. Recent publications include the National Idea and Ethnhood: the Azerbaijan Idea in an Ethno-Cultural Interior (M, 1996; Baku, 2001), the Ideological Problems of the Interethnic Relations (Baku, 2001).

Sphere of scientific researches includes social and philosophical, political, ethno-psychological problems of national development and interaction between nations and ethnic groups.

In 1970–1981, headed the Philosophy Chair of the Baku Higher Party School, the Department of Theoretical Problems of National Relations at the Azerbaijan SSR Academy of Sciences Institute of Philosophy and Law. In 1981–1991, was the Department Head, Secretary of the Communist Party of Azerbaijan Central Committee.

Vladimir A. DERGACHEV (Ukraine) – Dr.Sc. (Geography), Professor, expert in geopolitics, the Russian living in Odessa, Ukraine. Holds membership in the Union of Journalists of Ukraine. Graduated with distinction, completed post-graduate courses (PhD), and doctorate studies (doctor's degree) at the Moscow M.V. Lomonosov State University.

First time in the Eastern Europe, the series of interdisciplinary works and textbooks on Geopolitics, Geoeconomics and Geophilosophy aimed to form analytical thinking have been put out based upon the theory of Greater Many-Dimensional Spaces worked out by professor Dergachev.

Authored over 500 scientific and popular writings. Recently, had 16 books published, including *The Geopolitics* (Kiev: VIRAR, 2000); *The Geoeconomics* (Kiev: VIRAR, 2002); *The Civilization Geopolitics: Geophilosophy* (Kiev: VIRAR, 2004); *The Geopolitics. Textbook* (M.:UNITI-DANA, 2004).; *The Regionology* (M.: UNITI-DANA, 2004, co-authored by L.B.Vardomsky); *the International Economic Relations* (M.: UNITI-DANA, 2005); *The Globalistics* (M.: UNITI-DANA, 2005). Frequently contributed to Kiev and Moscow newspapers, such as *Izvestiya*, *Literaturnaya Gazeta*, *Economicheskaya Gazeta*, *Obschaya Gazeta*, and to Internet-editions. More detailed professor Dergachev's curricula vitae and his Big Geopolitical Dictionary see at his personal web-site <http://www.dergachev.ru>

Irina V. EGOROVA – Dr. Sc. (Philosophy), the professor, senior researcher at the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy. Graduated from the Moscow Pedagogical State University (Department of History). Interested in history of philosophy and psychology.

Anna O. FILATOVA – Cand. Sc. (Psychology), works for the doctor's degree at the Moscow Humanitarian University. Interested in psychology of extraordinary situations, psychology of personality.

Pavel S. GUREVICH – D. Sc. (Philosophy), D. Sc. (Philology), professor, Sector Head at the RAS Institute of Philosophy, Head of the Psychology Chair at the Moscow State Institute of Technologies and Management, Chief of the Deep Psychology Clinic.

Is President of the Moscow Inter-Regional Psychoanalytical Association, one of the founders and Bureau member of the Russian Psychoanalytical Association, Vice-President of the Academy of Humanitarian Studies, Full Member of the New York Academy of Sciences, of the International Informatization Academy, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences.

Fields of research include philosophical anthropology, deep psychology, philosophy of culture and modern Western philosophy. Is permanently present in the academic publications and national media, authored some high school and university textbooks, numerous monographs, including *The Philosophical Anthropology* (2001), *The Foundation of Philosophy* (2002), *The Culturology* (2003), *The Psychology* (2004).

Vagif A. Guseynov – director of the Institute of Strategic Studies and Analysis and editor-in-chief of the periodical «Analytical Messenger».

Graduate of the State University in Baku. Worked as a commentator for the Radio of Azerbaijan, as a newspaper «Molodezh Azerbajdžana» editor, a Secretary in charge of international affairs in the Youth Organization of the USSR (Komsomol), a department deputy chief in the Ministry of Foreign Affairs of the USSR. Starting from the outbreak of the war between Azerbaijan and Armenia in 1989 caused by the problem of Nagorny Karabakh till 1991 he was the Chairman of the State Security Committee (KGB) in Azerbaijan. Since 1998 he is a member of the Russian Council on Foreign and Defense Policy (SFDP).

Author of several books: «From Yeltsin to...?» (volume I–III: «The chronicle of secret struggle», «Euphoria of power», «War of discreditable materials»), «The Caspian oil (economy and geopolitics)». Co-edited the monographs on *The Iraq Crisis and Development of the New World Order* (Moscow, 2004) and *The Mediterranean – Black Sea Coast – Caspian Region: Between the Larger Europe and the Greater Middle East* (2006).

Hold membership in the editorial boards of the analytical collections on *The Strategy for Russia: 10 Years of CFDP* (2002), *Russia's Competitiveness under Globalization* (2006), *The World Around Russia: 2017. The Outlines of the Not-So-Far-Away Future* (2007).

Vasily F. LATA – Lt.-General, Dr.Sc. (Military), professor at the General Staff Military Academy, the full member of the Academy of Military Sciences. The last posting before the retirement from the actual military service – the First Deputy Chief of the Main Headquarters of the Strategic Missile Forces.

Christina P. MATOUTYTE – PhD, works for the doctor's degree at the RAS Institute of Philosophy. Holds position of Advertising Director at the *Elitny Personal* newspaper. Interested in philosophical anthropology.

Alexander V. NAZARCHUK – Doctor of Science (Philosophy). Professor of Social Philosophy Department, Faculty of philosophy, Lomonosov Moscow State University. Graduated from Faculty of philosophy of Moscow State University, then completed post-graduate study and study for Doctor degree at the same Department.

In 1996 he defended thesis for a candidate's degree in philosophy and in 2002 defended thesis for a doctor's degree in philosophy. The author of a monograph: «Ethics of a Globalising World».

Oleg S. NICKITIN – the senior consultant, the Bureau of the Socio-Economic Analysis, an expert in information policy.

Volker PERTHES (Germany) – Director of the German Institute for International and Security Affairs and Chairman and Director of the Board of SWP (since 1 October 2005) 1992–2005, Senior Research Associate at SWP, Head of Middle East and Africa Research Group up to March 2005, 1991–1993, Assistant Professor, American University of Beirut.

Areas of expertise: German and European Foreign and Security Policy; Transatlantic Relations; Middle East.

Valery A. SIDOROV – Cand. Sc. (Economics), the adviser to the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs. Graduated from the Leningrad Military Mechanical Institute, completed postgraduate course at the A.A. Zhdanov Leningrad State University. Was staff-employee at the CPSU Central Committee, the USSR Supreme Soviet, the USSR President's Staff. In 1991–1994 – Director of Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, then – Vice-President of the Systema JS Financial Corporation. Authored over a hundred publications on economics of labor, and various problems of political science and sociology.

Elvira M. SPIROVA – Ph.D, deputy head of the Psychology Chair at the Moscow State University of Technologies and Managements, deputy Chief of the Deep Psychology Clinic. Authored some scientific works on political psychology and philosophical anthropology. Holds membership in the Russian Psychoanalytical Inter-Regional Society.

Ernest Sh. SULTANOV – Cand.Sc. (Law), lawyer at the Borisov's Advocatory Bureau, an expert at the Russia and the Islamic world: Strategic Dialogue inter-fraction deputy association.

Alexander S. TSIPKO – principal research fellow in the Institute of International Economic and Political Studies (IMEPI) of the Russian Academy of sciences, political observer in the «Literaturnaya gazeta», doctor of philosophical sciences. Graduated from the philosophical faculty and the post graduate course of the Moscow University.

He worked in the newspaper «Komsomolskaya pravda», the propaganda department of the Central Committee of the Youth Organisation of the USSR (Komsomol), the journal «Molodoy kommunist». Since 1972 he was a senior research fellow, head of a subdivision, deputy director of the Institute of Economy of the World Socialist System of the Academy of sciences of the USSR (later IMEPI). In 1978–1980 worked as a senior lecturer of the Institute of Philosophy and Sociology of the Polish Academy of sciences, in 1986–1990 adviser of a department in the Central Committee of the CPSU.

In 1992–1993 he was professor in the University of Hokkaido (Japan), in 1993–1995 director of the scientific programs in the Gorbachev-fund, in 1995–1996 professor in the Woodrow Wilson Center (USA).

Editor of the supplement to the «Nezavisimaya Gazeta» newspaper «NG-scenarios» in 1996–1998, director of the Center of strategic studies in the Moscow Fund of Presidential Programs in 1998–1999.

Author of a number of books and more than 100 scientific articles.

СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В 2006 ГОДУ (ПО РАЗДЕЛАМ)

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Вагиф Гусейнов ..... №1–4

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА (Экспресс-анализ)

Политический ландшафт в год выборов

Михаил Делягин. Двухпартийность и «проблема 2008» –
факторы нестабильности ..... №1

Александр Ципко. Еще раз о «левой ноге» партии власти ..... №1

О политической ситуации накануне выборов

Дмитрий Орешкин. Двое больших и трое маленьких ..... №3

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Дмитрий Медведев. Национальные проекты: от стабилизации к развитию ..... №2

ПОЛИТИКА

Эберхард Шнайдер (Германия). Преемник Путина. Взгляд со стороны ..... №1

Павел Холоден. Региональные выборы

как подготовка к общенациональным выборам ..... №1

Геннадий Марченко. Политика как театр. Театрократический подход
в политическом консультировании ..... №1

«500 слов». Зарубежные корреспонденты о своей жизни и работе в России

Раид Джабер (Иордания) ..... №2

Андраш Немеет (Венгрия) ..... №2

Малкольм Грэй (Канада) ..... №2

Фред Вир (Канада) ..... №3

Юрий Зарахович (США) ..... №3

Ян Чжэн (Китай) ..... №4

Дженк Башламыш (Турция) ..... №4

Димитрис Лиатсос (Греция) ..... №4

Олег Никитин. Необходимое предисловие к рубрике ..... №2

Олег Никитин. Коротко о рубрике ..... №3–4

Алексей Арбатов. Заметки на полях стенограммы ..... №2

Александр Ципко. Лики молодежного патриотизма ..... №2

Расим Агаев (Азербайджан). Самоопределение без сепаратизма –
возможно ли это? ..... №2

Дэвид Саттер (США). Три вопроса о России ..... №3

Павел Гуревич. По обе стороны добра и зла.

Коллективное бессознательное и политические процессы ..... №3

Анатолий Нелюбин. Социальное государство в России:

сущность и пути формирования ..... №3

Валерий Сидоров. Под ярмом «оккупируемых» ..... №3

Валерий Сидоров. Суверенная демократии, суверенная экономика,
суверенная цивилизация ..... №4

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тома Гомар (Франция). Российский вектор политики Парижа:

преодолеть статус-кво ..... №1

Беатрис Хойзер (Германия). Культурная революция в подавлении повстанчества ..... №1

Инна Шумилина. «Новый курс» США в Ираке:

старые цели в новой PR-упаковке ..... №1

Максим Братерский. Иранский ядерный кризис

достанется в наследство следующей администрации США ..... №1

Ван Синь (Китай). Влияние Плана демократизации Большого Ближнего Востока

на безопасность КНР ..... №2

Сергей Демиденко. Появится ли на Ближнем Востоке курдское государство? ..... №2

Эрнест Султанов. Новые персидские войны	№2
Анатолий Цыганок. Израильская стратегия в войне против «Хизбаллах» в летней кампании 2006 года	№2
Сабина Ридель (Германия). Мусульмане в Европе. Концепции интеграции	№2
Эберхард Шнайдер (Германия). Будущее конституции Европейского союза	№3
Сами Андаура (Бельгия). О новом соглашении между Россией и ЕС	№3
Джаянта Дханапала (Шри-Ланка). Противодействие распространению оружия массового уничтожения и роль Совета безопасности ООН	№3
Расим Агаев (Азербайджан). Иран. Национальный фактор	№3
Валерий Буянов. Международный имидж России: прошлое и настоящее	№4
Вагиф Гусейнов. Россия – Великобритания: трудный путь сотрудничества	№4
Владимир Ахмедов. Армия и этно-религиозные конфликты на Ближнем Востоке ..	№4
Фолькер Пертес (Германия). Повышать готовность к диалогу: ограниченные шансы мирового сообщества повлиять на взаимоотношения сторон в четырехугольнике Израиль – Палестина – Ливан – Сирия	№4
Франческо Калоджеро (Италия). Угроза ядерного терроризма	№4
Выборы за рубежом	
Эрнест Султанов. Парламентские выборы в Турции: референдум исламской модели	№4
ТЕМА НОМЕРА	
Чрезвычайная ситуация и общественное сознание	№2
Павел Гуревич. Небо дурных предвестий	
Метаморфозы власти	№4
Кристина Матутите. Мифы наших дней	
Ирина Егорова. Архетип вождя и героя	
Анна Филатова. Политическая патопсихология	
Павел Гуревич. Дегустация власти	
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	
Олег Бельков. Военная организация.	
<i>Нелинвистические рассуждения о языке военной политики</i>	№2
Василий Белозеров. Коалиционная политика России на пути к прагматизму	№2
Анатолий Цыганок. Российская экспертиза израильско-ливанской войны 2006 года ..	№3
Алексей Мальцев, Дмитрий Мануильский. Утилизация атомных подводных лодок: опыт и перспективы российско-британского сотрудничества	№3
Василий Лата. Геополитические аспекты строительства Стратегических ядерных сил России	№4
В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	
Сергей Кортунов. Глобализация и национальная идентичность	№1
Александр Дугин. Постгуманизм. Человек в мире постмодерна	№1
Леонид Слуцкий. Стратегия прорыва. Российские транснациональные корпорации – «тигры» мировой экономики	№2
Владимир Дергачев (Украина). Демократическая «петля Анаконды»: новые рубежи евразийской политики	№3
Александр Свечников. Перспективы процесса экологизации международных отношений и политики	№3
Александр Назарчук. Социальные сети и трансформация политического порядка ...	№4
ГЕОПОЛИТИКА	
Евгений Вертлиб (Германия). Геостратегический контекст проблематики национальной безопасности России и стабильности Центрально-азиатского региона (Окончание)	№1
Владимир Дергачев (Украина). Трансформация технологий новейшей геополитики ...	№1
СНГ	
Рой Медведев. Казахстанская экономика в разных измерениях	№3
Владимир Дергачев (Украина). Кризис украинской государственности	№4
Александр Ципко. Независимая Украина как русская проблема	№4

СМИ

Дмитрий Мартынов, Александр Оськин. Проблемы российской региональной прессы . . .№3

ЭКОНОМИКА

Николай Михайлов. Системный форсайт и стратегическое планирование развития . . .№1

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Россия и безопасность. Обзорно-аналитический материал . . . . .№2

Черноморское сотрудничество: на пути к партнерству XXI века . . . . .№3

Информационный блок . . . . .№3

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

1. Есть ли будущее у СНГ? . . . . .№1

2.Каким быть отечественному образованию? . . . . .№1

РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЙ СЕМИНАР

«Угроза безопасности для Европы?»

Сокращенная стенограмма основных докладов . . . . .№4

ПУБЛИКАЦИИ

Расим Агаев (Азербайджан). Тайна «черного сада» . . . . .№1

Невыученные уроки

Афранд Дашдамиров. Карабахский конфликт в контексте перестройки
(Продолжение) . . . . .№2

Афранд Дашдамиров. Карабахский конфликт в контексте перестройки.
Третья сторона конфликта. (Продолжение) . . . . .№3

Афранд Дашдамиров. Карабахский конфликт в контексте перестройки.
Третья сторона конфликта. (Продолжение) . . . . .№4

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Эльвира Спинова. Глобализация как постидеология. О новой книге Збигнева Бжезинского
«Выбор: мировое господство или глобальное лидерство» . . . . .№1

Эльвира Спинова. Психопатология социальной жизни.
О книге Ш.Абдурашитова «Особенности национального кретинизма» . . . . .№2

Эльвира Спинова. Политика как социальный протез.
О книге Жана Бодрийяра «Прозрачность зла» . . . . .№3

Юрий Поройков. Жизнь напролет.
О книге Г. Бочарова «Закат солнца вручную» . . . . .№2

Эльвира Спинова. Новые приключения «Левиафана».
О книге Фрэнсиса Фукуямы «Сильное государство» . . . . .№4

Управление и мировой порядок в XXI веке» . . . . .№4

Новые книги, которые вас могут заинтересовать . . . . .№1—4

ITEMS PUBLISHED IN THE VESTNIK ANALITIKI BULLETIN IN 2007

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov ..... №1–4

PRESSING TOPIC (Express-analysis)

Political scenery in the year of elections

Mikhail Delyagin. Bipartisanship and the problem-2008: the factors of instability ... №1

Alexander Tsipko. Few more words on the government party's «left leg» ..... №1

About political situation before parliamentary elections

Dmitry Oreshkin. Two big ones and three small ones ..... №3

PRESSING TOPIC

Dmitry Medvedev. National projects: from stabilization to development ..... №2

POLITICS

«500 words». *Foreign correspondents about Russia and the modern world*

Raed Jaber (Jordan) ..... №2

Malcolm Crey (Canada) ..... №2

Fred Weir (Canada) ..... №3

Dimitrios Lyatsos (Greece) ..... №4

Yury Zakharovich (USA) ..... №3

Andrash Nemet (Hungary) ..... №2

Jenk Bashlamysh (Turkey) ..... №4

Yan Chan (China) ..... №4

Oleg Nikitin. The rubric's necessary preface ..... №2

Oleg Nickitin. About rubric in brief ..... №3–4

Eberhard Schneider (Germany). Putin's successor. Foreign view ..... №1

Pavel Kholodyon. The regional elections as a preparation to federal ones ..... №1

Gennady Marchenko. Politics as theatre.

The theatrecratic approach in political consulting ..... №1

Alexey Arbatov. Notes on the records' margins ..... №2

Alexander Tsipko. The images of youth patriotism ..... №2

Rasim Agayev (Azerbaijan). Self-determination without separatism: is it possible? .. №2

David Satter (USA). Three questions on Russia ..... №3

Pavel Gurevich. On both sides of good and evil.

Collective unconscious and the political processes ..... №3

Anatoly Nelyubin. The social state in Russia: the essence and ways of forming ..... №3

Valery Sidorov. Under the yoke of «being occupied» ..... №3

Valery Sidorov. The sovereign democracy, the sovereign economy,

the sovereign civilization ..... №4

FOREIGN AFFAIRS

Thomas Gomart (France). The Russian vector of the policy followed by Paris:

To overcome the status quo ..... №1

Beatrice Heuser (Germany). The cultural revolution in counterinsurgency ..... №1

Inna Shumilina. The U.S. «new deal» in Iraq: the old objectives in new pr-wrapping .. №1

Maxim Bratersky. The Iranian nuclear crisis:

the inheritance-to-be for the next U.S. Administration ..... №1

Wang Xin (China). The plan's of democratization of the Greater Middle East impact

on the security of the peoples Republic of China ..... №2

Sergey Demidenko. Will there be a Kurdish state in the Middle East? ..... №2

Ernest Sultanov. The new Persian wars ..... №2

Anatoly Tsyganok. The strategy Israel used to combat the Hezbollah

in the Summer 2006 campaign ..... №2

Sabina Riedel (Germany). Moslems in the European Union.

National concepts of integration in comparison ..... №2

Eberhard Schneider (Germany). The future of the European Union constitution	№3
Sami Andoura (Belgium). Towards a new agreement between Russia and the European Union	№3
Jayantha Dhanapala (Sri-Lanka). Counteracting the proliferation and the role of the UN security Council	№3
Rasim Agayev (Azerbaijan). Iran: the national factor	№3
Valery Buyanov. Russia's international image: the past and the present	№4
Vagif Guseynov. Russian Federation – United Kingdom: the hard route of cooperation	№4
Vladimir Akhmedov. The army and ethno-religious conflicts in the Middle East	№4
Volker Perthes (Germany). Enhancing readiness for dialogue: the world community has limited chances to affect the inter-relations within the Israel – Palestine – Lebanon – Syria quadrangle	№4
Francesco Calogero (Italy). The threat of nuclear terrorism	№4

Elections abroad

Ernest Sultanov. Elections in Turkey: the referendum on the islamic model	№4
---	----

THE ISSUE'S MAIN TOPIC

Extraordinary situation and public consciousness

Pavel Gurevich. The sky of bad presages	№2
---	----

Metamorphoses of authority

Christina Matoutyte. The myths of our days	№4
Irina Yegorova. Archetype of the leader and hero. №4	
Anna Filatova. Political pathopsychology. №4	
Pavel Gurevich. The authorities-tasting. №4	

NATIONAL SECURITY

Oleg Bel'kov. The military organization. (No-linguistic discourse on the language of military policy)	№2
Vasily Belozorov. Russia's coalition policy heading to pragmatism	№2
Anatoly Tsyganok. The Israeli-Lebanese 2006 war examined by a Russian analyst . . .	№3
Alexey Maltzev, Dmitry Manuilsky. NS utilization in the Russian North-East: Russian-British cooperation experience and prospects	№3
Vasily Lata. Geopolitical aspects of building-up Russia's strategic nuclear forces . . .	№4

IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Sergey Kortunov. Globalization and national identity	№1
Alexander Dugin. Posthumanism. The man in the world of Postmodern	№1
Leonid Slutsky. The strategy of break-through. The Russian transnational corporations as «tigers» of world economy	№2
Vladimir Dergachev (Ukraine). The «anaconda noose» of democracy: new boundaries of the Eurasian geopolitics	№3
Alexander Svechnikov. The prospects of ecologizing the international relations and politics	№3
Alexander Nazarchuk. The social networks and transformation of political system . .	№4

CIS

Roy Medvedev. Kazakhstan economy's various dimensions	№3
Vladimir Dergachev (Ukraine). Crisis of the Ukrainian statehood	№4
Alexander Tsipko. The independent Ukraine as a Russian problem	№4

GEOPOLITICS

Eugenie Vertlib (Germany). Geostrategical context of the problems of Russia's national security and the Central Asia regional stability (<i>conclusion</i>)	№1
Vladimir Dergachev (Ukraine). Technologies transformation in the newest geopolitics . .	№1

MASS MEDIA

Dmitry Martynov, Alexey Os'kin. Problems of the Russian regional press	№3
--	----

ECONOMICS

Nikolay Mikhailov. Systems foresight and strategic planning of development	№1
--	----

INTERNATIONAL SCIENTIFIC TRAINING CONFERENCE

Russia and security. Report on a scientific training conference	№2
«The Black sea cooperation: towards the partnership of the 21st century»	№3
The information block	№3

ROUND TABLE

15 years of the CIS: status and perspectives	№1
National education: what it should be like?	№1

THE RUSSIAN-GERMAN SEMINAR

«Threat of safety for the Europe?». <i>The reduced stenogram of the basic reports</i>	№4
---	----

PUBLICATIONS

Rasim Agayev (Azerbaijan). The secret of the 'black garden'	№1
---	----

Unlearned lessons

Afrand Dashdamirov. The Karabakh conflict in the context of perestroika. (<i>Chronicle of the events in 1988. Continuation</i>)	№2
Afrand Dashdamirov. The Karabakh conflict in the context of perestroika. The third party in the conflict (<i>Continuation</i>)	№3
Afrand Dashdamirov. The Karabakh conflict in the context of perestroika. The third party in the conflict (<i>Continuation</i>)	№4

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

Elvira Spirova. Globalization as post-ideology. On «Concerning The Choice. Global Domination or Global Leadership?» by Zbigniew Brzezinski	№1
Yury Poroikov. All life through. On G. Bocharov's book <i>The Manual Sun-Setting</i>	№2
Elvira Spirova. Psychopathology of the social life. On SH.R.Abdurashitov, <i>The Specifics of National Cretinism. Septateuch of Critical Essays and Sketches</i>	№2
Elvira Spirova. Politics as the social prosthesis. On Jean Baudrillard. <i>The Transparency of the Evil</i>	№3
Elvira Spirova. The leviathan's new adventures. On Fukuyama, Francis. <i>The Strong State. Management and the World Order In the 21st Century.</i>	№4

Books that Might Be of Interest	№1-4
---------------------------------------	------

Институт стратегических оценок и анализа
Бюро социально-экономической информации

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 4(30)

*Перевод с английского Владимира Мисюченко
Перевод с немецкого Елены Савкиной*

Корректura *Е. Миклашук*
Верстка *Л. Листвина*

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года

Адрес редакции:

109004 Москва, ул. Б. Коммунистическая, д. 40/14, стр. 1

Телефоны: (495) 911-97-78, (495) 912-39-88

Факс: (495) 911-92-77

www.isoa.ru

E-mail: issa@umail.ru

info@isoa.ru

Тираж 1200 экз. Цена свободная

Подписано в печать 12.11.07 г. Формат 60×90/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,25. Заказ № 472.

Отпечатано в ФГУП «Издательство и типография газеты «Красная звезда».

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ ИЗДАНИЯ

в Объединенном каталоге

«Пресса России» – 44351, 44339.

Электронный адрес подписки в Интернете:

www.presscafe.ru

ПОДПИСКА НА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» ЗА РУБЕЖОМ:

через ЗАО «МК-Периодика» или фирмы-партнеры.

тел. +7 495 681-91-37, 681-97-63;

факс +7 495 681-37-98.

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

SUBSCRIPTION TO *VESTNIK ANALITIKI* ABROAD

Via MK-Periodika or its partners:

Tel.: +7 495 681-91-37, 681-97-63;

fax: +7 495 681-37-98

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

ПОДПИСАТЬСЯ И ПРИОБРЕСТИ ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» МОЖНО В РЕДАКЦИИ.
Телефон: 912 39 88, 911 97 78, электронная почта: issa@umail.ru

Стоимость одного номера журнала в редакции (без доставки) – 100 рублей,
для пенсионеров и студентов – скидка 50 %.

Квитанция для оплаты в Сбербанке

Извещение	Форма № ПД-4
	ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа» (наименование получателя платежа)
Кассир	ИНН 7718163808 (ИНН получателя платежа)
	№ р/с 40702810900000080011 (номер счета получателя платежа)
	в АКБ «Росевробанк» г. Москва (наименование банка и банковские реквизиты)
	к/с № 30101810800000000777 в отделении
	2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777
	Подписка на журнал "Вестник аналитики" (период подписки, номер журнала)
	Дата _____ Сумма платежа _____ Руб. _____ коп. _____
	Платательщик _____
	_____
	(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)
Квитанция	ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа» (наименование получателя платежа)
	ИНН 7718163808 (ИНН получателя платежа)
	№ р/с 40702810900000080011 (номер счета получателя платежа)
	в АКБ «Росевробанк» г. Москва (наименование банка и банковские реквизиты)
	к/с № 30101810800000000777 в отделении
	2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777
	Подписка на журнал "Вестник аналитики" (период подписки, номер журнала)
	Дата _____ Сумма платежа _____ руб. _____ коп. _____
	Платательщик _____
	_____
Кассир	(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)